

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 4/2019

«Большая тройка»
и обновление мироустройства

Вьетнам в региональных
стратегиях США

Предпринимательство
в Южной Корее

Коллективная валюта
для стран БРИКС

Чжоу Эньлай в историографии
Россия и Китай

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/2019

Июль — Август

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., А.С. Давыдов, к.и.н.
(зам. главного редактора), В.Г. Дацышен, д.и.н., проф.,
А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф., А.Н. Карнеев,
к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина, д.полит.н.,
А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин, д.и.н., проф.,
В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева (ответственный
секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик
РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., Н.А. Самойлов, д.и.н.,
С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Анган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
В.В. Кузьминков
зав. отделом Японии
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии

Содержание

ПОЛИТИКА

- А.С. Давыдов.* КНР, США и Россия на путях к обновлению мироустройства.....4
А.В. Цвык, И.В. Сорокина. Политика КНР в странах Центральной и Восточной Европы 18
М.А. Терских. Подходы Вьетнама к «Индо-Тихоокеанским стратегиям»..... 32

ЭКОНОМИКА

- Я.В. Дёмина.* Страны Восточной Азии: конкурентная девальвация и формирование золотовалютных резервов.....37
О.М. Карпова, И.А. Майбуров. Электронная таможня в России и в Китае.....47
С.Г. Ше. О некоторых элементах организации предпринимательской деятельности в Южной Корее.....56
В.Д. Андрианов. Сингапурский банк развития как инструмент формирования новой индустриальной экономики.....67

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- С.В. Кривохиж.* Соотношение категорий «суверенитет» и «права человека»: позиция Пекина.....77
Н.А. Стука, Т.Х. Ткаченко. «Китай вызывает потрясения в западном мире...».....85

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- М.В. Жариков.* К вопросу об эффективности гипотетической коллективной валюты для стран БРИКС93

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- Сонг Бьонг Джик.* Новые перспективы экономического сотрудничества Республики Корея и Российской Федерации на Дальнем Востоке.....104

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ

- А.И. Картунова.* Из воспоминаний 111

ИСТОРИЯ

- А.В. Панцов.* Чжан Тайлэй и распространение большевизма в Китае125

ОБРАЗОВАНИЕ

- Т.Л. Гурулева.* Стратегические рубежи развития системы образования КНР в XXI веке145

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>С.Н. Погодин, Ли Цзинчэн. Освещение деятельности Чжоу Эньлая в российской и китайской историографии</i>	154
<i>Н.Ю. Демидо. Ежегодная научная конференция ЦПИП ИДВ РАН «70 лет современному китайскому государству»</i>	163
<i>А.В. Виноградов. Конференция в Нанькайском университете «Российское китаеведение: традиции и современность» и первое заседание рабочей группы по переводу на китайский язык и изучению десятитомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века»</i>	171

РЕЦЕНЗИИ

<i>Е.И. Сафронова. Российско-китайский диалог и «Большое евразийское партнерство»: новая идеология отношений?</i>	174
---	-----

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

<i>К юбилею Виктора Николаевича Барышникова</i>	179
<i>Юбилей Елены Степановны Баженовой</i>	181
<i>Юбилей Вячеслава Ивановича Балакина</i>	182
<i>Сергею Леонидовичу Сазонову — 60 лет</i>	184
<i>Contents</i>	186
<i>Summary</i>	188

КНР, США и Россия на путях к обновлению мироустройства

© 2019

А.С. Давыдов

В статье содержится характеристика стран т.н. большой тройки, текущих взаимоотношений между ними. Исходя из имеющихся у них взглядов на особенности существующего и грядущего мироустройства, предпринята попытка прогноза места и роли трех стран в обновляющемся мировом порядке. Даются рекомендации по их оптимизации и выстраиванию гармоничных отношений, способствующих установлению прочного и долговременного мира.

Ключевые слова: КНР, США, Россия, «большая тройка», мироустройство, обновление, парадигма конфликтности, управление соперничеством.

DOI: 10.31857/S013128120006091-1

В последнее время взаимоотношения КНР, США и России — стран, входящих в т.н. большой треугольник, или «большую тройку», привлекают пристальное внимание не только специалистов-политологов, но и широких кругов международной общественности. Это происходит по целому ряду причин.

Прежде всего потому, что они составляют «трио» крупных мировых держав, каждая из которых обладает объективными и уникальными отличиями от других стран мира: США — самым современным экономическим и научно-технологическим потенциалом, Китай — невиданными демографическими ресурсами, а Россия — наибольшей территорией и обширными запасами полезных ископаемых. В силу этих и иных особых свойств указанные страны претендуют на ведущую глобальную роль, в стремлении играть которую каждая из них старается опираться на присущие исключительно ей собственные подходы и идейные ценности.

Так, США делают ставку на принципы рыночной экономики и демократии, прикрываясь которыми зачастую вмешиваются во внутренние дела других государств, вынуждая их к подчинению и насаждая там порядки, отвечающие американским интересам.

Китай, расширяя ныне повсеместное проникновение в развивающиеся и развитые страны на разных континентах, ратует за создание планетарного «сообщества единой судьбы» на основе укрепления, в первую очередь, торгово-экономических связей.

Россия, отказавшись от старой советской идеологии социализма и коммунизма, все же сохранила отчасти патерналистские подходы к выстраиванию отношений с некоторыми своими партнерами, хотя старается подходить к этому дифференцированно.

Крах просуществовавшей более четырех десятилетий биполярной системы, одной из глубинных причин которого можно, несомненно, считать грянувший в 1960-е годы советско-китайский раскол, сделал особо актуальным **вопрос об обновлении мирового порядка, вплоть до формирования новой системы мироустройства.**

С начала 1990-х годов этот процесс растянулся во времени и преодолел несколько этапов: с установления монополярности, когда США как победитель в холодной войне пытались диктовать свою волю и условия существования остальному миру, вплоть до нынешних усилий Китая и России по подрыву американской монополии на мировую гегемонию и выдвижению альтернативных планов глобального развития.

В этих обстоятельствах США, еще десятилетие назад грезившие гарантированной надеждой на мировое лидерство и доминирование, начали пересмотр прежней позиции, отход от глобализационных тенденций, формирование которых совсем недавно инициировали и активно в них участвовали, и замену их «экономическим национализмом», что в итоге привело к возникновению пресловутой «торговой войны» с Китаем, обозначившей по существу начало схватки за изменение существующего мироустройства.

Таким образом, **все три ведущие мировые державы, так или иначе, высказались за отказ от былой архаичной архитектоники и за ее обновление.** хотя у каждой имеется собственное представление о том, какой ей надлежит быть.

Нынешний 2019 год является для трех указанных стран **юбилейным и, в определенном смысле, итоговым.** Для Китая — это год 70-летия КНР, 40-летия установления дипломатических отношений с США и, фактически, полувековая годовщина с начала обоюдной инициации американо-китайского сближения, возникшей с приходом в 1969 г. в Белый дом Ричарда Никсона.

Для России он знаменует не только 70-летие установления дипотношений с Китайской Народной Республикой¹, но и 50-летие кровавых событий на острове Даманский, обозначивших кульминацию советско-китайского конфликта и нагнетания в отношениях двух стран пиковой враждебности, грозившей перерасти в широкомасштабную войну между ними.

Для самих США приход полвека назад Р. Никсона во власть связан как с нормализацией отношений с КНР, так и одновременно с началом вызревания американо-советской разрядки.

Считать 2019 год итоговым Китаю, США и России позволяет произошедшее в трех странах **избавление от иллюзий.** Китаю пришлось осознать, что его геополитическое и технологическое возвышение, в отличие от экономического, воспринятого Соединёнными Штатами относительно спокойно и сдержанно, вызывает у них ярое неприятие и может иметь самые негативные последствия не только для китайско-американских отношений, но для глобальной ситуации в целом.

США внутренне прониклись пониманием того, что их шансы на сохранение и консервацию однополярного мира вовсе не так велики и бесспорны, как им казалось еще десять лет назад. Поэтому необходимо обновление не только тактики, но и стратегии.

А у российской политэлиты, хотя не у всей, начала разрушаться, наконец, иллюзия веры в то, что «с Китаем у нас единый путь и общие цели, и стоит лишь соединиться с ним союзными узлами или, на худой конец, еще больше упрочить партнерские связи — и нам ничто не страшно», поскольку такое взаимодействие принесет якобы «скорые и обильные плоды».

На самом деле недавние события в наших двусторонних отношениях, включая последний визит Си Цзиньпина в Россию, дали ясно понять, несмотря на обилие пропагандистских восторгов в СМИ, как много усилий еще предстоит приложить обоим госу-

дарствам, чтобы их нынешнее сближение оказалось не конъюнктурным, а действенным и плодотворным.

2019 год практически становится также отправной точкой на пути каждой из трех стран к достижению намеченных их руководством целей. Вспомним, что Д.Трампи еще в ходе избирательной кампании пообещал вернуть Америке былое величие («to make America great again»). Председатель Си неоднократно говорил о надеждах, связанных с реализацией к середине XXI века «мечты о великом возрождении китайской нации» и обещал миру обеспечить «глобальное лидерство с китайской спецификой». На памяти у всех и высказывания В. Путина о стремлении России добиться статуса великой державы, которым в свое время обладал Советский Союз.

Цели эти весьма амбициозны, никак не стыкуются между собой, но вполне соответствуют притязаниям этих трех государств, которые очевидны, обоснованы и подкрепляются ранее накопленным ими «багажом». Так, Америка после окончания Второй мировой войны неизменно выступает в роли одного из постоянных мировых лидеров, сначала — в биполярном мире, а после его краха — на глобальном уровне.

Устремления Пекина органично подпираются издревле исповедуемым ханьской цивилизацией принципом «китаецентризма», согласно которому Китаю предназначено располагаться в центре мироздания и, «находясь в окружении варваров, постоянно сталкивать их друг с другом» для облегчения собственного выживания и последующего возвышения.

А России как самой крупной стране в мире, к тому же обладающей сопоставимым с США ядерным арсеналом, негоже, будучи правопреемницей СССР, довольствоваться положением всего лишь межрегиональной державы.

Понятно, однако, что великодержавные амбиции должны предполагать не только былые заслуги, но и соответствие определенным критериям. Как известно, для достижения сверхдержавного статуса любому государству необходимо обладать превосходством или, по крайней мере, паритетом с остальными претендентами на него в большинстве из следующих четырех сфер: экономике, современной науке и технологиях, военной мощи, геостратегическом положении и влиянии.

На данный момент указанным критериям 100-процентно отвечают только США. КНР сопоставима с ними по экономическим и отчасти технологическим параметрам. Москва пока составляет конкуренцию Вашингтону лишь в военной области.

Китай имеет высокий глобальный экономический рейтинг, обеспеченный в свое время за счет исполнения роли «мировой фабрики» с дешевой рабочей силой в обмен на получение современных западных технологий и широкого доступа к торгово-экономическим льготам, предоставляемым ВТО развивающимся странам.

Россия, изначально поверившая при Ельцине в равноправное партнерство с Западом и оказавшаяся в итоге в ситуации тотального подчинения ему и практически в шаге от потери суверенитета, начала собственное восстановление при Путине с пересмотра «партерских ориентиров» и воссоздания утраченной военной силы, в чем заметно преуспела.

Однако превзойти Америку по комплексным показателям ни КНР, ни России еще не удалось. Главным объединителем их усилий на путях к «мировой вершине» остается согласие относительно многополярности как единственной приемлемой, в их понимании, структуры будущей глобальной архитектоники. Однако видение ведущих к ней путей у них не во всем совпадает.

Китай, занявший в мировой экономике передовые позиции и решительно отрицающий при этом собственное стремление к гегемонизму, на деле демонстрирует непреодолимое желание утвердиться из региональной в статусе глобальной державы с последующим превращением в супердержаву. На это прямо и косвенно указывают его планы, сформулированные во многих китайских государственных и партийных документах.

Проводимая КНР на протяжении последних десятилетий торгово-экономическая политика в итоге дала стране реальную возможность не просто догнать более развитые экономически страны Запада, но войти в число мировых лидеров в сферах технологий и производства. СМИ западных стран все чаще говорят о том, что США и Европа отстают в освоении технологий. «Робототехника, системы на основе искусственного интеллекта, автоматизированное обучение, квантовые вычисления или интеллектуальная мобильность — все это происходит в Китае, а не в США»².

Известно, что китайские суперкомпьютеры — одни из самых быстрых в мире, крупнейший радиотелескоп находится в Китае, и, наконец, КНР намерена доминировать в следующем поколении информационных технологий, куда входят сети 5G.

При этом США и Китай не только конкуренты и соперники, но и взаимозависимые партнеры. США зависят от Китая в ряде ключевых областей, начиная от дешевых потребительских товаров и кончая кредитными обязательствами перед ним на сумму свыше 1 трлн долл. Китай в свою очередь зависит от сохранения способности потребителей в США эти китайские товары покупать, а также от современных американских технологий в некоторых ключевых областях.

Для достижения намеченных целей КНР, помимо экономических, предпринимает целенаправленные шаги в политической, военной, социальной, демографической и ряде других важнейших сфер. Как было указано в докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК, одной из них является достижение к середине нынешнего столетия «мирового лидерства в области всесторонней национальной мощи и международного влияния».

В этом направлении Китай осуществляет действенные меры: наряду с военной реформой, упорядочением боевой и организационной структуры НОАК, оснащением ее новыми видами вооружений активизируется ее участие в различных региональных и международных миссиях. Происходит укрепление военно-стратегических позиций КНР в прилегающих морских акваториях и в АТР в целом. Реализация Китаем концепции «полюса и путей» при определенных условиях может способствовать не только усилению его торгово-экономического, но и стратегического воздействия на глобальном уровне.

Еще недавно закрытая для внешнего мира и находившаяся по существу в самоизоляции страна за два последних десятилетия резко активизировала и расширила свои международные связи, укрепив с помощью торговли и инвестиций влияние и авторитет практически во всех регионах мира. Особый «китайский подход» к развивающимся странам зачастую заставляет последние поверить в то, что только Пекин способен адекватно воспринимать имеющиеся у них проблемы и трудности и предоставлять эффективную поддержку и помощь. Примечательно, что согласно имеющимся данным, в период с 2000 по 2017 г. экспорт китайских капиталов в виде прямых инвестиций, включая развивающийся мир, увеличился в 53,3 раза, а экспорт товаров всего лишь втрое³.

Тем не менее, силы и ресурсы КНР для укрепления ее геостратегических позиций уступают пока тем возможностям и средствам, которыми располагают для таких же целей США, не говоря уже о сравнении военно-стратегических потенциалов двух стран. Даже с учетом ракетно-ядерного компонента, масштабы которого Пекин активно наращивает, тщательно скрывая от других, но который все еще уступает американскому, преимущества США перед Китаем в боевой мощи на сегодняшний день пока сохраняются.

Думается, КНР отдает себе в этом отчет и воздержится от необдуманных действий. К тому же, хотя соперничество США и Китая уже выходит за рамки чисто экономического, оно еще не достигло, на мой взгляд, стадии, когда война становится единственным аргументом и способом разрешения спора. В то же время еще недавняя нелепость такой войны категорически отрицается в докладе авторитетного аналитического центра «Рэнд корпорейшн», опубликованном летом 2016 г.⁴

Результаты продолжающегося соперничества двух стран в экономике, торговле, высоких технологиях и военно-стратегической сфере определяют в конечном итоге,

сохранит ли Америка в них лидирующие позиции или будет оттеснена с первого места энергичной, бурно развивающейся, устремленной вперед, хваткой и напористой «желтой машиной».

У России, в отличие от американо-китайского противостояния, оцениваемого как «регулируемое», «биполярность» с Америкой ведущими отечественными экспертами-политологами признается «нерегулируемой»⁵. С этим, однако, можно поспорить.

Отношения России с США обострились до крайности не сразу. Их деградация шла постепенно на протяжении десяти с лишним лет. Аплодируя глобализации и декларируя в начале 1990-х годов присоединение к этому процессу, тогдашнее российское руководство старалось не замечать или упускало из виду, что одновременно его оборотной стороной являлись повсеместное насаждение и распространение пресловутых американских шаблонов и идеологических ценностей, наше неизбежное подстраивание под них, усиление зависимости от Америки и подчинения ей.

Первые признаки недовольства России миропорядком, установленным Западом после распада СССР, и отведенным ей местом в нем проявились еще во время президентства Б. Ельцина в действиях премьера Е. Примакова. Его знаменитый «разворот» над Атлантикой, а также бросок российских десантников на Приштину свидетельствовали, что молча и безоглядно глотать любую «западную наживку» мы не станем.

Резкой отповедью западному диктату прозвучала 10 февраля 2007 г. речь В. Путина в Мюнхене, которая, правда, лишь усугубила ситуацию и усилила негативное восприятие России и фигуры ее лидера в западном сообществе. Но к тому времени Россией совместно с дружественными ей странами уже были предприняты первоначальные шаги по формированию структур (ШОС, БРИКС, РИК, ЕАЭС и др.), предназначенных составить основу многополярного каркаса грядущего мироустройства, альтернативного западной однополярности. Все это осуществлялось ею практически параллельно с кампанией «поворота на восток» под лозунгом: «Поймаем восточный ветер в свои паруса!».

Итогом дальнейших действий России, главным из которых стало присоединение Крыма, явилось ее исключение из «восьмерки» в марте 2014 г. Оно ознаменовало начало реального кризиса в ее отношениях с Западом, который по мере усугубления стал приобретать тотальный характер. Этот системный кризис, который развернулся на фоне ряда серьезных внутренних распрей в западном сообществе, еще более ожесточился с приходом к власти в США администрации Дональда Трампа.

К середине лета 2018 г. российско-американские отношения сошли до уровня «хуже некуда». Многие сравнивали их с Карибским кризисом, «новой холодной войной». Об этом, в частности, заявлял Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш⁶. Глава МИД РФ С. Лавров был еще более категоричен, утверждая, что ситуация гораздо критичнее, чем в те далекие времена, поскольку «тогда действовали каналы коммуникации, а сегодня они отсутствуют»⁷.

Первая «коммуникация» состоялась 16 июля 2018 г., когда в Хельсинки прошли переговоры В. Путина и Д. Трампа, оценки которых разнились от сдержанного пессимизма до робкого оптимизма в российской среде и от параноидальной шпиономании до обвинений в «предательстве национальных интересов», прозвучавших из уст определенной части американского истеблишмента. Вторая была недавно во время встречи «двадцатки» в Осаке.

Почему результатом полутора десятилетий движения России навстречу Западу и ее усилий сделать отношения с ним более тесными и доверительными стали ее фактическая изоляция и обструкция с его стороны?

В разгар холодной войны в 1980-е годы президент Рейган нарек Советский Союз «империей зла». Звучало обидно и оскорбительно, по даже в том негативном «клейме» слух советского человека ласкало слово «империя», означавшее, что мы

были все-таки не одни, а окружены некой когортой союзников, на худой конец — спутников.

Сегодняшняя Россия — давно не империя, а коллективные скоординированные усилия Запада уже минимум пять—шесть лет направлены на «заталкивание» ее в компанию т.н. стран-изгоев, включающую Северную Корею, Ирак, Ливию, Сирию и им подобных.

Фактом остается и то, что на фоне презентованных президентом Путиным новых видов наших сверхсовременных и совершенных вооружений, которыми якобы обладает теперь Россия, и рекламировавшихся мощных технологических прорывов в военной сфере мы ощущаем себя более одиночными в мире по сравнению с прежними временами. Появился даже термин «стратегическое одиночество», к которому некоторые авторитетные российские политологи, относятся скорее благосклонно, чем негативно⁸.

«Мы должны стать экономически сильнее, и тогда к нам тоже потянутся. А сейчас кто тянется? Тех, кто приходит к нам с протянутой рукой, мы не в состоянии кормить икрой с ложечки. Нам бы себя обеспечить». Эти слова принадлежат генералу армии В.И. Трубникову, бывшему директору Службы внешней разведки и бывшему заместителю министра иностранных дел РФ⁹. Добавить к ним нечего.

Страна с развитой сильной экономикой, способная не только обеспечивать себя, но предложить остальному миру разнообразный ассортимент собственной продукции, помимо сырья и оружия, вряд ли оказалась бы в вакууме изоляции и озадачилась поиском сомнительных союзников, привлекая их раздачи ведомо безвозвратных кредитов, компенсировать которые будет вынуждена потом «за счет внутренних ресурсов».

К сожалению, реально эффективных договорных союзников у нынешней России фактически нет. Из бывших советских республик, расположенных по периметру РФ, официальные союзнические отношения имеются у нее только с пятью членами ОДКБ — Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, которых она обязалась защищать любой ценой, «вплоть до применения ядерного оружия» на основании обязательств о коллективной обороне. Однако в реальности ядерную агрессию против этих стран, как полагают видные эксперты-международники, «трудно себе представить»¹⁰.

Еще с шестью бывшими республиками СССР отношения у России практически враждебные или близкие к таковым (с Украиной, Латвией, Литвой, Грузией, отчасти — с Эстонией и Молдовой), а с тремя остальными — нейтрально-сдержанные (с Азербайджаном, Узбекистаном и Туркменией). Понятно, что при таких взаимоотношениях внутри бывшего СССР рассчитывать на формирование в будущей многополярной системе отдельного полюса, группирующего вокруг России, особо не приходится.

Как отмечалось выше, силой и влиянием в мире, безусловно, обладает Китай, давно позиционирующий себя нашим «доверительным стратегическим партнером». Разговоры о трансформации партнерских связей РФ и КНР в союзнические отношения ведутся ни один год, преимущественно под напором некоторых представителей наших военных и силовых структур, туманно представляющих себе специфические особенности данной проблемы. Они могут еще больше активизироваться после недавней российско-китайской встречи на высшем уровне.

Однако реальным договорным союзником с нами Китай не станет, поскольку, во-первых, сам принципиально не согласен связывать себя узами альянсов, полагая, что любые союзные обязательства, тем более в оборонной области, сопряжены с частичной утратой суверенитета.

А сегодня такого союза с Китаем следует побаиваться, прежде всего, нам самим, ибо в случае его гипотетического заключения часть нашего суверенитета окажется в руках КНР, и России придется задуматься, как выстраивать союз со страной, население которой десятикратно превосходит российское, а ВВП РФ составляет всего несколько процентов китайско-

го. При этом нелишне иметь в виду, что инвестиции КНР в экономику России поступают исключительно по государственным каналам, но не от частного китайского бизнеса.

Во-вторых, главное состоит в том, что позиции России не всегда и не во всем совпадают с китайскими, а по некоторым вопросам существенно разнятся: в приоритете у каждой из сторон свои собственные интересы.

Стоит упомянуть о различиях во взглядах двух стран на экономическое развитие Центральной Азии, на деятельность ШОС и других региональных структур. Интересна статистика голосований РФ и КНР в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН, выявляющая несовпадения в их подходах к оценкам важных международных проблем¹¹. КНР занимает «особую позицию» по Крыму и в территориальном споре РФ с Японией, склонна к солидарности с США по арктической тематике. Пекин скрупулезно выполняет все финансово-экономические санкции Вашингтона в отношении России и не желает участвовать в многосторонних переговорах по разоружению.

Порою складывается впечатление, что Китай видит в России в первую очередь не экономического и политического партнера, а некую контрсилу, способную вместе с ним противостоять тем действиям США в АТР и на глобальном уровне, которые идут вразрез с китайскими интересами.

К тому же при создании договорных союзов, видимо, не стоит игнорировать такой важный фактор, как совместимость национальных психотипов народов у заключающих альянс государств. Без его учета результаты таких усилий могут оказаться непредсказуемыми.

Даже не союз, а просто единый российско-китайский полюс в грядущей мировой архитектонике представить непросто, поскольку у обеих стран с их амбициями неизбежно возникнет проблема «ведущего и ведомого», что может обострить существующие разногласия. Тем не менее, необходимо всячески оберегать нынешние российско-китайские отношения, заботиться об их упрочении и постоянно изыскивать способы повышения заинтересованности в них у китайской стороны.

Выше отмечалось, что несмотря на сохраняющийся пока сверхдержавный статус, США не удовлетворены своим нынешним положением в мире. Причина не только в ослаблении надежд на мировое доминирование, но и в несбывшихся мечтах об усилении собственного превосходства и преимуществ за счет запущенного в свое время при активном участии Америки процесса всемирной глобализации, рычаги которого у нее ловко «перехватил» Китай.

Универсальность глобализации рьяно защищала и отстаивала представлявшая в Америке интересы международной спекулятивной финансово-олигархической элиты команда демократов во главе с Б. Обамой и Х. Клинтон. Замена «глобалиста» Обамы «антиглобалистом» Д. Трампом в непростой для мира момент общей турбулентности, повлияв на политический климат внутри США, вызвала одновременно определенное замешательство и во внешней среде.

«Смена караула» в Вашингтоне не ограничилась обычной партийной ротацией властей, а стала ключевой в перемене приоритетов на пути развития американского общества, формирования его внутренней и внешней политики.

Стремление к укреплению внутренних рынков, рост и развитие индустриальной базы внутри самих США, ограничение иммиграционных потоков, разрыв международных торговых договоренностей, чреватых для Америки экономическими потерями, отказ от спекулятивных сделок, увеличение добычи собственных нефти и газа и сокращение их импорта при одновременном желании принудить Европу и весь остальной мир покупать дорогую американскую сланцевую нефть вместо более дешевой российской, а также другие подобные шаги нового президента не только коренным образом изменили ситуацию в стране, но вызвали неоднозначную международную реакцию, вплоть до заявле-

ний о том, что «США рискуют потерять роль мирового лидера», практически поставив на грань краха традиционное внутреннее двухпартийное единство во внешней политике.

Положение усугубили обвинения в адрес Трампа в якобы обеспечившем ему победу на президентских выборах сговоре с Россией. Во многом благодаря именно этому фактору отношения двух стран складывались напряженно и тяжело. Даже если желание их улучшения со стороны Трампа было искренним, он не мог открыто демонстрировать свое дружелюбие к России, поскольку позиционировался в американских СМИ чуть ли ни в качестве «агента Кремля».

Характерно, что главной причиной ухудшения российско-американских отношений стали не столько события на Украине или т.н. аннексия Крыма Россией. Это было лишь одним из поводов для демарша со стороны США. Действительная первопричина состояла в том, что на рубеже 2008–2009 гг. тогдашние американские администрации республиканцев и демократов, сменявшие друг друга во власти, проглядели реальный «закат» однополярности и, сочтя урегулирование последствий распада биполярной системы мира окончательно завершенным, сбросили Россию со счетов как «глобального игрока».

Возвращение в 2012 г. в президенты прагматичного и жесткого В. Путина спутало американцам все карты, поколебало уже считавшееся ими состоявшимся деление мира «по интересам» и привело к возникновению, задолго до Украины, целого ряда конфликтов, постепенно повлекших ухудшение, а затем и окончательную деградацию российско-американских связей. Американская реакция на события на Украине и на роль в них России выглядела как одно из проявлений сопротивления США начальным шагам по формированию основ глобальной полицентричности.

«Гнев на Россию» цепной реакцией перекинулся из США в страны Европы, расширив политику санкций и породив контрсанкции, приведя к ущемлению российских прав на нормальную деятельность в рамках международных форматов, включая участие в целом ряде форумов. Запад консолидировано ополчился на нас по единственной и главной причине — отсутствию желания наблюдать возрождение России в качестве великой глобальной державы, что противоречило его замыслам и пугало больше всего.

Российско-американские связи, пожалуй, одна из труднейших проблем новой администрации США. Мы сами во многом виноваты, поскольку сразу после выборов многочисленные российские политики, политологи и представители СМИ начали раздувать «стратпоманию»¹², авансировав необоснованный оптимизм по поводу надежд на скорое улучшение отношений с Америкой. Ни одна из них не оправдалась. Всколыхнувшись в самые последние дни после возобновления российско-американских контактов на высоком политическом уровне ростки оптимизма пока лишены реальной подпитки и не могут оцениваться всерьез. По мнению американских экспертов, высказанному еще перед инаугурацией Д. Трампа, высока вероятность того, что состояние российско-американских отношений в большой степени будет зависеть от происходящего в Москве и Пекине¹³.

Что касается последнего, то, по утверждениям экспертов, внутри стратегического сообщества США давно существует точка зрения, что «Сосединённые Штаты должны предотвратить превращение Китая в мировую державу, стимулируя внутренние противоречия, и если это не поможет, прибегнуть к превентивной войне»¹⁴.

В реальности, даже нормализовав в 1972 г. отношения с Пекином, Вашингтон сохранял идеологическую нетерпимость и стратегические цели политики по отношению к КНР, состоявшие в конечном итоге в замене политического строя и социальной системы в ней и утверждении благоприятного для США режима. Это обстоятельство, подтверждаемое, в том числе, играми в т.н. кимерику, фигурировало в качестве одной из первоначальных причин накопления конфликтного потенциала в американо-китайских отношениях.

Для Китая, с учетом его планов модернизации, рассчитанных на первую половину нынешнего столетия, обострение конфликта с США представлялось катастрофой,

способной затормозить развитие страны и отбросить ее на исходные позиции. Поэтому в КНР отношения двух стран до недавних пор характеризовались как «сочетание сотрудничества и конкуренции», но без элементов конфронтации¹⁵. При этом Пекин никогда не соглашался на роль младшего партнера США.

Намерение Трампа возродить величие Америки на новой, «более крепкой» основе не могло не отразиться на характере взаимоотношений США с КНР. Еще при Обаме Китай, став второй, а по отдельным показателям — первой экономикой мира, активизировал участие в глобальном управлении, расширив его с экономической на сферу безопасности и заявив, таким образом, о претензии на роль одного из глобальных лидеров.

Мысль о такой возможности была недопустимой не только для Обамы, пытавшегося воспрепятствовать укреплению китайских позиций в АТР, но оказалась неприемлемой и для Трампа, несмотря на его притворную благосклонность к инициативам КНР о расширении сотрудничества со странами региона. Доминирование Китая в нем США разрешить не могли, поскольку потеря тихоокеанской Азии означала бы для американцев утрату плацдарма, подкрепляющего фундамент их глобального лидерства. Так в геополитической сфере по инициативе Трампа возникло новое образование — Индо-Тихоокеанский регион, или т.н. Индо-Пацифика.

Продолжая называть отношения США с Китаем «самыми важными двусторонними отношениями в мире», Вашингтон в «Стратегии национальной безопасности» (2017) впервые причислил КНР к своим главным стратегическим соперникам. Произошел отход от двух важных постулатов в политике прежней администрации в отношении Пекина:

1) о том, что поддержание прежнего баланса сил в АТР и Восточной Азии якобы может сдерживать стремление Китая изменить установленный там Америкой региональный порядок;

2) отказ от дальнейших попыток интеграции КНР — в надежде на последующую либерализацию ее режима изнутри — в общемировой порядок, формировавшийся под патронажем США.

В политико-правовой сфере США инкриминируют Китаю: милитаризацию Южно-Китайского моря; усиление давления на Тайвань; нарушения в области прав человека и свободы вероисповедания; поощряемый властями кибершпионаж; модернизацию китайских военных объектов за счет кражи американских технологий путем хакерских атак; расширение геополитических притязаний.

В финансово-экономической сфере в вину Пекину традиционно вменяются: манипулирование курсом юаня; установление и использование дискриминационных торговых барьеров; товарный демпинг, ведущий к развалу американской промышленности; введение ограничений на торговлю с США; настойчивое требование Китая о доступе к новым американским технологиям в обмен на присутствие компаний США на его рынках и пр.

Хотя «торговую войну» Пекину первыми объявили США, в Вашингтоне исходят из того, что схватку начал Китай, бросивший вызов Америке. В то же время оценки причин начала этой войны российскими специалистами варьируются в диапазоне от обвинений Китая в ее разжигании, вольном или невольном, путем несоблюдения общепринятых правил международной торговли — до признания вины за США из-за их нежелания смириться со стремлением Пекина к приобретению статуса глобальной державы.

В этом контексте действия Трампа рассматриваются как намеренное сдерживание технологического развития Китая в качестве способа торможения КНР на пути к этому статусу, в частности, срыва программы «Сделано в Китае — 2025», поскольку основными объектами протекционистских мер со стороны США являются именно те отрасли, которые в этой программе выделены в качестве приоритетных.

Сам факт нынешнего американско-китайского противоборства свидетельствует о появлении нескольких принципиально новых моментов в отношениях двух стран:

1. Тесные торгово-экономические связи и огромные объемы товарооборота не являются более гарантией недопущения перерастания разногласий США с Китаем в острый конфликт, вплоть до тотальной конфронтации.

2. Торговые споры становятся, таким образом, рычагами не только экономического, но и политического давления.

3. Меняется статус КНР в отношениях с США: из конкурирующего партнера она переводится в разряд геополитических соперников Америки, противоборство с которым может с экономической распространиться и на другие сферы.

4. Диалоговые механизмы между США и КНР, деятельность которых приторможена ухудшением их взаимоотношений, нуждаются в перезагрузке или обновлении.

5. В отношениях двух стран налицо усиление противоречий идеологического и гуманитарного характера по проблемам демократии и тоталитаризма, прав и свобод, сущностей правового государства и т.п.

6. Обнаружились новые разногласия: требования США о необходимости подключения Китая к переговорам России с Америкой по ракетно-ядерной тематике встретили резко негативную реакцию со стороны КНР.

7. Сохраняется разница в подходах к организации будущего миропорядка: КНР ратует за многополярность, а США по-прежнему привержены идее однополюсного мира.

Каким же будет грядущий миропорядок? Спрогнозировать это сложно, хотя, исходя из преследуемых странами «треугольника» целей и ситуации, складывающейся в их взаимоотношениях, общие его контуры вырисовываются ныне более рельефно.

Оговоренные США и Китаем сроки урегулирования их торгово-экономического конфликта постоянно продлеваются, и переговоры сторон, очевидно, зашли в тупик. Это с большой вероятностью свидетельствует о том, что даже если соглашение между ними будет, в конце концов, достигнуто, накопившиеся в китайско-американских отношениях фундаментальные противоречия до конца разрешить не удастся. Противостояние, начавшееся как торговая война, грозит перерасти в перманентное состояние взаимной враждебности, о чем свидетельствуют четко выраженные сторонами намерения «не уступать друг другу».

Характерно, что Китай, очевидно уже не рассчитывая на скорое и мирное разрешение экономического конфликта с США, отошел от сдержанной и дипломатичной риторики, которая использовалась Пекином еще не так давно, и настроен на то, чтобы «быть жестким» к Америке и «достигнуть мира путем борьбы»¹⁶. У каждой из сторон своя правда. Китай полагает, что десятилетиями субсидировал экономику США, одалживая американцам деньги и поставляя промышленные товары, и поэтому может легко взорвать ее, отказав в такой поддержке.

США со своей стороны не считают такой подход болезненным только для них и безболезненным для самого Китая, обеспечивавшего на протяжении тех самых десятилетий рост собственной экономики за счет преференциального доступа к американским технологиям, капиталам и рынкам. Поэтому уверены, что «отключение» экономики КНР от американской системы (если дело дойдет именно до тотальных эмбарго и «долларовых санкций»), «не может не нанести Китаю довольно чувствительный ущерб, который придется купировать долгосрочными и тяжелыми реформами»¹⁷.

При этом сброс Китаем американских облигаций, нанося серьезный ущерб рядовым американцам, окажется на руку Трампу, поскольку ослабит доллар и поможет одновременно сократить дефицит США в торговле с КНР.

Для преодоления возникшего конфликта Китай был готов: а) увеличить импорт из США за счет замещения американскими сырьевыми товарами продукции из других стран; б) согласиться на реформы в сфере интеллектуальной собственности и увеличе-

ние открытости своей экономики; в) пойти на уступки в тех ее секторах, где того требовала сама логика экономических реформ.

Но США это не устроило. В дополнение они настаивали на отказе китайского государства от поддержки высокотехнологичных отраслей и сокращении отдельных форм субсидирования. Видимо, для КНР это стало той «красной чертой», которую она не могла себе позволить переступить: решение о запрете дальнейших уступок США со стороны Китая якобы принял лично сам Си Цзиньпин.

В то же время считается, что Трамп после «индальгенции» от комиссии Мюллера больше не нуждается в быстрой сделке с КНР, которая, выходя тактическим успехом, стала бы для него в преддверии грядущих в 2020 г. президентских выборов стратегической неудачей в реализации курса на восстановление «величия Америки»¹⁸.

По поводу дальнейших перспектив развития американо-китайского противоборства имеются различные точки зрения. Одна из них сводится к тому, что нынешние американские власти якобы намерены «давить на Китай до конца», поскольку решается вопрос о том, сохраняют ли США статус мирового гегемона в XXI веке. И они будут добиваться эскалации до тех пор, пока ее последствия не станут нетерпимыми для Китая или самих США. А руководство КНР, в свою очередь, якобы делает ставку на более высокий «болевого порог» китайцев и выносливость их системы по сравнению с оппонентами.

Другое мнение состоит в том, что Пекин утратил надежду найти решение проблемы с республиканской администрацией и будет всячески поощрять приход в Белый дом в 2020 г. демократов, тем более, что сын их потенциального кандидата Дж. Байдена связан с китайским бизнесом.

Следует признать, что политика Трампа постепенно приводит к уменьшению дисбаланса в пользу КНР, существующего во взаимной торговле США и Китая. Это происходит, в первую очередь, за счет падения китайского экспорта в Америку, которое в 2018 г. составило уже 2,4%.

США резко ограничивают прямые китайские инвестиции в свои стратегические отрасли, в частности в сферу разработок искусственного интеллекта и стандарта 5G, давят на партнеров и союзников, требуя их отказа от участия в инициативе «пояса и путей» и увеличивая силовой нажим на Китай, усиливая, в том числе, патрулирование в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях якобы для «обеспечения свободы судоходства».

Однако не исключено, что в китайском руководстве на фоне внешне «монолитного единства» вызревают разногласия по поводу дальнейшего курса в отношении США. Об этом свидетельствуют расхождения во мнениях среди экспертного сообщества КНР, серьезно влияющего на выработку политики Пекина. В то время как представители «проправительственного блока» (Пекин, северо-восток страны) ратуют за обострение борьбы сопротивления Америке чуть ли не «на всех фронтах», ориентированные на бизнес и получение прибыли регионы юго-востока и юга Китая (Шанхай, Гуандун и др.) настаивают на поисках «каналов налаживания отношений», что неудивительно, если подчитать доходы, которые они рискуют потерять¹⁹.

Пока же Пекин предпринимает ответные шаги на майское повышение Соединёнными Штатами с 10 до 25% пошлин на китайский импорт объемом 200 млрд долл. С 1 июня с.г. КНР увеличила с 10 до 25% тарифы на импорт из США 2493 наименований товаров. Еще на 1078 наименований товаров тарифы вырастут с 10 до 20%. Одновременно отвергаются все американские обвинения в адрес Китая, включая требования о передаче технологий взамен доступа США на китайский рынок, которые «Жэньминь жибао» охарактеризовала как «чистый вымысел».

Отвергнуты претензии США к Китаю в ракетно-ядерной сфере. Позиция Пекина состоит в том, что страны с наибольшими арсеналами ядерного оружия должны выполнять свои обязательства по разоружению, продолжить выполнение соглашений о контроле над вооружениями и продлить соответствующие договоры.

А сама КНР, которая якобы «дала обещание не применять против других ядерное оружие первой» и в стратегическом арсенале которой дискутируемые виды вооружений средней и малой дальности составляют до 80%, исходит из того, что ее ракетно-ядерные силы «поддерживаются на минимальном уровне». Поэтому она не станет принимать участия в любых переговорах о трехстороннем соглашении по ним. При этом НОАК уже начала строить авианосцы и создавать зарубежные базы.

Тем не менее отказ Пекина от участия в подобных переговорах — не самое неприятное из того, что может произойти в отношениях рассорившихся соперников. К гораздо более серьезным последствиям грозит привести затеянная КНР программа интернационализации юаня и вытеснения американской валюты с внутреннего китайского рынка. Копивший до 2014 г. резервы в долларах США Китай пять лет назад изменил свою стратегию, предпочтя делать валютные инвестиции за границей. Перспективные планы КНР нацелены на то, чтобы полностью отказаться от использования доллара в международной торговле: тогда китайскую экономику не устроят никакие санкции.

Но чем это может обернуться для нас и остального мира?

Россия в торговых отношениях с Китаем договорилась развивать практику расчетов в национальных валютах. Пока же до 76% товарооборота двух стран обеспечивается в долларах США, а полный переход на юань и рубль чреват определенными рисками. Так, девальвация юаня из-за торговой баталии с Америкой оборачивается потерями для их обладателя, что в прошлом году уже ощутил Центробанк РФ, нарастивший долю юаня в своем золотовалютном резерве до 15%.

Что касается мировых последствий, проблема состоит в том, что экономику США с подбирающимися к 20 трлн долл. государственным долгом пока удается «сдерживать на плаву» во многом благодаря использованию доллара в качестве основной мировой валюты, а Вашингтон — в роли ее эмиссионного центра. Дедолларизация международной экономической системы, составляющая цель Пекина, может привести к нарушению ее целостности и возникновению других самостоятельных и независимых эмиссионных центров, опирающихся на юаневый, золотой или иной стандарт и контролируемых силами, уполномоченными принимать политические, экономические и любые прочие решения.

Помимо новых эмиссионных центров, могут появиться и другие изолированные глобально значимые контролирующиеся финансовые системы, что способно спровоцировать возникновение «новой холодной войны», но уже не на политико-идеологической, а на финансово-экономической почве, которая может запустить новый этап деглобализации или, как минимум, разделить мировую экономику на части. Ужесточение борьбы за очередной пердел глобальных рынков в перспективе не исключает превращения холодной «экономической» войны в реальную горячую.

Главный архитектор американско-китайских отношений и инициатор сближения двух стран, 96-летний патриарх современной политологии Генри Киссинджер считает, что из ситуации, в которой оказались сегодня США и КНР, бесконфликтного выхода нет. А глубину конфликта усиливает то, что «водораздел» между Америкой и Китаем пролегал еще и по идеологической линии, на которую стороны до поры до времени стремились «зажмуривать веки».

Из утверждения Киссинджера следует, что вероятность альтернативы жесткому варианту «мягкого», при котором соперники смогли бы «нащупать договоренности» и восстановить былое взаимодействие, практически равна нулю. В то же время, учитывая возможность обоюдного осознания сторонами серьезных последствий эскалации конфликта между ними для глобального мира и безопасности, теплится надежда, что «до самого края» они дойти не рискнут. Поэтому прогноз дальнейшего развития нынешней ситуации хотелось бы видеть все-таки на путях пусть долгих и трудных, но мирных поисков решений с помощью обоюдных компромиссов и уступок, результатом которых впол-

не могут стать формированием некоей «новой биполярности» или шаткая конструкция «балансирования на грани».

Где же в этих поисках место и роль России? Сегодня она «зажата» между Евро-Атлантикой и КНР, уже готовыми к переходу на следующий технологический этап, к новому уровню «цифровизации». Таким образом, выбор Россией своих политических ориентиров может одновременно стать и выбором пути ее будущего технологического развития, или наоборот — технологии определяющим образом повлияют на ее политику.

Если исходить из преобладающей пока конфронтационной парадигмы, соблазн «смычки» с Китаем достаточно велик. Именно к формированию китайско-российского двустороннего полюса призывали на прошедшем в конце мая с.г. в Москве совместном форуме под эгидой РСМД видные политики Игорь Иванов и Дай Бинго. Этому призыву наверняка аплодируют те в России, кто безапелляционно заявляет, что «вместе с Китаем мы — непобедимая сила». Эта, на первый взгляд, неоспоримая формула опасна тем, что нацеливает на сохранение перманентности конфронтации, на неизбежность военного конфликта и может сыграть негативную роль. Но конфронтация не должна быть вечной.

А тем, кто ратует сегодня за безоглядное упрочение дружбы с КНР, вплоть до воплощения в жизнь бывшего лозунга «Русский с китайцем — братья навек!», следует помнить об особенностях национального менталитета в Китае, когда речи зачастую не вполне тождественны деяниям: обо всех зигзагах и нюансах 70-летней истории наших взаимоотношений; учитывать сравнительную статистику торгово-экономических связей Китая с Россией и США²⁰.

Кроме того, по признанию российских СМИ, большую роль в нынешнем российско-китайском сближении играет эмоциональная составляющая — та самая, что была присуща китайско-американским связям при установлении между двумя государствами дипломатических отношений 40 лет назад.

Очевидно, что политические отношения между РФ и КНР сегодня масштабнее и богаче, чем их экономическое сотрудничество, а китайско-американские связи в торгово-экономической области, несмотря на разгоревшийся конфликт, по-прежнему пока более глубокие и насыщенные, чем взаимоотношения в политической сфере. К сожалению, по своим экономическим параметрам, геополитическим весу и влиянию мы сейчас выглядим слабейшими в «тройке».

Пока сохраняется американское стремление к гегемонии, а у России и Китая преобладают рассчитанные на долговременную перспективу планы формирования нового международного порядка взамен брюссельско-вашингтонской системы, конфронтационная парадигма будет доминировать.

Отсюда следует, что главным и определяющим для продвижения по пути к новой системе мироустройства станет переход от парадигмы конфронтации к парадигме кооперации, от восприятия мира как совокупности конфликтов и противостояний к осознанию необходимости его развития в русле сотрудничества и замены принципа баланса сил балансом интересов.

Это вовсе не означает, однако, что при продвижении по такому пути во взаимодействии с Китаем мы должны во всем потакать ему и действовать исключительно в его интересах, игнорируя свои собственные. Прежде всего, не в наших интересах пытаться «замирять» Китай и Америку. Идеальной для нас могла бы оказаться «классическая формула» взаимоотношений в трехстороннем формате, когда отношения одной стороны с каждой из двух других лучше отношений между ними.

Следовательно, внешнеполитическим приоритетом России должно стать налаживание взаимосвязей с США, которое потребует серьезного обновления российской дипломатией ее практики, форм, методов и подходов. Кроме того, «точками опоры» для России на этом пути станут поиски поддержки, помимо Китая, со стороны возможно большего числа экономически значимых, политически не ангажированных и сильных в

военном отношении государств, а также нахождение платформ для компромиссов с США в приемлемых для обеих сторон областях.

В связи с этим кажется интересной озвученная недавно идея о проведении форума ЕС — РФ — КНР — АТР по проблемам мирососедства и обновления мироустройства. Представляется нелишним пригласить к участию в подобном мероприятии и представителей США.

В идеале конфликтующие стороны должны прийти к пониманию неизбежности принятия договоренностей о **конструктивном управлении своим соперничеством**, при котором сотрудничество в одних сферах может осуществляться одновременно со здоровой конкуренцией в других. Тогда появится возможность построения нового международного порядка, основанного на понимании того, что любой восходящей державе следует отвести определенную роль в формировании глобальных правил и институтов.

Именно такими подходами руководствовалась КНР, предлагая в свое время США принципы урегулирования ситуации в Южно-Китайском море. Именно они могут быть положены в основу устранения наследия ушедшей в прошлое эпохи холодной войны — «разграничительных линий» на Корейском полуострове и в Тайваньском проливе.

1. Под «российско-китайскими отношениями» автор подразумевает двусторонние отношения СССР/РФ — КНР с 1 октября 1949 г.
2. *Трессел Леон*. Китай не оставляет Америке ни одного шанса. URL: <https://svpressa.ru/economy/article/228252>.
3. См.: *Отырба А.* О чем китайские власти сигнализируют России. 23.05.2019. Firefox HTML.
4. *Батюк В.И.* Россия и Китай в стратегии администрации Трампа // Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации. М., ИДВ РАН, 2019. С. 31.
5. Об этом заявил директор Института США и Канады РАН В.Н. Гарбузов на состоявшемся 26 марта 2019 г. в Институте Дальнего Востока РАН совместном семинаре ученых ИДВ РАН и ИСКРАН.
6. URL: <https://russian.rt.com/world/news/505979>.
7. Интервью ВВС. 16.04.2018.
8. *Карасанов С.* Свобода в выборе пути // Российская газета. 07.07.2018.
9. Аргументы и факты. № 24. 2018.
10. Там же. № 11. 2018.
11. См.: выступление А.Ч. Мокрецкого на «крутом столе» по проблемам российско-китайских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 3. С. 17–18.
12. Только в январе 2017 г. Трамп упоминался в российских СМИ 202 тыс. раз по сравнению со 147,7 тыс. упоминаний в них неизменного лидера шести прошлых лет В. Путина (Независимая газета. 01.03.2017).
13. Независимая газета. 10.01.2017.
14. Независимая газета (Сценарии). 1998. № 12.
15. Сяньдай гоцзи гуаньси. 2002. № 1–2. С. 93.
16. URL: <https://news-front.info/2019/0516>.
17. Там же.
18. URL: <https://profile.ru/columnist/govorit-ne-o-chem-141566>.
19. Это отчетливо прозвучало в выступлениях китайских экспертов в ходе V Международной конференции «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху», прошедшей в Москве под эгидой Российского совета по международным делам 29–30 мая 2019 г.
20. Экспорт КНР в РФ в 2018 г. — 45,8 млрд долл., импорт из РФ — 56,5 млрд долл., экспорт КНР в США — 456,5 млрд долл., импорт из США — 147 млрд долл. В 2018 г. на Россию пришлось 1,9% китайского экспорта, а экспорт РФ в КНР составил 2,8% от общего китайского импорта.

Политика КНР в странах Центральной и Восточной Европы

© 2019

А.В. Цвык, И.В. Сорокина

Отношения КНР со странами ЦВЕ — одно из наиболее приоритетных направлений китайской политики в Европе. Для их укрепления и продвижения своих интересов Китай создал формат «16+1». В статье детально рассматриваются структура формата, его особенности, основные направления сотрудничества в его рамках.

Ключевые слова: страны ЦВЕ, формат «16+1», Европейский союз, «Один пояс, один путь», мультилатерализм.

DOI: 10.31857/S013128120006092-2

Актуальность исследования отношений между Китаем и странами региона Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) обусловлена рядом факторов.

Как отмечает российский исследователь М.Г. Носов, в ситуации, когда политика президента Трампа внесла неопределенность в отношения между тремя крупнейшими в мире экономическими партнерами — США, Китаем и ЕС, отношения между Брюсселем и Пекином остаются одним из важнейших факторов мировой политики¹.

Отношения с европейскими государствами являются одним из приоритетных направлений внешней политики КНР на современном этапе. В декабре 2018 г. китайское руководство выпустило внешнеполитический документ, приуроченный к 15-летней годовщине установления отношений стратегического партнерства с глобальной ответственностью между КНР и ЕС², в котором содержатся основные направления европейского вектора внешней политики КНР, затрагиваются проблемы, существующие в китайско-европейских отношениях. При этом особый интерес вызывает инициатива китайской стороны по зоны свободной торговли (ЗСТ) между КНР и ЕС³.

К 2019 г. Китай стал одним из главных экономических партнеров стран ЦВЕ. Товарооборот между Китаем и странами региона в 2018 г. составил 82,2 млрд долл.⁴ Это свидетельствует о новой реальности, когда государство Азиатско-Тихоокеанского региона играет одну из главных ролей в Восточной Европе.

Развиваются созданные Китаем форматы субрегионального сотрудничества, к которым следует отнести формат «16+1», который считается одним из самых перспективных для реализации Пекином своих интересов в ЦВЕ. В 2019 г. в ходе 8-го саммита «16+1» к формату сотрудничества между Китаем и странами ЦВЕ официально присоединилась Греция, которая с 2015 г. являлась в нем наблюдателем. Полноценное подключение к формату «16+1» Балканского региона позволит Китаю завершить создание само-

Цвык Анатолий Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: tsvyk-av@rudn.ru.

Сорокина Ирина Владимировна, магистр факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: shizairenwei@yandex.ru.

го длинного транспортного маршрута на европейском континенте благодаря строительству нового участка железнодорожной ветки, которая свяжет Афины и Будапешт, тем самым соединив с центром Восточной Европы крупнейший морской порт в Средиземноморье — Пирей, взятый в аренду китайским концерном China Ocean Shipping Company (COSCO)⁵.

Отношения между КНР и странами ЦВЕ в XXI столетии следует рассматривать через призму отношений Китая и ЕС. Законодательная база сотрудничества между КНР и ЕС в новом столетии основывается на Декларации 1995 г., в которой была сформулирована стратегия ЕС в отношении КНР. В качестве одной из приоритетных задач в документе была обозначена поддержка ЕС в проведении реформ во всех сферах китайского общества⁶, что и определило качество развития отношений в последующие годы.

В 2003 г. Европейский совет выдвинул инициативу о развитии «всеобъемлющего стратегического партнерства» с Китаем как части Европейской стратегии безопасности. В документе Китаю отводится ведущее место среди развивающихся стран. КНР также рассматривается ЕС в качестве основного партнера в проведении широкомасштабного энергетического и экономического диалога⁷. Итогом принятия инициативы стало установление отношений стратегического партнерства с глобальной ответственностью между Китаем и ЕС в 2004 г.

В «Докладе о политике Китая в отношении ЕС» (2003) говорилось, что «в 2004 г. число стран — членов ЕС расширится до 25 участников. ЕС будет охватывать значительную часть Восточной и Западной Европы, площадью 4 млн км, с населением более 450 млн человек и ВВП более 10 трлн долл.»⁸.

В результате очередного расширения ЕС в мае 2004 г. в его состав вошли 8 стран региона ЦВЕ (Польша, Венгрия, Латвия, Литва, Эстония, Чехия, Словакия, Словения)⁹. Интеграция ведущих партнеров КНР в регионе ЦВЕ в ЕС побудила КНР к активизации сотрудничества с новыми членами Европейского союза. Уже 9 июня 2004 г. в ходе визита в Польшу Председателя КНР Ху Цзиньтао стороны подписали пакет экономических соглашений, главным из которых стал Договор о поставках в КНР меди из Польши сроком на 5 лет (2005–2010) на сумму 800 млн долл.¹⁰

При этом, как отмечал ученый Института России, стран Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук Китая Чжу Сяочжун, в двусторонних отношениях между Китаем и странами ЦВЕ на первое место ставилось повышение объема капиталовложений и уровня технологичности двустороннего экономического сотрудничества, а на второе — укрепление традиционных дружеских отношений, т.е. политическая составляющая перемещалась на второй план¹¹. Одно из главных предложений со стороны КНР заключалось в том, чтобы страны ЦВЕ стали связующим звеном в реализации торгово-экономического сотрудничества по линии Китай — ЕС, что позволяло КНР и странам ЦВЕ быть стабильными торгово-экономическими партнерами.

С начала 2000-х годов объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) КНР в государства — члены ЕС стал возрастать. Прямые зарубежные инвестиции КНР в Польшу, Венгрию, Чехию в период 2005–2006 гг., согласно докладу британского аналитического центра Chatham House, выросли соответственно в 7, 19 и 10, 5 раз¹². Кроме того, в 2006 г. объем товарооборота КНР со Словакией вырос в 7 раз, составив 914 млн долл., с Венгрией — более чем в полтора раза, составив 3,987 млрд долл. Торговый оборот со Словенией превысил 300 млн долл.¹³ В 2006 г. между Китаем и Польшей появились новые форматы сотрудничества — польско-китайский симпозиум по экономическому сотрудничеству и коммерческий форум Китай — Польша, которые дали возможность представителям правительств и деловым кругам расширить обсуждение вопросов, касающихся торгово-экономического сотрудничества¹⁴.

Вступление в 2007 г. Румынии и Болгарии в ЕС означало, что практически все ведущие партнеры КНР в регионе ЦВЕ оказались в интеграционной структуре стран Запад-

ной Европы, поэтому КНР продолжила планомерную активизацию сотрудничества с ними. В августе 2009 г. отношения стратегического партнерства были установлены между Китаем и Сербией¹⁵. В 2010 г. произошел прорыв в отношениях между Китаем и Венгрией: под руководством Виктора Орбана, избранного на пост премьер-министра на второй срок, Венгрия стала проводить политику «открытости на Восток»¹⁶. В июне 2011 г. от интенсивного диалога к стратегическому партнерству перешли Китай и Польша¹⁷.

Таким образом, реалии нового столетия продемонстрировали, что официальный Пекин неизменно следовал тактике развития партнерских отношений со странами ЦВЕ, смещая вектор экономической политики в сторону новых членов Европейского союза, что было обусловлено стремлением КНР более основательно продвигать собственные интересы в ЕС. При этом актуализировалась перспектива создания китаецентричного механизма сотрудничества в регионе ЦВЕ.

Формат «16+1» как важнейший механизм многосторонней дипломатии Китая в Европе

В 2012 г. по инициативе китайской стороны между КНР, 11 странами — членами ЕС (Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия, Венгрия, Болгария, Хорватия, Латвия, Литва, Эстония) и пятью балканскими странами (Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Черногория, Сербия) был учрежден формат «16+1». В отношениях со странами ЦВЕ Китай сформировал модель субрегионального формата сотрудничества, которая практиковалась им в отношениях со странами Африки и Латинской Америки¹⁸.

Основополагающим документом инициативы стали «Меры КНР по развитию дружественного сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы», которые были выдвинуты премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао на первом саммите «16+1» в апреле 2012 г. в Варшаве. Отличительная особенность плана кооперации, предложенного КНР, заключалась в том, что большая часть выдвинутых задач касалась создания совместных экономических структур. Это свидетельствует о стремлении Китая, используя потенциал региона, продвигать собственные геополитические цели с помощью экономических рычагов, втягивая страны ЦВЕ в собственную сферу влияния. Как отмечал Ли Кэцян, выступая на 8-м саммите Китая и стран ЦВЕ в апреле 2019 г. в Дубровнике, — «мы надеемся, что сотрудничество со странами Центральной и Восточной Европы позволит Китаю стать ближе к ЕС»¹⁹.

Хотя формат «16+1» — не международная организация, а площадка для развития сотрудничества между КНР и группой стран Центральной и Восточной Европы, он, тем не менее, имеет институциональную базу. В сентябре 2012 г. был учрежден Секретариат по сотрудничеству между Китаем и странами ЦВЕ, который напрямую подчиняется МИД КНР. В его задачи входит координация совместной работы Китая и стран ЦВЕ, подготовка встреч на высшем уровне, проведение торгово-экономических форумов между Китаем и странами ЦВЕ, а также реализация принятых программ и задач. Во главе Секретариата стоят генеральный секретарь (Лю Хайсин, помощник министра иностранных дел КНР), исполнительный секретарь (Чэнь Сюй, генеральный директор департамента европейских стран МИД КНР), а также заместитель генерального секретаря (Ван Вэнган, советник департамента европейских стран МИД КНР). Офис Секретариата расположен в Пекине. Таким образом Китай взял на себя основную ответственность в принятии решений на многосторонней основе. В рамках многостороннего формата были учреждены должности национальных координаторов, которые назначаются странами ЦВЕ и отвечают за проведение согласованной работы с Секретариатом²⁰.

Сотрудничество на институциональной платформе «16+1» включает в себя проведение саммитов на территории одной из стран — участниц формата, на которых встречаются главы государств для обсуждения ключевых вопросов и выдвижения новых иници-

циатив. К 2019 г. состоялось восемь встреч на высшем уровне, которые прошли в Варшаве (2012), Бухаресте (2013), Белграде (2014), Сучжоу (2015), Риге (2016), Будапеште (2017), Софии (2018), Дубровнике (2019). В рамках формата проходят также заседания глав правительств стран-участниц, встречи национальных координаторов, совещания министров транспорта, а также торгово-экономические форумы, которые проводятся на регулярной основе.

В соответствии с «бухарестскими принципами», принятыми на 2-м саммите «16+1», были созданы координационные центры между Китаем и странами ЦВЕ в сферах торговли, сельского хозяйства, инфраструктуры, туризма, бизнеса. В результате каждая страна ЦВЕ стала специализироваться на развитии конкретной области сотрудничества с КНР. Румыния, например, сформировала Центр проведения диалога и сотрудничества в сфере энергетических проектов между КНР и странами ЦВЕ, Венгрия — Ассоциацию Китая и стран ЦВЕ по содействию туризму и бизнесу, Польша — Совместную торговую палату Китая и стран ЦВЕ, Болгария — Ассоциацию по содействию сотрудничеству в области сельского хозяйства.

Таким образом, создание институциональных механизмов сотрудничества выступило движущим фактором осуществления крупных совместных проектов на базе новой инициативы, выдвинутой китайской стороной в 2013 г.

Роль «16+1» в реализации инициативы «Один пояс, один путь»

В сентябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин в ходе визита в Астану заявил о начале реализации инициативы «Один пояс, один путь», которая включает в себя две составляющие: «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века» (МШП-21), основная цель которых заключается в создании мощных транспортно-логистических сетей и инфраструктурных комплексов, способная связать Китай с Европой²¹. С географической точки зрения регион ЦВЕ является единственным полностью включенным в инициативу, что делает формат «16+1» уникальным для получения, прежде всего, экономических выгод как для Китая, так и для стран ЦВЕ.

О синергии планов сотрудничества КНР и стран региона ЦВЕ было заявлено премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном в его выступлении на 4-м торгово-экономическом форуме, проходившем в ноябре 2015 г. в городе Сучжоу (КНР). Одной из первых задач премьер Госсовета провозгласил скорейшее завершение подключения проектов, что подразумевает укрепление региональной транспортной инфраструктуры в рамках формата «16+1» совместно с инициативой «Один пояс, один путь»²². Взаимовыгодное сотрудничество предполагает, что в рамках формата «16+1» и инициативы «Один пояс, один путь» стороны предпринимают совместные усилия и берут на себя обязательства, которые приведут к беспроигрышным результатам и расширению связей, а в итоге к повышению благосостояния во всех странах-участницах. Первые шаги в этом направлении были сделаны в 2015 г., когда шесть стран региона ЦВЕ (Венгрия, Польша, Сербия, Чехия, Болгария и Словакия) подписали Меморандум о взаимопонимании по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути²³. К настоящему времени все страны региона подписали данный документ с Китаем²⁴.

Особенности формата «16+1»

Помимо комплиментарности с инициативой «Один пояс, один путь», формат «16+1» имеет ряд специфических особенностей.

Во-первых, он относится ко «второму поколению» межрегионального сотрудничества, которое подразумевает применение Китаем, развивающимися странами, а также странами с переходной экономикой еще более усовершенствованных на волне глобализации механизмов торгово-экономического сотрудничества. При этом межрегионализм

в отношении формата «16+1» базируется на балансе сил, поскольку в первую очередь его участниками выступают независимые государства, преследующие цель получить экономические выгоды для обеспечения устойчивого национального развития²⁵.

Участие стран — членов формата «16+1» в инициативе «Один пояс, один путь»

(включая присоединившуюся к нему Грецию)

Государства — участники формата «16+1»	Меморандум о взаимопонимании с Китаем по инициативе «Один пояс, один путь»	Участие в создании наземно-транспортной инфраструктуры	Участие в проектах портовой инфраструктуры	Членство в АБИИ	Соглашения о стратегическом партнерстве с КНР
Албания	+	+			
Болгария	+		+		
Босния и Герцеговина	+				
Венгрия	+	+		+	+
Греция	+	+	+		+
Латвия	+	+	+		
Литва	+	+	+		+
Македония	+	+			
Польша	+	+	+	+	+
Румыния	+	+	+	+	
Сербия	+	+			+
Словакия	+				
Словения	+	+	+		
Хорватия	+	+	+		+
Черногория	+	+	+		
Чехия	+	+			+
Эстония	+	+	+		

Во-вторых, сотрудничество в формате «16+1» имеет более типичный квазимежрегиональный характер. Одна сторона — это крупное восточноазиатское государство — Китай, а другая — 16 стран Центральной и Восточной Европы. Хотя эти страны не образуют никакого блока, тем не менее их можно рассматривать как отдельную группу, поскольку все они принадлежат к региону ЦВЕ, схожи по своему географическому положению, политическим, экономическим и культурным аспектам, все когда-то принадлежали к социалистическому блоку, а теперь стали странами — членами Европейского союза или являются кандидатами на вступление в эту интеграционную структуру. Вместе с тем все эти страны по географическому положению, политической системе, уровню экономического развития, а также своим культурным традициям отличаются от традиционных стран — участниц ЕС.

В-третьих, формат «16+1» имеет сложную двухступенчатую структуру. Поскольку большинство из 16 стран Центральной и Восточной Европы являются членами Европейского союза, а остальные — кандидатами на вступление или потенциальными членами на избрание в ЕС, то сотрудничество с 16-ю странами происходит на двух уровнях: национальном, поскольку эти страны не сформировали конкретной группировки, и на уровне ЕС, поскольку вступившие в ЕС страны ЦВЕ обязаны придерживаться основных правил ЕС и всех принятых в рамках ЕС соглашений. Страны-кандидаты также обязаны руководствоваться установленными критериями для вступления в Организацию. Поэтому отношения в формате «16+1» представляют более сложную структуру и подразумева-

ют отношения не только между КНР и странами ЦВЕ, но и отношения по линии ЕС — КНР и ЕС — 16 стран ЦВЕ.

В-четвертых, формат «16+1» не предусматривает жесткой институционализации, институциональные механизмы не являются «жесткими». Каждая страна может самостоятельно решать, присоединяться ли к тому или иному механизму сотрудничества на добровольной основе или нет.

В-пятых, формат имеет хорошо спланированную структуру сотрудничества. По результатам проведения саммита страны-участницы принимают руководящие принципы сотрудничества, которые носят характер рекомендаций или плана действий сторон на следующий год. В 2015 г. стороны принимали, наряду с руководящими принципами, документ под названием «Среднесрочная повестка дня в целях сотрудничества Китая со странами ЦВЕ», который предполагал разработку более масштабных проектов сотрудничества для реализации потенциала формата к 2020 г., например, продвижение трансграничной цифровой торговли, создание «Нового Евразийского сухопутного моста», а также «Сухопутно-морской экспресс-линии Китай — Европа», учреждение финансовой компании между Китаем и странами ЦВЕ и других, что требует большей аккумуляции ресурсов и технологий сторон²⁶.

Наконец, в основе сотрудничества Китая со странами региона ЦВЕ лежат принципы мультилатерализма²⁷, представляющего «конституциональную структуру, которая координирует отношения между тремя или более государствами на основе общих принципов. Такая многосторонняя форма сотрудничества не должна приравниваться к универсальному географическому охвату, а подразумевает отношения внутри конкретных коллективов»²⁸. «Мультилатерализм приносит очевидные преимущества, в том числе гибкость и адаптивность новых платформ сотрудничества, а также их открытость для обратной региональной связи и более активного участия в регионе»²⁹. Это подтверждается на практике, поскольку Китаю удалось не только привлечь новых участников к сотрудничеству в рамках формата «16+1» (в апреле 2019 г. к формату официально присоединилась Греция), но и заложить за 8 лет крепкий фундамент для продвижения экономического сотрудничества в регионе.

Основные направления экономического сотрудничества в рамках формата «16+1»

Инфраструктурное строительство. В 2014 г. был дан старт первому совместному инфраструктурному проекту между Китаем и странами ЦВЕ — строительству высокоскоростной железной дороги Белград — Будапешт протяженностью 336 км. (Сербская часть пути составляет 184 км, а венгерский участок железнодорожного пути — 152 км.) Это уникальный по масштабам маршрут, который соединяет греческий порт Пирей и столицу Венгрии — Будапешт, проходя через столицу Македонии Скопье, а также столицу Сербии Белград, связывая таким образом страны ЦВЕ с Южной Европой³⁰.

Проект изначально тормозился из-за предполагаемых высоких расходов, оцениваемых приблизительно в от 1,5–2,5 млрд евро, при том что Сербия также была заинтересована вкладывать собственные средства или использовать другие источники финансирования (например, Россию), чтобы не быть полностью зависимой от Китая. Однако в ходе 5-го саммита в Риге в ноябре 2016 г. китайская и сербская стороны в результате предварительного трехстороннего заседания представителей Сербии, Китая и Венгрии пришли к решению о подписании контракта с целью строительства первой секции скоростной железной дороги длиной 34,5 км от Белграда до Стара-Пазова на сумму в 319 млн евро, которую выделил Эксимбанк Китая. В строительстве данного участка железнодорожного пути приняли участие консорциум китайских компаний China Communication Construction Company Ltd и China Railway International Group³¹. В ноябре

2017 г. состоялась церемония, посвященная началу строительства секции железнодорожного полотна Белград — Стара-Пазова, сейчас строительство участка почти завершено³².

Строительство второй секции железной дороги, от Будапешта до границы Сербии в 152 км, будет начато только в 2020 г., несмотря на то, что в ноябре 2017 г. Венгрия и Китай подписали двустороннее соглашение, согласно которому строительные работы должна будет проводить китайская компания China Railway International Corporation, а 85% проекта будет финансироваться Эксимбанком Китая, который предоставит Венгрии кредит с последующей выплатой в течение 20 лет³³. Дело в том, что в ходе разработки трансграничной схемы проекта ЕС к концу 2017 г. выдвинул претензии по поводу того, что часть плана проекта, предложенного Венгрией, не соответствует правилам ЕС по проведению конкурсных торгов, согласно которым Венгрия, будучи членом ЕС, должна была опубликовать тендер на закупку для своего участка линии. После открытой публикации тендера в ноябре 2017 г. стоимость проекта оценивалась в 1,7 млрд евро, однако в мае 2018 г. лучшее предложение по тендеру составило 2,2 млрд евро. Правительство Венгрии оказалось не готово покрыть разницу, поэтому запустило новую процедуру государственных закупок. Таким образом, западное сообщество решило принять соответствующие меры давления на Венгрию с целью оттянуть сроки реализации амбициозного и самого масштабного проекта Китая в регионе ЦВЕ.

Несмотря на методы правового давления со стороны ЕС, строительство остальных участков железной дороги продвигается вперед. В июле 2018 г. на 7-м саммите, состоявшемся в Софии, Зорана Михайлович, занимающая пост заместителя премьер-министра Сербии, а также министра строительства, транспорта и инфраструктуры, подписала с китайской компанией China Communications Construction Company Ltd контракт на строительство третьей секции железной дороги Нови-Сад — Суботица — Келебия стоимостью 943 млн евро³⁴. В соответствии со старой проектной документацией скорость движения поездов должна была составить 160 км/ч, однако стороны пришли к решению, что она составит 200 км/ч³⁵. Работы над 107-километровой веткой железной дороги были начаты в 2019 г. и планируются к завершению в 2022 г.³⁶ На саммите сербская сторона также подписала с China Road and Bridge Corporation «Меморандум о сотрудничестве по реконструкции железной дороги Белград — Ниш» (Коридор 10) протяженностью 198 км и стоимостью 600 млн евро³⁷.

По словам заместителя премьер-министра Сербии Зораны Михайлович, «строительство скоростной железной дороги Белград — Будапешт является наиболее важным и ценным инфраструктурным проектом, осуществляемым в настоящее время в Сербии и регионе. Этот проект важен не только для Сербии, но и для соединения с регионом и ЕС, а также для соединения Центральной Европы с портом Пирей в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь»³⁸. Как отмечает директор института изучения ЕС Китайского народного университета Ван Ивэй, строительство железной дороги Белград — Будапешт принесет большие выгоды ЕС. С одной стороны, у стран — членов организации появится выход к Балтийскому морю, поскольку железная дорога станет сухопутно-морским мостом, связывающим европейский континент. С другой стороны, сооружение железной дороги будет способствовать модернизации инфраструктурных объектов на территории Европы.

Помимо реализации проектов по модернизации и строительству ветки железной дороги Белград — Будапешт, в регионе усиленными темпами идет развитие автомагистрального строительства. В 2014 г. Эксимбанк Китая выделил средства на строительство двух крупнейших автотрасс Македонии: Скопье — Штип протяженностью 47 км (208 млн евро) и Кичево — Охрид протяженностью 57 км (374 млн евро). В результате успешного строительства масштабная сеть дорог свяжет столицу Скопье с восточной частью Македонии — городом Штип, а также два важнейших туристических центра в западной части страны — Кичево и Охрид. Таким образом, строительство паневропейско-

го транспортного «Коридора 8» сыграет ключевую роль в развитии балканского региона, включая, помимо Македонии, Албанию и Болгарию.

Китай принимает непосредственное участие в строительстве таких участков автомагистрали в Сербии, как Обреновац — Уб и Лаковац — Лиг протяженностью 50,2 км (с 2014 г., китайская компания Shandong High-Speed Group), Сурчин — Обреновац протяженностью 17,6 км (с 2017 г., China Communication Construction Company Ltd)³⁹, Прелина — Пожега (с 2019 г., China Communication Construction Company Ltd)⁴⁰, Пожега — Боляре (решение о строительстве принято в 2019 г., China Road and Bridge Corporation)⁴¹. Ведется строительство скоростной автомагистрали между Черногорией и Албанией (с 2016 г., China Pacific Construction Group)⁴².

Продолжается строительство мостов. Например, в сентябре 2018 г. представители китайской государственной строительной компании China Construction Communication Engineering Group выразили готовность принять участие в строительстве моста между эстонскими островами Муху и Сааремаа и материковой частью Эстонии⁴³. В январе 2019 г. под руководством китайской государственной компании Chinese Road and Bridge Corporation (CRBC) был дан старт строительству крупнейшего на Балканах моста Пелешац длиной 2,4 км и высотой 55 м, который свяжет территорию Хорватии, соединив Дубровник с ее материковой частью⁴⁴.

Особую роль в транспортно-логистическом сотрудничестве Китая со странами ЦВЕ играют морские порты. В 2008 г. китайская государственная компания COSCO получила франшизу сроком на 35 лет на два контейнерных терминала в порте Пирей, а в 2016 г. приобрела 67% акций в управлении порта за 368,5 млн евро. В настоящее время порт Пирей — второй по величине на Средиземном море, который называют «воротами Китая в Европу». За 10 лет вложений инвестиций в порт Пирей его годовая пропускная способность увеличилась с 0,68 TEU до 4,15 TEU, а экономическое положение региона Аттики значительно улучшилось благодаря появлению новых рабочих мест⁴⁵. За десятилетие в регионе их было создано две тысячи.

Однако Китай и страны ЦВЕ развивают не только средиземноморское направление. В 2016 г. на 5-м саммите «16+1» участники формата принимают Рижскую декларацию, статьи которой посвящены развитию сотрудничества между Балтийским, Адриатическим и Черноморским портами⁴⁶. Таким образом, КНР выделяет субрегиональные группировки в пределах региона ЦВЕ (страны Прибалтики, страны «Вышеградской четверки», а также страны юго-восточной Европы)⁴⁷, придавая более систематизированный характер сотрудничеству в ходе создания сети транспортно-морского сообщения. Здесь, прежде всего, надо выделить такие порты, как Копер (Словения), Бар (Черногория), Констанца (Румыния), Гдыня и Гданьск (Польша), Фиуме (Хорватия), Клайпеда (Литва), Рига (Латвия), Таллинн (Эстония), Варна и Бургас (Болгария).

Финансовое сотрудничество. Ведущие партнеры Китая в сфере банковской кооперации на двустороннем уровне — Польша и Венгрия. В Варшаве открыты филиалы Банка Китая, Промышленного и коммерческого банка Китая (с 2013 г.), а также Китайского строительного банка (с 2016 г.). В 2013 г. подписано двустороннее соглашение между Народным банком Китая и Венгерским национальным банком о валютном свопе, а в 2014 г. открыт филиал Банка Китая в Будапеште, который в 2015 г. стал первым клиринговым центром по проведению бизнес-сделок в юанях в регионе ЦВЕ. В 2014 г. Венгерский национальный банк и Национальный банк Польши инвестировали в рынок межбанковских облигаций Китая в качестве зарубежных центральных банков. Польша (с 2016 г.) и Венгрия (с 2017 г.) также являются официальными членами Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). В 2016 г. Венгрия стала первой страной в регионе, которая выпустила суверенные облигации, номинированные в юанях, а в 2017 г. Банк Китая выпустил первую дебтовую карту в юанях и форинтах, что подчеркивает все-

душую роль страны в интернационализации китайской национальной валюты⁴⁸. Важно отметить, что в 2018 г. членом АБНН стала Румыния.

Сотрудничество в финансовой сфере ведется и на многосторонней основе. В 2013 г. во время проведения второго саммита «16+1» в Бухаресте премьер Госсовета КНР Ли Кэцян объявил об открытии Инвестиционного фонда сотрудничества между КНР и странами ЦВЕ, который к настоящему времени уже сделал крупные инвестиционные вложения (399 млн долл.) в постройку ветряной электростанции мощностью 250 МВт в Польше, а также трех солнечных электростанций совокупной мощностью 61 МВт в Чешской Республике, в образовательную группу в Венгрии и в производственную компанию в Болгарии⁴⁹. С 2016 г. осуществляется деятельность финансовой холдинговой компании Китая и стран ЦВЕ. Это небанковская структура, которая будет заниматься финансированием проектов в области связи и производственных мощностей. В ноябре 2017 г. была официально основана Межбанковская ассоциация Китая и стран ЦВЕ, членами которой стали 14 банков КНР и стран ЦВЕ. К настоящему моменту Ассоциация поддержала 19 различных проектов в странах ЦВЕ на сумму 1,132 млрд евро и с остатком по кредиту в размере 599 млн евро⁵⁰. В феврале 2018 г. был запущен второй этап Инвестиционного фонда сотрудничества между КНР и странами ЦВЕ, размер средств которого составляет 2 млрд долл.

Торговое сотрудничество. Трансрегиональное сотрудничество между КНР и странами ЦВЕ продвигается и в сфере торгово-экономических отношений. Торговый товарооборот между КНР и странами ЦВЕ в период 2012–2018 гг. вырос на 60% и составил 82,2 млрд долл., увеличившись в 2018 г., по сравнению с 2017 г., на 21%. Как отмечают специалисты, это рекордный уровень роста по сравнению с общемировой тенденцией. По данным Главного таможенного управления КНР, в первом полугодии 2018 г. внешнеторговый оборот с 16 странами ЦВЕ увеличился на 14,7%, что на 6,8 процентных пункта выше по сравнению с темпами роста национальной экономики⁵¹. Ведущий торговый партнер КНР в регионе — Польша, на втором месте Чехия, на третьем — Венгрия. В 2018 г. товарооборот между КНР и Польшей составил 23,68 млрд долл., увеличившись на 13,99% за год⁵², с Чехией — 18,02 млрд долл., увеличившись на 25,8% по сравнению с 2017 г.⁵³, с Венгрией — 9,32 млрд долл., увеличившись на 15% по сравнению с предыдущим годом⁵⁴, со Словакией — 4,6 млрд долл., увеличившись на 3,0% за период с января по ноябрь 2018 г.⁵⁵ Это так называемые страны Вышеградской группы (V4), которые с конца 1980-х годов формируют группу ведущих партнеров Китая в регионе. Что касается структуры торговли КНР и стран ЦВЕ, то на 2014 г. 50% китайской экспортной продукции в ЦВЕ составляло машинное и электронное оборудование. В список экспортных товаров входили текстильная продукция, металлы и металлопродукция. Экспорт из стран ЦВЕ представлен более широко: несмотря на то, что большую часть экспортной продукции из 12 стран — членов ЕС составляют машинное и электронное оборудование, тем не менее, в таких странах, как Болгария и Словакия, экспортная структура имеет иной характер: 71% экспорта из Болгарии в Китай приходится на потребительские товары, 76% экспорта из Словакии в Китай приходится на автомобильную продукцию и запчасти. Торговля с Западными Балканами имеет следующую структуру: Албания экспортирует в Китай хромовую руду, Северная Македония — ферросплавы, а Сербия — железную руду. Кроме того, доля Китая в торговой структуре Западных Балкан выше (например, в доле торговли Черногории — 8,6%), чем в торговой структуре с 12-ю странами — членами ЕС (например, в доле торговли Хорватии — 2,1%)⁵⁶.

Инвестиционное сотрудничество. К настоящему времени в странах ЦВЕ Китай реализует 177 проектов инвестиционного сотрудничества. Общий объем инвестиций, вложенных китайской стороной, превышает 10 млрд долл. 101 проект реализуется в Боснии и Герцеговине, 11 — в Словакии, 47 — в Венгрии, 8 — в Польше и 10 — в Латвии. Согласно исследованиям немецкого института Mercator Institute for China Studies, основ-

ными реципиентами китайских инвестиций в 2018 г. в регионе ЦВЕ являются Венгрия (2,69 млрд долл.), Польша (1, 57 млрд долл.) и Чехия (1, 12 млрд долл.), т.е. традиционные ведущие партнеры КНР в регионе⁵⁷.

Приоритетные сферы инвестирования для Китая в странах ЦВЕ — транспорт, энергетика и инфраструктурное строительство.

Энергетические проекты Китай реализует в Румынии, Чехии, а также в Боснии и Герцеговине. В 2013 г. мировой поставщик решений в сфере солнечной энергетики, китайская компания ET Solar Group, построила в жудеце Джурджу солнечную электростанцию мощностью 15 МВт⁵⁸. В 2015 г. китайская энергетическая частная компания CEFC China Energy открыла офисы в Праге. Только за два года компания потратила 1 млрд долл., имея доли в пражских отелях, финансовой группе и авиакомпании, контролируемой национальным авиаперевозчиком Czech Airline, купив футбольную команду, местный пивоваренный завод, а также культурные объекты⁵⁹. В Боснии и Герцеговине ведутся работы по строительству шести угольных электростанций на сумму более 2 млрд долл., финансируемых китайской стороной⁶⁰.

В Сербии китайской компанией China Road and Bridge Corporation (CRBC) было осуществлено строительство моста Земун — Борча протяженностью 1499 метров, который открылся в 2014 г. Это первый успешный проект в Восточной Европе, благодаря которому время в пути сократилось с одного часа до 10 минут. Очень важно, что в ходе подготовки и реализации проекта CRBC обучила местных сербских технических специалистов и управляющий персонал, кроме того, компания задействовала 400 местных сербских рабочих, что втрое больше числа китайских рабочих⁶¹. Финансирование проекта осуществлялось при поддержке Эксимбанка, который выделил кредит в размере 161,67 млн долл., а также благодаря бюджетным средствам, предоставленным правительством Сербии в размере 28,63 млн долл.⁶²

Китай также активно действует в отношении приобретения воздушно-транспортных хабов в Албании и Словении. В 2016 г. гонконгская компания China Everbright Ltd. (CEL) приобрела 100% акций аэропорта Тираны, а SHS Airlines, компания, зарегистрированная в Словении, но ведущая свою деятельность при поддержке китайского капитала, подписала соглашение с китайской строительной корпорацией China State Construction Engineering Corporation о реконструкции аэропорта в Мариборе стоимостью 740,12 млн долл.⁶³

Таким образом, реализация Китаем проектов экономического сотрудничества в регионе ЦВЕ приносит обоюдные выгоды как региону (развитая инфраструктура, экономические кластеры, новые технологические возможности), так и Китаю (геоэкономическое влияние в регионе, выход к рынкам Западной Европы, реализация масштабного проекта «Один пояс, один путь»).

В результате напрашивается ряд выводов.

Во-первых, европейский вектор внешней политики Китая играет сегодня ведущую роль, что обусловлено, прежде всего, стремлением КНР получить доступ к технологиям Западной Европы и закрепить позиции на западноевропейских рынках.

Во-вторых, отношения со странами ЦВЕ приобретают все более важное значение в связи с реализацией КНР инициативы «Один пояс, один путь» и укреплением диалога с ЕС.

В-третьих, формат «16+1» выступает в качестве важной площадки проведения Китаем согласованной политики в отношении стран Центральной и Восточной Европы. В рамках многостороннего формата сотрудничества стороны создают механизмы, которые помогают выработать общее решение с наибольшей обоюдно выгодой. Например, открытие в апреле 2019 г. Центра глобального партнерства (Global Partnership Center) — неправительственной организации, которая будет проводить аналитическую работу по исследованию рынка и оказывать помощь предприятиям Китая и стран ЦВЕ в осуще-

ствлении взаимного торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, — позволит наиболее успешно выстроить экономическое партнерство, избегая потенциальных торгово-экономических барьеров и просчетов, привлекая бизнес и правительственные предприятия к более активному участию в диалоге и создавая благоприятную инвестиционную среду для всех участников отношений.

В-четвертых, экономическое сотрудничество между странами региона и КНР осуществляется во многих направлениях. Ведущие партнеры Китая в сфере торгового, финансового и инвестиционного сотрудничества в регионе — это прежде всего страны «Вышеградской группы», в сфере транспортно-логистического строительства — прежде всего страны Балканского региона. Такого рода специализация по странам свидетельствует о том, что модель сотрудничества КНР с регионом ЦВЕ, реализованная в формате «16+1», дала возможность успешно проводить партнерскую деятельность с учетом конкурентных преимуществ каждой стороны.

1. *Носов М.Г.* ЕС и Китай: торговля или стратегия // Современная Европа. 2018. № 6. С. 5–17. URL: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620180517>.
2. Full text of China's Policy Paper on the European Union. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-12/18/c_137681829.htm.
3. Ibid.
4. Website of the Ministry of Commerce of the Peoples' Republic of China. Statistics. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/lanmubb/>
5. *Hu Hong.* Greece joining 16+1 is a positive step for EU. Китайский международный новостной телеканал CGTN. URL: <https://news.cgtn.com/news/3d3d414f7745444d34457a6333566d54/index.html>.
6. Communication of the Commission. A long-term policy for China-Europe relations. URL: http://www.eeas.europa.eu/archives/docs/china/docs/com95_279_en.pdf.
7. Website of the European Union. A Secure Europe in a better world. European Security Strategy. Brussels, 12 December 2003. URL: <https://europa.eu/globalstrategy/en/european-security-strategy-secure-europe-better-world>.
8. Website of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. China's EU Policy Paper, October 2003. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/ccupp_665916/t27708.shtml.
9. Website of the European Union. Further expansion. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/history/2000-2009_en.
10. Китайская Народная Республика в 2004–2005 гг. Указ. соч. С. 247.
11. *Zhu Xiaozhun.* Zhongguo he zhongdongou guojia guanxi de fazhan: [Развитие отношений между Китаем и странами Центральной и Восточной Европой]. Lingdao kexue luntan, 2016(8). С. 52–68.
12. *Françoise Nicolas.* Chinese Direct Investment in Europe: Facts and Fallacies. Chatham House. Briefing Paper, June 2009. P. 5.
13. Китайская Народная Республика в 2007 г.: политика, экономика, культура. / В.Я. Портяков, Л.М. Гудошников, Д.А. Смирнов и др.; под ред. М.Л. Титаренко; ИДВ РАН. М.: Русская панорама, 2008. С. 206–207.
14. Китайская Народная Республика в 2006 г.: политика, экономика, культура / В.Я. Портяков, Л.М. Гудошников, Д.А. Смирнов и др.; под ред. М.Л. Титаренко; ИДВ РАН. М., 2007. С. 250.
15. *Dimitrijević Duško.* Chinese Investments in Serbia—A Joint Pledge for the Future of the New Silk Road // Baltic Journal of European Studies. Tallinn University of Technology. 2017. Vol. 7. No. 1 (22). P. 69.
16. Website of the Hungarian Government. Chinese Deputy Prime Minister pays a visit to Budapest. May 2, 2012. URL: <http://2010-2014.kormany.hu/en/prime-minister-s-office/news/chinese-deputy-prime-minister-pays-a-visit-to-budapest>.
17. V4 Goes Global: Exploring Opportunities and Obstacles in the Visegrad Countries' Cooperation with Brazil, India, China and South Africa / Patryk Kugiel. The Polish Institute of International Affairs, 2016. P. 43–44.

18. Цвык А.В. «Один пояс, один путь»: взгляд из Европы // Современная Европа. 2019. № 1. С. 104–112. URL: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12019104112>.
19. Li Keqiang zai di ba ci zhongguo — zhongdongou guojia lingdaoren huiwu shang de jianghua: [Выступление Ли Кэцзяна на 8-ом саммите Китая и стран ЦВЕ]. Xinhuashe, 2019.04.13. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-04/13/content_5382259.htm.
20. Secretariat for Cooperation between China and Central and Eastern European Countries. China-CEEC Think Tanks Network, 2017.12.03. URL: <http://16plus1-thinktank.com/4/20171203/1543.html>.
21. Китай и Восточная Европа — звенья Нового Шелкового Пути / отв. ред.: В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 19.
22. Website of the Consulate-General of the People's Republic of China in Belfast. Work Together to Open Up New Prospects for Win-Win Cooperation — Address by H.E. Li Keqiang Premier of the State Council of the People's Republic of China At the Fifth China and Central and Eastern European Countries Economic and Trade Forum. Suzhou, 24 November 2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgbelfast/eng/zgxw_1/t1318407.htm.
23. Website of the State Council Information Office of the People's Republic of China. China, CEE countries sign memo to promote Belt and Road Initiative, 2015.11.27. URL: <http://www.scio.gov.cn/32618/Document/1457008/1457008.htm>.
24. Website of the Belt and Road Initiative (BRI). Cooperation agreements and MoUs under the Belt and Road Initiative. URL: <https://www.beltroad-initiative.com/memorandum-of-understanding-belt-and-road-initiative/>
25. *Weiqing Song*. Regionalisation, inter-regional cooperation and global governance // *Asia Europe Journal*. University of Macau, February 2007. P. 68.
26. The Medium-Term Agenda for Cooperation between China and Central and Eastern European Countries, 2016.10.21. URL: http://www.china-ceec.org/eng/ldrhw_1/sz2015/hdxw/t1411475.htm.
27. *Jakobowski Jakob*. Chinese-led Regional Multilateralism in Central and Eastern Europe, Africa and Latin America: 16 + 1, FOCAC, and CCF // *Journal of Contemporary China*, 2018. P. 8. DOI: 10.1080/10670564.2018.1458055.
28. *Langenhove Luk Van, Costea Ana-Cristina*. Inter-regionalism and the Future of Multilateralism. United Nations University // *Comparative Regional Integration Studies Occasional Paper*. 0–2005/13. P. 4.
29. *Jakobowski Jakob*. Op.cit. P. 15.
30. Chinese premier hails bright prospect of infrastructure cooperation with CEE countries. Cooperation between China and Central and Eastern European Countries, 2015.01.27. URL: http://www.china-ceec.org/eng/ldrhw_1/2014berglld/hdxw/t1410501.htm.
31. *Dimitrijević Duško*. Op. cit. P. 72–73.
32. *Gorvett Jonathan*. Hungary ponders pitfalls of Chinese railway line // *Asia Times*. April 15. 2019. URL: <https://www.asiatimes.com/2019/04/article/hungary-ponders-pitfalls-of-chinese-rail-line/>
33. *Janne Suokas*. Hungary to award contract for Chinese-funded rail project by end of year. GBTIMES. Sep 26, 2018. URL: <https://gbtimes.com/hungary-to-award-contract-for-chinese-funded-rail-project-by-end-of-year>.
34. Chinese companies sign Serbian railway upgrade agreement // *Railway Gazette*. 11 Jul. 2018. URL: <https://www.railwaygazette.com/news/infrastructure/single-view/view/chinese-companies-sign-serbian-railway-upgrade-agreement.html>.
35. Start date of construction of high-speed railway from Novi Sad to Subotica to be known soon — Trains to run at 200 kilometers per hour. Сайт бизнес — портала Сербии, Боснии и Герцеговины «Капија», 04.04.2018. URL: <https://www.ekapija.com/en/news/2083640/start-date-of-construction-of-high-speed-railway-from-novi-sad-to>.
36. Serbian railways discontinues Belgrade-*Novi Sad* line. Сербский канал новостей «№ 1». URL: [http://rs.n1info.com/English/NEWS/a457057/Serbian-railways-discontinues-Belgrade-*Novi Sad*-line.html](http://rs.n1info.com/English/NEWS/a457057/Serbian-railways-discontinues-Belgrade-<i>Novi Sad</i>-line.html).
37. Memorandum on reconstruction of Belgrade — Nis railway signed with China's CRBC. Сайт бизнес-портала Сербии, Боснии и Герцеговины «Капија», 08.07.2018. URL: <https://www.ekapija.com/en/news/2184930/memorandum-on-reconstruction-of-belgrade-nis-railway-signed-with-chinas-crbc>.
38. EUR 943 million for railway from Novi Sad to Subotica — Works in 2019. Сайт бизнес-портала Сербии, Боснии и Герцеговины «Капија», 08.07.2018. URL: <https://www.ekapija.com/en/news/2185210/eur-943-million-for-railway-from-novi-sad-to-subotica-works-in>.

39. Chinese company starts works on Serbia's E-763 highway // Global Times. 2017.03.02.
URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1035586.shtml>.
40. Construction of Preljina-Pozega highway section to begin in spring. Сайт бизнес — портала Сербии, Боснии и Герцеговины «Екарија», 13.03.2019. URL: <https://www.ekarija.com/en/news/2434139.pocetak-izgradnje-deonice-autoputa-preljina-pozega-najavljen-za-prolece-2019>.
41. *Ralev Radomir*. Serbia, China's CRBC sign MoU on Pozega- Boljare motorway construction. 15 April, 2019. URL: <https://secnews.com/news/serbia-chinas-crbc-sign-mou-on-pozega-boljare-motorway-construction-650692>.
42. *Tonchev Plamen*. China's Road: into the Western Balkans European Union Institute for Security Studies (EUISS). February 2017. P. 2. URL: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%203%20China%27s%20Silk%20Road.pdf>.
43. Saaremaa bridge advocates meet with Chinese business executives, 06.09.2018.
URL: <https://news.err.ee/859212/saaremaa-bridge-advocates-meet-with-chinese-business-executives>.
44. *Prtorić Jelena, Vale Giovanni*. China's 'bridge to Europe' drives a wedge between Croatia and Bosnia // The Equal Times. 20 March 2019. URL: <https://www.equaltimes.org/china-s-bridge-to-europe-drives-a?lang=en#.XMX-y-gzY2z>.
45. China's Cosco Makes Piraeus 2nd Largest Port in Mediterranean // The National Herald. February 4, 2019. URL: <https://www.thenationalherald.com/229205/chinas-cosco-makes-piraeus-2nd-largest-port-in-mediterranean/>
46. Website of the Ministry of foreign affairs of the Republic of Latvia. The meeting of Heads of Government of Central and Eastern European countries and China: Riga Declaration, 2016.11.10.
URL: http://www.china-ceec.org/eng/ldrhw_1/2016lj/hdxw4/t1414325.htm.
47. *Kairandzhiev Valentin*. 16+1 China-CEEC Cooperation Platform Promoting Belt and Road: Opportunities and Challenges / Huang Ping, Liu Zuokui. Research Fund on China-CEE Relation in 2017. P. 79.
48. *Louis Chan*. Hungary: Leading the Way in BRI Co-operation // HKTDC. June 15, 2017.
URL: <http://economists-pick-research.hktdc.com/business-news/article/Research-Articles/Hungary-Leading-the-Way-in-BRI-Co-operation/rp/en/1/1X000000/1X0AAEGE.htm>.
49. Website of China-Central and Eastern Europe Investment Cooperation Fund. URL: <http://china-ceefund.com/index.html>.
50. China — CEEC Interbank Association officially established. China go abroad, where China meets the world. URL: <http://www.chinagoabroad.com/en/article/china-ceec-interbank-association-officially-established>.
51. Website of the General Administration of Customs of the People's Republic of China. Review of China's Foreign Trade in the First Half of 2018, 19.07.2018. URL: <http://english.customs.gov.cn/statistics/2af24093-1edb-45b7-9b72-4918948954af.html>.
52. 2018 nian 12 yue Bolan maoyi jianxun. Guobie maoyi jianxun. Guobie baogao: [12 декабря 2018 г. торговая заметка о Польше. Торговые заметки о разных странах. Отчет о странах при Министерстве коммерции КНР]. URL: https://countryreport.mofcom.gov.cn/new/view110209.asp?news_id=63594.
53. 2018 nian 12 yue Jieke maoyi jianxun. Guobie maoyi jianxun. Guobie baogao: [12 декабря 2018 г. торговая заметка о Чехии. Торговые заметки о разных странах. Отчет о странах при Министерстве коммерции КНР]. URL: https://countryreport.mofcom.gov.cn/new/view110209.asp?news_id=63160.
54. 2018 nian 12 yue Xiongyali maoyi jianxun. Guobie maoyi jianxun. Guobie baogao: [12 декабря 2018 г. торговая заметка о Венгрии. Торговые заметки о разных странах. Отчет о странах при Министерстве коммерции КНР]. URL: https://countryreport.mofcom.gov.cn/new/view110209.asp?news_id=63553.
55. 2018 nian 11 yue Siluofake maoyi jianxun. Guobie maoyi jianxun. Guobie baogao: [11 декабря 2018 г. торговая заметка о Словакии. Торговые заметки о разных странах. Отчет о странах при Министерстве коммерции КНР]. URL: https://countryreport.mofcom.gov.cn/new/view110209.asp?news_id=63166.
56. *Grieger Gisela*. China, the 16+1 format and the EU. European Parliamentary Research Service. Briefing, September 2018. P. 5. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/625173/EPRS_BRI\(2018\)625173_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/625173/EPRS_BRI(2018)625173_EN.pdf).

57. *Hanemann Thilo, Huotari Mikko*. Chinese FDI in Europe: 2018 trends and impact of new screening policies. Rhodium Group and Mercator Institute for China Studies. Klosterstraße 64, 10179 Berlin, Germany. March 2019. P. 12.
58. Chinese investment in Europe: corporate strategies and labour relations / ed. by Jan Drahekoupil. ETUI Printshop. Brussels, 2017. P. 144.
59. *Barboza David, Santora Marc, Stevenson Alexandra*. China Seeks Influence in Europe, One Business Deal at a Time // The New York Times. August 12, 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/08/12/business/china-influence-europe-czech-republic.html>.
60. *Davies Jack, Prtorik Jelena*. Chinese banks move into Bosnian power sector. China dialogue, 17.04.2018. URL: <https://www.chinadialogue.net/article/show/single/en/10589-Chinese-banks-move-into-Bosnian-power-sector>.
61. *Li Yang*. Zemun-Borca Bridge shows friendship and professionalism. Belt and Road Portal, 2017.08.30. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/home/rolling/25473.htm>.
62. *Milojević Milica*. Chinese investment in Serbia. Financial Observer.eu, 21.10.2018. URL: <https://financialobserver.eu/cse-and-cis/chinese-investment-in-serbia/>
63. Maribor airport operator sold to Chinese capital-controlled SHS Aviation // The Slovenia Times. 21 December 2016. URL: <http://www.sloveniatimes.com/maribor-airport-operator-sold-to-chinese-capital-controlled-shs-aviation>.

Подходы Вьетнама к «Индо-Тихоокеанским стратегиям»

© 2019

М.А. Терских

В статье рассматриваются подходы Вьетнама к продвигаемым США, Японией, Австралией и Индией «Индо-Тихоокеанским стратегиям» с учетом их декларированных и реальных целей. Особое внимание уделяется перспективам присоединения Ханоя к поддержке этих концепций, в первую очередь, американской идеи «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Автор приходит к выводу, что, несмотря на интерес к стратегиям «четверки», Вьетнам вряд ли поддержит их официально, опасаясь реакции Китая. Однако на практике сотрудничество по ключевым направлениям стратегий будет продолжено.

Ключевые слова: Вьетнам, США, Китай, ИТР, ИТС, Япония, Индия, Австралия.
DOI: 10.31857/S013128120006093-3

Идея объединения пространств Тихого и Индийского океанов в общее целое не нова. Однако, зародившись в сфере биологии (как естественный ареал обитания некоторых живых существ) и пройдя апробацию в области военно-морского планирования, в последние годы она стала особенно популярна в сфере геополитики. Неудивительно, что во Вьетнаме, находящемся в центре новой «Индо-Тихоокеанской конструкции», заявленные рядом стран соответствующие стратегии вызвали большой, серьезный интерес.

Впервые официально мысль о «слиянии» двух океанов сформулировал С. Абэ во время своего первого срока пребывания во главе правительства Японии¹. Во время второго срока он конкретизировал концепцию, заявив, что ее цель — превратить Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) «в зону свободную от насилия и принуждения, где царит власть закона, где правит рыночная экономика, обеспечивая региону процветание»². Термин «Индо-Тихоокеанский» стал постепенно использоваться внешнеполитическими и оборонными ведомствами ряда государств, в первую очередь — Японии, США, Австралии и Индии. К примеру, ИТР упоминался в 2013 г. в выпускаемой правительством Австралии «Белой книге по обороне»³. При этом наибольший резонанс вызвало провозглашение президентом США Д. Трампом так называемой *Стратегии свободного и открытого ИТР* и включение этой региональной формулы в обновленные стратегии национальной безопасности и обороны.

Вместе с тем более правильным представляется в настоящее время рассматривать американский «свободный и открытый ИТР» в качестве набора идей, чем проработанной доктрины. В самом общем виде они были озвучены заместителем помощника госсекретаря США А. Вонгом и главой Пентагона Дж. Мэттисом соответственно в апреле и июле 2018 г. и сводятся к поддержке свободы судоходства и «основанного на правилах порядка», к укреплению взаимодействия военно-морских сил, развитию «справедли-

вой» торговли⁴. Свободным, как заявлено, он является потому, что в нем отсутствует принуждение и обеспечиваются фундаментальные права человека, а открытым — благодаря характеру морских и воздушных коммуникаций, а также торгово-инвестиционному взаимодействию и развитию инфраструктуры иностранными партнерами.

Во всех этих элементах, в целом схожих с заявленными целями «индо-тихоокеанских стратегий» (ИТС) Австралии и Японии, вполне ясно прослеживается замысел по сдерживанию Китая. Примечательна статья, опубликованная в еженедельнике вьетнамского внешнеполитического ведомства в феврале 2018 г. под заголовком «ИТР: новый подход к старой стратегии»⁵. Ее автор со ссылкой на экспертные круги без обиняков называет главной целью этой стратегии ограничение влияния Пекина.

Подобная «фокусировка» на Китай во многом обусловлена заметным повышением в последние годы активности КНР в бассейне Индийского океана как в военно-политической области, так и в экономической. С 2013 г. НОАК начала патрулирование акватории в целях борьбы с пиратством, затем там появились китайские подводные лодки. Реализуя стратегию «нити жемчуга» — сети опорных пунктов в Индийском океане, в 2015 г. Китай подписал с Джибути соглашение о создании своей первой иностранной военно-морской базы. В перспективе не исключено появление еще одной в Пакистане⁶. В 2017 г. Шри-Ланка передала КНР в аренду на 99 лет свой глубоководный порт на южном побережье⁷. На страны Индийского океана приходится также существенная часть капиталовложений Китая на строительство инфраструктурных объектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (что, видимо, явилось причиной упоминания этой инициативы в американской стратегии).

Антикитайский характер западных ИТС не может не привлекать Ханой. Во Вьетнаме традиционно достаточно сильна антипатия к КНР — как по историческим причинам — из десяти национально-освободительных войн восемь вьетнамцы вели именно против «северного соседа», так и в силу существующих территориальных споров в Южно-Китайском море (ЮКМ). Их обострение во многом послужило катализатором американо-вьетнамского сближения в последние годы. Поэтому неслучайным выглядит акцентирование приоритета свободы судоходства и воздушной навигации, угрозы которым инкриминируются Пекину. С другой стороны, если судить по заявлениям американских официальных лиц, Вьетнам рассматривается в качестве одного из наиболее перспективных партнеров США в регионе. Так, посол США в Ханое Д. Критенбринк в своем интервью назвал СРВ «центральной и жизненно важной частью индо-тихоокеанской стратегии»: недаром о ней официально было заявлено во вьетнамском Дананге⁸.

Однако отношения СРВ с КНР носят амбивалентный характер, ведь Китай по-прежнему является крупнейшим торгово-экономическим и политико-идеологическим партнером Вьетнама. Этим обусловлена предельная сдержанность при обсуждении «индо-тихоокеанских идей» на официальном уровне. Показательно, что первое высказывание высшего руководства страны по ИТС было сделано лишь в апреле 2018 г., когда вьетнамский премьер Нгуен Суан Фук, отвечая на прямой вопрос журналистов, заявил, что «все новые инициативы о сотрудничестве в регионе должны способствовать миру, стабильности и развитию, уважать центральную роль, основные принципы и ценности АСЕАН»⁹.

Примечательно, что летом 2018 г. на ежегодном азиатском форуме по безопасности «Шангри-Ла диалог» глава вьетнамской делегации, министр национальной обороны Нго Суан Лить и вовсе не упоминал «индо-тихоокеанские идеи», несмотря на доминирование этой темы в повестке дня. С учетом усиливающейся американо-китайской конкуренции в регионе Ханой, похоже, не заинтересован в том, чтобы однозначно высказываться по поводу западных ИТС.

Проявлением традиционной для Ханоя политики балансирования можно также назвать неологизм президента СРВ Чан Дай Куанга в ходе визита в Индию в марте

2018 г., оперировавшего термином «Индо-Азиатско-Тихоокеанский регион». Однако дальнейшего развития во вьетнамских официальных или политологических дискурсах он не получил. По итогам этой поездки было принято совместное заявление, в котором обе стороны подчеркнули важность мира и процветания в ИТР, «где уважают суверенитет и международное право, свободу навигации и полетов, устойчивое развитие, честные и свободные торговлю и инвестиции»¹⁰.

Акцентирование международного права представляется особенно важным в контексте продвигаемой в западных ИТС формулы «порядка, основанного на правилах». Действия администрации Д. Трампа показывают, что несмотря на интуитивную синонимичность, ставить знак равенства между тем самым порядком и международным правом нельзя. Свидетельством этого в Азиатско-Тихоокеанском регионе являются, к примеру, односторонние «операции в поддержку свободы судоходства» в ЮКМ Вашингтоном, не ратифицировавшим Конвенцию ООН по морскому праву (1982), а также граничащее с шантажом давление в ходе двусторонних торговых переговоров вместо решения споров на площадке Всемирной торговой организации (ВТО).

В этом плане Вьетнам, как и большинство государств Юго-Восточной Азии, предпочитает не форсировать события и дожидаться, во-первых, конкретизации соответствующих стратегий, а во-вторых — выработки общеасеановского подхода к ним. Руководство внешнеполитического ведомства СРВ не раз подчеркивало, что новая конфигурация, независимо от ее географического охвата, должна быть «открытой, инклюзивной и транспарентной» при сохранении центральной роли Ассоциации¹¹. Именно по последнему пункту, несоблюдение которого чревато появлением в регионе новых разделительных линий, у вьетнамской стороны немало вопросов, даже после нарочитого выделения идеологами ИТС с середины 2018 г. в официальных выступлениях и документах центральной роли АСЕАН. Ведь в самой стратегии фактически заложен раскол, так как, судя по расставленным авторами ИТС акцентам, в новую конструкцию не вписываются Китай и Россия¹². При этом симптоматично, что в целом никто так и не смог дать определение Индо-Тихоокеанскому региону, обозначив его географические границы. Если в него входят все страны, имеющие доступ к одному из океанов, то применимы ли ИТС к странам Африки и Ближнего Востока? И к какому региону относятся государства, окруженные со всех сторон сушей, к примеру, Лаос?

В непосредственной связке с «индо-тихоокеанскими идеями» в Ханое рассматривают формирование так называемой четверки — партнерства Австралии, Индии, США и Японии с вполне очевидным антикитайским подтекстом. Отвечая на вопрос индийских СМИ по поводу данной коалиции, посол СРВ в Нью-Дели Фам Шань Тяу заявил, что Вьетнам поддерживает инициативы, направленные на укрепление мира и стабильности, безопасности навигации в регионе, однако не хотел бы видеть создание какого-либо военного альянса. По его словам, «если какая-то страна планирует сколачивать военный блок и играть мускулами, то такие затеи расходятся с интересами Ханоя»¹³. Вместе с тем стоит отметить, что именно с государствами «четверки» Вьетнам в последние годы наиболее интенсивно развивает сотрудничество в области обороны, особенно по тематике обеспечения безопасности на море.

Вьетнамское экспертное сообщество разделяет озвученные опасения. Одновременно оно сетует на то, что идеи об ИТР до сих пор не представлены в качестве полноценной концепции, не говоря уже о создании какой-либо «дорожной карты». Определенные замечания есть и к экономическому измерению ИТС, которое явно уступает по проработанности военно-политическому. В подаче политологов, для повышения привлекательности стратегий их авторам следовало бы упираться на экономические выгоды от участия.

Особенно актуально это для американской версии стратегии после выхода США из проекта Транстихоокеанского партнерства (ТТП), что в определенной степени подор-

вало ожидания Вьетнама от будущего двусторонних торгово-инвестиционных связей: открытие американского рынка рассматривалось в качестве основного преимущества ТТП¹⁴. В официальной плоскости об этом говорил замминистра иностранных дел СРВ Фам Куанг Винь на организованном посольством США в Ханое в декабре 2018 г. «индо-тихоокеанском диалоге»¹⁵. Свое выступление вьетнамский дипломат посвятил именно практическому взаимодействию государств региона, подчеркнув важность укрепления инфраструктурной и энергетической взаимосвязанности.

Несмотря на кажущуюся искусственность новой конструкции, объединяющей пространства двух океанов, события последних двух лет показывают, что термин «индо-тихоокеанский» весьма прочно обосновался в политическом дискурсе — где-то в силу поддержки одноименных стратегий, а где-то исключительно благодаря политической моде. Как пишет Д.В. Стрельцов, в послевоенный период неестественными выглядели неологизмы о евро-атлантическом единстве, а в 1970-е вопросы вызывало соединение Азии и Тихого океана в Азиатско-Тихоокеанский регион¹⁶. Как представляется, Ханой не усматривает в самом переименовании региона серьезных геополитических сдвигов.

В целом, несмотря на то, что Вьетнаму не могут не импонировать ориентированные на сдерживание Китая элементы западных ИТС, однозначная поддержка Ханоем стратегий Вашингтона, Токио и Канберры в публичном пространстве маловероятна. С учетом значимости отношений с КНР и наметившегося прогресса в диалоге с АСЕАН по проблематике территориальных споров в ЮКМ Вьетнам не заинтересован в усилении конфронтации с «северным соседом». В этом плане наиболее сбалансированным представляется выбор в пользу общего подхода Ассоциации, в частности — разрабатываемого Джакартой видения объединения пространств Тихого и Индийского океанов. Тем не менее, надо полагать, что на практике Ханой продолжит укреплять взаимодействие с «индо-тихоокеанской четверкой» по ключевой теме западных ИТС — безопасности на море и свободе судоходства.

1. *Кистанов В.О.* Индо-Тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 2. С. 32–43.
2. *Yijun Kuo.* Japan's Role in the Indo-Pacific Strategy // Prospect Journal. April 2018. No. 19. URL: <https://www.pf.org.tw/files/6236/8B3BC62D-6F19-4E23-8D96-3BBC3042464F> (дата обращения: 07.04.2019).
3. *Стрельцов Д.В.* Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений // Международная жизнь. 2018. № 9. С. 65–74.
4. *Le Hong Hiep.* America's Free and Open Indo-Pacific Strategy: A Vietnamese Perspective // ISEAS Perspective. 2018. No. 43. URL: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2018_43@50.pdf (дата обращения: 07.04.2019).
5. *Pham Minh Thu.* “An Đô — Thái Bình Dương”: Cách tiếp cận mới cho chiến lược cũ: [«Индо-Тихоокеанский регион»: новый подход к старой стратегии] // The World and Vietnam. February 03, 2018. URL: <https://baoquocte.vn/an-do-thai-binh-duong-cach-tiep-can-moi-cho-chien-luoc-cu-65468.html> (дата обращения: 07.04.2019).
6. *Стрельцов Д.В.* Указ. соч.
7. *Куприянов А.В.* Китай взял в долгосрочную аренду глубоководный порт Хамбантога на Шри-Ланке. Сайт ИМЭМО РАН. 20.12.2017. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3750&ret=640 (дата обращения: 07.04.2019).
8. Vietnam “vitally important” in Indo-Pacific Strategy: US Ambassador. Tuổi Trẻ News. December 10, 2018. URL: <https://tuoitrenews.vn/news/politics/20181210/vietnam-vitally-important-in-indopacific-strategy-us-ambassador/48070.html> (дата обращения: 07.04.2019).
9. Chuyến thăm chính thức Singapore và dự Hội nghị Cấp cao ASEAN của Thủ tướng thành công tốt đẹp: [Успешное завершение официального визита в Сингапур Премьер-министра и его участия в саммите АСЕАН]. Официальный сайт премьер-министра Вьетнама Нгуен Суан Фука.

- 03.05.2018. URL: <http://thutuong.chinhphu.vn/Home/Chuyen-tham-chinh-thuc-Singapore-va-du-Hoi-nghi-Cap-cao-ASEAN-cua-Thu-tuong-thanh-cong-tot-dep/20185/28055.vgp> (дата обращения: 07.04.2019).
10. India-Vietnam Joint Statement during State visit of President of Vietnam to India. Ministry of External Affairs of India. March 3, 2018. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/29535/IndiaVietnam-Joint-Statement-during+State+visit+of+President+of+Vietnam+to+India+March+03+2018> (дата обращения: 07.04.2019).
11. Họp báo thường kỳ lần thứ 11: [Пресс-конференция № 11]. Официальный сайт МИД Вьетнама. 02.08.2018. URL: http://www.mofa.gov.vn/vi/tt_baochi/pbnfn/ns180802193053 (дата обращения: 07.04.2019).
12. *Кортунов А.В.* Индо-Пацифика или Сообщество единой судьбы? / Российский совет по международным делам. 28.05.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoj-sudby/> (дата обращения: 07.04.2019).
13. Vietnam opposes military alliances in region: envoy // The Hindu. November 15, 2018. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/vietnam-opposes-military-alliances-in-region-envoy/article25509702.ece> (дата обращения: 07.04.2019).
14. *Терских М.А.* Транстихоокеанское партнерство: интересы Соединенных Штатов Америки и Социалистической Республики Вьетнам // *Международная жизнь*. 2015. № 12. С. 106–115.
15. US Ambassador wants "free and open" Asia // Vietnam News. December 08, 2018. URL: <https://vietnamnews.vn/economy/481642/us-ambassador-wants-free-and-open-asia.html#Ptf2qeewWWA7IUJ8.97> (дата обращения: 07.04.2019).
16. *Стрельцов Д.В.* Указ. соч.

Экономика

Страны Восточной Азии: конкурентная девальвация и формирование золотовалютных резервов

© 2019

Я.В. Дёмина

Для Восточной Азии характерно многообразие режимов валютных курсов при частой их смене. После кризисов 1997–1998 гг. и 2008–2009 гг. государства региона стремились создать «подушку безопасности», пользуясь конкурентной девальвацией к доллару США. Результаты регрессионного анализа показывают, что несмотря на отсутствие институциональной оболочки для скоординированной валютной политики в регионе, на практике там сохраняется привязка номинальных курсов восточноазиатских валют к доллару США.

Ключевые слова: режимы валютного курса, политика конкурентной девальвации, золотовалютные резервы, Восточная Азия, АСЕАН, валютно-финансовые кризисы, «азиатские тигры».

DOI: 10.31857/S013128120006094-4

В экономической литературе широко распространена точка зрения, что конкурентная девальвация национальной валюты благоприятствует росту экспорта соответствующей страны. Воздействие валютной политики на объемы внешней торговли изучается при этом на примере отдельно взятых стран. Но если исследовать эффекты валютной политики шире, с охватом внешней торговли региона в целом (а не отдельных стран), то в числе плодов конкурентной девальвации обнаруживается нечто негативное — спад суммарных объемов экспорта и импорта. В странах Восточной Азии¹ из-за практикуемой в настоящее время конкурентной девальвации национальных валют к доллару США формируется разграничение на группы валют с противоположной динамикой — сильные и слабые.

Усиливающаяся при этом конкуренция внутри региона за рынки сбыта снижает товарооборот в его рамках, обостряет политические противоречия. Кроме того, поскольку единого валютного или финансового рынка в Восточной Азии не сложилось, все это негативно сказывается на платежных балансах стран региона. Для них в основном характерно положительное сальдо (как торговое, так и по счетам движения капитала), что оказывает давление на валютные курсы.

Дёмина Яна Валерьевна, кандидат экономических наук, научный сотрудник ФГБУН Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (Хабаровск).
E-mail: yandemi@yandex.ru.

Некоторые эксперты по Восточной Азии высказываются за привязку национальных валют стран Восточной Азии к какому-то «якорю» (обычно это корзина валют) и даже за введение общей валюты. Варианты содержания таких корзин у разных авторов — разные. Многие считают, что согласованная политика в области установления валютных курсов способствовала бы укреплению стабильности в регионе, суля тем самым приток капитала извне.

Режимы и формы валютных курсов в странах Восточной Азии

Валютная политика, как часть макроэкономической политики государства, преследует такие цели, как поддержание равновесия платежного баланса, обеспечение стабильного экономического роста и устойчивости национальной валюты. На практике эти цели могут достигаться различными методами²:

- выбор режима валютного курса;
- введение валютных ограничений;
- проведение валютных интервенций;
- диверсификация валютных резервов.

Международный валютный фонд (МВФ) выделяет 10 форм *режимов валютных курсов*, объединенных в три большие группы (рис. 1). В современном мире большинство стран (136 из 189 членов МВФ) применяет гибридные режимы валютных курсов (т.е. все промежуточные формы между крайними случаями — свободным плаванием и жесткой фиксацией).

Фиксированные валютные режимы основаны на привязке денежных единиц к «якорным» валютам других стран либо к «корзинам», включающим несколько валют. Жесткая фиксация (*hard peg*) предполагает отсутствие национальной валюты или валютное управление. К мягкой фиксации (*soft peg*) МВФ относит ряд разновидностей: обычная привязка, стабилизационное соглашение, горизонтальный коридор, скользящая привязка и соглашение наподобие скользящей привязки.

К плавающим режимам относятся управляемое и свободное «плавание», прочие представляют собой остаточную категорию, куда входят страны с режимами валютных курсов, которые не соответствуют ни одной из вышеназванных форм либо отличаются частой сменой режимов валютного курса.

Рис. 1. Режимы и формы валютных курсов

Источник: составлено автором по: IMF. *Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions*. 2016.

Валютные ограничения в современном мире применяются в основном развивающимися странами и странами с формирующимся рынком. Но могут вводиться любыми

ми (включая развитые) странами на временной основе (в случаях угрозы возникновения кризиса, например).

Свободная конвертируемость валют предполагает отсутствие таких ограничений. Однако формально конвертируемыми могут считаться валюты стран, присоединившихся к статье VIII Устава МВФ, т.е. не имеющие ограничений по операциям текущего счета (расчеты по торговым, туристическим, транспортным и прочим операциям, выплата процентов и др. трансферты). При этом валютные ограничения по операциям с капиталом, таким, как прямые иностранные инвестиции, операции с недвижимостью, с инструментами денежного рынка и др., сохраняются.

Валютные интервенции проводятся с целью девальвации или ревальвации национальной валюты и в основном осуществляются в странах с фиксированными или гибридными режимами валютных курсов — для поддержания их стабильности. Впрочем, режим свободного плавания также не исключает данную возможность. МВФ относит к данному режиму валюты стран, центральные банки которых проводят интервенции не чаще трех раз по три дня в течение 6 месяцев.

Диверсификация валютных резервов означает изменение их структуры по набору или долям входящих в них иностранных валют. Подобные изменения могут учитывать волатильность основных резервных валют (доллар США, евро, японская иена, британский фунт стерлингов, швейцарский франк) или динамику географической структуры внешней торговли страны (в состав резервов могут быть включены валюты стран — основных торговых партнеров).

Методы, применяемые в одной стране, сказываются на ее торговых и инвестиционных партнерах и довольно часто препятствуют достижению их целей. Это связано с тем, что валютная политика оказывает прямое воздействие на платежные балансы и косвенное — на экономический рост. Взаимосвязь между динамикой валютного курса и состоянием платежного баланса описывается моделью Манделла—Флеминга³:

$$NE(e, y) = NKE(\Delta i, e, k) \quad (1)$$

где NE — чистый экспорт товаров, NKE — чистый экспорт капитала, e — номинальный валютный курс, y — ВВП, Δi — разница между процентными ставками в двух исследуемых странах, k — потоки капитала.

Указанная модель исследует случай малой открытой экономики в условиях совершенной мобильности капитала и ригидности цен (рассматривается краткосрочный период). При этом предполагается, что внутренняя процентная ставка совпадает с мировой, а эффективность монетарной политики зависит от режима валютного курса (рассматриваются только два крайних случая — жесткая фиксация и свободное плавание). Так, при фиксированном валютном курсе меры денежно-кредитной политики в части воздействия на реальный национальный доход абсолютно неэффективны, следовательно, необходимо применение мер фискальной и внешнеторговой политики.

При свободно плавающем валютном курсе ситуация обратная. Из модели Манделла—Флеминга следует, что невозможно одновременно достичь трех следующих целей: обеспечить свободное движение капитала, фиксированный валютный курс и автономность монетарной политики. Это так называемая несовместимая триада. Властным структурам любого государства приходится ограничиваться только двумя целями из трех.

В теории платежный баланс должен находиться в состоянии равновесия, т.е. его сальдо должно быть нулевым и чистый экспорт товаров должен уравновешиваться чистым экспортом капитала. Однако на практике такое состояние практически недостижимо, и в одних странах существует дефицит платежного баланса (отрицательное сальдо), в других — профицит (положительное сальдо).

Согласно теории валюте страны с дефицитом платежного баланса положено обесцениваться, а с профицитом — укрепляться⁴. Но это справедливо только в случаях свободно плавающего валютного курса. Страны с фиксированными и гибридными режи-

мами валюты редко руководствуются данным принципом при проведении девальвации или ревальвации, которые подчас чреваты «валютным войнам»⁵. Чаще всего это связано со стремлением поддержать конкурентоспособность экспортных товаров и услуг или стимулировать приток иностранного капитала и таким образом наращивать золотовалютные резервы (ЗВР). Их прирост представляет собой разницу между чистым экспортом товаров и чистым экспортом капитала. Резервы в свою очередь используются для проведения валютных интервенций, финансирования дефицита платежного баланса, заимствования на внешнем рынке.

В интеграционных объединениях с единой валютой таких событий, как «валютные войны», не возникает (хотя дисбалансы в торговых и инвестиционных потоках все-таки наблюдаются). Но на ранних стадиях интеграции координация курсовой политики стран-участниц обычно не проводится, что может усиливать разногласия между партнерами по блоку. Это особенно актуально для интеграционных группировок, где участники выступают конкурентами на экспортных рынках.

Что касается валютной интеграции, то значимых движений в данной сфере не предпринималось. Для стран Восточной Азии по-прежнему нет единогласия в выборе режимов валютного курса. По данным МВФ⁶, на конец 2016 г., в девяти (из 13) странах региона применялись в том или ином варианте фиксированные валютные курсы. Подразумеваются фактически практикуемые режимы валютных курсов. Отметим, что данные МВФ основаны на оценках его экспертами реально (*de facto*) существующих валютных механизмов которые зачастую расходятся с официально заявленными на местах режимами. Значит, классификация валютных режимов имеет условный характер. К тому же МВФ часто пересматривает свою классификацию. Все это затрудняет сопоставление данных за разные периоды времени.

МВФ, напомню, разделяет указанные валютные режимы на «жесткие» и «мягкие». Бруней относится к странам, практикующим жесткую привязку: в нем установлена система «валютного управления» (брунейский доллар привязан к сингапурскому).

Сингапур, Вьетнам и Лаос применяют стабилизационное соглашение (*stabilized arrangement*): поддерживают национальные валюты на установленном уровне не путем принятия какого-либо юридического акта, а по факту (с помощью систематически проводимых и целенаправленных рыночных интервенций).

В Индонезии, Республике Корея (РК), Таиланде и на Филиппинах валютные курсы являются регулируемо плавающими (*floating*), но без обязательства поддерживать какие-либо ранее установленные уровни, в Японии — свободно (независимо) плавающим (*free floating*).

Наконец, Китай, Камбоджа, Малайзия и Мьянма применяют прочие валютные режимы, т.е. управляемые властью режимы, не имеющие четкого единообразного определения. Надо иметь в виду, что для стран Восточной Азии характерна и частая смена режимов валютного курса: в 2000–2016 гг. лишь Бруней, Япония и РК их не меняли, тогда как Камбоджа, Вьетнам и Лаос практиковали различные формы мягкой привязки к доллару США.

Китай и Малайзия сменили жесткую привязку к доллару на мягкую. Сингапур сменил плавающий валютный курс на мягкую привязку к корзине валют (состав которой не раскрывается). Филиппины и Таиланд, наоборот, перешли от мягкой привязки к плавающему режиму, а Индонезия сначала сменила плавающий курс на мягкую привязку, затем вернулась к плавающему курсу.

В Мьянме функционировали два рынка валюты — официальный и параллельный. Последний складывается на валютном рынке и применяется для транзакций частных компаний. Официальный валютный курс был жестко привязан к СДР (в соотношении 8,5 ММК к 1) и использовался для расчетов компаниями, находящимися под контролем государства⁷. В апреле 2012 г. он был упразднен.

Азиатский валютно-финансовый кризис

В тот роковой 1997 год, на исходе мая, в ЮВА стряслось нечто типа цунами: реальные экономические интересы, международное право откатились на задний план; в азиатских странах обрушились фондовые биржи, процветающие компании банкротились одна за другой, сотни тысяч «серых» и «белых воротничков» превратились в нищих.

Началось это «цунами» с события, на взгляд непосвященных, пустячного: спекулятивная атака на тайскую национальную валюту спровоцировала обесценение валюты других азиатских стран и введение в большинстве из них (кроме Китая, Малайзии, а также Гонконга) плавающих курсов⁸.

Время и место этого кризиса — не игра случая. Они оказались сопряжены с событиями масштабными и неоднозначными: для Азии со знаком «плюс», для Запада — «минус»: 23 марта вступил в силу «Бангкокский договор о безъядерной зоне в ЮВА»; 1 июля ушла в «лоно Родины» (к статусу Особого административного района КНР) британская колония Гонконг; 23 июля в АСЕАН официально вступили Мьянма и Лаос (чуть позже — Камбоджа), т.е. все шло во благо региону.

И вот все это, казалось, пошло насмарку. Доселе неведомое тайское слово бат (bath) запестрело в речах президентов и премьер-министров, в газетных заголовках. В азиатском кризисе, как правило, обвинялись азиаты: мол, слишком много средств истратили на недвижимость, слишком заиклились на идеях развития. Впрочем, имели место и справедливые суждения.

«Мы как волки, вззирающие с гребня горы на стадо лосей», — изрек один из валютных спекулянтов, запустивших каскад девальваций, что повлекло падение фондового рынка. За 8 месяцев до того как Таиланд окончательно сдался и обесценил бат, «волки» вышли на охоту. Они расценивали тайскую экономику не как одного из «азиатских тигров», а как раненую добычу, не способную сопротивляться. «Отбраковывая слабых и немощных, мы помогаем поддерживать здоровье стада», — присовокупил спекулянт. Благодаря этому интервью Time смог воспроизвести историю, как международные спекулянты пожирали тайскую валюту и привели в движение затяжной финансовый кризис. Используя свои миллиардные резервы, операторы хедж-фондов (Дж. Сорос и другие) усилили атаку на бат, который 2 июля был девальвирован, вызвав цепную реакцию на всех валютных рынках региона. «Волки» хорошо поживились: прибыль, по некоторым расчетам, пресвысила 3 млрд долл.⁹.

После азиатского кризиса привязка тамошних валют к доллару США была восстановлена. В 2008–2009 гг. она стала «мягче», хотя перехода на свободное плавание в пик этого кризиса, в отличие от ситуации 1997 г., не произошло.

Большинство стран региона обладали тогда относительно скромными ЗВР (табл. 1). Так, Таиланд для поддержания фиксированного курса своего бата потратил 28 млрд долл., тогда как его ЗВР на тот момент составляли 30 млрд¹⁰. Средств для его дальнейшего поддержания у монетарных властей не было, поэтому борьба за спасение бата прекратилась, его курс стал плавающим. Однако уже к концу 1998 г. ЗВР почти во всех странах Восточной Азии увеличились (табл. 1). Впоследствии их величина только нарастала. Так, совокупные золотовалютные резервы стран АСЕАН+3 составили к концу 2017 г. 5,8 трлн долл., увеличившись по сравнению с 1997 г. в 10,6 раза. Темпы роста ЗВР на протяжении всего исследуемого периода были положительными лишь у Камбоджи.

Наиболее высокими темпами прироста золотовалютных резервов в среднем за период 1997–2017 гг. отличались Вьетнам, Камбоджа и Мьянма — 21,4%, 20,8% и 19,8% соответственно; наименьшими — Малайзия и Сингапур (9,3% и 7,5% соответственно)¹¹. По абсолютной величине ЗВР в регионе лидируют Китай и Япония (3,2 и 1,3 трлн долл. соответственно). Наименьшие показатели характерны для Брунея и Лаоса — 3,5 и 1,3 млрд долл. (табл. 1).

Таблица 1

Объем золотовалютных резервов стран Восточной Азии в 1997–2017 гг.
(млрд долл., по состоянию на конец года)

Страна	1997	1998	2007	2008	2009	2015	2016	2017
Бруней	н.д.	н.д.	0,7	0,8	1,4	3,4	3,5	3,5
Камбоджа	0,3	0,4	2,1	2,6	3,3	7,3	8,9	11,8
Китай	146,4	152,8	1546,4	1966,0	2452,9	3405,3	3097,7	3235,7
Индонезия	17,5	23,6	56,9	51,6	66,1	105,9	116,4	130,2
Япония	226,7	222,4	973,3	1030,8	1051,7	1233,1	1216,5	1264,1
РК	20,5	52,1	262,5	201,5	270,4	366,7	370,2	388,8
Лаос	0,1	0,1	0,7	0,9	0,9	1,1	0,9	1,3
Малайзия	21,5	26,2	102,0	92,2	96,7	95,3	94,5	102,4
Мьянма	0,3	0,4	3,3	3,9	5,5	4,6	4,9	5,2
Филиппины	8,7	10,8	33,7	37,5	44,2	80,6	80,7	81,4
Сингапур	71,4	75,1	166,2	177,5	192,0	251,9	251,1	285,0
Таиланд	26,9	29,5	87,5	111,0	138,4	156,5	171,8	202,5
Вьетнам	2,0	2,0	23,5	23,9	16,4	28,3	36,5	49,1

Источник: составлено автором по: World Development Indicators Database. URL: <http://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/> (дата обращения: 02.12.2018).

Нарращивание ЗВР странами Восточной Азии объясняется их опасениями после вышеописанного кризиса и стремлением создать «подушку безопасности». Прирост резервов происходил за счет стимулирования роста экспорта товаров и услуг путем проведения политики конкурентной девальвации к доллару США. Приток капитала наблюдался в различных формах. После преодоления последствий кризиса страны региона продолжили практику валютного демпинга, несмотря на то, что их платежные балансы были профицитными (особенно по отношению к США).

«Торговая война» США и Китая

Последующее применение политики конкурентной девальвации обострило конфликт между Китаем и США. Ситуация усугубилась с приходом к власти Дональда Трампа, который развернул полномасштабную «торговую войну» с КНР.

В 2017 г. торговый дефицит США с Китаем достиг 335,4 млрд долл.¹² В августе того же года Трамп инициировал расследование о краже интеллектуальной собственности США Китаем, которое было поручено торговому представителю США (фактически, министр торговли). Китай был обвинен в применении дискриминационных практик, наносящих ущерб внешней торговле США. Трамп распорядился подготовить список пошлин, которые будут повышены в соответствии с итогами расследования, а также инициировать разбирательство по выявленным фактам в рамках ВТО и обдумать меры по ограничению инвестиций КНР в стратегические отрасли американской экономики¹³. Получился список примерно из 1300 товаров (электроника, запчасти для самолетов, спутники, медицинские товары, оборудование и др.), пошлины на ввоз которых из Китая должны были возрасти на 25%. Общий объем импорта Соединёнными Штатами указанных товаров составлял около 50 млрд долл.¹⁴ Китай в ответ обложил дополнительными пошлинами примерно 120 видов товаров, импортируемых из США (мясо, фрукты, орехи, ягоды, алюминиевый лом и др.)¹⁵. К 6 июля 2018 г. общая сумма двусторонних пошлин составила 68 млрд долл.¹⁶ 10 мая 2019 г. США увеличили пошлины на продукцию из КНР до 200 млрд долл.

28 июня 2019 г. в рамках саммита G-20 было достигнуто «торговое перемирие»: новые пошлины Вашингтона на китайские товары были отложены. Стоит, впрочем, отметить, что срок моратория на агрессивные действия не был определен, поэтому ограничительные меры могут возобновиться в любой момент¹⁷.

Поскольку торговая война Трампа разворачивается практически на нескольких фронтах, весьма неблагоприятным для него событием стало Межправительственное соглашение КНР и РФ о переходе на расчеты в национальных валютах, подписанное 5 июня 2019 г. первым вице-премьером, министром финансов России Антоном Силуановым и председателем Народного банка Китая И Ганом¹⁸.

О взаимозависимости импорта с обеспечением ЗВР

Величина золотовалютных резервов не дает представления об их достаточности, общепринятых критериев по ее измерению не существует. Впрочем, в мировой практике применяются следующие критерии определения нижней границы объема международных резервов страны: коэффициент покрытия импорта; коэффициент покрытия денежной базы; критерий Редди.

Таблица 2

Коэффициент покрытия импорта стран Восточной Азии в 1997–2017 гг. (в месяцах)

Страна	1997	1998	2007	2008	2009	2015	2016	2017
Бруней	н.д.	н.д.	2,3	2,0	4,1	7,6	9,2	н.д.
Камбоджа	2,7	3,5	4,4	4,8	6,2	5,8	6,6	н.д.
Китай	15,4	15,3	18,1	19,2	25,7	18,0	16,8	15,5
Индонезия	3,0	5,2	5,7	4,0	6,5	6,4	7,2	7,0
Япония	5,7	6,6	15,0	13,3	18,4	16,8	17,0	16,3
Республика Корея	1,4	5,1	6,9	4,5	7,8	7,9	8,4	7,7
Лаос	1,9	2,2	7,1	6,6	6,5	2,0	1,8	н.д.
Малайзия	2,6	4,3	6,7	5,6	7,2	5,5	5,6	5,5
Мьянма	1,5	1,6	8,3	8,6	11,4	2,9	3,3	2,9
Филиппины	2,0	3,1	6,7	6,4	9,2	9,9	8,8	7,9
Сингапур	5,2	6,7	5,0	4,6	6,0	5,6	5,7	6,0
Таиланд	4,1	6,4	5,9	6,1	9,8	7,4	8,3	8,7
Вьетнам	1,7	1,7	4,1	3,2	2,6	1,9	2,3	2,6

Источник: составлено автором по данным World Development Indicators Database.

Критерий покрытия импорта подразумевает, что объем ЗВР должен обеспечивать оплату импорта товаров и услуг в течение 3-х месяцев. Считается, что этого срока достаточно для устранения последствий внешнего шока. Коэффициент покрытия денежной базы предусматривает 20% покрытие для агрегата M_2 и 100% — для агрегата M_0 .

То есть величина «широких денег» (наличные средства в обращении, на расчетных и депозитных счетах) не должна превышать объем ЗВР страны более чем пятикратно, а центральный банк в случае возникновения кризисных ситуаций должен выкупить все его обязательства в виде монет и банкнот, находящихся в обращении. Критерий Редди к покрытию импорта добавляет сумму годовых платежей по внешнему долгу (рассчитывается для каждой страны индивидуально).

Семь стран Восточной Азии (Республика Корея, Мьянма, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Филиппины и Вьетнам) во время кризиса 1997 г. не соответствовали критерию покрытия импорта (табл. 2). В 2008 г. это был только Бруней, в 2009 г. — Вьетнам. В конце 2017 г. недостаточность ЗВР наблюдалась у Мьянмы и Вьетнама.

Критерию покрытия денежной базы в 1997 г. не соответствовали 8 стран региона: Китай, Индонезия, Япония, Республика Корея, Малайзия, Мьянма, Филиппины и Таиланд (табл. 3). В 2008 г. — 4 страны (Бруней, Япония, РК и Мьянма), в 2009 г. — тоже 4 страны (присоединился Вьетнам и выбыла Республика Корея).

Объем денежного предложения в Мьянме в сотни раз превышал величину ее ЗВР. Отчасти это было обусловлено двойным режимом валютного курса (обменный курс к доллару США на свободном рынке почти стократно превышал величину фиксированного официального курса кьята).

Как отмечалось выше, профицит или дефицит платежного баланса оказывают давление на валютный курс. Кроме того, положительное сальдо платежного баланса (разность между чистым экспортом товаров и чистым экспортом капитала) обеспечивает прирост ЗВР.

Таблица 3

Коэффициент покрытия денежной базы стран Восточной Азии в 1997–2014 гг.
(в раз)

Страна	1997	1998	2007	2008	2009	2012	2013	2014
Бруней	н.д.	н.д.	9,9	10,3	6,1	3,2	3,2	3,2
Камбоджа	1,2	0,7	1,3	1,1	1,2	1,4	1,6	1,7
Китай	7,6	8,3	3,4	3,5	3,6	4,6	4,6	5,1
Индонезия	6,9	2,4	3,2	3,8	3,1	3,1	3,6	3,1
Япония	41,6	40,4	9,1	9,8	10,9	11,3	9,6	9,2
Республика Корея	10,5	3,5	5,2	6,4	4,5	5,0	5,1	5,4
Лаос	2,8	2,2	1,4	1,5	2	н.д.	н.д.	н.д.
Малайзия	5,8	3,4	2,4	3,0	2,9	3,1	3,4	4,0
Мьянма	164,6	179,9	237,7	236,1	214,3	н.д.	н.д.	н.д.
Филиппины	5,8	3,7	2,7	2,8	2,4	1,8	2,3	2,6
Сингапур	1,2	1,3	1,2	1,3	1,3	1,4	1,4	1,5
Таиланд	5,6	4,2	3	2,7	2,2	2,6	3,1	3,3
Вьетнам	3,0	3,3	3,3	3,9	6,8	6,5	7,7	6,9

Источник: составлено автором по данным World Development Indicators Database.

Для исследования функциональной зависимости объема золотовалютных резервов от мероприятий валютной политики в странах Восточной Азии будет использована вышеназванная концепция Манделла—Флеминга, а именно два варианта уравнения регрессии, отличающиеся одним аргументом — er_t :

$$zvr_{it} = \beta_0 + \beta_1 saldo_{it} + \beta_2 dummy_{it} + \beta_3 er_{it} + u_{it} \quad (2)$$

$$zvr_{it} = \beta_0 + \beta_1 saldo_{it} + \beta_2 dummy_{it} + \beta_3 er_t + u_{it} \quad (3)$$

где zvr_{it} — натуральный логарифм объемов ЗВР каждой из исследуемых стран Восточной Азии в период t , $saldo_{it}$ — натуральный логарифм сальдо платежного баланса каждой из исследуемых стран региона в период t , $dummy_{it}$ — фиктивная переменная, отражающая дефицит платежного баланса; er_{it} — натуральный логарифм национальных валют каждой из исследуемых стран региона к доллару США в период t , er_t — натуральный логарифм курса АМЮ¹⁹ к доллару США в период t , и u_{it} — случайные колебания.

Для регрессионного анализа были использованы панельные данные 13 стран Восточной Азии за период 1997–2017 гг. по объемам ЗВР и сальдо платежного баланса (в млн долл.), курсы АМЮ и номинальные обменные курсы национальных валют стран региона по отношению к доллару США. Информационную базу составили данные UNCTAD Statistics Database и IMF Statistics Database.

Таблица 4

Характеристики регрессионных моделей

Параметр	Курсы национальных валют	Курс АМЮ
saldo	0,41***	0,27***
dummy	-0,29**	-0,49***
er	0,58***	4,63***
cons	3,87***	7,84***
R-sq.	0,35	0,51

Примечание. Уровень значимости: ** — $\alpha = 0,01$; *** — $\alpha = 0,001$.

Источник: расчеты автора.

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод, что колебания номинальных курсов восточноазиатских валют к доллару США, рассматриваемые по отдельности, оказывают слабое влияние на изменение объемов ЗВР. Так, девальвация обменных курсов национальных валют стран АСЕАН+3 к доллару США на 1% обеспечивает прирост золотовалютных резервов на 0,58%. В то же время увеличение положительного сальдо платежных балансов исследуемых стран на 1% стимулирует прирост ЗВР на 0,41% (табл. 4).

Если рассматривать влияние динамики курсов восточноазиатских валют к доллару США не по отдельности, а в совокупности для региона (используя для этого АМЮ), то результаты моделирования будут совершенно иными. Практика конкурентной девальвации, характерная для стран региона, приносит следующие плоды: одновременное обесценение национальных валют стран АСЕАН+3 к доллару США на 1% обеспечивает прирост ЗВР на 4,63%. При этом прирост положительного сальдо платежных балансов исследуемых стран на 1% увеличивает объемы их ЗВР только на 0,27% (табл. 4).

* * *

На выбор странами региона режима валютного курса и проведение валютной политики существенное влияние оказали азиатский кризис 1997 г. и мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. Несмотря на неблагоприятную ситуацию в 1997 г. к концу 1998 г. ЗВР всех стран региона, как уже отмечалось, увеличились. Впоследствии их величина только нарастала. Нарращивание ЗВР странами Восточной Азии объясняется их стремлением создать «подушку безопасности». После преодоления последствий кризисов страны региона продолжили практику валютного демпинга несмотря на то, что их платежные балансы были профицитными.

Результаты регрессионного анализа панельных данных показывают, что несмотря на отсутствие институциональной оболочки скоординированной валютной политики в регионе, de facto наблюдается привязка номинальных курсов восточноазиатских валют к доллару США. Она проявляется в политике конкурентной девальвации, направленной на стимулирование экспорта региона и, как следствие, наращивание золотовалютных резервов. Однако стоит помнить, что такая практика вызывает не только перенакопление ЗВР, но и рост банковских ставок и инфляционного давления.

1. Под Восточной Азией понимаются 13 государств региона: Китай, Республика Корея, Япония и 10 стран — членов АСЕАН. «Восточная Азия» и «АСЕАН+3» используются в статье как синонимы.
2. *Некипелов А., Голанд Ю.* От замораживания к инвестированию: новые подходы к денежно-кредитной и валютной политике // Вопросы экономики. 2008. № 3. С. 47–55; *Devereux M. B., Engel C.* Monetary policy in the open economy revisited: Price setting and exchange rate flexibility. NBER Working Paper. No. 7665. 2000; *Krugman P.* Currency regimes, capital flows and crises // IMF Economic Review. 2014. Vol. 62. No. 4. P. 470–493. DOI: 10.1057/imfer.2014.9; *Niehans J.*

- Monetary and fiscal policies in open economies under fixed exchange rates: An optimizing approach // *Journal of Political Economy*. 1986. P. 893–920.
3. *Fleming M. J.* Domestic financial policies under fixed and floating exchange rates // *IMF Staff Papers*. 1962. Vol. 9. P. 369–379; *Floden M.* The open economy revisited: The Mundell-Fleming model and the exchange-rate regime. Stockholm School of Economics. 2010; *Mundell R. A.* Capital mobility and stabilization policy under fixed and flexible exchange rates // *Canadian Journal of Economic and Political Science*. 1963. No. 29. P. 475–485. DOI: 10.2307/139336; *Obstfeld M.* International macroeconomics: Beyond the Mundell—Fleming model // *IMF Staff Papers*. 2001. Vol. 47. Special Issue.
 4. *Головнин М.* Теоретические подходы к проведению денежно-кредитной политики в условиях финансовой глобализации // *Вопросы экономики*. 2009. № 4. С. 42–58; *Шушков Ю. В.* «Невозможное триединство» в эпоху финансовой глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 5. С. 3–14; *Boughton J. M.* On the origins of the Fleming—Mundell model // *IMF Staff Papers*. 2003. Vol. 50. No. 1. P. 1–9; *Fleming M. J.* Op. cit.; *Mundell R. A.* Op. cit.; *Obstfeld M., Rogoff K.* The mirage of fixed exchange rates. NBER Working Paper. No. 5191. 1995; *Sarantis N.* The Mundell—Fleming model with perfect capital mobility and oligopolistic pricing // *Journal of Post Keynesian Economics*. 1986. Vol. 9. No. 1. P. 138–148.
 5. *Дёмнина Я. В.* Платежные балансы стран Восточной Азии: влияние скоординированной валютной политики // *Пространственная экономика*. 2014. № 1. С. 138–152. DOI: 10.14530/se.2014.1.138–152; *Масленников А. А.* и др. (ред.) *Валютные войны: мифы и реальность*. М.: Русский сувенир, 2011. 77 с.
 6. *IMF.* Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions. 2016.
 7. *IMF.* Myanmar: recent economic developments. IMF staff country report. No. 99/134. 1999.
 8. *Горюнова Н.П., Минакир П.А.* Финансовые кризисы на развивающихся рынках. М.: Наука, 2006; *Hernandez L., Montiel P. J.* Post-crisis exchange rate policy in five Asian countries: Filling in the 'hollow middle'? IMF Institute Papers. High Level Seminar 'Exchange Rate Regimes: Hard Peg or Free Floating', Washington DC, March 19–20. 2001; *Patnaik I., Shah A., Sethy A., Balasubramaniam V.* Op. cit.
 9. См.: *Linden Eugene.* How to kill a Tiger Speculators Tell The Story Of Their Attack Against The Baht, The Opening Act Of An Ongoing Drama. TIME magazine Asia. November 3, 1997. Vol. 150. No. 18. URL: http://www.time.com/time/magazine/1997/int/971103/asia.how_to_kill_a.html.
 10. *Горюнова Н.П., Минакир П.А.* Указ. соч.
 11. Рассчитано автором по данным World Development Indicators Database.
 12. Office of U.S. Trade Representative. The People's Republic of China. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china> (дата обращения: 02.07.2019).
 13. *Donald J. Trump.* Presidential Memorandum on the Actions by the United States Related to the Section 301 Investigation. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-memorandum-actions-united-states-related-section-301-investigation/> (дата обращения: 03.07.2019); President Trump Announces Strong Actions to Address China's Unfair Trade. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2018/march/president-trump-announces-strong#> (дата обращения: 02.07.2019).
 14. US publishes list of 1,300 Chinese goods worth US\$50b to be targeted by tariffs. The Straits Times. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/us-publishes-list-of-1300-chinese-goods-to-be-targeted-by-tariffs> (дата обращения: 05.07.2019).
 15. *Chandran N., Rosenfeld E.* China Announces It's Imposing New Tariffs on 128 US Products. URL: <https://www.cnbc.com/2018/04/01/china-announces-new-tariffs-on-us-meat-and-fruit-amid-trade-war-fears.html> (дата обращения: 03.07.2019).
 16. «Крупнейшая в истории»: Трамп развязал войну. Газета.Ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/07/05/11827219.shtml> (дата обращения: 01.07.2019).
 17. Трамп сообщил о позитивных перспективах заключения торгового соглашения с КНР. Коммерсант. 30 июня 2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4017571> (дата обращения: 05.07.2019).
 18. Россия и Китай отказались от расчетов в долларах, пишут СМИ. РИА Новости. 28 июня 2019. URL: <https://ria.ru/20190628/1555995064.html> (дата обращения: 02.07.2019).
 19. АМЮ (AMU) — искусственная денежная единица, включающая 13 валют стран АСЕАН+3 (доли соответствующих валют в корзине рассчитываются с учетом торгового оборота с США и ЕС, а также объема ВВП по паритету покупательной способности).

Электронная таможня в России и в Китае

© 2019

О.М. Карпова, И.А. Майбуров

В статье рассмотрены проекты цифровизации таможенных служб России и Китая. Первый из них относительно молод, второй — полностью внедрен, нацелен на активную экспансию во внешнюю среду. При общей цели (создание единого информационного пространства в этой немаловажной сфере экономики) подходы к реализации проектов значительно разнятся. Авторы в хронологическом порядке рассматривают этапы развития каждого из проектов, предлагая возможные направления по их кооперации и координации.

Ключевые слова: таможенная служба, электронизация экспорта и импорта, информационное общество, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), проект «Один пояс, один путь», единое окно, «Золотая таможня» Китая.

DOI: 10.31857/S013128120006095-5

Электронные технологии укоренились настолько, что ныне требования государственных служб о предоставлении документов в печатной форме можно уподоблять практикам каменного века. Стремясь идти в ногу с эпохой, власти многих стран внедряют электронизацию в ведомствах всех уровней и направлений. Появляются виртуальные правительства, управление и контроль посредством инновационных преобразований. Следующий уровень — глобальное правительство и электронная коммуникационная сеть, охватывающая все страны мира. На пути к глобальной цели тактические моменты представляются в виде синхронизации аналогичных систем между группами государств или между ведомствами разных государств.

Статья рассматривает два цифровых проекта — электронную таможню, реализуемую в России, и «золотую» таможню Китая¹. Первая предназначена для ускорения и упрощения процесса перемещения грузов через госграницу, вторая — для построения социалистической таможенной системы с китайской спецификой. Цель исследования — раскрыть шансы кооперации и координации действий таможенных служб обеих стран. В его финальной части суммируется собранная информация, предложена хронологическая шкала процессов реформирования таможенных служб двух стран, изложен ряд соображений о возможностях более глубокого межгосударственного взаимодействия в данной сфере.

Информационная база исследования

Авторы проанализировали труды российских и зарубежных ученых, российские и китайские нормативно-правовые документы, включая Таможенный кодекс ЕАЭС², законы о таможенном регулировании КНР, веб-сайты российской и китайской таможенных служб.

Карпова Ольга Михайловна, аспирант кафедры финансового и налогового менеджмента Уральского федерального университета. E-mail: olmkarпова@gmail.com.

Майбуров Игорь Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Уральского федерального университета. E-mail: mayburov.home@gmail.com.

Оба таможенных проекта особенно актуальны в рамках реализации одного из самых амбициозных и масштабных межгосударственных проектов современности — «Пояс и путь», предложенного и спонсируемого Китаем³ (Россия — один из ключевых участников). Авторы полагают, что построение эффективной международной торговой сети было бы невозможно при «бумажном» формате взаимодействия. Для стран, участвующих в проекте одной из насущнейших задач являются взаимно интегрируемые системы, которые позволяли бы ускорить процесс прохождения грузов через границу.

Отметим, что среди российских экспертов тема сотрудничества таможенных служб России и Китая весьма популярна, и это не удивительно, поскольку на долю Китая приходится весьма внушительный показатель внешнеторгового товарооборота России⁴. Н.И. Атанов и Е.В. Аюшева акцентировали внимание в своем исследовании на «асимметричности» внешнеторговых условий в приграничных территориях двух стран. В Китае, по их мнению, работа участников внешнеторговой деятельности (ВЭД) активно стимулируется административными ресурсами, тогда как в России необходимые для нее условия созданы лишь минимально⁵. Т.П. Лепа отмечает возможности развития относительно новых сфер межгосударственного взаимодействия (таких, в частности, как туризм). При этом, впрочем, указывает и на потенциальную опасность экспансии Китая во внешний мир (имея в виду неконтролируемую миграцию в Россию)⁶. Новые технологии в российском таможенном администрировании рассматриваются Т.И. Белоусовой, Е.И. Антоновой и Н.А. Шаланиной, усматривающими, в частности, недостаточную проработанность внедряемых программ, выявляя возникающие из-за этого проблемы⁷.

В англоязычных источниках преобладает интерес к конкретным инновациям. П. Лавлок и Дж. Уре анализируют «золотые» проекты Китая, констатируя, что реализуются они эффективно, хотя, по их мнению, КНР пошла в деле внедрения цифровых технологий не по европейскому пути⁸. С. Калатил и Т. Боас полагают, что правительство Китая использует электронные технологии не просто для упрощения взаимодействия бизнес-структур с органами власти, но и для упрочения существующего там социалистического режима⁹.

Внедрение проектов цифровизации

«Золотая таможня» Китая. Рыночная экономика с китайской спецификой представляет собой, по мнению авторов, скрытый контроль правительства за действиями всех участников рынка, начиная с государственных структур и кончая уличными торговцами. Обеспечить такое проникновение в эти структуры посредством традиционных методов достаточно проблематично, и на помощь приходят инновационные решения по линии электронных технологий.

Инициатором проекта «Золотая таможня» выступил в июне 1993 г. тогдашний вице-премьер Госсовета КНР Ли Ланьцин¹⁰. Проект был призван создать интегрированную систему передачи данных, соединяющую иностранные торговые компании, банки с таможенными и налоговыми органами КНР. Данная система предназначалась для того, чтобы не только ускорить процессы таможенного оформления, но и повысить собираемость налогов и пошлин.

Эта масштабная реформа таможенной системы стартовала, напомним, в 1994 г. А год спустя, в 1995, Государственная таможенная администрация выпустила «Резолюцию о разработке современного таможенного режима», в которой были изложены основные рамки и двухэтапная стратегия развития таможинной службы.

На первом этапе только что внедренная электронная система отслеживания данных позволила выявить множество фактов контрабанды — за 1999 г. почти на 80 млрд юаней. При этом сумма собранных таможенных платежей увеличилась на 71 млрд юаней по сравнению с аналогичным периодом до внедрения новой системы¹¹.

Первый этап удалось завершить к 2003 г. Вслед за этим была принята Стратегия развития второго этапа современного таможенного режима на 2004–2010 гг. Данная стратегия подразумевала создание нового механизма управления, включавшего в качестве основного элемента систему анализа рисков.

К 2010 г. предполагалось создать современный таможенный режим, отвечающий целям национальной политики, который адаптирован к уже развитой социалистической рыночной экономике и интегрирован в международное сообщество. Таможенные службы КНР предстали перед амбициозной задачей: из обычного государственного органа преобразиться в учреждение, функционирующее на базе наиболее передовых технологий. Авторы стратегии считали, что именно использование информационных технологий позволит соблюсти баланс между строгим надзором, эффективными действиями и честностью сотрудников таможенных органов.

Система управления рисками была внедрена повсеместно в 2004 г. И уже за первый год работы было выявлено 5 820 случаев контрабанды и таможенных правонарушений на сумму 6,4 млрд юаней, а штраф за уклонение от уплаты таможенных пошлин составил 0,36 млрд юаней.

По окончании второго этапа проект «Золотой таможни» вошел в стадию опытной эксплуатации и процесса приемки. Следует отметить, что за последующие пять лет именно таможенная служба стала среди государственных ведомств Китая лидером по внедрению инноваций в рабочие процессы¹².

К 2016 г. были внедрены и задействованы национальная система таможенного контроля, система управления кредитами для предприятий, занимающихся импортом и экспортом, система мониторинга логистики, мобильное приложение для бизнеса, платформа поддержки участников внешнеэкономической деятельности, платформа «Электронный порт», а также система таможенной разведки, система предупреждения и контроля коррупционных рисков¹³.

В 2017 г. таможенная служба КНР объявила о полном переходе к системе «Единое окно», которая охватывает 11 ведомств. В дальнейшем предстоит полный отказ от печатной формы документов. Отметим, что предварительное декларирование грузов теперь не предусмотрено. Общий принцип действия проекта «Золотая таможня» может быть представлен в виде схемы (рис. 1).

Выстроенная в Китае система «золотой таможни» весьма удобна с точки зрения электронного документооборота с другими странами. Именно с ней придется столкнуться участникам проекта «Пояс и путь». Возможности для сотрудничества могут быть предложены, исходя из сопоставления «золотой таможни» с уже существующей подобной системой в стране-партнере. Представляется весьма интересным рассмотреть систему «Электронная таможня», внедряемую на территории России — крупнейшей из стран — участниц проекта «Пояс и путь».

Проект Электронной таможни в РФ. Переход российских таможенных служб в цифровой формат стартовал в 2002 г., когда была утверждена федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 гг.)». В ее рамках предполагалось создать электронное правительство, что позволило бы упростить процесс взаимодействия государства, бизнес-структур и граждан. Уже в конце 2010 г. правительство утвердило новую федеральную целевую программу «Информационное общество (2011–2010 гг.)», которая состояла из шести направлений (подпрограмм):

- качество жизни граждан и условия развития бизнеса;
- электронное государство и эффективность государственного управления;
- российский рынок информационных и телекоммуникационных технологий;
- базовая инфраструктура информационного общества;
- безопасность в информационном обществе;
- цифровой контент и культурное наследие.

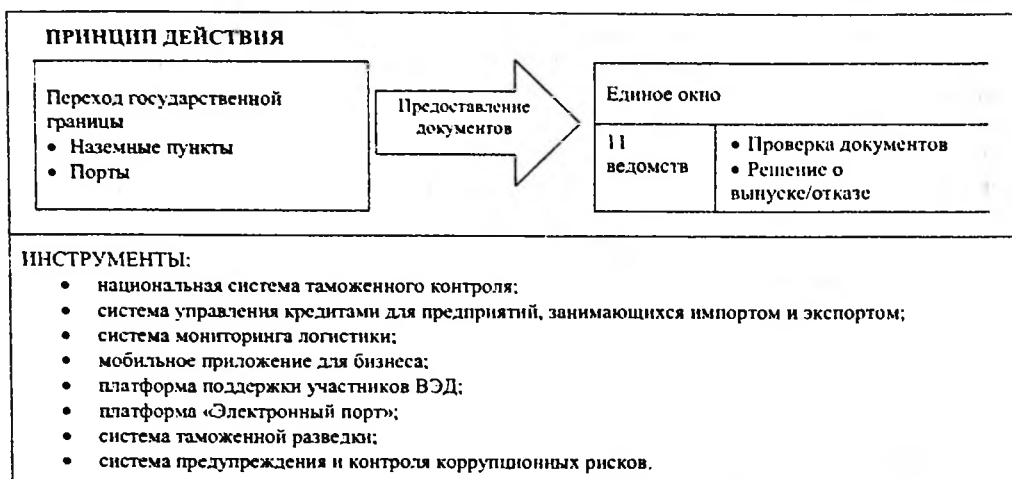

Рис. 1. Схема действия механизма «Золотая таможня».

Источник: составлено авторами.

Для министерств и ведомств были утверждены программы развития и дорожные карты в рамках новой программы, где обозначались этапы внедрения новых информационных технологий. В частности в 2012 г. были приняты Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года, дорожная карта «Совершенствование таможенного администрирования» и дорожная карта «Поддержка доступа на рынки зарубежных стран и поддержка экспорта». Также на федеральном уровне был закреплен принцип однократности предоставления данных, что значительно укорачивает список необходимых документов для декларанта при повторном оформлении груза.

С 2012 г. было налажено информационное взаимодействие между таможенными органами на всей территории РФ, а при прохождении границы реализован механизм интегрированного контроля (таможенная служба самостоятельно проверяет документацию, предоставляемую участниками внешнеэкономической деятельности)¹⁴. Внедрение электронных технологий позволило с 2014 г. полностью отказаться от таможенных деклараций на бумаге и полностью перейти к электронной форме. В 2017 г. в электронной форме было подано 99,98% от общего количества таможенных деклараций. Более того, декларант имеет возможность предварительно задекларировать груз. Однако большинство сопроводительных документов все еще требуется предоставлять в печатной форме. Также внедрена и успешно функционирует система управления рисками, которая в перспективе станет межведомственной.

Россия является, как известно, членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что предполагает создание общего рынка со странами-участницами (Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией). Для упрощения процедуры оформления грузов при перемещении как через внутренние, так и через внешние границы, в государствах — участниках ЕАЭС внедряется механизм единого окна. С 2017 г. единое окно в тестовом режиме реализуется и на территории России (как в морских портах, так и в наземных пунктах пропуска). Планируется объединить в единую сеть 28 ведомств. Однако на конец 2017 г. показатель реализации по основным характеристикам находился на уровне 58% (аналогично показателю Кыргызстана).

Единое окно является неотъемлемой частью системы «Электронной таможни», которая выстраивается из отдельных инновационных внедрений в таможенной службе. Данный механизм в скором времени должен быть запущен на всей территории России и на территории ЕАЭС. В проектном виде схема электронной таможни выглядит следующим образом (рис. 2).

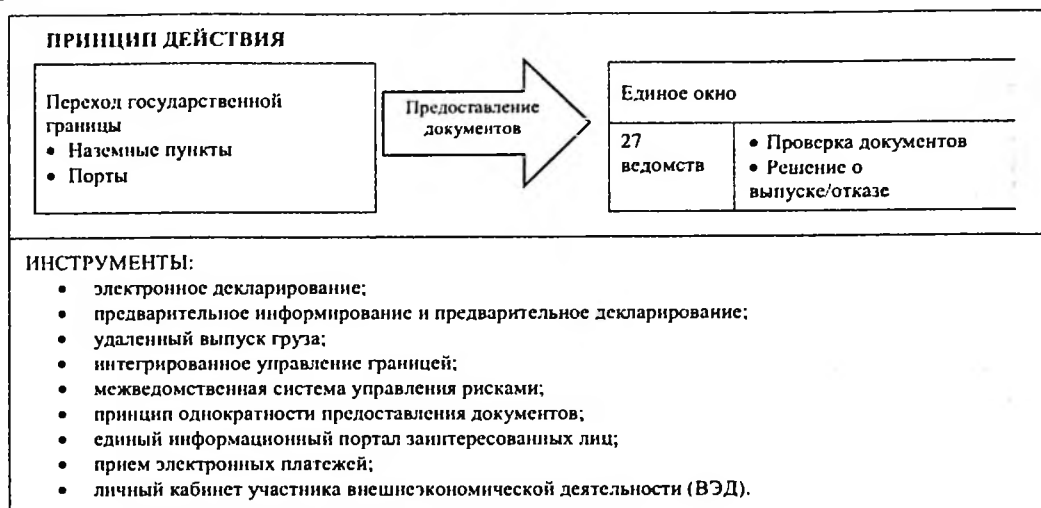

Рис. 2. Проект «Электронная таможня».

Источник: составлено авторами.

Несомненно, проект «Электронная таможня» выглядит более масштабно, нежели китайская «Золотая таможня». Однако второй из них уже реализован на практике, а сроки вступления в силу первого достоверно не известны.

Главная проблема российского проекта — необходимость интеграции уже действующих и вводимых в разных ведомствах систем в систему единую. Изначально программы создавались под конкретное ведомство, без соблюдения принципа единообразия предоставления и обработки информации.

Федеральная таможенная служба России в перспективе нацелена на создание глобальной таможенной сети, которая будет объединять единые окна государств-участников. На сегодняшний день ведутся переговоры об обмене данными между китайской и российской таможнями, в том числе и в рамках проекта «Пояс и путь». Однако одним из наиболее проблемных вопросов является раскрытие цены товара. В Китае цена — это коммерческая тайна, следовательно, таможенный орган не вправе передавать информацию третьей стороне.

Перспективы кооперации

Итак, информационные технологии активно внедряются в деятельность государственных органов России и Китая. Несмотря на то, что процесс информатизации таможенной службы был запущен в России позже, современное состояние дел находится в ней на достаточно высоком уровне. В каждой стране процесс проходит в собственном ритме, который следует учитывать при разработке плана по межгосударственной синхронизации (рис. 3).

На основе данных в представленной схеме могут быть предложены проекты для сотрудничества таможенных служб.

В обеих странах реализуется система «Единое окно», которая, с одной стороны, объединяет ведомства, так или иначе вовлеченные в процесс внешней торговли, с другой стороны, напрямую взаимодействует с участниками внешнеэкономической деятельности. В рамках межгосударственного «Единого окна» может быть налажена интеграция между сходными по функционалу ведомствами (рис. 4).

В перспективе налаженное сотрудничество государственных структур в вопросах перемещения грузов может стать фундаментом для полномасштабного российско-китайского Единого окна.

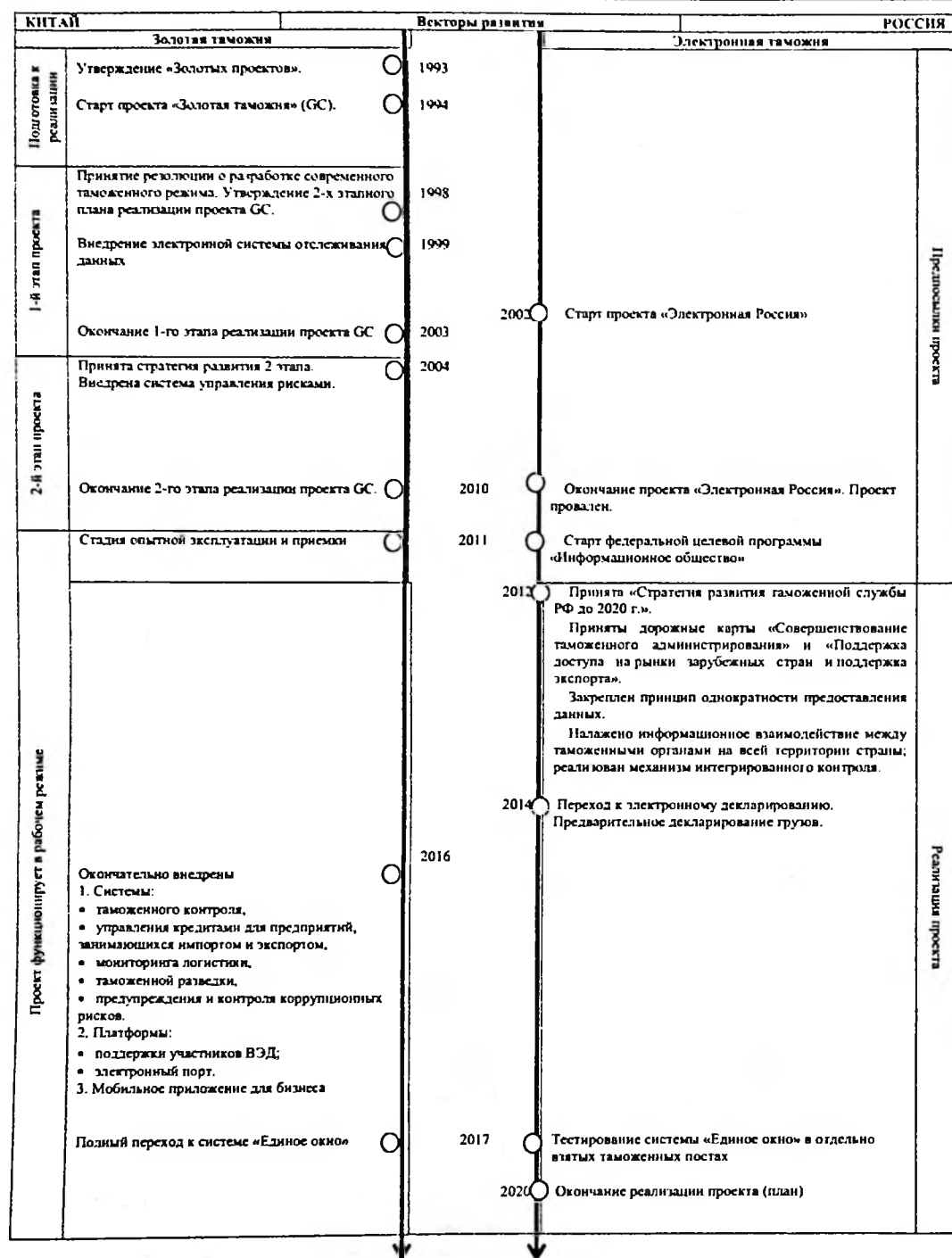

Рис. 3. Этапы развития проектов «Золотая таможня» и «Электронная таможня».

Использование единой декларации. Степень развития таможенной службы, ее гибкость, скорость реакции на изменения в бизнес-среде напрямую влияют на положение страны в рейтинге Doing Business. В 2018 г. Россия оказалась в нем на 31-м месте, а Китай занял сразу три позиции: особые административные районы Гонконг и Тайвань

расположились на 4-м и 13-м местах соответственно, а континентальная часть КНР — на 46-м. Углубление межгосударственного взаимодействия надзорных органов позволит не только подняться в рейтинге, но и повысить привлекательность стран как для импортеров, так и для экспортеров.

Китай		Возможности для интеграции	Россия
Единое окно	Министерство финансов	Схожие функции	Министерство финансов
	Министерство общественной безопасности		ФСБ, МВД
	Министерство охраны окружающей среды		Росприроднадзор
	Министерство транспорта		Министерство транспорта
	Министерство сельского хозяйства		Министерство сельского хозяйства
	Народный банк Китая		Банк России
	Главное таможенное управление главное		Федеральная таможенная служба
	Управление по контролю качества		Ростехнадзор
	Министерство по контролю за обращением иностранной валюты		Росфиннадзор
	Министерство по инспекционному контролю и карантину		Россельхознадзор, Роспотребнадзор, Росздравнадзор, Ространснадзор; Федеральная служба по военно-техническому сотрудничеству
Министерство коммерции	Не представлены в одной из систем в сопоставимом формате	<ul style="list-style-type: none"> • Министерство экономического развития; • Министерство связи и массовых коммуникаций; • Пограничная служба; • Ростехрегулирование; • Министерство культуры; • Роспатент; • Министерство обороны; • Министерство образования; • Минэнерго; • Федеральная служба по техническому и экспортному контролю • Росавтодор • Федеральное казначейство 	
		Единое окно	

Рис. 4. Межведомственная интеграция в рамках системы «Единое окно».

Источник: составлено авторами.

В настоящее время таможенные службы Китая и России находятся в стадии переговоров относительно синхронизации процессов. Планируемая схема взаимодействия проста (рис. 5). По сути экспортная декларация, предоставляемая в одной стране, информационно соответствует импортной декларации в другой; декларанты двух стран могут осуществить перемещение груза по одной экспортно-импортной (или импортно-экспортной) декларации.

Привязка данных к грузу. В российском варианте к электронной таможенной декларации прикладывается внушительный перечень документов в традиционной печатной форме. Как правило, многие из них дублируют те, что были предоставлены китайским экспортером в таможенную службу своей страны. Возможна ситуация, при которой документы с неизменяемыми характеристиками, будучи привязаны к конкретному грузу, перемещаемому через границу, могут быть доступны в электронной форме таможенным службам обеих стран.

Рис. 5. Схема взаимодействия таможенных служб Китая и России.

Источник: составлено авторами.

К примеру, импортер вывозит из Китая строительную технику. Для подтверждения правильности заполнения декларации (например, кода товарной номенклатуры ВЭД) предоставляются технические регламенты, сертификаты ISO, сведения о непосредственном производителе. Таким образом содержательная часть данной документации не изменится с переходом границы. Инспектор таможенной службы должен иметь доступ к подобным документам, не запрашивая их у декларанта.

У проектов «Золотая таможня» и «Электронная таможня», как уже отмечалось, общая цель — создание единой межгосударственной сети взаимодействия. Эта цель может быть достигнута путем последовательной и продуманной интеграции существующих систем.

Теоретически, электронные системы таможенных служб стран — участниц проекта могут подключаться к уже действующей сети электронного взаимодействия правительств и участников ВЭД со стороны бизнеса.

Что касается российского проекта «Электронная таможня», то он, напомним, существует с 2012 г. и на современном этапе находится в стадии отладки и доработки. То есть от китайской «золотой таможни» изрядно отстал, однако, на взгляд авторов статьи, в этом может крыться и определенное преимущество, так как налицо возможности создать уже интегрированную систему межгосударственного взаимодействия, а не перекраивать существующие форматы под новые критерии. Интеграция между схожими по функциям ведомствами создаст прочный фундамент для построения российско-китайского Единого окна на уровне правительств.

Единая декларация на товар и система привязки данных к перемещаемому грузу, повторем, значительно сократят время прохождения границы.

1. Будучи одним из первых в мире зачинателей «цифровизации» управления экономикой, Госсовет КНР еще в 1993 г. запустил при участии тогдашнего Министерства электронной промышленности и телекоммуникационной компании China Telecom три «золотых» проекта, нацеленных на внедрение глобальной системы «Правительства Онлайн»: «золотой мост», «золотая кредитная карта» и «золотая таможня» (впоследствии список был значительно расширен).
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС) разработан для осуществления единого порядка при перемещении товаров через границу этого Союза, включающего ныне Россию, Армению, Беларусь, Казахстан и Киргизию. Для унификации и обеспечения их равноправия потребовалась огромная работа по изменению существовавшего национального

законодательства и полного урегулирования всех вопросов. Договор о ТК ЕАЭС был подписан всеми странами 11 апреля 2017 г. и вступил в силу в 2018 г. Применяемый с 4 сентября 2018 г. Федеральный закон № 289-ФЗ установил особенности таможенного регулирования России в соответствии с положениями права ЕАЭС. Помимо охвата вопросов, связанных с принятием ТК, в этот документ вошли и нововведения, регулирующие электронное декларирование, упрощение контроля, ускорение и автоматизацию обработки документов.
URL: <https://www.alt.ru/codex-2018/>

3. Инициативу «Один пояс, один путь» («Пояс и путь») выдвинул Председатель КНР Си Цзиньпин по ходу визитов в Казахстан и в Индонезию осенью 2013 г. На основе продолжения и развития традиций древнего Шелкового пути тем самым предложено создать новые механизмы межрегионального экономического партнерства с охватом огромной части Евразии (где проживает 63% населения планеты).
4. В 2018 г. товарооборот России с Китаем превысил 108 283 млн долларов (на 24,51% превысив показатели 2017 г.) Доля Китая во внешнеторговом обороте РФ в 2018 г. составила 15,7%. Китай по доле в российском внешнеторговом товарообороте прочно удерживает 1-е место.
URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-kitayem-v-2018-g/>
5. *Атанов Н.И., Аюшеева Е.В.* Современное состояние и перспективы приграничного сотрудничества России и Китая в условиях евразийской экономической интеграции // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2016. № 1. С. 67–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-prigranichnogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya-v-usloviyah-evraziyskoy-ekonomicheskoy>.
6. *Лена Т.П.* Россия и Китай: таможенное и экономическое взаимодействие // Известия БГУ. 2017. № 1. С. 64–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-kitay-tamozhennoe-i-ekonomicheskoe-vzaimodeystvie>.
7. *Белусова Т.И., Антонова Е.И., Шаланина Н.А.* Современные технологии таможенного администрирования // Теория и практика таможенного дела. 2017. № 1(78). С. 16–25. URL: http://vfta.customs.ru/vfta/images/stories/journal_2017-1_03belousova.pdf.
8. *Лавлок П., Уре Дж.* Электронное правительство в Китае. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/apcity/unpan021473.pdf>.
9. *Калатил С., Боас Т.С.* Интернет и государственный контроль в авторитарных режимах: Китай, Куба и проект контрреволюции // Информационная революция и мировая политика. Программа глобальной политики. 2001. № 21. С. 1–15. URL: <http://www.ceip.org/files/Publications/wp21.asp>.
10. Видный государственный деятель КНР. Род. в 1932 г. В 1956–1957 гг. прошел практику в СССР (на Горьковском автозаводе и заводе им. Лихачева). В 1957–1959 гг. возглавлял комитет по развитию Чанчуньского автомобильного комбината, первенца китайского автомобилестроения, возведенного с советской помощью. С 1987 г. — один из ближайших сподвижников Дэн Сяопина в проведении курса реформ и открытости.
11. См.: *Лавлок П., Кларк Т., Петразини Б.А.* «Золотые» проекты Китая: ренжиниринг национальной экономики // Гарвардская школа бизнеса. 1996. № 9. С. 396.
12. Китайская таможня сегодня. URL: <http://english.customs.gov.cn/Uploads/Reports/2016%20China%20Customs.pdf>.
13. Китай ввел режим работы «одного окна» на всех таможенных пунктах. URL: <https://ria.ru/20171127/1509684458.html>.
14. Состояние развития механизма единого окна. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/edinoe_okno/Documents/Sbor_EEK_2017.pdf.

О некоторых элементах организации предпринимательской деятельности в Южной Корее

© 2019

С.Г. Ше

В статье рассматриваются отдельные элементы южнокорейского опыта организации бизнеса, адаптация которых может плодотворно повлиять на развитие предпринимательской деятельности в России. Подчеркивается важность кооперации, вертикально интегрированных связей и правильной политики в отношении иностранных рабочих.

Ключевые слова: малое предпринимательство, Южная Корея, электроника, мультикультурализм, вертикальная интеграция.

DOI: 10.31857/S013128120006096-6

Для осуществления успешной модернизации в России чрезвычайно важным представляется анализ накопленного зарубежного опыта и адаптация его к российским условиям, что может обеспечить заметную экономию средств и времени. По этим причинам государственное регулирование предпринимательской деятельности в Южной Корее, основанное на экономике знаний, представляет особый интерес. В статье представлено несколько элементов организации предпринимательства, которые, по мнению автора, могли бы быть полезными для российского бизнеса, особенно малого и/или базирующегося в Дальневосточном регионе РФ.

«Палли-палли» как форма организации предпринимательской деятельности: достижения и «перегибы»

В эпоху индустриализации (1970–1980 гг.) в Южной Корее был взят за основу лозунг: «Быстрее, еще быстрее» (кор. «палли-палли»). Такой подход к труду применялся везде, начиная с маленьких семейных ресторанов, заканчивая строительством и предприятиями тяжелой промышленности. Во многом благодаря этому корейской экономике удалось совершить прорыв, который привел к увеличению валового национального дохода на душу населения с 79 долл. в 1960 г., до 22 000 долл. в 2011 г. Не менее важный результат был достигнут и в научно-технологической сфере, что позволило вывести в 2013 г. Южную Корею на 1-е место в мире по средней скорости соединения интернета (14,2 Mb/s), опередив Японию (11,7 Mb/s), Гонконг (10,9 Mb/s), Швейцарию (10,1 Mb/s) и т.д.¹

Между тем следует отметить, что принцип «палли-палли» имеет неоднозначную оценку в южнокорейском обществе². В настоящее время данный подход к труду и ведению бизнеса усовершенствовался и стал для многих частью повседневной культуры, но, с другой стороны — период, когда он широко применялся, был отмечен не только крупными достижениями, но и трагическими «перегибами».

Ше Сон Гун, кандидат экономических наук, специалист по оптико-автоматизированному контролю качества в электронике компании «Hankook IS» (г. Ансан, Республика Корея). E-mail: sosongun@rambler.ru.

Таблица 1

Количество предприятий и численность штатного персонала в РК, 2012–2017 гг.

Численность штатного персонала	Количество предприятий			Численность персонала		
	2012 (А) тыс. предпр.	2017 (В) тыс. предпр.	Откло- нение (С=В/А)	2012 (В) тыс. че- ловек	2017 (А) тыс. че- ловек	Откло- нение (С=В/А)
Всего	3602,476	4020,477	1,12	18570,408	21591,398	1,16
1–4 человека	2963,377	3224,683	1,09	5298,507	5834,290	1,10
5–99 человек	622,720	776,922	1,25	8667,629	10281,826	1,19
100–299 человек	13,036	14,846	1,14	2022,935	2318,203	1,15
300 человек и выше	3,343	4,026	1,2	2581,337	3157,079	1,22

Источник: составлено автором по данным Kostat.

В преддверии летней Олимпиады 1988 года Сеул и его окрестности были охвачены строительным бумом. В связи с запретом на заключение международных строительных контрактов почти все здания возводились южнокорейскими компаниями в сжатые сроки. 29 июня 1995 г. в районе Сочхо-гу в столице РК произошло обрушение торгового центра «Сампхун». Это была самая крупная катастрофа мирного времени в истории Южной Кореи, тогда погибли 502 человека, 937 — получили ранения. До терактов 11 сентября в США и обрушения «Рана-Плаза» в Бангладеш эта катастрофа по количеству жертв была признана самым крупным обрушением здания в современной мировой истории.

В обществе усилилось негодование, правительство по всей стране организовало проверку зданий на безопасность. Результаты обескуражили: 14,3% всех зданий нуждались в реконструкции, 80% — требовали ремонта, безопасными были признаны только 2% зданий. По уголовным статьям о получении взяток, коррупции, подделке документов, создании фиктивных документов и т.п. были осуждены 25 человек³.

Возникшая социальная напряженность, спровоцированная ужасной трагедией, привела к пересмотру основ ведения хозяйственной деятельности — во главу угла был поставлен принцип «качество в условиях ускорения», что послужило развитию автопрома, судостроения, разработки полупроводников и южнокорейской электроники в целом.

В Республике Корея государство методом проб и ошибок за относительно небольшой промежуток времени сформировало систему, в которой вся предпринимательская деятельность является частью общей экономической модели с соответствующими ограничениями по эффективности и качеству оказываемых услуг. Объектами такой уникальной среды развития популяций малого и среднего предпринимательства стали не субъекты малого бизнеса (предприятия и фирмы), а бизнес-процессы, кооперация, условия для ведения предпринимательской деятельности, институциональные отношения. Субъектами организации малого бизнеса в РК, безусловно, остались рынок и государство, системы управления которых перманентно совершенствуются с целью оказания значительной поддержки малому бизнесу. В результате весь массив малого и среднего предпринимательства посредством самоорганизации сформировался в вертикально-интегрированные структуры, без которых невозможна организация производственных цепочек, например, в автопроме и электронной промышленности.

Анализ и адаптация южнокорейского опыта к условиям организации предпринимательской деятельности на Дальнем Востоке России

Одной из ключевых особенностей развития малого бизнеса в Республике Корея является кооперация. Следует отметить, что она присуща не только промышленности (автопром, электроника, электротехника, строительство и др.), но и таким сферам пред-

принимательской деятельности, как прибрежное рыболовство, туризм и сельское хозяйство. Однако если в первом случае процесс производства разделен на основные и вспомогательные subprocesses, подчиненные друг другу (вертикально-интегрированные связи), то во втором случае система отношений состоит из равнозначных подсистем (горизонтальные связи). Например, кооперативные отношения субъектов малого бизнеса типа «прибрежное рыболовство — рыболовство — рыбопереработка — туризм» направлены на обеспечение внутреннего потребления экологически чистой продукции в условиях развития туризма и досуга. Первому случаю отвечает схема, представленная на рис. 1, второй пример схематично представлен на рис. 2.

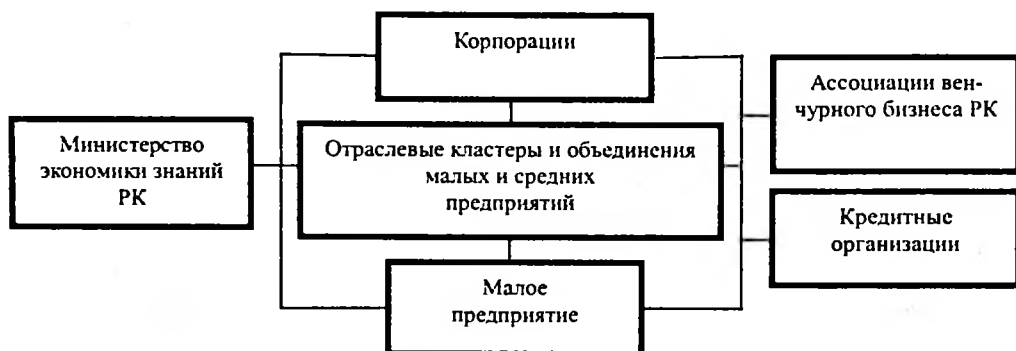

Рис. 1. Схема организации вертикально-интегрированных кооперативных отношений промышленных корпораций и предприятий малого бизнеса в Республике Корея.

Источник: составлено автором.

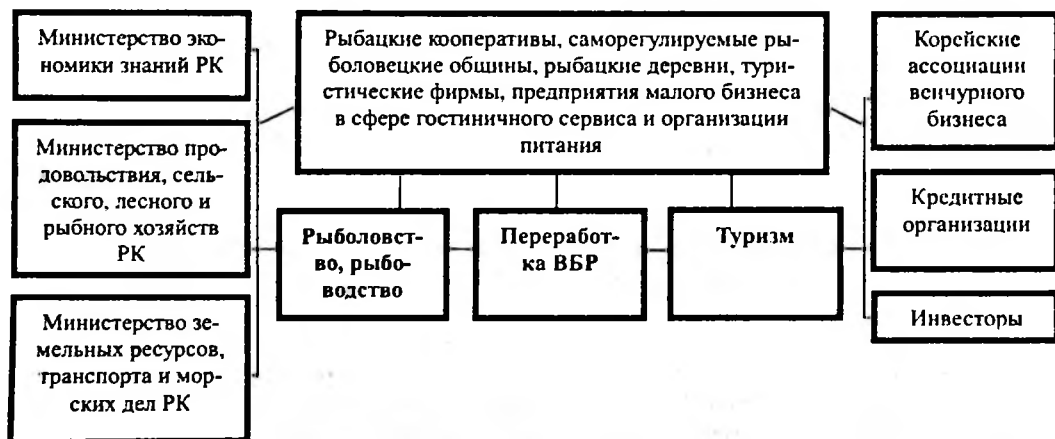

Рис. 2. Схема организации горизонтальных кооперативных отношений малого бизнеса по видам экономической деятельности в рыбном хозяйстве и туризме Республики Корея.

Рассмотрим метод, раскрывающий сущность горизонтальной кооперации предпринимательской деятельности в РК на примере рыбной промышленности. Особенность южнокорейского подхода состоит в том, что на основе индустриально-промышленных инфраструктур и комплексов государственными и саморегулируемыми институтами управления была создана инфраструктура постиндустриального типа, включающая инновационные, информационные и экологические сферы, что позволяет более эффективно использовать ограниченные водные биологические ресурсы (далее — ВБР), увеличи-

вая их добавленную стоимость, посредством вовлечения прибрежных регионов во внутреннюю и международную туристическую индустрию (рис. 2)⁴.

Подобный опыт может быть использован и в России, например, в Приморском крае, в Сахалинской области, на Камчатке, на озере Байкал, в Крыму и т.д.

Следует отметить, что отличия российского и южнокорейского подходов заключаются в том, что, во-первых, в Республике Корея государственное регулирование связано с организацией малого бизнеса не только в прибрежной рыбохозяйственной деятельности, но и в туризме, по принципу «рыболовство — рыбоводство — переработка — туризм». Во-вторых, объектами прямой государственной поддержки в РК являются не только предприятия и фирмы, но и домашние хозяйства при наличии рыбодобывающего судна. Такой подход позволяет увеличить занятость в прибрежных регионах и снижает проблему урбанизации, что весьма актуально для российского Дальнего Востока. Если сегодня Россия не останит исход населения из отдаленных территорий, завтра, как отметил академик РАН А.Г. Гранберг, Дальний Восток навсегда останется «... чужеродным элементом в АТР»⁵.

Аналогичные схемы можно использовать и в иных отраслях промышленности. Например, развитие электронной промышленности и производства печатных плат (далее — РСВ-продукция)⁶ имеют прямую зависимость. В Азиатско-Тихоокеанском регионе производится до 90% всех печатных панелей в мире, из которых 81,6% выпускают четыре страны: КНР, Тайвань, Южная Корея и Япония (рис. 3). Так, предпринимательские структуры Китая в 2017 г. заняли 1-е место в регионе по выпуску данной продукции (46,3%); 2-е — Южная Корея (13,3%); 3-е — Тайвань (13%); 4-е — Япония (8,9%)⁷.

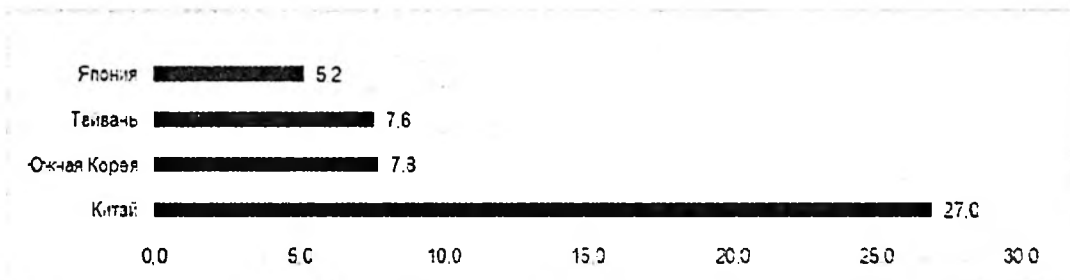

Рис. 3. Стоимость выпущенной РСВ-продукции в АТР в 2017 г., млрд долл.

Источник: Статистический доклад ассоциации корейских компаний-производителей электроники (КРСА). 2016. URL: http://www.kpca.or.kr/kr/data/briefing_03.php

Следует отметить, что предпринимательская деятельность в микроэлектронике не ограничивается экономическими взаимосвязями в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Принимая вид глобальной технологической сети, система выпуска электронных элементов становится эффективным механизмом развития таких конгломератов, как «Apple», «Samsung Electronics», «Sony» и др., поскольку большая часть производства электронных комплектующих передается на аутсорсинг малому бизнесу в различных странах мира. Такой организационный подход приводит к глобальной конкуренции в сфере производства комплектующих элементов и образованию высокотехнологичных кластеров, состоящих из наиболее эффективных вертикально интегрированных предприятий малого бизнеса с замкнутым циклом производства. Поэтому электронная промышленность в АТР постоянно совершенствуется, а новейшие инновационные разработки легко осваиваются малым бизнесом. Так, социально-экономическая роль «Samsung Electronics» заключается в том, что одно рабочее место в этой корпорации создает от 1 до 3 рабочих мест в малом бизнесе и «четыре рабочих места в других отраслях народного хозяйства»⁸.

Основная проблема, тормозящая развитие микроэлектроники в России, заключается в отсутствии кооперативных связей между мировыми конгломератами по производству электронной и электротехнической продукции и российскими предпринимательскими

структурами, осуществляющими выпуск комплектующих⁹. Причина в том, что российские предприятия никогда не были встроены в глобальные производственные цепочки по выпуску электроники. Электронные и электротехнические компании в России ограничены заказами ВПК и поэтому одни из первых оказались под санкциями. Доступ ко многим актуальным технологиям, компонентам и химическим материалам оказался ограничен. При этом Китай, обладая достаточным потенциалом для технологического сотрудничества в электронике (рис. 4), не спешит делиться своими разработками с российскими коллегами. Так, в 2017 г. на долю США приходилось 43,5% от общего мирового объема инвестиций в НИОКР. Далее следуют Япония (15,2%), Германия (7,7%) и КНР (6%). В Китае количество инновационных предприятий постоянно растет, если в 2012 г. в рейтинг «R&D» вошли 39 компаний, то в 2017 г. их число увеличилось в 2,9 раза (113 компаний)¹⁰.

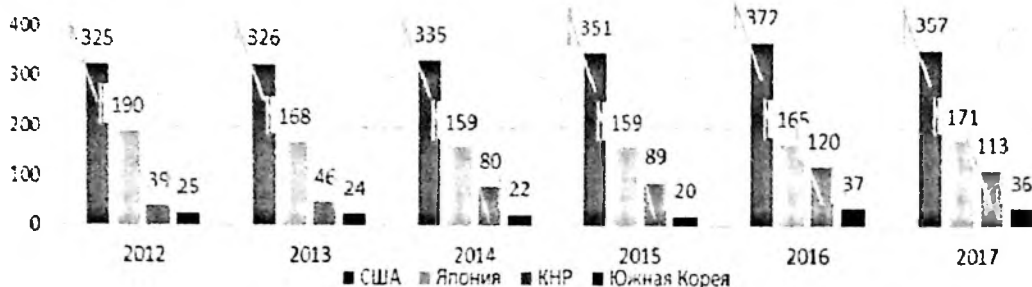

Рис. 4. Структура рейтинга «Топ 1000 ведущих компаний в области НИОКР (R&D)». Источники: Сон Хе Ён. *Sege 1000da R&D kyon hanjuk 20 ko plun: [В рейтинге «Топ 1000 ведущих компаний в области исследований и разработок» всего 20 корейских компаний]*. 2017. URL: <http://www.etnews.com/20170111000274>; 2017 Global Innovation 1000 / Strategy & Global Innovation Study. URL: [studyhttps://www.strategyand.pwc.com/innovation1000](https://www.strategyand.pwc.com/innovation1000)

Автор полностью согласен с С.С. Суслиной, которая справедливо утверждает, что «южнокорейский опыт трудно назвать эталоном, но он может послужить ориентиром в поисках собственной системы государственного регулирования в этой сфере с целью включения МСБ в высокотехнологичные производственные сектора экономики»¹¹. Вместе с тем следует отметить, что российской электронике необходимы также колоссальные инвестиции и время (рис. 5). Для того, чтобы «вырастить» только одну российскую транснациональную корпорацию мирового уровня в электронной промышленности, которая посредством вертикально-интегрированной кооперации смогла бы организовать технологическую структуру из предприятий малого и среднего бизнеса, способных осуществить выпуск электронных компонентов (печатных плат, полупроводников, светодиодов, сенсоров, микропроцессоров и т.д.) высокого качества, может потребоваться не один десяток лет.

Поэтому Россия на начальном этапе могла бы заключить с корпорациями из стран АТР соглашения о сотрудничестве и производственной кооперации, как это было ранее осуществлено в КНР. Предметом такого сотрудничества может стать организация свободных экономических зон предпринимательской деятельности, которые связали бы, например, индустриально-промышленные комплексы РК и российские промышленные центры Сибири, Урала и Дальнего Востока. Южнокорейские корпорации в рамках такого соглашения могли бы передать на аутсорсинг российскому предпринимательству отдельные процессы производства электронных компонентов для реализации готовой продукции на новых рынках сбыта. Объектом соглашения могут стать кластерообразующие компании, которые построили бы производственные сети, состоящие из российских малых предприятий. За такими управляющими компаниями должна сохраняться функ-

ция организации системы управления производственными процессами с целью выпуска продукции любой сложности и высокого качества. Взамен они могли бы получить необходимое сырье и эффект масштаба в результате освоения новых российских и европейских рынков, посредством эксплуатации транспортных систем Северного морского пути и Транссибирской магистрали¹².

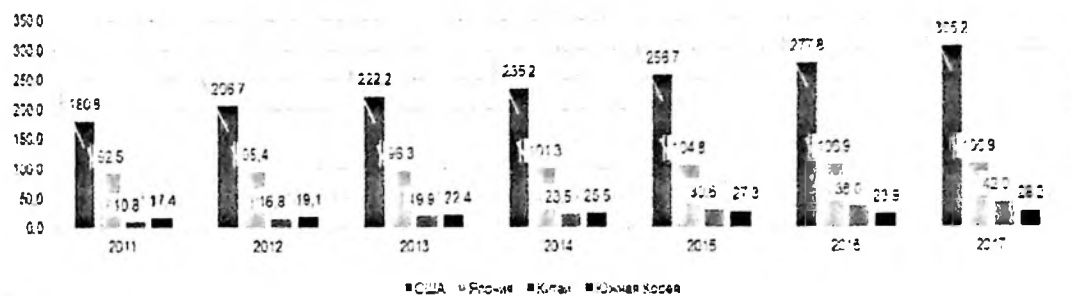

Рис. 5. Структура рейтинга «Топ-1000 ведущих компаний в области НИОКР (R&D)» по объемам инвестиций в НИОКР, млрд долл.

Источник: 2017 Global Innovation 1000 / Strategy & Global Innovation Study.

URL: [studyhttps://www.strategyand.pwc.com/innovation1000](https://www.strategyand.pwc.com/innovation1000)

Южнокорейские стратегии контроля качества

Рассмотрим некоторые аспекты качественных показателей производственных процессов в микроэлектронике. Чем высокотехнологичнее продукция, тем выше ее стоимость и, соответственно, выше потери от брака, поэтому за каждый технологический этап фирмы несут материальную ответственность. Например, предприятие, допустившее брак, должно оплатить стоимость всех предыдущих процессов.

Таблица 2

Оценка и прогноз мирового рынка полупроводников (по данным WSTS)

Показатели	2017 (оценка, млрд долл.)	2018 (прогноз, млрд долл.)	2018/2017 %
Дискретные полупроводниковые компоненты (МОП-транзисторы)	21,498	22,49	4,6
Оптоэлектроника (светодиоды)	34,467	37,302	8,2
Сенсоры, датчики	12,537	13,439	7,2
Аналоговые полупроводники	52,711	55,909	6,1
Микропроцессоры	63,147	65,331	3,5
Логические элементы	101,413	108,467	7
Память	122,918	134,327	9,3
Итого	408,691	437,265	7

Источник: Хан Д.И. В этом году бум на рынке полупроводников продолжится. 2018 г.

URL: <http://www.etnews.com/20171226000091>

Организация заводов по выпуску электронной продукции требует значительных затрат, поскольку это очень капиталоемкий и материалоемкий вид производства. Для того чтобы, например, создать одно рабочее место в южнокорейской электронике, необходимо затратить около 100 тыс. долл. В чем причины высокой капиталоемкости производства? Чтобы ответить на этот вопрос рассмотрим проблему модернизации в электронной промышленности и оценку мирового рынка полупроводников.

Вместе с ростом производства печатных плат рынок полупроводников в настоящее время испытывает настоящий бум. Так, в 2016 г., согласно исследованию Института статистики мировой торговли полупроводниками (WSTS), рынок полупроводников оценивался в 406,9 млрд долл., что на 20,6% больше, чем в предыдущем году. В 2016 г. объем мирового рынка впервые превысил отметку в 400 млрд долл. и по прогнозу WSTS продолжит рост по всем показателям в 2018 г. (табл. 2).

Причиной такого роста стало развитие серверной памяти, которое привело к быстрому росту данного сектора. С расширением облачной инфраструктуры спрос на серверную память резко возрос. В 2017 г. ее продажи выросли на 60,1% по сравнению с 2016 г. По прогнозу WSTS, в 2018 г. объем данного рынка увеличится на 9,3%¹³.

Поскольку мировые производители электроники (Samsung Electronics, Intel, SK Hynix, Micron Technology и др.) нарастили объем продаж, они стали все больше инвестировать в модернизацию производственных линий. Так, развитие индустрии оборудования, используемого в электронной промышленности, демонстрирует непрерывный рост (табл. 3). По данным Международной ассоциации полупроводникового оборудования (SEMI), этот рынок, как ожидается, в 2018 г. вырастет до 60,1 млрд долл.¹⁴

Таблица 3

Мировой объем рынка полупроводникового оборудования

(по данным SEMI, млрд долл.)

2014	2015	2016	2017 (оценка)	2018 (прогноз)
37,5	36,53	41,23	55,93	60,1

Источник: Хан Д.И. В этом году бум на рынке полупроводников продолжается. 2018 г. URL: <http://www.etnews.com/20171226000091>

Следует отметить, что модернизация в производстве полупроводников связана с улучшением качества электронной продукции; увеличением эффективности использования расходных материалов; оптимизацией переделов в электротехническом производстве; повышением скорости завершения отдельных процессов в электронике при сохранении качества выпускаемых компонентов; ростом производительности производственных линий; расширением технологических возможностей и т.д. Такой подход отражает интенсификацию производства по принципу «сокращения ширины производственных линий», поскольку его логика заключается в том, что темпы роста инвестиций в высокотехнологичное оборудование должны быть выше темпов роста производственных мощностей.

В южнокорейской электронике, где стоимость сырья, энергозатрат, трудовых ресурсов, аппаратов и оборудования, промышленных химикатов и прочих вспомогательных материалов достаточно высока борьба за качество идет ежедневно. Так, если в добывающих отраслях, например, в рыболовстве, добыче нефти и газа человек ведет борьбу с суровым климатом, то в электронике такое противостояние осуществляется на микроуровне — с пылью. Например, при покраске печатных плат не помогают ни специальная одежда, ни липкие принадлежности, ни даже видеонаблюдение, транслируемое на смартфоны руководителей. Пыль из внешней среды в изолированное помещение попадает с воздухом, поэтому выход бракованной продукции можно только уменьшить до минимальных объемов (от 2 до 10% от валового дохода в месяц). Также основным переносчиком пыли является персонал, в идеале каждый работник должен быть экипирован в комбинезон с капюшоном, специальную обувь и маску. Однако на предприятиях в условиях «палли-палли» по-разному относятся к такого рода культуре производства. Для большинства заводов и фабрик малого бизнеса — это очень серьезная проблема. Помимо пыли, существует еще целое множество видов брака, допущенных в результате человеческого фактора.

Всеобщая интенсификация с целью увеличения производительности труда при относительно небольшой заработной плате привела к возрастанию социальных протестов, сопровождающихся многолетним требованием увеличения почасовой минимальной ставки до 10000 вон. Президент РК Мун Чжэ Ин пообещал увеличить почасовую оплату до требуемого размера в 2021 г. (в 2017 г. — 6470 вон, в 2018 г. — 7530 вон, в 2019 г. — 8350 вон) (табл. 4). Однако с 1 июля 2018 г. максимальная продолжительность рабочего времени была сокращена с 68 до 52 часов в неделю. Многие крупные предприятия (свыше 300 человек) стали сокращать среднюю продолжительность рабочего времени, вместо того чтобы нанимать дополнительный персонал. Но для малого бизнеса правительство РК сделало исключение, согласно которому для предприятий со средней численностью штатного персонала от 50. до 299 человек данная норма вступает в силу 1 января 2020 г., для фирм с численностью персонала от 5 до 49 человек — 1 июля 2021 г., для микропредприятий с количеством штатного персонала до 5 человек эта норма применяться не будет¹⁵.

Таблица 4

Основные экономические показатели в народном хозяйстве Республики Корея

Годы	Численность персонала на предприятиях малого бизнеса	ВВП на душу населения (долл.)	Минимальная почасовая ставка (вон)	Международный рейтинг конкурентоспособности
2016	15 934 880	27 535	6 030	26
2015	15 623 518	27 105	5 580	26
2014	15 090 126	27 811	5 210	26
2013	14 402 439	25 890	4 860	25
2012	13 929 700	24 359	4 580	19
2011	13 516 119	24 080	4 320	24
2010	13 131 222	22 087	4 110	22
2009	12 668 127	18 292	4 000	19
2008	12 405 598	20 431	3 770	13
2007	12 294 378	23 061	3 480	11

Источник: составлено автором на основе данных *Kostat*

Изменение структуры занятости и «мультикультуралистский» подход к развитию малого бизнеса в РК

Стремление к совершенному качеству в условиях «палли-палли» и недовольство южнокорейцев заработной платой привело к нехватке рабочей силы на предприятиях малого бизнеса. Увеличилось привлечение иностранцев. Рассмотрим аспекты мультикультурализации с целью привлечения иностранных инвестиций в страну и сокращения дефицита рабочей силы на предприятиях малого бизнеса¹⁶.

Мультикультурализм — это один из аспектов толерантности, заключающийся в сохранении и развитии в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных и этнических различий. В отличие от политического либерализма мультикультурализм признает права этнических и культурных групп, которые могут выражаться в предоставлении возможности этническим общинам вести просветительскую деятельность и иметь собственные образовательные программы, строить школы, открывать библиотеки, выражать консолидированную политическую позицию¹⁷.

Данная концепция несколько шире концепций международного миграционного движения рабочей силы, поскольку предметом ее исследований являются причины этни-

ческой миграции; условия развития самобытности этносов в мире; организация инфраструктуры поддержки иностранцев в принимающей стране.

Одним из главных принципов в политике мультикультурализма является принцип трансформации государственных и общественных институтов с целью обеспечения равенства всех граждан, защиты их прав и предотвращения любой дискриминации. По нашему мнению, инфраструктура развития международной трудовой миграции могла быть дополнена подсистемой государственной поддержки предпринимательской деятельности, поскольку именно субъектам малого бизнеса она должна быть адресована в первую очередь.

Например, в 1993 г. в Республике Корея с целью сокращения дефицита рабочей силы на малых и средних предприятиях была введена схема производственной стажировки. Стажер-мигрант мог получить временную рабочую визу (до пяти лет) только при трудоустройстве на предприятиях малого бизнеса, при этом перейти на другое предприятие он имеет право не более трех раз. В соответствии с трудовым договором мигрант проживает на территории завода в общежитии или на снимаемой предприятием квартире, ему также предоставляется 3–4-разовое питание. Если иностранный работник самовольно меняет место работы, то его положение в стране автоматически становится нелегальным, так как только официальное разрешение центра занятости при Министерстве труда дает ему право на увольнение. По истечении срока пребывания он должен незамедлительно покинуть страну.

Так, в г. Ансан промышленная концентрация настолько высока, что если в 2013 г. на одно предприятие приходилось 77 человек (на 765,022 тыс. человек населения г. Ансан пришлось 9,915 тыс. предприятий), то на 30 июня 2018 г. данное соотношение составило 1/74 чел. (на 739,315 тыс. человек населения г. Ансан приходится 10,026 тыс. предприятий) (табл. 5). Мультикультурная структура по численности мигрантов г. Ансан приводится в табл. 6.

Таблица 5

Динамика численности иностранцев, проживавших в г. Ансан в 2010–2018 гг.

Иностранные граждане	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018.06
Численность (тыс. человек)	41,176	49,822	52,884	62,359	69,608	74,653	77,254	80,494	83,130

Источник: Вегугинчжуминьль вихан сэнхваль: помниоль гайдбук / Ансанси вегугинчжуминсенто: [Жизнь за рубежом: юридический справочник / Центр иностранных граждан, г. Ансан]. 2018. С. 7.

Следует отметить, что рабочие-мигранты во многом активнее на рынке труда, чем безработные принимающей страны. Лишенные всяческой поддержки, а зачастую и без знания языка, прокормить свои семьи они могут только за счет особого старания. В таких сложных условиях иностранные рабочие объединяются в артели, организованные по принципу этнического единства. А поскольку цель малого бизнеса заключается в максимизации прибыли, сверхмотивация мигрантов, снижающая предпринимательские риски, невольно способствует достижению данной цели, так как позволяет активизировать потенциал малого бизнеса в принимающей стране и приводит к росту объемов вырабатываемой продукции в наиболее трудоемких сферах.

Таблица 6

Структура иностранных граждан, проживающих в г. Ансан в 2018 г. (число человек)

КНР (китайские корейцы)	Узбекистан	Россия (этнические корейцы)	Вьетнам	Индонезия	Филиппи- ны
55 433 (47 144)	7 976	6 037 (5 222)	2 322	1 237	1 139
Непал	Камбоджа	Таиланд	Шри-Ланка	Бангладеш	Другие страны
800	616	472	459	426	6 213

Источник: Вегугинчжуминиль вихан сэнхваель: помноль гайбук / Ансанси вегугинчжуминсенто: [Жизнь за рубежом: юридический справочник / Центр иностранных граждан, г. Ансан]. 2018. С. 7

Если в России мигранты задействованы, как правило, на строительных работах, и проблемы с ними начинаются после завершения строительства, то в Южной Корее миграционная политика, а также инфраструктура поддержки мигрантов, организована с целью обеспечения долговременной занятости иностранцев. Поэтому им запрещено работать в строительстве, торговле и гостиничном бизнесе. Их труд широко используется в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, рыболовстве, на предприятиях малого и среднего бизнеса; в городах с численностью населения менее 200 тыс. человек¹⁸, где за 2–3 года они осваивают язык, пройдя бесплатное 6-уровневое обучение (минимум 530 час.), и становятся квалифицированными рабочими.

Принципиальная особенность политики Республики Корея заключается в том, что правительство не жалует средств на принуждение к выезду трудовых мигрантов после завершения трудового контракта. Предприятия, предоставившие работу нелегалам, подвергаются крупным штрафным санкциям. Такая жесткая мультикультурная политика проходит под императивом: «зарабатывайте много и поскорее возвращайтесь домой». По нашему мнению, все достаточно справедливо: если бы они, например, приехали в качестве туристов, им запретили бы работать и предоставили бы совсем иной сервис.

Россия была и всегда останется многонациональной страной. Значительный вклад в ее развитие внесли переселенцы из ближнего и дальнего зарубежья. При этом многие ученые и практики говорят сегодня о необходимости модернизации государственной миграционной политики¹⁹. На наш взгляд, построение социально-ориентированного общества возможно с учетом современных технологий институционального регулирования мультикультурных отношений, а также опыта других стран, в том числе и Южной Кореи, в данной сфере²⁰.

1. Хангук ва хангук мухва. 1 чунгып поммубу хурипкук. Вегугин ончхэкпону: [Корейский язык и корейская культура. Учебник. 1 средний курс / Министерство юстиции. Управление по делам иммиграции. 2016. С. 52]
2. Современные корейцы нередко используют это сочетание как синоним «тяп-ляп». — *Примеч. ред.*
3. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B1%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B>
4. Например, в провинциях Кёнги-до, Чолла-Намдо, Чхунчхон-Намдо, на острове Чеджудо.
5. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / под ред. А.Г. Гранберга. М.: Изд-во «Экономика», 2002. 414 с.

6. Одними из основных комплектующих элементов в производстве электронных продуктов помимо полупроводников (чипов), являются печатные платы (*Printed Circuit Board* (далее — *PCB*)). Печатная плата — это пластина из диэлектрика, на поверхности или в объеме которой сформированы электропроводящие цепи электронной схемы. Печатная плата предназначена для электрического и механического соединения различных электронных компонентов, которые соединяются своими выводами с элементами проводящего рисунка (Источник: Википедия).
7. Статистический доклад ассоциации корейских компаний-производителей электроники (КРСА). 2016 г. URL: http://www.kpca.or.kr/kr/data/briefing_03.php.
8. Алферов Ж.И. Полупроводниковая электроника в России: состояние и перспективы // Электроника: Наука, Технология, Бизнес. 2004. № 5. С. 88–92.
9. Ше С.Г., Ким Д. Л. Предпринимательская деятельность в микроэлектронике КНР и перспективы российско—китайского сотрудничества // *Baikal Research Journal*. 2015. Т. 6. № 5. DOI: 10.17150/2411–6262.2015.6(5).19. URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=20373>.
10. Ше С.Г. Предпринимательская деятельность в КНР: колоссальные достижения и противоречия // Российский экономический журнал. 2018. № 3. С. 72–82; *Сон Хе Ён*. Сега 1000лэ R&D кноп хангук20 кэ плун: [В рейтинге «Топ 1000 ведущих компаний в области исследований и разработок» всего 20 корейских компаний]. 2017. URL: <http://www.etnews.com/20170111000274>; 2017 Global Innovation 1000 / Strategy & Global Innovation Study. 2017. URL: [studyhttps://www.strategyand.pwc.com/innovation1000](https://www.strategyand.pwc.com/innovation1000).
11. Сустина С.С. Южнокорейский малый и средний бизнес и перспективы его участия в инвестициях на Дальнем Востоке России // *Корея перед новыми вызовами*. М.: ИДВ РАН, 2017. — С. 255.
12. Ше С.Г., Рогов В.Ю. Перспективы российско-китайского сотрудничества в сфере электроники в СЭЗ «Туманган» // *Экономист*. 2018. № 9. С. 87–96.
13. Хан Д.Й. В этом году бум на рынке полупроводников продолжается. 2018 г. URL: <http://www.etnews.com/20171226000091>.
14. Там же.
15. URL: https://kin.naver.com/qna/detail.nhn?d1id=6&dirId=60222&docId=303333270&qb=6re866Gc7J6QIDMwMCDsnbjsnbTsgrAg71Ks7JeF7J6l7J2AIOyYrCA3IOybIOu2gO2EsCA1MCDsnbjsnbTsgrA=&enc=utf8§ion=kin&rank=1&search_sort=0&spq=0&pid=UaqMHspySE4sscE8F5wssssssw-310614&sid=kKyyl6pGcWF0PBjC9Q9Yyw%3D%3D.
16. Подробнее см.: Ше С.Г. Южнокорейский опыт организации мультикультурных отношений в сфере предпринимательства // *ЭКО*. 2014. № 8 (482). С. 183–189.
17. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B8%D0%BA%D1%83%>
18. Вегунинчжуминьль вихан сэнхваль: помнюль гайдбук / Ансанси вегунинчжуминсенто: [Жизнь за рубежом: юридический справочник / Центр иностранных граждан, г. Ансан]. 2018. С. 7.
19. Дукарт С.А. Миграционные процессы в России и Германии // *Известия Томского политехнического университета*. 2013. Т. 323. № 6: Экономика, Философия, социология и культурология. История. С. 52.
20. Ше С.Г. Подходы к разработке мультикультуралисткой концепции развития малого бизнеса на Дальнем Востоке // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2014. № 1–2. С. 32–43.

Сингапурский банк развития как инструмент формирования новой индустриальной экономики

© 2019

В.Д. Андрианов

В статье рассматривается роль Сингапурского банка развития в реализации экономической стратегии государства на различных этапах формирования новой индустриальной экономики. Показаны история создания банка, основные сферы его кредитно-банковской и инвестиционной деятельности, зарубежные аспекты финансовых операций. Представлены финансовые показатели и мировые рейтинги. Дана оценка роли банка в развитии промышленных зон, национальной инновационной системы, фондового рынка, в формировании международного финансового центра Сингапура, становлении страны в качестве новой индустриальной экономики (НИЭ).

Ключевые слова: Сингапур, финансовые институты развития, экономическая стратегия, новая индустриальная экономика.

DOI: 10.31857/S013128120006097-7

С момента обретения Сингапуром статуса самостоятельного государства его правительство активно использует национальные финансовые институты и инвестиционные фонды для реализации стратегии модернизации страны, превращения ее в НИЭ.

Выступая в сентябре 2018 г. перед сенаторами Казахстана, сингапурский лидер Го Чок Тонг¹, в частности, отметил: «Ключевой момент успешного государства — это построение институтов развития. Это основной вопрос для раскрытия полного потенциала государства и людей. Это именно наши институты, которые дают весьма долгосрочную уверенность для зарубежных инвесторов, а также для сингапурцев, и дают весьма хороший показатель, развивают имя, бренд Сингапура»².

Национальные финансовые институты развития представляют собой важный инструмент реализации стратегии и социально-экономической политики государства, планов и программ развития.

Функционирование национальных финансовых институтов развития помогает восполнить нехватку долгосрочных инвестиционных ресурсов в экономике, позволяет обеспечить реализацию приоритетных национальных проектов развития, коммерческое финансирование коих затруднено из-за потребности в значительных стартовых капиталовложениях, наличия высоких рисков при длительных сроках окупаемости и низкой доходности.

В Сингапуре функции таких институтов выполняют банки развития, государственные корпорации развития, агентства развития, экспортно-импортный банк, страховые агентства, долговые агентства, финансовые корпорации, инвестиционные компании и фонды, фонды прямых инвестиций, венчурные фонды, суверенные фонды и др. Правительство

Андрианов Владимир Дмитриевич, доктор экономических наук, профессор ИСАА МГУ, академик РАЕН, заслуженный экономист России. E-mail: andrianov_vd@mail.ru.

Сингапура последовательно создавало эти институты развития для решения конкретных социально-экономических задач на различных этапах индустриализации страны.

В настоящее время одним из ведущих финансовых институтов развития Сингапура является Сингапурский банк развития (The Development Bank of Singapore Limited), занимающий прочные позиции в экономике, финансовой и банковской системах страны.

Цель создания банка и сферы его кредитно-банковской и инвестиционной деятельности

В послевоенный период в Сингапуре начался процесс индустриализации. Законодательной основой интенсивной модернизации экономики стал Закон о поощрении развития новых и перспективных отраслей экономики, принятый в 1959 г.

На первом этапе индустриализации акцент делался на создание крупных промышленных зон как форпостов экономического роста. Формирование первой из них (в районе Джуронга) началось в 1961 г. Общая площадь зоны составила 56,8 кв. км. Важнейшими ее экономическими и логистическими преимуществами были близость морского порта, наличие военно-морской базы и достаточно развитая промышленная инфраструктура.

В 1963 г. Джуронг получил статус зоны свободной торговли, благодаря чему традиционные экспортные и реэкспортные товары были освобождены от уплаты таможенных пошлин³. Ради модернизации экономики, для обеспечения финансовой поддержки работы по созданию и развитию таких промышленных зон и был учрежден в июле 1968 г. Сингапурский банк развития (СБР). Инициаторами выступили правительство страны и специальная миссия ООН, которая изучала возможности ускоренной индустриализации Сингапура и готовила предложения по разработке долгосрочной стратегии его развития.

Первоначально среди основных акционеров этого банка было государство в лице Министерства финансов Сингапура, владевшее 49% выпущенных акций. Основными источниками фондирования кредитно-банковской и инвестиционной деятельности банка были государственные ассигнования и зарубежные капиталовложения крупных транснациональных и инвестиционных банков.

Первым председателем совета директоров банка стал соратник премьер-министра Ли Куан Ю, министр финансов Сингапура Хон Суй Сен (руководил банком до 1970 г., заложив основы его инвестиционной стратегии).

В 1969 г. при банке была учреждена специализированная компания для работы на рынке недвижимости. В 1970 г. в форме дочерней структуры был создан торговый банк.

На первых этапах индустриализации в 1970-е — 1980-е годы банк финансировал строительство крупных промышленных предприятий и портовых сооружений в промышленной зоне Джуронг, которые стали основой для дальнейшей модернизации экономики страны. В частности для строительства морских судов СБР в 1971 г. предоставил кредиты на модернизацию и сооружение новых мощностей судостроительной верфи Jurong Shipyard Pte Ltd (JSPL).

Реализация крупных инвестиционных проектов при финансировании из средств СБР способствовало превращению Джуронга на финише минувшего века в крупнейшую промышленную зону Сингапура. В 1972 г. в ней функционировало 430 промышленных предприятий с общим числом занятых около 58 тыс. человек⁴.

Большинство предприятий полностью принадлежало иностранным инвесторам, остальные были организованы в форме совместных предприятий (СП). Банк также инвестировал капитал в создание первой национальной нефтяной компании Сингапура — Singapore Petroleum Company Private Limited (SPC), которая в 1973 г. построила нефтепе-

рерабатывающий завод, оснащенный современным оборудованием, в другой промышленной зоне на острове Мерлимау⁵.

В 1975 г. СБР и японская компания «Мицубиси» создали совместное предприятие «Мицубиси Сингапур Хэви Индастриз», которое также специализировалось на строительстве и модернизации портовой инфраструктуры. Совместная компания, в которой банку принадлежало 49% акций, построила мощный морской док в Джуронге для обслуживания и ремонта крупных морских судов тоннажем до 400 тыс. т.

В эти же годы СБР профинансировал строительство еще одного крупного нефтеперерабатывающего завода, генеральным подрядчиком которого выступала американская транснациональная компания «Амоко ойл интернэшнэл».

Кредитуя сооружение новых промышленных предприятий и модернизируя старые, банк участвовал в капитале этих компаний, имея или контрольный пакет акций, или становясь миноритарным акционером.

В 1974 г. после создания суверенного фонда Сингапура «Темасек» ему были переданы под управление 29% акций СБР, ранее принадлежавшие министерству финансов.

В 1986 г. при банке была создана брокерская контора и банк стал институциональным инвестором на азиатских фондовых и валютных рынках. В том же году банком было организовано и проведено первое размещение японских государственных и корпоративных ценных бумаг, а также производных финансовых инструментов на Фондовой бирже Сингапура — Stock Exchange of Singapore (SES).

Сингапурская торговая площадка стала первой в мире, где торговались фьючерсы на один из важнейших фондовых индексов Японии — Никкэй 225 (Nikkei Stock Average 225). В самой Японии эти деривативы тогда еще инвесторам не предлагались.

За несколько лет работы на фондовом рынке банк занял доминирующее положение на сингапурском рынке первичного публичного размещения акций компаний — ИПО (Initial Public Offering, IPO).

В 1987 г. на сингапурском фондовом рынке банком было размещено акций местных и зарубежных акционерных компаний на общую сумму 670,8 млн сингапурских долл., что составило 83,6% от общего объема ИПО.

В 1990 г. брокерская контора была преобразована в специализированное подразделение банка по работе с ценными бумагами. Созданная при этом дочерняя компания — DBS Vickers Securities Holdings Pte Ltd, 100% акций которой принадлежит этому инвестиционному банку, стала крупным институциональным инвестором на сингапурском и азиатских фондовых рынках.

Сингапур постепенно превращается в региональный рынок торговли долговыми ценными бумагами. В 1996 г. здесь было осуществлено 27 выпусков облигаций в валютах азиатских стран на общую сумму 2,2 млрд долл. США.

В рамках усилий правительства по развитию рынков капитала в Сингапуре была создана финансовая компания по страхованию облигаций, эмитированных азиатскими заемщиками для финансирования проектов в инфраструктурных отраслях, что повысило кредитный рейтинг долговых инструментов.

В конце 1997 г. правительство Сингапура приняло решение о реформировании финансового сектора страны в целях его либерализации и повышения его международной конкурентоспособности. Данная реформа предусматривала обеспечение свободного доступа к биржевым торгам и отмену брокерских комиссий, стимулирование банковских слияний и поглощений, увеличение размера государственных средств, размещаемых в частных трастах, повышение степени раскрытия банковской информации до мирового уровня.

Был значительно облегчен доступ иностранцев на внутренний финансовый рынок, что позволило зарубежным банкам открывать свои филиалы в Сингапуре и устанавливать банкоматы. Было снято ограничение на долю иностранного капитала в акционерном капитале местных банков.

В 1998 г. по рекомендации премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю главным управляющим СБР и заместителем председателя правления стал Джон Олдс — представитель американского финансового конгломерата «Джи Пи Морган». Перед финансистом была поставлена задача превратить банк в крупного игрока на азиатском и мировом рынках капитала⁶.

В том же году Сингапурский банк развития поглотил старейший в стране Почтовый сберегательный банк Сингапура (Post Office Savings Bank)⁷, оказавшись крупнейшим в стране банком по числу установленных банкоматов (737 единиц).

В течение длительного времени СБР финансировал проекты и программы развития практически во всех ключевых отраслях экономики страны в соответствии с приоритетами экономической политики государства и целевыми показателями пятилетних планов экономического развития.

В интересах повышения рентабельности, финансовой устойчивости и международной конкурентоспособности в 2003 г. в СБР провели структурную реорганизацию и ребрендинг. Была перестроена система стратегического и корпоративного управления с использованием системы сбалансированных показателей, усовершенствована система управления рисками при формировании кредитного и инвестиционного портфелей банка⁸. Официальное наименование банка было заменено на более короткое — «DBS Bank Ltd.». Банк и его дочерние компании стали именоваться Группа Сингапурского банка развития (DBS Group Holdings).

Были скорректированы и приоритеты инвестиционной стратегии банка: теперь они акцентировались на финансирование инновационного развития страны, поддержку малого и среднего предпринимательства, развитие розничного бизнеса.

В 2008 г. в Сингапуре была принята Государственная программа развития инноваций, исследований и предпринимательства. Впоследствии из нее выделались отдельные планы и программы, задававшие вектор развития научно-техническому и инновационному потенциалу страны, передовым отраслям экономики и человеческому капиталу. В частности, Национальным исследовательским фондом Сингапура была разработана программа «Инновационный кластер».

В 2016 г. в Сингапуре был принят очередной пятилетний план развития национальной инновационной системы до 2020 г. — Research, Innovation and Enterprise 2020 Plan (RIE2020). На его реализацию государство выделило 19 млрд сингапурских долл. Финансирование отдельных программ и проектов Плана развития инноваций осуществлялось через «DBS Bank» (Сингапурский банк развития).

В последние годы, кроме кредитно-инвестиционной деятельности, банк стал, как уже упоминалось, активно развивать розничный бизнес (что обычно не характерно для национальных банков развития). Он стал ведущим розничным банком страны.

Его частным клиентам предоставляется широкий спектр банковских и финансовых услуг, включая обслуживание текущих и сберегательных счетов, прием депозитов, выдачу кредитов, кредитных карт, а также управление активами и страхование финансовых рисков.

Клиентам доступно открытие различных видов счетов, в том числе для ведения бизнеса, в таких валютах, как доллар США, сингапурский, гонконгский, австралийский, новозеландский, канадский доллары, евро, японская иена, фунт стерлингов, швейцарский франк, норвежская и шведская кроны, тайский бат. Наибольшее число клингов СБР зарегистрировано в самом Сингапуре — 4 млн человек, на втором месте жители Гонконга — 1 млн человек.

Розничное направление кредитно-банковской деятельности банка стало одним из наиболее рентабельных и прибыльных, на его долю в 2017 г. приходилось 4,7 млрд сингапурских долл. (38% от всей годовой выручки банка).

Динамика роста активов, собственного капитала и чистой прибыли

Таблица 1

Одним из основных финансовых показателей, характеризующих деятельность банков, являются банковские активы, образующиеся, как правило, в результате активных операций (т.е. размещения собственных и привлеченных средств в целях получения дохода, поддержания ликвидности и обеспечения устойчивой работы банка).

Успешная кредитно-банковская и инвестиционная деятельность СБР способствовали росту его активов, которые уже в 1995 г. достигли 60 млрд сингапурских долл. (39,3 млрд долл. США). По этому показателю сингапурский банк стал крупнейшим во всей Юго-Восточной Азии.

К 2000 г. его активы почти удвоились, достигнув 111,2 млрд сингапурских долл. С 2000 по 2017 г. они выросли в 4,5 раза, достигнув 517,7 млрд сингапурских долл. Рост активов в этот период был обусловлен совершенствованием системы стратегического управления банком, расширением международных операций и ростом розничного бизнеса.

В настоящее время СБР является крупнейшим финансовым институтом развития Сингапура и одним из крупнейших и самых надежных банков в азиатском регионе. По размеру активов в 2017 г. — 517,7 млрд сингапурских долл. (387,3 млрд долл. США) — он занимал 75-е место среди крупнейших банков мира⁹.

Почти половина (47%) всех активов банка — 246,9 млрд сингапурских долл. — приходилась на институциональный банкинг, финансовые услуги коммерческим банкам и финансовым институтам развития, государственным корпорациям, компаниям малого и среднего бизнеса.

Активы банка в сфере потребительского бизнеса (в основном депозиты физических лиц) составляли 110,7 млрд сингапурских долл. (21%), государственные казначейские обязательства¹⁰ — 103,2 млрд сингапурских долл. (20%), активы в брокерской сфере — 51,8 млрд сингапурских долл. (10%).

Большая часть активов банка (66%) была зарегистрирована в самом Сингапуре. Зарубежные активы составляли 34%, из которых почти половина (15%) приходилась на Гонконг. Для формирования определенной части активов банка используется собственный капитал, который отражает общую стоимость средств банка, принадлежащих ему на праве собственности.

Наряду с ростом стоимости активов можно отметить и рост его собственного капитала, который за период с 2000 по 2017 г. увеличился почти пятикратно (с 10,5 до 49,8 млрд сингапурских долл.).

Как правило, собственный капитал банка включает в себя различные по своему экономическому содержанию, принципам формирования и использованию источники финансовых ресурсов. Собственный капитал СБР состоит из инвестиционных и накопленных средств. Прежде всего — это уставный, добавочный и резервный капитал. Кроме

Динамика роста стоимости активов Сингапурского банка развития

Годы	Стоимость активов (млрд синг. долл.)
2000	111,2
2001	151,4
2002	149,4
2003	159,5
2004	175,7
2005	180,2
2006	197,4
2007	233,0
2008	256,7
2009	258,6
2010	283,7
2011	340,8
2012	353,0
2013	402,0
2014	440,7
2015	457,8
2016	481,6
2017	517,7

Источник: DBS Group Holdings Ltd. Annual Report 2018. (6 March 2018).

того, в состав собственного капитала банка входит нераспределенная прибыль, фонды специального назначения, безвозмездные поступления и правительственные субсидии.

Значительный объем собственного капитала СБР свидетельствует о его финансовой устойчивости, рентабельности активов и высокой платежеспособности (табл. 2).

Размер собственного капитала влияет на такой синтетический показатель, как коэффициент обеспеченности (coverage ratios), который определяет соотношение собственного и заемного капитала. Достаточный объем собственного капитала снижает зависимость банка от привлечения заемных средств для расширения кредитно-банковской и инвестиционной деятельности.

Эффективное управление активами банка позволяет получать устойчивую прибыль от кредитно-банковской и инвестиционной деятельности.

Ежегодная выручка банка за период с 2000 по 2017 г. увеличилась более чем в 4 раза (с 2,9 до 12,3 млрд сингапурских долл.). Стоит отметить, что выручка банка не сокращалась даже в периоды региональных и глобальных финансовых кризисов.

Более 80% всей выручки банка приходилось на институциональный банкинг — 5,3 млрд сингапурских долл. (43%) и на потребительский бизнес — 4,7 млрд сингапурских долл. (38%). Выручка банка от деятельности в качестве институционального инвестора на мировых фондовых площадках в 2017 г. составила 1,47 млрд сингапурских долл. (12% от общей выручки).

Основными игроками, генерирующими прибыль банка, являются Сингапур и Гонконг, на них приходилось соответственно 66% и 18% всей выручки.

Чистая прибыль банка, представляющая собой часть балансовой прибыли после уплаты всех налогов, фискальных сборов и отчислений обязательных платежей в бюджет, в период 2000–2017 гг. колебалась в пределах от 0,8 до 4,5 млрд сингапурских долл.

Достаточно высокий размер чистой прибыли позволяет руководству Банка регулярно выплачивать дивиденды акционерам банка, а также увеличивать размер собственного капитала.

Рыночная капитализация банка в 2017 г. достигла 70,5 млрд сингапурских долл. По состоянию на 2017 г. группой было выпущено 2,56 млрд собственных акций. Крупнейшим номинальным держателем акций DBS Bank стал сингапурский фонд национального благосостояния «Темасек», которому принадлежало почти 29% акций банка общей стоимостью 14,8 млрд сингапурских долл.

Фонд «Темасек» напрямую контролировал пакет размером 11,08% акций, другим пакетом размером 17,9% акций этот фонд управлял через свою дочернюю компанию Maju Holdings Pte. Ltd.

Крупными акционерами СБР по состоянию на начало 2019 г. были следующие сингапурские и иностранные компании:

– Citibank Nominees Singapore PTE Ltd. — 19,43%;

Таблица 2

Динамика роста стоимости собственного капитала Сингапурского банка развития

Годы	Собственный капитал (млрд синг. долл.)
2000	10,5
2001	13,6
2002	14,2
2003	14,8
2004	16,4
2005	16,7
2006	18,7
2007	20,5
2008	19,8
2009	25,4
2010	26,6
2011	28,8
2012	32,7
2013	34,2
2014	37,7
2015	40,4
2016	44,6
2017	49,8

Источник: DBS Group Holdings Ltd. Annual Report 2018. (6 March 2018).

- DBS Nominees PTE Ltd. — 16,20%;
- DBSN Services PTE Ltd. — 11,96%;
- HSBC (Singapore) Nominees PTE Ltd. — 6,85%;
- United Overseas Bank Nominees PTE Ltd. — 2,76%;
- United Overseas Bank Nominees PTE Ltd. — 2,76%;
- Raffles Nominees PTE Ltd. — 1,82%;
- BPSS Nominees Singapore PTE Ltd. — 1,13%.

Таблица 3

Динамика чистой прибыли Сингапурского банка развития

Годы	Чистая прибыль (млрд синг. долл.)
2000	1,4
2001	0,9
2002	1,1
2003	1,1
2004	2,0
2005	0,8
2006	2,3
2007	2,3
2008	1,9
2009	2,0
2010	1,8
2011	3,0
2012	3,8
2013	3,7
2014	4,1
2015	4,5
2016	4,2
2017	4,5

Еще 11 акционеров банка имели миноритарные доли в акционерном капитале, колебавшиеся в пределах от 0,07 до 0,53%.

Из зарубежных акционеров СБР крупнейшим является американский финансовый конгломерат Citigroup Inc. (19,4%), который кроме участия в капитале этого банка выступал в роли соинвестора при реализации крупных национальных проектов развития Сингапура.

Другие крупные американские инвестиционные банки (Morgan Stanley и Merrill Lynch) владели миноритарными долями акций банка в размере 0,23 и 0,07% соответственно¹¹.

Международная деятельность СБР

По мере роста капитализации банка и диверсификации кредитно-инвестиционных операций активизировалась его зарубежная деятельность.

Первое зарубежное отделение СБР было открыто в 1977 г. в Токио, относящемуся к крупнейшим мировым финансовым центрам. Банк наладил тогда тесное сотрудничество с крупными японскими инвестиционными банками, в том числе Daiwa Securities, Sumitomo Bank и Nomura Merchant Bank, которые способствовали продвижению СБР на зарубежные рынки в качестве институционального инвестора.

С начала 1980-х годов СБР начал активно наращивать свое присутствие на рынках капитала стран Азиатско-Тихоокеанского региона. На финансовый рынок Гонконга он вышел в 1992 г., купив 10% акций одного из местных коммерческих банков.

В период азиатского финансово-экономического кризиса в конце прошлого столетия многие коммерческие банки региона оказались на грани банкротства. Достаточно устойчивое финансовое положение СБР позволило ему не только безболезненно пережить кризисные явления, но и упрочить свое финансовое положение внутри Сингапура и в соседних странах региона.

В 1998 г. СБР приобрел значительные доли в акционерном капитале тайландского Thai Dhanu Bank и индонезийского Bank Buana Indonesia. В 1999–2001 гг. в Гонконге были приобретены еще три коммерческих банка, которые в 2003 г. были объединены в дочернюю компанию со 100% собственностью — DBS Bank (Hong Kong) Limited.

СБР стал первым сингапурским банком, зарегистрировавшим свой филиал в Китае (2007 г.). Ныне там функционируют 15 его отделений.

В 2007 г. был запущен крупный финансовый проект в сфере исламского банкинга, направленный на расширение финансового сотрудничества с крупнейшими исламскими банками стран Персидского залива. В рамках этого проекта был создан Islamic Bank of Asia (IB Asia) с оплаченным капиталом в 500 млрд долл. США. Контрольный пакет акций исламского банка (50% + 1 акция) принадлежал сингапурскому банку.

Источник: DBS Group Holdings Ltd. Annual Report 2018. (6 March 2018).

Другими акционерами СБР стали 34 инвестора из числа ведущих финансово-промышленных групп и королевских семей Бахрейна, Катара, Кувейта, ОАЭ, Дубая, Омана, Саудовской Аравии. Создание исламского дочернего банка позволило СБР одним из первых среди азиатских банков получить банковскую лицензию в Международном финансовом центре Дубая, выйдя на рынок капитала стран Ближнего и Среднего Востока.

В 2008 г. сингапурский банк начал осваивать финансовый рынок Тайваня, приобретя часть активов местного коммерческого банка «Bowa Bank». Расширение зарубежной банковской деятельности способствовало росту суммарных активов СБР и значительно повысило его влияние в кредитно-банковской и инвестиционной сфере азиатских стран.

В настоящее время сингапурский банк имеет свои филиалы, дочерние компании, отделения и представительства в 18 странах мира, в том числе в 15 азиатских странах, включая 6 стран ЮВА.

СБР осуществляет кредитно-банковскую и инвестиционную деятельность в следующих странах: Австралии, Великобритании, Вьетнаме, Дубае, Индии, Индонезии, Китае, Малайзии, Мьянме, ОАЭ, США, Таиланде, Тайване, Филиппинах, Южной Корее, Японии, а также в Гонконге и Макао. В Китае, Индонезии, на Тайване и в Гонконге зарегистрированы 4 дочерние компании банка:

- DBS Bank (Hong Kong) Limited (100%);
- DBS Bank (China) Limited (100%);
- DBS Bank (Taiwan) Limited (100%);
- PT Bank DBS Indonesia (99,99%).

Всего за рубежом в 2018 г. функционировало 280 отделений СБР. В 50 городах мира функционирует более 1000 его банкоматов.

Эффективное управление активами позволило сингапурскому банку в течение длительного времени сохранять высокий международный кредитный рейтинг по версии трех мировых рейтинговых агентств: «Standard & Poor's» — AA-/A-1+(долгосрочный и среднесрочный); «Fitch» — AA-/F1+ (долгосрочный и среднесрочный) и «Moody's» — Aa1 (долгосрочный). Кредитные рейтинги «DBS Bank» соответствуют суверенному рейтингу Сингапура.

Устойчивая и эффективная банковская и инвестиционная деятельность СБР была отмечена многочисленными престижными наградами международных финансовых институтов. В частности, в престижном рейтинге «самых сильных банков мира 2015» (The World Strongest Bank 2015) по версии международного агентства Bloomberg сингапурский банк развития DBS Bank занимал 9-е место в мире и 4-е место в Азии.

В течение шести лет (2012–2017), по версии авторитетного в мире финансов издания Global Finance Magazine, этот сингапурский банк заслуживал звание «самый лучший банк в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

В 2017 г. в рейтинге «самых надежных банков мира», составленном этим же изданием, СБР занимал 11-е место¹². Кроме того, он неоднократно отмечался дипломами как «лучший банк по обслуживанию малого и среднего бизнеса». В линейке продуктов банка для этой категории бизнеса — высококачественные онлайн сервисы, мобильное приложение для онлайн банкинга, онлайн мерчант, счета для электронной торговли и др.

* * *

Оценивая эффективность деятельности СБР и его вклад в индустриализацию страны можно отметить, что благодаря финансовой поддержке банка и других финансовых институтов развития Сингапур за относительно короткий исторический период превратился из отсталой развивающейся страны в динамичную новую индустриальную экономику (НИЭ).

На первом этапе индустриализации страны СБР сыграл существенную роль в создании промышленных зон как точек роста национальной экономики. В частности

промышленная зона Джуронг стала крупнейшей из 9 аналогичных зон, созданных в Сингапуре. В 2019 г. здесь располагалось уже около 2 тыс. различных предприятий с общим числом занятых свыше 100 тыс. человек.

Морской порт Сингапура, в финансировании модернизации которого активное участие принимал Сингапурский банк развития, по размеру грузооборота в настоящее время входит в число четырех крупнейших в мире, наряду с Гонконгом, Роттердамом и Шанхаем. Причалы сингапурского порта, оборудованные для судов различного типа, обслуживают 250 линий и ежедневно могут принимать до 150 судов.

К концу прошлого века Сингапур стал третьим в мире после США (Хьюстон) и Голландии (Роттердам) крупнейшим центром переработки нефти и торговли нефтепродуктами. Многие нефтеперерабатывающие предприятия отрасли были сооружены и модернизированы на кредиты, предоставленные СБР.

На следующем этапе индустриализации СБР принимал участие в создании Национальной инновационной системы и финансировании государственных программ «Инновационный кластер» и «Развитие инноваций, исследований и предпринимательства». По версии Bloomberg, в 2019 г. Сингапур занял 6-е место в рейтинге наиболее инновационных экономик мира (после Республики Корея, Германии, Финляндии, Швейцарии и Израиля)¹³.

СБР внес существенный вклад в становление и развитие национального фондового рынка. В 2017 г. объем торгов ценными бумагами на Сингапурской фондовой бирже (Singapore Exchange SGX) составлял 787,3 млрд долл. США. В листинг биржи входило 750 эмитентов. По этим показателям Сингапурская биржа занимала 21-е место в мире и 9-е место в Азии¹⁴.

Торговая платформа биржи Сингапура — одна из самых современных и основана на технологии GENIUM, которая была разработана и внедрена американской компанией NASDAQ OMX Group, Inc., владеющей одноименной крупнейшей фондовой биржей мира. На Сингапурской фондовой бирже применяется система котировок активов и расчета по сделкам в двух валютах — в сингапурских долларах и в долларах США, что позволяет инвесторам и трейдерам существенно нивелировать транзакционные издержки и потери на разнице валютных курсов.

Кроме того торговая площадка Сингапура была интегрирована с другими азиатскими биржами — Tokyo Stock Exchange, Inc. и Australian Securities Exchange — что позволило ей стать одной из наиболее привлекательных для зарубежных инвесторов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В 2017 и в 2018 г. в глобальном рейтинге крупнейших мировых финансовых центров (Global Financial Centers Index, GFCI), который оценивает уровень и качество банковской и финансовой систем, Сингапур занимал 2-е место в Азии и 4-е в мире (после Лондона, Нью-Йорка и Гонконга)¹⁵.

В качестве мирового финансового центра Сингапур стал частью глобальной финансовой системы и вносит существенный вклад в действующий рыночный механизм управления мировыми финансовыми потоками.

На мировой арене Сингапур, начиная с конца прошлого века, стал одной из самых конкурентоспособных стран мира. В рейтинге глобальной конкурентоспособности, публикуемом Всемирным экономическим форумом, в 2018 г. Сингапур занимал 2-е место в мире после США¹⁶.

1. Го Чог Тонг — преемник всемирно известного сингапурского политика Ли Куан Ю (1924–2015), второй премьер-министр Сингапура (1990–2004), ныне старший министр правительства Сингапура, руководитель Валютного управления.

2. См.: URL: <http://alau.kz/eks-premer-singapura-posovetoval-vlastyam-kazaxstana-investirovat-v-lyudej-a-ne-v-neft/>
3. Пахачова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2007. 256 с.
4. Андрианов В.Д., Кузнецов А.Н. Специальные экономические зоны в мировой экономике. М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 1998. 59 с.
5. Антипов В.И. Сингапур: Экономическо-географический очерк. М.: Мысль, 1982. 160 с.
6. Ли Куан Ю. Сингапурская история: 1965–200 гг.: Из третьего мира в первые. М.: МГИМО-Университет, 2010. 79 с.
7. Почтовый сберегательный банк Сингапура, один из старейших банков страны, был основан 1 января 1877 г. британскими колониальными властями.
8. Финансовые институты развития: особенности стратегического управления / под ред. В.Д. Андрианова. М.: Экономика, 2013. 278 с.
9. The World's 100 Largest Banks. Список крупнейших коммерческих банков в мире по размеру общих активов ежегодно составляется и публикуется международным рейтинговым агентством Standard & Poor's Financial Services LLC. (S&P).
10. Активами на этом рынке являются государственные казначейские обязательства, выпускаемые соответствующими государственными финансовыми институтами стран, как правило, государственными казначействами или министерствами финансов.
11. DBS Group Holdings Ltd. Annual Report 2018. (6 March 2018).
12. The World's Best Banks 2017. Global Finance names the winners of its 24th annual awards for the World's Best Banks. by region and by country // Global Finance Magazine. May, 2017. Рейтинг составлен на основе сравнения долгосрочных кредитных рейтингов и совокупных активов 500 крупнейших банков мира.
13. Bloomberg Innovation Index — 2019.
14. All Banks World. October, 2018. URL: <https://allbanksworld.ru/rejtingi/nadezhnye-banki-global-finance/>
15. Рейтинг GFCI составляется британской консалтинговой компанией Z/Yen Group, которая была учреждена в 1994 г. В 2018 г. компания опубликовала 24-е издание рейтинга. Компания оценивает финансовые центры по таким показателям, как среда ведения бизнеса, уровень развития финансовой системы, человеческий капитал и др. В 2017 г. в рейтинг входило 96 стран, в 2018 г. — 100 стран. См.: Global Financial Centers Index (GFCI 24). Yen Group Limited, London, September, 2018.
16. Данный индекс характеризует состояние инвестиционного климата и отражает способность страны конкурировать с другими государствами за положение на мировых товарных рынках и на рынке капитала. The Global Competitiveness Index — 2018.

Государство и общество

Соотношение категорий «суверенитет» и «права человека»: позиция Пекина

© 2019

С.В. Кривохиж

В статье рассматривается, как с точки зрения китайских исследователей и политиков соотносятся понятия «суверенитет» и «права человека», какие факторы повлияли на то, что в Китае сформировался принцип «суверенитет важнее прав человека» и какие изменения этот принцип претерпевает в настоящее время. Автор приходит к выводу, что со все большим вовлечением в международные политические и экономические процессы Китаю сложнее строго придерживаться принципа невмешательства в дела других государств и верховенства суверенитета, его подход становится более прагматичным и гибким.

Ключевые слова: суверенитет, права человека, внешняя политика КНР, «обязанность защищать».

DOI: 10.31857/S013128120006098-8

«Суверенитет» и «права человека» — категории, которые являются одними из основополагающих в политической науке и в то же время одними из наиболее дискуссионных. В частности, немало сложностей возникает с пониманием того, что подразумевается под данными понятиями в сообществах, в которые концепции были привнесены извне, например, в Китае. Интерес представляют и следующие вопросы: как, с точки зрения китайской стороны, соотносятся эти два понятия, почему в Китае сформировался именно такой подход и можно ли проследить изменение китайской позиции с течением времени. В данной работе автор предлагает ответы на эти вопросы на базе изучения дискуссии в китайских академических кругах и анализа изменений во внешней политике страны с 1990-х годов по настоящее время.

Концепция суверенитета в Китае: истоки и современные дискуссии

По оценкам исследователей, термин «суверенитет» появился в лексиконе китайцев лишь в XIX веке в результате взаимодействия с европейскими державами. Важной вехой стал перевод в 1860-х годах труда Г. Уитона «Элементы международного права»,

Кривохиж Светлана Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент департамента востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал. E-mail: skrivokhizh@hse.ru.

Статья подготовлена по результатам исследования № 18 — IP — 01, поддержанного НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

в котором впервые термин «суверенитет» был переведен на китайский язык. Американский миссионер У. Мартин, который занимался переводом текста, предложил для этого понятия бинном 主权 (*zhuquan*)¹. Лингвист Ф. Масини, анализируя данный термин, отмечает, что если первый иероглиф 主 имел достаточно определенное значение «хозяин», «владелец», то значение иероглифа 权, который традиционно означал «власть», «сила», было расширено и стало включать в себя значение «право». Например, в этом же переводе Мартин вводит понятие 特权 (*tequan*) — привилегия². Таким образом, понятие «суверенитет» сочетало в себе идею «обладания властью» и «права» на ее использование.

Включение Китая в Вестфальскую систему международных отношений и последовавший за этим «век унижения» сформировали у китайцев понимание суверенитета, в первую очередь, как права сильного государства на проведение независимой внешней политики и ограждения от вмешательства в его внутренние дела³. После основания КНР принципы уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства стали ключевыми для выстраивания отношений со странами мира. В 1950-е годы они стали частью пяти принципов мирного сосуществования, которые позже были включены в преамбулу Конституции КНР и с тех пор являются базовыми для китайской внешней политики. Приверженность данным принципам неизменно подчеркивается и руководителями страны. Так, Председатель Си Цзиньпин, выступая в 2014 г. на мероприятии, посвященном юбилею пяти принципов мирного сосуществования, отметил, что Китай «не вмешивается в дела других государств и никогда не попытается навязать им свою волю»⁴.

Приверженность Китая идее верховенства суверенитета проявляется и в реальных внешнеполитических действиях. Например, можно отметить настороженное отношение страны к участию в различных международных институтах и механизмах, предполагающих существенное ограничение суверенитета. Так, страна не подписала декларацию о признании обязательной юрисдикции Международного суда (в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута), выступила против создания Международного уголовного суда и до сих пор не присоединилась к Римскому статуту. Приверженность КНР принципу сохранения территориальной целостности суверенного государства проявилась, например, в 2009 г., когда Китай поддержал Сербию в вопросе независимости Косово. В документе, предоставленном китайской стороной в Международный суд, подчеркнуто, что уважение принципа суверенитета и территориальной целостности является основополагающим принципом международного права, в то время как принцип права народа на самоопределение может реализовываться лишь с рядом условий⁵. Поддержка принципа невмешательства в дела суверенного государства была продемонстрирована КНР, например, в ситуации с Мьянмой: Китай наложил вето на резолюцию СБ ООН S/2007/14, отметив, что «вопрос Мьянмы — это внутреннее дело суверенного государства, которое не представляет угрозы международному миру и безопасности»⁶. Похожую аргументацию КНР использовала, объясняя вето резолюции по ситуации в Зимбабве (СБ ООН S/2008/447).

Тем не менее нельзя отрицать, что активное включение страны в международные процессы и повышение ее статуса привели к тому, что в некоторых вопросах в отношении верховенства суверенитета Китай стал занимать более гибкую позицию. Среди примеров, которые иллюстрируют отказ страны от части суверенитета в пользу большей интеграции в международное сообщество, можно назвать вступление Китая в ВТО в 2001 г., участие с 2009 г. в Совете по финансовой безопасности или присоединение к международному режиму защиты прав человека (к 2012 г., согласно отчету о прогрессе по правам человека, Китай присоединился к 27 международным конвенциям по правам человека)⁷. Кроме этого, активное вовлечение в миротворческие операции ООН продемонстрировало трансформацию категоричной китайской позиции в отношении гуманитарных интервенций и концепции «обязанность защищать».

В китайском академическом сообществе также предпринимаются попытки осмыслить, что представляет собой суверенитет и как эта категория изменялась с течением

времени. О.А. Тимофеев в исследовании, посвященном эволюции государственного суверенитета в Китае, выделяет два подхода современных китайских авторов к вопросу о суверенитете: первая группа авторов придерживается теории ослабления государственного суверенитета, вторая — теории диффузии государственного суверенитета⁸. Соглашаясь в целом с данным разделением, можно выделить еще ряд особенностей. Например, в работах, посвященных определению и эволюции концепта «суверенитет», большинство китайских авторов до сих пор опираются практически исключительно на классические работы западных исследователей, в то время как современные авторы и дискуссии, которые уже несколько лет идут в западной науке, остаются вне фокуса. Так, среди обзорных статей присутствуют работы, полностью посвященные понятию суверенитета у Томаса Гоббса⁹, Джона Локка¹⁰, Жана Бодена¹¹. Кроме этого, ряд работ посвящен анализу суверенитета в работах Маркса¹².

Работы современных исследователей, таких, как Стивен Краснер, Синтия Вэбер или Роберт Джексон, китайскими учеными отдельно не анализируются. Некоторые идеи этих авторов можно увидеть в статьях, посвященных эволюции концепта и его современной трансформации, однако нередко они приводятся с критическими комментариями. Например, Ван Цзюань в работе, посвященной систематизации современных взглядов на суверенитет, комментируя статьи авторов, которые рассуждают об изменении сущности суверенитета (Э. Гидденс, Р. Робинсон, С. Краснер), отмечает, что эти идеи целенаправленно разработаны и используются западными странами для того, чтобы защитить свои национальные интересы и скрыть привилегии¹³. Похожего мнения придерживается Чжао Ян, который полагает, что новое определение суверенитета продвигается западными странами исключительно для обеспечения своих интересов с помощью формирования определенного дискурса и норм, а развивающимся странам необходимо создавать свой дискурс, чтобы защитить суверенитет¹⁴. Некоторые авторы предлагают способы, которые помогли бы развивающимся государствам обезопасить себя и сохранить суверенитет¹⁵.

Статьи, авторы которых признают, что если Китай хочет принимать активное участие в глобальном управлении, то ему придется пересмотреть свои узкие взгляды на государственный суверенитет, в том числе резко негативное отношение к нарушению принципа невмешательства во внутренние дела, стали появляться сравнительно недавно (примерно в 2010-х годах). Более того, эти исследователи отмечают, что китайское восприятие суверенитета уже претерпело значительную трансформацию, и современное китайское руководство осознает, что передача суверенитета в определенных обстоятельствах — единственный способ реализации государственных интересов¹⁶. Однако такого рода статьи посвящены не теме суверенитета как такового, а скорее вопросам глобального управления и участия в нем КНР.

Несмотря на наличие различных точек зрения, на данный момент не приходится говорить о какой-либо активной дискуссии в китайском академическом сообществе, два дискурса существуют как бы параллельно. Это в целом отражает дилемму, перед которой в последние годы оказалось китайское руководство: пытаясь, с одной стороны, сохранить приверженность принципу верховенства суверенитета в международных отношениях, с другой — страна занимает все более гибкую позицию в вопросах, предполагающих его нарушение.

Суверенитет и права человека: специфика китайского подхода

Вместе с понятием «суверенитет» в конце XIX века в Китае активно обсуждались и осмысливались многие другие западные концепции: демократия, республика, национализм, естественные права и т.д. Изучив общественные и научные дискуссии в Китае конца XIX — начала XX века вокруг концепции прав человека (*renquan*), Марина Свенссон приходит к выводу, что китайское понимание ее в основном формировалось скорее под влиянием идей коммунитаризма и утилитаризма, нежели либерального инди-

видуализма¹⁷. Таким образом, в классическом споре конца XIX века между Эдмундом Берком, который выступал за то, что суверенитет государства не может быть нарушен ради защиты прав человека, и Томасом Пейном, который поддерживал идею, что человек вступает в общественный союз не для ограничения своих прав, а для их обеспечения и защиты, китайцы оказались ближе к позиции Берка.

Более того, на восприятие данной концепции серьезное влияние оказала политическая обстановка в стране: в поздний период Цин националисты Цзоу Жуна и Чэнь Тяньхуа использовали термин в контексте борьбы китайцев против маньчжуров и иностранцев; в период гражданской войны коммунисты апеллировали к защите прав женщин и рабочих, критикуя деятельность республиканского правительства и милитаристов. Таким образом, концепция скорее использовалась как «оружие борьбы» между разными силами. Исследователь Ян Юнхун отмечает, что до образования КНР КПК выпустила порядка 10 документов, гарантирующих права человека (*renquan*), однако после основания КНР термин был изменен на «гражданские права» и «народные права», более характерные для социалистического государства¹⁸.

Среди приоритетов политики реформ и открытости, инициированной Дэн Сяопином в 1978 г., защита прав человека также не стала главным пунктом повестки дня. Основные задачи заключались в том, чтобы возродить экономику и развивать отношения с внешним миром, особенно развитыми странами Запада. Тем не менее курс на открытость поспособствовал вовлечению КНР в глобальный диалог о правах человека. В 1980-е годы страна подписала и ратифицировала ряд договоров по правам человека, включая конвенции о расовой дискриминации и дискриминации в отношении женщин, а в 1982 г. стала членом комиссии ООН по правам человека. Кроме этого, Китай способствовал разработке Конвенции ООН против пыток и присоединился к ней в 1988 г. Немаловажно, что в Конституции 1982 г. были также закреплены основные права человека, включая политические (ст. 35), однако лишь в 2004 г. было внесено положение о том, что «государство уважает и обеспечивает права человека». В 2000-е годы начали появляться законы, направленные на защиту прав человека, и стали исчезать законы, их ущемляющие. Например, в 2003 г. была отменена система задержания и принудительного перемещения (*shourong qiansong*), а в 2013 г. — система перевоспитания трудом (*laodong jiaoyang*).

Несмотря на активное подключение к международному режиму защиты прав человека в 1980-е годы, подавление протестов 1989 г. на площади Тяньаньмэнь наглядно продемонстрировало специфику китайского подхода к вопросу соблюдения прав человека и соотношению категорий «права человека» и «суверенитет». Особого внимания в этой связи заслуживает позиция китайского руководства, которая была озвучена на дебатах по поводу событий на Тяньаньмэнь, организованных Комиссией по правам человека ООН. Китайская сторона подчеркивала, что, являясь развивающейся страной, КНР «поддерживает принцип верховенства суверенитета, равенства и невмешательства во внутренние дела государства» и считает, что «главная задача внутренней политики — поддержание стабильности и порядка в интересах развития»¹⁹. Таким образом, отвечая на критику, Китай продемонстрировал, что придерживается принципа верховенства суверенитета, обосновал необходимость предпринятых мер в целях его сохранения и указал на неуместность попыток оказать давление на КНР со стороны международного сообщества за действия, совершенные в рамках суверенного государства его законными представителями. Следовательно, нарушение прав человека не рассматривалось как достаточное основание для критики или, тем более, вмешательства во внутренние дела другого государства.

События на Тяньаньмэнь привлекли пристальное внимание международного сообщества к ситуации с правами человека в КНР. В ответ на это, с 1990-х годов Китай активно начал работу по разъяснению своей позиции. Одним из первых документов, в котором была обозначена официальная позиция КНР по данному вопросу, стала Белая книга по правам человека 1991 года. В документе подчеркивалось: именно сохранение суверенитета является условием для соблюдения прав человека и в целом для выживания

и развития народа. По мнению Пекина, аргумент, что принцип невмешательства во внутренние дела не относится к вопросу о правах человека, является, по сути, требованием, чтобы суверенные государства отказывались от своего государственного суверенитета в области прав человека, в то время как, по мнению китайского руководства, защита прав человека должна обеспечиваться исключительно самим государством²⁰. В 1993 г. в Китае была создана Китайская ассоциация по изучению прав человека, призванная координировать китайские исследования в данной области и распространять китайский взгляд на права человека внутри страны и в мире.

Коротко обобщая китайский подход, можно выделить следующие особенности, отличающие его от принципов, на которых основывается международный режим защиты прав человека²¹.

Во-первых, китайская сторона настаивает на необходимости учитывать национальные условия реализации прав человека, такие как уровень развития, культурный и исторический контекст каждой страны.

Во-вторых, Китай делает упор на превосходство коллективных прав над индивидуальными и даже, вместе с рядом стран-единомышленниц, предлагает дополнить универсальные права человека такими правами, как «право на международную солидарность» или «право на мир».

Наконец, защита национального суверенитета и стабильность государства являются основными приоритетами, даже если это влечет за собой разногласия с международным сообществом в сфере защиты прав человека. Классический пример, который иллюстрирует такого рода разногласия, — тибетская проблема. Ситуация рассматривается китайской стороной исключительно как внутреннее дело Китая, которое не терпит вмешательства, в то время как международное сообщество обвиняет страну в том, что она использует принцип суверенитета в качестве «защиты» от критики за нарушение прав тибетцев.

В деятельности КНР на международной арене приверженность принципу «суверенитет важнее прав человека» проявляется на нескольких уровнях. В межгосударственных отношениях можно вновь обратиться к упомянутому ранее отказу Китая поддерживать действия международного сообщества, направленные на вмешательство в дела третьей страны с целью защиты прав человека: КНР активно критиковала интервенцию в Косово в 1999 г. и наложила вето на ряд резолюций, предполагающих вмешательство под соответствующим предлогом. В более глобальном смысле Китай занимается активной популяризацией своей позиции в области прав человека как в рамках участия в различных диалогах по правам человека (которые используются, в том числе, как площадка для озвучивания своих принципов), так и в ходе деятельности в Совете по правам человека (СПЧ) ООН. Исследователи из британского аналитического центра Chatham House подробно изучили деятельность КНР в СПЧ и выделили ряд интересных моментов. Так, Пекин активно выступает против фокуса на проблемах отдельных стран в рамках деятельности Совета и поддерживает в качестве альтернативы идею проведения тематических обсуждений в области защиты прав человека, которые охватывали бы широкий круг стран. Особенно острой критике подвергаются резолюции по отдельным странам, подготовку которых страна рассматривает как «самую крайнюю меру». Кроме этого, КНР активно продвигает следующий принцип: решающее слово должно оставаться за суверенным государством, а не за организацией. В частности, она выдвигала идею о необходимости добровольного обращения государства в ООН с просьбой оказать техническую и иную помощь, нежели принятия самой организацией решения об участии в кризисе²².

Тем не менее ряд политических шагов, предпринятый КНР в последние годы, привлек пристальное внимание международного сообщества и позволил предположить, что это сигнализирует о более гибком ее подходе к невмешательству в дела суверенных государств с целью защиты прав человека. Среди таких примеров: вовлечение КНР в урегулирование проблемы в Дарфуре в 2007 г. под давлением со стороны международного сообщества (в том числе отправка миротворцев), поддержка резолюции СБ ООН

1975 (2011) о санкциях в отношении президента Кот-д'Ивуара, резолюции СБ ООН 1970 (2011) о санкциях в отношении режима Каддафи в Ливии и резолюции СБ ООН 2014 (2011), которая фактически призывала к отстранению президента Салеха от власти в Йемене. Хотя Пекин продолжает придерживаться крайне осторожного подхода, когда дело касается вмешательства в дела государства, особенно использования силы, и даже пытается формулировать собственные правила и нормы касательно ее применения (например, в рамках концепции «обязанность защищать»), нельзя не отметить эволюцию подхода — от категорической критики до ее адаптации с целью ограниченного использования²³.

Среди причин этих изменений можно выделить следующие. Во-первых, образ ответственного государства, который Пекин активно формирует, в том числе, с помощью инструментов «мягкой силы», не позволяет более оставаться в стороне в кризисных ситуациях, связанных, в частности, с нарушением прав человека. Во-вторых, расширение спектра китайских интересов в разных регионах, в том числе таких нестабильных, как Африка, становится стимулом для более активного участия в урегулировании кризисов и стабилизации ситуации. В целом, чем выше статус Китая на мировой арене и чем больше его вовлеченность в международные политические и экономические отношения, тем сложнее строго придерживаться принципа невмешательства.

Изучая академические работы, можно обнаружить, что вопрос соотношения суверенитета и прав человека активно обсуждается и в китайском академическом сообществе, а позиция по данному вопросу постепенно эволюционировала вслед за изменением статуса Китая в мире и изменением официальной риторики. В 1990-е годы многие исследователи отмечали, что Китаю необходимо продолжать придерживаться марксистского подхода к правам человека и в соответствии с ним защищать суверенитет страны, так как именно выживание государства является залогом обеспечения прав человека²⁴. Идея опираться на марксистский подход не утратила актуальности и сейчас. Например, Чэнь Чжишан отмечает, что с момента основания КНР руководство страны твердо придерживалось марксистского взгляда на обеспечение прав человека и сформулировало «социалистическую теорию прав человека с китайской спецификой», что позволило Китаю добиться больших успехов в развитии²⁵. Нередко авторы ссылаются на Дэн Сяопина, который, по словам Ван Гуйшу, развил и дополнил марксистскую теорию прав человека, используя ее как оружие против гегемонизма западных стран. Дэн также полагал, что национальная мощь важнее прав человека, а государственный суверенитет и безопасность — превыше всего²⁶. По мнению исследователей, такой подход позволяет Китаю препятствовать вмешательству западных стран в его дела под прикрытием «деятельности по защите прав человека». Обвинения западных стран китайскими авторами, в особенности США, в империализме под прикрытием защиты прав человека достигли своего пика в период 1999–2003 гг. В это время вышел целый ряд статей, критикующих гуманитарные интервенции, которые, по мнению авторов, являются ни чем иным, как новым империализмом²⁷.

С изменением официальных позиций Китая можно наблюдать и изменение отношения китайских авторов к различным инструментам, предполагающим вмешательство во внутренние дела государств с целью защиты прав человека, а именно, к гуманитарным интервенциям, в целом, и к концепции «обязанность защищать», в частности. Так, в статье 2014 г., автор Ло Яньхуа отмечает, что китайская позиция в отношении политики «обязанность защищать» претерпела серьезные изменения, и если раньше Китай выступал категорически против данного подхода, теперь он выступает против «злоупотребления» этим инструментом²⁸. Авторы И Сяомин и Цзя Инцзянь отмечают, что в целом концепция «обязанность защищать» не так плоха, но, как часто это случается с хорошими идеями, ее реальное воплощение на практике оказывается далеким от идеала²⁹. Тем не менее общая мысль, которая до сих пор проходит красной нитью в работах китайских авторов по данной теме — именно суверенитет (его сохранение) является гарантией защиты прав человека, а любое вмешательство должно быть организовано аккуратно и с рядом оговорок³⁰.

Заключение

Анализ дискуссии в китайских академических кругах и изменений во внешней политике Пекина с 1990 г. по настоящее время позволяет прийти к следующим выводам относительно китайской позиции о соотношении понятий «суверенитет» и «права человека». Во-первых, на изначальное формирование китайской позиции по данному вопросу серьезное влияние оказали исторические условия появления обеих концепций в Китае. Болезненный опыт взаимодействия с европейскими державами в конце XIX века способствовал формированию у китайцев приверженности принципу уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств. Что касается концепции «прав человека», то ее понимание сформировалось в основном под влиянием идеи коммуитаризма и утилитаризма, которые после образования КНР были дополнены и сформулированы в виде «социалистической теории прав человека с китайской спецификой». В результате закрепилось понимание, что защита национального суверенитета и стабильность государства являются основными приоритетами, а защита прав человека не рассматривается как достаточное основание для вмешательства в дела любого государства.

Во-вторых, все большее вовлечение Китая в международные политические и экономические отношения заставляет страну адаптировать свой подход, делать его более прагматичным. Это проявляется как в менее категоричном отношении к отказу страны от части суверенитета в пользу большей интеграции в международное сообщество (например, вступление в ВТО), так и в модификации жесткого подхода к правилу «суверенитет важнее прав человека» (в частности, эволюция отношения к концепции «обязанность защищать»). Это связано и со стремлением соответствовать имиджу «ответственного члена международного сообщества», и с расширением сферы интересов Китая в разных регионах мира. Несмотря на то что КНР продолжает придерживаться крайне осторожной позиции, когда дело касается вмешательства и особенно использования силы в отношении другого государства с целью защиты прав человека, можно предположить, что с дальнейшим вовлечением Китая в международные процессы подход будет становиться все более гибким, позволяющим в полной мере реализовывать национальные интересы страны.

1. *Spence J.* The Search for Modern China. New York. W.W. Norton and Company, 1990. P. 201.
2. *Masini F.* The Formation of Modern Chinese Lexicon and its Evolution toward a National Language: The Period from 1840 to 1898 // Journal of Chinese Linguistics Monograph Series. 1993. № 6. P. 47.
3. *Kim S.*, Sovereignty in the Chinese Image of World Order in R. St. J. Macdonald (ed.), Essays in Honor of Wang Tieya. UK: Kluwer Academic Publishers. 1993. P. 425–445.
4. Xi's speech at 'Five Principles of Peaceful Coexistence' anniversary, China.org.cn, July 7, 2014. URL: http://www.china.org.cn/world/2014-07/07/content_32876905.htm (дата обращения: 10.03.2019).
5. Written Statement of the People's Republic of China to the International Court of Justice on the Issue of Kosovo, The Hague, April 16 2009. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/141/15611.pdf> (дата обращения: 10.03.2019).
6. Overview of Security Council Meeting Records S/PV.5619. January 2017. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Myan%20SPV%205619.pdf> (дата обращения: 10.03.2019).
7. Progress in China's Human Rights in 2012, May 2013, Beijing. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986492.htm (дата обращения: 10.03.2019).
8. *Тимофеев О.А.* Эволюция концепции государственного суверенитета в Китае // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. М., 2012. Т. 5. № 2. С. 114–120.
9. *У Цзэндин.* Хобусы чжуоань сюэшо чутань: [Предварительное исследование теории суверенитета Гоббса] // Тяньцзинь шэжуй кэсюэ. № 5. 2007. С. 17–23. DOI: 10.16240/j.cnki.1002-3976.2007.05.005.

10. *Ли Тин*. Локэ чжуцюань чжэнчжигуаньдэ циюань цзи гуйшу каобянь: [Исследование истоков и принадлежности политических взглядов Локка на суверенитет]. Наньтун дасюэ сюэбао. № 5. 2015. С. 33–38.
11. *Са Байинь, Дэн Чжэнлай*. Бодань лунь чжуцюань: [Болен о суверенитете] // Хэбэй фасюэ. № 9. 2008. С. 54–59. DOI: 10.16494/j.cnki.1002-3933.2008.09.001.
12. *Чжан Тао, Лю Цзюньцзе*. Цзюй жэньминь чжуцюаньдэ макэсы энгэсы миньчжусысян цзици сяньши ни: [Демократические взгляды Маркса и Энгельса на народный суверенитет и их практическая важность] // Лилунь юй гайгэ. № 1. 2015. С. 27–30. DOI: 10.13553/j.cnki.llygg.2015.01.007.
13. *Ван Цзюань*. Дандай сифан гуаньюй чжуцюань шифоу гошидэ чжэнлунь пинцзе: [Обзор западных дискуссий по вопросу является ли понятие суверенитет устаревшим] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи луньтань. № 5. 2003. С. 57–60.
14. *Чжао Ян*. Гоця чжуцюань юй гоцзи ганьше — ичжун игуйфань вэй цзичудэ цзеду: [Государственный суверенитет и международная интервенция — нормативная интерпретация] // Цзюсюэ юй яньцзю. № 2. 2017. С. 108.
15. *У Сянхун, Хуан Инда*. Шицзе бьянгэчжундэ чжуцюань юй гоцзи лини: [Суверенитет и национальные интересы в меняющемся мире] // Чжунго жуанькэсюэ. № 6. 1998. С. 76.
16. *Ли Боцзюнь*. Цюаньцю чжилин: чжунго бу ганьше чжэнцэ юй гоцзифа: [Глобальное управление: китайская политика невмешательства и международное право] // Тайпинян сюэбао. № 9. 2014. С. 1–11. DOI: 10.14015/j.cnki.1004-8049.2014.09.013.
17. *Svensson M.* Debating Human rights in China: A Conceptual and Political History. Rowman & Littlefield Publishers. 2002. P. 43.
18. *Yonghong Yang.* Sovereignty in China's Perspective. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften. 2017. P. 131.
19. Commission on Human Rights Forty-sixth session Summary Record of the 40th Meeting, 26 February 1990. URL: <https://undocs.org/E/CN.4/1990/SR.40>. P. 19 (дата обращения: 10.03.2019).
20. Human Rights in China. Information Office of the State Council of the People's Republic of China. November 1991, Beijing. URL: <http://www.china.org.cn/e-white/7/index.htm> (дата обращения: 10.03.2019).
21. *Sun P.* Human Rights Protection System in China. Berlin. 2014. P. 93.
22. *Sceats S., Breslin S.* China and the International Human Rights System. Chatham House. October 2012. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/International%20Law/r1012_sceatsbreslin.pdf (дата обращения: 10.03.2019).
23. *Fung C.* China and the Responsibility to Protect: From Opposition to Advocacy. United States Institute of Peace. June 8, 2016. URL: <https://www.usip.org/publications/2016/06/china-and-responsibility-protect-opposition-advocacy> (дата обращения: 10.03.2019).
24. *Чэнь Цюэцинь*. Цичжи сяньминдэ цзяньчи макэсычжуй жэньцюаньгуань: [Твердо придерживать-ся марксистских взглядов на права человека] // Мао Цзэдун сысян яньцзю. № 3. 1994. С. 91.
25. *Чэн Чжишан*. Макэсыдэ жэньцюаньгуань цзай чжунго: [Марксистский взгляд на права человека в Китае] // Бэйцзин дасюэ сюэбао. № 6. 2012. С. 5–15.
26. *Ван Гуйшу*. Дэн Сяопин гуаньюй жэньцюань вэньтидэ цзигэ чжуняо сысян: [Некоторые важные идеи Дэн Сяопина по вопросу прав человека] // Нанькай сюэбао. № 6. 1997. С. 24–27.
27. См., например: *Лю Вэньцзун*. Лунь гоцзифачжундэ чжуцюань юй жэньцюань — бо “Жэньцюань гаоюй чжуцюань” миолунь: [Суверенитет и права человека в международном праве — критика концепции «права человека выше суверенитета»] // Вайцзюэ сюэюань сюэбао. № 3. 1999. С. 38; *Лю Цзе*. Лунь жэньцюань гоцзихуа юй гоцзи жэньдаочжун ганьюй: [Об интернационализации прав человека и международной гуманитарной интервенции] // Сюэшу юэкань. № 12. 1999. С. 21.
28. *Ло Яньхуа*. “Баохудэ цзэжэнь” дэ фачжань личэн юй чжунгодэ личан: [Развитие концепции “обязанность защищать” и позиция Китая] // Гоцзи чжэнчжи яньцзю. № 3. 2014. С. 11–25.
29. *И Сяомиш, Цзя Ицзюань*. Тоуши чжуцюань юй жэньцюань гуаньсидэ санычун шицзю: [Три взгляда на отношения суверенитета и прав человека] // Цилу сюэкань. № 3. 2014. С. 83–88.
30. *Чжан Юньлун*. “Юнью чжудо цюаньли чжи цюаньли” кэи кээн — лунь алунытэдэ жэньцюань лилунь: [Как это возможно “иметь право иметь много прав” — о теории прав человека Х. Арендт] // Сюэхай. № 4. 2017. С. 77–83. DOI: 10.16091/j.cnki.cn32-1308/c.2017.04.011.

«Китай вызывает потрясения в западном мире...»

© 2019

Н.А. Слукa, Т.Х. Ткаченко

В статье с позиций географической науки анализируются условия, факторы и предпосылки возвышения Китая в международном сообществе. Оценивается современное позиционирование страны в ключевых геоэкономических структурах, рост влияния на развитие мирополитических процессов через широкое использование инструментов «мягкой силы». Предполагается, что реализация новой стратегии Китая, проходящей проверку на базе проекта «Один пояс, один путь», приведет к кардинальной трансформации архитектуры мироустройства.

Ключевые слова: мировая система, пространственная структура, глобальные интеграционные циклы, Китай.

DOI: 10.31857/S013128120006099-9

В заголовок материала вынесена цитата из работы К. Маркса «Революция в Китае и в Европе»¹, написанной в мае 1853 г., в которой, рассматривая гегелевское «единство противоположностей», автор не находит ничего странного «в том влиянии, которое китайская революция² по всей видимости оказывает на цивилизованный мир. И, однако, это отнюдь не парадокс, как в этом могут все убедиться, внимательно рассмотрев обстоятельность дела»³. Отсутствие парадокса в лидерстве Китая в мировом сообществе и современная оценка «обстоятельств дела» дается в новой коллективной монографии⁴, посвященной памяти доцента кафедры географии мирового хозяйства Московского университета Е.Н. Самбуровой (1957–2017) — крупного специалиста в области социально-экономической географии Китая. Работа подготовлена солидным пулом авторов, ядро которого составляют сотрудники, учащиеся и ученые — выпускники кафедры географии мирового хозяйства МГУ им. М.В. Ломоносова, а также профессора и ведущие специалисты других учреждений: МГИМО-университета, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Института экономики РАН, Института географии РАН, Института Дальнего Востока РАН, Института Африки РАН, РУДН, Военного университета МО РФ, Уральского Федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, университета им. Масарика, Шанхайского университета политических наук и права и др.

Несмотря на представительный корпус произведений о стране-гиганте, это по сути первый за последние десятилетия капитальный труд по Китаю в отечественной социально-экономической географии. Исследование выполнено не в духе сложившейся «классики» синологии, а на стыке страноведческого и мирохозяйственного подходов.

Слукa Николай Александрович, доктор географических наук, профессор, кафедра географии мирового хозяйства, географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: sluka2011@yandex.ru;

Ткаченко Татьяна Хачиковна, кандидат географических наук, доцент, кафедра географии мирового хозяйства, географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: maryasha_t@mail.ru.

опирается на глубокие знания китайской действительности и идею цикличности глобализационных процессов⁵. Принятая методология акцентирует значимость географического изучения теснейшей взаимосвязи эндо- и экзогенных факторов социально-экономического развития, оптимизация которой — путь как к смягчению внутренних территориально-хозяйственных диспропорций страны, так и к ее возвышению в глобальной экономике и мировой системе в целом. Эти две траектории получили детальное раскрытие в ходе исследования Китая на новейшем материале, представленном в национальных статистических ежегодниках⁶, изданиях международных организаций, включая ООН⁷, Всемирный банк, Международный валютный фонд, и в иных источниках информации, с применением широкого арсенала общенаучных и конкретно-научных методов, прежде всего историко- и сравнительно-географического.

В ходе истории постоянно меняются векторы и лидеры мирового развития. Мирохозяйственные (глобализационные процессы), как и другие исторические процессы, будучи тесно связанными с «кондратьевскими волнами», имеют не только поступательную, но и циклическую составляющую, которая отражает подъемы и спады планетарной интеграции⁸. Фаворит первого интеграционного цикла — Англия, поскольку в середине XIX века страна производила половину мировой промышленной продукции. Время ее господства, продолжавшееся вплоть до окончания Первой мировой войны, вошло в историю как *Pax Britannica*. Глубокая дезинтеграция мирового хозяйства в 1914–1945 гг. стала результатом не только ошибочных политических решений, но и объективных социально-экономических процессов. Второй глобальный интеграционный цикл, то есть нынешняя глобализация, начался с завершением Второй мировой войны и закономерно вошел в историю как *Pax Americana* (в 1945 г. американская экономика составляла половину мировой). За его окончание можно принять череду современных кризисов и рецессий с возможным апогеем в 2008 г., обусловленных поворотной точкой мирового развития, лежащей в самом низу понижательной фазы 5-го цикла Н.Д. Кондратьева. Сейчас уже налицо классические признаки глобальной дезинтеграции: отставание темпов роста мировой торговли от темпов роста мировой экономики и усиление протекционизма (они, разумеется, взаимосвязаны)⁹. Бесспорна и утрата безоговорочного могущества США, экономика которых к концу второго десятилетия XXI в., согласно данным Всемирного банка, уже менее четверти мировой¹⁰. Все это служит основанием для многих экспертов полагать, что через одно—два десятилетия начнется третий глобальный интеграционный цикл, но это будет уже интеграция вокруг другого лидера.

Удачно найденное сопряжение внутренних и внешних факторов экономического роста — залог стремительного расцвета Китая. Один из сравнительно неожиданных для многих западных экономистов и политиков результатов второго глобального интеграционного цикла — быстрое возвышение ранее традиционно «отсталого» и «закрытого» Китая, который в сжатые сроки совершил относительно безболезненный переход от плановой экономики советского образца к работающей рыночной модели смешанного типа. Слагающие успеха китайских реформ известны: это и постепенная «двухколесная» реформа ценообразования, и комплекс рыночных мер в сельском хозяйстве, изменение системы управления госпредприятиями, децентрализация административной системы, и поэтапное развитие банковской сферы и рынка капитала. Не менее значимой является и политика внешней открытости (*кайфан*), благодаря которой страна вышла из изоляции и активно использует зарубежный опыт и инвестиции для модернизации всех сфер жизни. Благодаря грамотной политике руководства Китай смог максимально эффективно реализовать свои конкурентные преимущества, включая дешевую рабочую силу, огромный потенциал внутреннего рынка, а также возможности экономической глобализации. В результате целенаправленного осуществления целой группы крупных программ он превратился в «мировую фабрику», выпускающую широкий ассортимент изделий, и занял в мировом хозяйстве нишу крупнейшего производителя промышленной

продукции. За четыре десятилетия реформ доля Китая в мировом ВВП по ППС увеличилась, по оценкам МВФ, с 2,3% в 1980 г. до 18,3% в 2017 г.¹¹ Таким образом, страна заняла лидирующие позиции по этому показателю, опередив США. По величине ВВП по валютному курсу она уступает США, находясь на 2-й позиции в мире. Внешнеторговый оборот Поднебесной за 1978–2017 гг. увеличился в 200 раз — с 20 млрд долл. до 4,2 трлн долл. В 2009 г. она вышла на 1-е место по объему товарного экспорта и прочно сохраняет его (табл. 1). Ныне именно Китай в значительной степени определяет состояние многих товарных рынков, спрос на сырьевые товары, устойчивость развития мирового хозяйства в целом. В последнее время становится все более заметным, с одной стороны, усиление воздействия процесса глобализации на китайскую экономику, а с другой — нарастание значимости «китайского фактора» в развитии мирового хозяйства¹².

Таблица 1

Некоторые сравнительные данные экономики Китая, США и России, 2016/2017 г.

Показатели	Китай	США	Россия	Мир
Население, млн чел., 2017 г.	1382,7	323,3	146,5	7285,0
ВВП номинальный, трлн долл., 2017 г.	11,9	19,3	1,5	79,3
ВВП по ППС, трлн долл., 2017 г.	23,1	19,3	4,0	126,6
Внешнеторговый оборот, трлн долл., 2016 г.	4,3	4,9	0,6	21,0
Товарный экспорт, трлн долл., 2016 г.	2,1	1,4	0,3	16,0
Доля наукоемкого сектора ¹³ в номинальном ВВП, %, 2016 г.	35	38	20	33

Источник: составлено по данным: Хохлов А.В. *Справочные материалы по географии мирового хозяйства 2018. Статистический сборник. 2018.*

URL: <https://api.exportedu.ru/api/documents/78/download>; *Science and Engineering Indicators 2018. Arlington, VA: National Science Foundation, 2018.*

Ныне страна, отличаясь сверхбыстрыми темпами экономического роста и на равных соперничая с признанными авторитетами на самых разных глобальных отраслевых рынках, плотно, но не афишируя, «подпирает» номинального лидера мирового хозяйства — США — по всем позициям. Материалы исследования убедительно доказывают, что Китай не собирается оставаться индустриальным придатком Запада. Во-первых, он уже давно возглавляет процессы урбанизации, индустриализации и научно-технического прогресса всего развивающегося мира. В результате произошли кардинальные изменения не только в табели о рангах в глобальной экономике, но и в общей расстановке сил в системе отношений Центр — Периферия мирового хозяйства за счет быстрого укрепления места Полупериферии (табл. 2). Во-вторых, налицо концентрация усилий на приоритетном развитии высокотехнологичных отраслей национального хозяйства.

Укрепление позиций Китая в инновационных сферах, в магистральных направлениях научно-технического прогресса хорошо отражает изменение доли наукоемкого сектора в производимом ВВП. Согласно данным периодического издания Национального статистического центра науки и инжиниринга США¹⁴, на 2016 г. добавочная стоимость, полученная в наукоемком секторе, составляла примерно 1/3 от мирового ВВП¹⁵; чуть менее 2/5 — в США, но в Китае, увеличившем с 2003 г. объемы производства высокотехнологичной продукции почти в 6 раз, не намного ниже — 35% (для сравнения, в России — 20%). Совершив за последнее десятилетие мощный рывок, Китай по доле в мировом производстве высокотехнологичной продукции в 2008 г. превзошел Японию, в 2012 г. — ЕС и вплотную приблизился к США (24% против 31% в 2016 г.). Он же занимает лидирующую позицию в мировом экспорте продукции наукоемкого сектора (24%) и имеет большое положительное сальдо в торговле¹⁶. Вместе с тем за период с 2011 по 2016 г. экспорт высокотехнологичной продукции из Китая резко замедлился по сравнению

с 2001–2008 гг.; упало и положительное сальдо торговли. Знаменательно, что это отчетливо наблюдающееся замедление можно считать началом пересорентации развития Китая с экспортно ориентированной модели на модель роста, опирающегося на развитие внутреннего спроса и рынка.

Таблица 2

Изменение места Китая среди стран — лидеров в мировой обрабатывающей промышленности, 2005–2016 гг., в постоянных ценах, 2010 г.

Страна	Доля в мировой обрабатывающей промышленности, %			Продукция обрабатывающей промышленности в расчете на душу населения, долл.		
	Годы	2005	2010	2016*	2005	2016*
Китай		11,66	18,51	24,36	1431,9	2170,2
США		20,27	17,64	15,99	5905,6	6074,6
Япония		11,02	10,31	8,73	8404,0	8514,2
Германия		7,29	6,57	6,29	8478,9	9595,0
Индия		2,00	2,71	3,44	228,3	319,4
Республика Корея		2,51	2,93	3,10	6192,7	7556,8
Италия		3,67	2,91	2,36	5068,1	4854,5
Франция		3,10	2,58	2,30	4256,6	4380,5
Бразилия		2,88	2,71	1,84	1414,8	1080,9
Великобритания		2,66	2,15	1,84	3555,7	3475,2
Индонезия		1,55	1,60	1,83	687,1	866,0
Мексика		1,89	1,68	1,66	1466,9	1593,6
Россия		2,12	1,88	1,64	1362,1	1409,6
Мир, всего		100,0	100,0	100,0	1500,1	1660,8

* UNIDO — оценка.

Источник: составлено И.А. Родионовой по данным UNIDO. Industrial Statistics Database. INDSTAT4–2017 edition.

Позиционирование современного Китая в мировом сообществе далеко не ограничивается только экономической нишей. Уже к началу XXI века страна превратилась в глобальную супердержаву с интересами в Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и Океании, а «китайский фактор» оказывает существенное влияние на развитие современных мирополитических процессов. Намеренно отказавшись от конкуренции в области идеологии, оставаясь твердым приверженцем принципов ООН, входя во многие международные организации, Китай продолжает уверенно набирать вес во всех сферах международных отношений, включая политическую, военно-стратегическую и социокультурную. Особенно следует выделить активную политику «мягкой силы»¹⁷ на разных территориальных уровнях — глобальном, региональном и субрегиональном — по семи основным направлениям¹⁸: 1) распространение и популяризация языка; 2) продвижение традиционной и современной культуры; 3) расширение образовательных контактов; 4) развитие экономических связей и научно-техническое сотрудничество; 5) содействие международному развитию; 6) развитие общественной дипломатии; 7) поддержка соотечественников¹⁹.

Китай продолжает уверенно набирать вес во всех сферах международных отношений, включая политическую, военно-стратегическую и социокультурную. В плане реализации политики «мягкой силы» показательны два свежих примера из разных тематических областей. Во-первых, состоялся своего рода прорыв в сфере образования для

иностранцев. В конце 2015 г. в более чем 800 вузах страны обучалось 398 тыс. зарубежных студентов. За границей Китай инвестировал в создание 525 институтов Конфуция (в вузах) и 1113 классов Конфуция (в школах), в которых насчитывается более 5 млн слушателей в год. Во-вторых, планомерно реализуются намерения «поглощения Европы». За последние шесть лет китайские капиталовложения в экономику ЕС увеличились в 10 раз²⁰. Только в 2016 г., по данным консалтинговой компании EY, они выросли почти втрое — с 30,1 млрд долл. до 85,8 млрд. За этот год китайцы приобрели 309 европейских компаний или долю в них. По числу таких объектов 1-е место заняла Германия (68 приобретений), 2-е — Великобритания (47), 3-е делят Франция и Италия (по 34). Для сравнения, почти десять лет назад, в 2007 г., китайцы купили в Европе только 51 компанию²¹. При понятных приоритетах китайские инвестиции имеют широкую географию, их можно обнаружить во всех без исключения государствах региона. В частности, еще в 2012 г. для налаживания сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы запущен проект «16+1»²². Его главная цель — получение доступа к технологиям и исследованиям, международным каналам продаж и узнаваемым брендам, обеспечение поставок сырья для китайской экономики. Дополнительной целью предприятий Поднебесной является инвестирование в проекты в области внешней инфраструктуры, а также предоставление льготных кредитов для проектов, реализуемых китайскими подрядчиками²³.

Для текущей «проверки» верности стратегического курса к мировому лидерству Китаем избран глобальный проект «Один пояс, один путь»²⁴, запущенный в 2013 г. Руководство страны видит пять ключевых смысловых аспектов проекта²⁵.

1. Политическая координация.
2. Взаимосвязь инфраструктуры.
3. Бесперебойная торговля.
4. Свободное передвижение капитала.
5. Укрепление близости между народами.

Он должен показать стремление Китая не только к рациональному устранению территориально-отраслевых перекосов в национальной экономике и снятию ряда социальных противоречий, но и к ответственному участию в интеграционных процессах на макрорегиональном уровне, высветить спектр проблем, возможности и способности организации новых «точек роста», тем самым раскрывая реальный потенциал притязаний на мировое лидерство. Этот евразийский геополитический проект, основой которого должны стать равенство, баланс интересов, взаимовыгодность и всеобщее развитие, призван обозначить главные черты нового миропорядка. Уже сейчас он объединяет почти семь десятков государств с населением около 4,5 млрд человек и оказывает серьезное влияние на ключевые процессы современности — ход глобализационного движения, трансформации в системе международного разделения труда, изменение роли и значения ТНК, терциализацию и неоиндустриализацию экономики развитых стран и многие другие.

Российско-китайский стратегический тандем на пороге третьего глобального интеграционного цикла. Реализация амбиций Китая в условиях мирохозяйственного перехода весьма остро ставит вопрос о ближайших и надежных партнерах, среди которых особое место занимает Россия. Для возникновения союзных отношений между двумя странами-гигантами выгодно уже их геостратегическое положение, родственность по общегеографическим размерным «габаритам» и богатая история позитивного взаимодействия. Китай и Россия обладают мощным военно-экономическим потенциалом, значительным политическим весом на международной арене и способны оказать друг другу реальную и эффективную помощь при решении важных международных проблем. Несимметричность их экономического и научно-технологического развития компенсируется взаимными дополнениями. Несмотря на необходимость дальнейшей проверки гипотезы о жизнеспособности российско-китайского экономического

взаимодействия вне постсоветского пространства, на текущем историческом этапе у Китая и России нет острых противоречий, в том числе в отношении видения желаемого мироустройства. Обе страны отстаивают многополярную модель в мире глобализации. Общим противником для них являются претендующие на глобальное доминирование США, открыто объявившие Россию угрозой своим интересам, а Китай — экономическим конкурентом, что в преддверии третьего глобального интеграционного цикла делает последних естественными союзниками.

Выводы

– Состояние неопределенности и турбулентности в современном мировом хозяйстве тесно связано с изменениями в пространственной конфигурации мирового развития в условиях мирохозяйственного перехода в макротехнологической структуре геоэкономики, что объяснимо в рамках теории длинных циклов Н.Д. Кондратьева. Адаптация к новой ситуации вызовет не только уход старых технологий и организационных структур и появление пропульсивных отраслей хозяйства и новых институциональных возможностей, но и пространственное переустройство мира.

– В исторически сжатые сроки благодаря грамотной политике руководства Китая, осуществив комплекс хозяйственных и иных реформ, вошел в число крупнейших экономик мира и на равных соперничает на многих глобальных рынках с признанными авторитетами. Экономические успехи и укрепление позиций во всех сферах международных отношений за счет активного проведения политики «мягкой силы» позволяет размышлять о быстром росте глобальной конкурентоспособности Поднебесной на этапе мирохозяйственного перехода.

– В целом выход Китая на мировое лидерство — не прогнозный сценарий, а давно идущий процесс, и с учетом особого стратагемного мышления китайцев можно предположить, что Пекин скорее ориентирован на мировое цивилизационное доминирование «из тени», внешне оставаясь на вторых ролях. Иными словами, глобальное лидерство Китая — не цель, а скорее национальная идея, не требующая конкретных временных сроков, но способная идеологически мобилизовать китайское общество на стабильное и динамичное развитие через качественную внутреннюю трансформацию.

– С учетом «атомизации» Запада, который вместо мобилизации сил на эпохальном историческом рубеже до сих пор пребывает в нирване от крушения советского блока и СССР, и отсутствия у России должного экономического базиса, активно-прагматической внешней политики и претензий на мировое верховенство, можно прогнозировать закономерное возникновение в ближайшем будущем китаецентричной системы международного порядка. В рамках третьего глобального интеграционного цикла мировое лидерство впервые за последние 500 лет, вполне вероятно, уйдет за пределы глобального Запада, и этот период истории заслужит обозначение как *Pax Sinica*. Хотя Пекин еще будет должен предложить миру свой «цивилизационный проект».

– Результаты исследования содержат ценный конструктив для России и других стран, ищущих базу для своего startup или претендующих на вхождение в клуб мировой элиты. Опыт Китая может быть полезен при разработке национальных программ ускоренного социально-экономического развития, принципов регулирования развития отдельных отраслей хозяйства, подходов к формированию мощного блока материнских ТНК, для совершенствования использования механизмов «мягкой силы» и по многим другим направлениям.

– Все упомянутое актуализирует изучение Китая, делает его естественным и особо значимым объектом познания для географов-мирохозяйственников и географов-китаеведов, а социально-экономическую географию в целом выдвигает в качестве цен-

трального интеграционного звена при проведении междисциплинарных исследований эволюции места стран-гигантов в глобализирующемся мире.

1. Маркс К. Революция в Китае и в Европе // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. 9. Изд. 2-е. М.: Гос. изд-во политической литературы. 1957. С. 98–105.
2. Там же. Примеч. С. 594. В 1851 г. в Китае развернулось антифеодальное освободительное движение, принявшее характер мощной крестьянской войны.
3. Там же. С. 98.
4. На пути к Pax Sinica: Коллективная монография / под ред. Н.А. Служи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2018. 356 с.
5. Самбурова Е.Н., Мироненко К.В. Китай в мировом хозяйстве в контексте глобализации // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 1 (40).
6. China Statistical Yearbook. Beijing, 2000–2017.
7. См., например: UNIDO. Industrial Statistics Database. INDSTAT4–2017 ed.; и др.
8. Мироненко Н.С., Гутер Б.А. Мирохозяйственный переход в начале XXI века: макротехнологические и пространственные трансформации // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / под ред. В.А. Колосова, Н.А. Служи. М.: Смоленск: Ойкумена, 2016. С. 40–48.
9. Шупер В. Самоорганизация при переломе траектории: переход к интенсивному развитию // Экономика, кризисы, риски, безопасность, самоорганизация. 22.11.2017. Сайт С.П. Курдюмова. URL: <http://spkurdyumov.ru/economy/samoorganizaciya-pri-perelome-traektorii-perexod-k-intensivnomu-razvitiyu/>
10. The World Bank, 2017. URL: <http://worldbank.org/data/>
11. The International Monetary Fund, 2018. URL: <https://www.imf.org/external/>
12. Самбурова Е.Н., Мироненко К.В. «Китайское экономическое чудо» в мирохозяйственном измерении // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). С. 149–157.
13. Традиционно в расчеты по наукоемкому сектору экономики (КТИ — knowledge- and technology-intensive industries) включаются 5 отраслей сервисной сферы (общественные услуги — здравоохранение, образование; коммерческие услуги — бизнес-услуги, финансовые услуги, информационные услуги) + 5 высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности (авиа-ракетно-космический комплекс; коммуникационное оборудование и компьютеры; полупроводники; фармацевтика; контрольно-измерительное оборудование). В 2018 г. методика расчета поменялась, в настоящее время включаются и данные по так называемому средне-высокотехнологичному сектору, а именно, данные по объемам производства в 5 отраслях обрабатывающей промышленности — автомобилестроение и автокомплектующие; электротехника, механизмы и оборудование, химическая промышленность (без фармацевтики); железнодорожное и другое транспортное оборудование.
14. Science and Engineering Indicators 2018. Arlington (VA): National Science Foundation, 2018.
15. Справочно отметим, что из этой величины около 15% приходилось на коммерческие услуги, 9% — на общественные, 4% — на производства средне-высокотехнологичного сектора и около 2% — на высокотехнологичный сектор.
16. Столь высокая доля Китая в мировом экспорте есть результат традиционных методов измерения торговых потоков по валовой стоимости продукта, пересекающего международную границу. Предприятия ОЭСР и ВТО инициативы пересчета мировых торговых потоков на основе чистой добавленной стоимости значительно понижают позиции Китая. Так, доля Китая в экспорте компьютеров, электрического оборудования, оптики по традиционным методам расчета составила в 2016 г. 33%, а по методике добавленной стоимости — 19% (хотя это все равно 1-е место в глобальном экспорте этих продуктов). И с другой стороны, США становятся на значительно более высокую позицию в рейтинге стран, участвующих в мировой торговле, поскольку по новой методике им «приписывается» экспорт электронных комплектующих, используемых в конечной сборке продукта на территории Китая.
17. Термин «мягкая сила» (soft power) трактуется часто по-разному. В Китае в нее вкладывается, главным образом, конфуцианская мудрость и культурная самобытность, которыми следует ру-

- ководствоваться при принятии решений во внешней политике государства. Подробнее см.: *Касаткин П.И., Ивкина Н.В.* Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 26–36.
18. *Михневич С.В.* Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 95–129.
 19. *Sluka N.A., Korobkov A.V., Ivanov P.N.* The Chinese Diaspora in the EU Countries // Baltic Region. 2018. Vol. 10. № 3. P. 80–95.
 20. За последние несколько лет КНР резко увеличила объем прямых инвестиций в страны ЕС. Сколько Китай вкладывает в Европу — в инфографике. Sputnik. 03.11.2017.
URL: <http://sputnik.by/infographics/20171103/1031743903/kitajskie-investicii-v-strany-es.html>
 21. *Рождественская Я.* Китайские инвестиции в Европу достигли рекордного уровня // Коммерсантъ. 26.01.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3201876>
 22. В него входят 11 стран-членов ЕС и 5 балканских стран: Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Латвия, Литва, Македония, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Черногория, Чехия, Эстония.
 23. *Беляков Д.* Стратегия Пекина в Центральной Европе // СОНАР 2050. 01.12.2017.
URL: <http://www.sonar2050.org/publications/kitayskiy-proekt-161-mify-i-realnost/>
 24. Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. Пекин: Из-во лит-ры на ин. языках. 2017. 75 с.
 25. *Чубаров И.Г., Каташиников Д.Б.* «Один пояс — один путь»: Глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 25–33.

Дискуссионная трибуна

К вопросу об эффективности гипотетической коллективной валюты для стран БРИКС

© 2019

М.В. Жариков

Актуальность темы статьи проявляется в том, что в современных условиях нестабильности на мировом валютном рынке необходимы инклюзивные (коллективные) подходы, позволяющие минимизировать влияние колебаний обменных курсов на экспортно-импортные операции стран БРИКС. Цель статьи — обосновать возможности перехода стран БРИКС на общую (коллективную) расчетную единицу. Предмет статьи составляют способы и методы, позволяющие выявить экономический эффект, связанный с принятием новой коллективной валюты. Представлены результативные данные, с помощью которых можно оценить этот эффект.

Ключевые слова: страны БРИКС, инклюзивное (коллективное) развитие, коллективная валюта, общая экономическая политика стран БРИКС, эффективность перехода на новую коллективную валюту во взаимных расчетах.

DOI: 10.31857/S013128120006100-1

Предпосылки виртуализации денег

Участие в международном разделении труда, интернационализации труда, капитала и производства обеспечивается при наличии высокоразвитого денежного обращения. Современная архитектура организации денежного обращения и самих денег привела к формированию современного человека и организации его труда на высшем интеллектуальном уровне. Развитие товарно-денежных отношений отлучило человека от натурального хозяйства, позволило ему осуществлять различные виды деятельности, непосредственно не связанные с промышленным и сельскохозяйственным производством, работать в сфере услуг, предоставлять образовательные и прочие услуги, создавать произведения литературы и искусства, вести научную деятельность. Деньги — товар, который удовлетворяет все потребности экономического субъекта, поэтому благодаря разделению

Жариков Михаил Вячеславович, доктор экономических наук, доцент, профессор департамента мировой экономики и мировых финансов, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных финансов Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: michaelzharikoff@gmail.com.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Фининиверситету в рамках фундаментальной научно-исследовательской работы по теме «Конкуренция валют в мировой валютной системе».

труда и специализации он может в обмен на поэмы, симфонии, уроки получать деньги, а на них — любые другие необходимые блага. Продукты питания для него будет производить другой субъект, обладающий для этого соответствующими компетенциями и конкурентными преимуществами. В итоге научно-технический прогресс, промышленная революция совершенно по-новому организовали товарно-денежные отношения.

Так, закон стоимости, согласно которому товары на рынке продаются в соответствии с их стоимостью в денежном выражении, т.е. затратами на их производство, трансформировался вместе с валютными отношениями и валютными единицами, поскольку на современном мировом рынке господствует сектор финансовых услуг, стоимость которых не соответствует затратам на них. Благодаря стремительному развитию мировых финансов и финансовых технологий появились международные расчетные единицы, позволяющие вести учет всех сделок в режиме реального времени и в виртуальном пространстве. Деньги полностью оторвались от реальной материи и вышли из-под контроля закона стоимости. При этом если в XX веке закон стоимости стимулировал конкурентные процессы, которые вели к переходу компаний средней эффективности в разряд высоко- или низкоэффективных (ведя к банкротству последних), то в современной экономике эффективность устанавливается по-другому: эффективная компания избавляется от основного капитала и не создает процесса производства в традиционном представлении по формуле, разработанной К. Марксом. Содержание формулы изменилось. В XIX–XX веках для того, чтобы получить прибыль, предприниматель покупал специфический товар — рабочую силу и средства производства, которые в процессе производства создавали готовый товар, отличающийся от первоначально приобретенного на величину прибавочной стоимости, которая после реализации на рынке трансформировалась в прибыль. Теперь формула К. Маркса воспроизводства капитала приобрела упрощенный вид: деньги — возросшие деньги. Предприниматель освободился не только от необходимости привлекать рабочую силу и средства производства, но и сложил с себя обязанности выплачивать заработную плату, создавать амортизационный фонд, обновлять активную часть основного капитала, производить отчисления в бюджет по медицинскому страхованию, уплачивать налог на добавленную стоимость, налог на землю и прочие государственные сборы и платежи. Следствием этого стала индивидуализация и виртуализация процесса накопления капитала, создания и мультиплицирования денег. Деньги стали одним из важнейших инструментов международной экономической интеграции и коллективного (инклюзивного) развития групп стран¹.

Если в XX веке обращение денег в стране являлось общенациональной проблемой, то в рамках инклюзивного развития обращение коллективной валюты становится задачей многостороннего согласования взаимных интересов, требований экономической и внешнеторговой политики, учитывающей особенности участников и требующей гармонизации норм и законов в сфере финансов, кредита и денежного обращения².

Материальная основа коллективной валюты БРИКС

Деньги постоянно эволюционируют, проходят в своем развитии множество этапов, на каждом из которых происходит трансформация форм стоимости, но при этом, как правило, сохраняется централизованный подход к кредитно-денежному регулированию. Децентрализация эмиссии денег зачастую имеет место в периоды смут, революций, гражданских войн, раздробленности государства, анархии. Эти явления ведут к упадку в развитии не только экономики, но и цивилизации в целом. Децентрализация денежного обращения на наднациональном уровне, даже если речь идет о валютной интеграции всего пяти стран, может обернуться для их цивилизации витком катастрофических событий³. Система денежного обращения не является идеальной ни в одной из стран БРИКС, однако она постоянно совершенствуется. В мире на данный момент не существует более

эффективно функционирующего, апробированного аналога, кроме региональной европейской валютной системы, на опыт которой необходимо опираться при создании коллективной валюты для стран БРИКС⁴.

В современной мировой экономике обращается крайне ограниченное количество валют, которые предназначены для коллективного использования странами в качестве национальных денег. Большинство стран мира для участия в международном обмене и резервирования предпочитают пользоваться долларом, сохраняя независимость и целостность собственных национальных денежных систем и самостоятельность в сфере макроэкономической политики⁵. Некоторые страны подвержены долларизации — когда иностранная валюта вытесняет национальную из обращения, но в целом государство стремится к сохранению денежного суверенитета, поскольку от этого зависят налоговые сборы, выплаты по статьям бюджета, контроль процентных ставок, инфляции и т.д. При этом для тех же целей могут использоваться, хотя и в меньшей степени, евро, швейцарский франк, фунт стерлингов, японская иена и некоторые другие валюты промышленно развитых стран.

Во внутреннем обороте могут использоваться коллективные валюты, главным образом, в рамках интеграционных соглашений⁶. С принятием коллективной валюты страны отказываются частично или полностью от денежного суверенитета в пользу наднационального органа, и тогда коллективная валюта становится общей или единой, замещающая национальные деньги⁷. Наиболее ярким примером такой валюты является евро, хотя, как утверждают некоторые экономисты, он, став национальной валютой для стран Европейского союза, продолжает оставаться экстерриториальным средством расчетов, т.е. валютой, которая принимается во внутрирегиональных валютных отношениях, но, поскольку она подкреплена ответственностью не национального центрального банка, а единого наднационального, до сих пор воспринимается экономическими субъектами (резидентами) как денежная единица иностранного государства⁸.

На региональном уровне существуют и другие примеры использования коллективных валют, в том числе западноафриканский и центральноафриканский франки, единая валюта Бразилии и Венесуэлы. Они имеют ограниченное хождение (иногда существуют только на бумаге), рассматриваются как внешние денежные средства, предназначенные для международных или региональных взаиморасчетов, могут выполнять функции хеджирования валютных рисков, выступать в качестве валют биржевых торгов, спекуляций, инвестиционных активов, однако широкого применения не находят.

Одновременно есть примеры национальных валют, ставших единицами межгосударственных расчетов, имеющих хождение параллельно с национальными, такие, как южноафриканский ранд и индийская рупия. Тем не менее они крайне ограничены по сфере использования и выступают наравне с национальными по курсу 1:1, не воспринимаются резидентами как инструмент биржевых торгов, так как размениваются по фиксированному курсу, не являются объектами валютных спекуляций и поскольку, имеют одинаковую стоимость, не возникает необходимости или потребности в их резервировании⁹.

Российский рубль, который представляется как внутрирегиональное средство перевода денежных средств, оплаты за переправляемые через границы стран СНГ товары и услуги, может содержаться в руках нерезидентов (граждан СНГ), т.е. физических лиц, как правило, низко- и среднедоходных слоев населения, поскольку высокодоходные слои стремятся к накоплению твердой валюты или инвестируют средства в недвижимое имущество. Рубли также концентрируются на транзакционных счетах юридических лиц для организации обмена¹⁰. Но широко рубль не используется даже в рамках ЕАЭС и не резервируется странами — членами интеграционных группировок с участием России. Так, Белоруссия, которая после подписания Договора о ЕАЭС закупила рублевые облигации российского правительства, отказалась от этого из-за экономического кризиса в России и девальвации рубля.

Исходя из анализа примеров коллективного использования валют, можно сделать вывод, что, если они и находят применение, то только в качестве межрегиональных средств расчета и обмена. Единственной валютой, которая стала национальной для большой группы стран, остается евро. Аргументы в отношении его экстерриториальности имеют хождение преимущественно в сфере экономической мысли, являются предметом научных дискуссий, для большинства же населения стран зоны евро – это законное платежное средство, выполняющее традиционные, классические функции денег, а для многих стран мира – это резервная валюта, которая, хотя и не выступает наравне с долларом, но параллельно используется в валютных торгах, спекуляциях, операциях хеджирования, валютного арбитража, международной ликвидности, трансграничных переводов, в качестве валюты номинирования международных облигаций, еврооблигаций, прочих долговых ценных бумаг с высокими кредитными рейтингами и высоким уровнем доверия.

Поэтому, начиная разработку научной гипотезы о формировании общей (коллективной) валюты взаимного пользования для стран БРИКС, реально можно говорить только о создании средства обмена и трансграничного опосредования движения товаров и услуг и до определенной степени, капиталов.

Варианты форм виртуальных денег для коллективной валюты БРИКС

В настоящее время в качестве материального носителя коллективной валюты стран БРИКС предлагаются различные виды денег, включая криптовалюты, почти-деньги, или квазивалюты, а также традиционные кредитные деньги центрального банка¹¹. Для того чтобы понять, насколько эффективной является та или иная форма денег для создания коллективной валюты стран БРИКС, необходимо провести сравнительный анализ.

Некоторое сходство процесса создания и функционирования коллективных валют с новыми, формирующимися в настоящее время криптовалютами и прочими квазивалютами заключается в том, что они имеют виртуальную основу, представляют собой виртуальные деньги, существующие в виртуальном пространстве, компьютерных сетях, в виде электронной записи по банковским корреспондентским счетам, расположенным в специальных платежных системах и обслуживаемых сложной системой серверов, хранилищ конфиденциальной финансовой и денежной информации. Еще одна черта, которая объединяет крипто- и квазивалюты с коллективными, состоит в том, что они не имеют единого эмиссионного центра, который нес бы ответственность за их выпуск в обращение. Например, единая валюта евро выпускается центральными банками стран Европейского союза, тогда как единый Европейский центральный банк отвечает только за установление общей ставки рефинансирования. С другой стороны, центральные банки вообще не выпускают криптовалюты, не дают гарантии денежных средств, которые в них инвестируют экономические субъекты, не создают механизмы страхования депозитов в криптовалютах, не устанавливают официальный обменный курс криптовалюты по отношению к национальной или какой-либо другой иностранной валюте, не осуществляют контроль за их эмиссией и т.д. Это означает, что крипто- или квазивалюты действуют только на электронных платформах валютного рынка и выступают в качестве продуктов финансовой инженерии, в то время как коллективные валюты, например, до введения наличного евро в обращение в 1999 г., оставаясь виртуальными деньгами, имеют все атрибуты законного средства платежа. Кроме того, все деньги в коллективной валюте, находящиеся в обращении, контролируются эмиссионным центром для сдерживания инфляции, во избежание подделок, отмывания средств, криминализации и офшоризации доходов и т.д.

В крипто- и квазивалютах невозможно осуществлять ни прямые иностранные, ни портфельные инвестиции, поскольку вложения в капитал в любой форме находятся под непосредственным наблюдением соответствующих органов и ведомств правитель-

ства, которые осуществляют учет сделок с капиталом. Это также распространяется на экспортно-импортные операции, мониторинг которых можно осуществлять в коллективных валютах.

При условии выхода коллективной валюты БРИКС за рамки национальных границ группы и более широкого международного использования количество денег должно соответствовать доле опосредования мирового экспорта товаров, услуг, капитала, международных резервов, кредитов, депозитов, денежных переводов, торговли национальными валютами на мировых биржах плюс внутренних потребностей в денежной массе, что не в состоянии обеспечить ни крипто-, ни квазивалюты. В международном обращении объем денежной массы для нерезидентов в коллективной валюте может превышать потребности экономических субъектов, завязанных на внешнеторговых и внешнеэкономических операциях стран БРИКС. В данном случае речь идет о вероятности увеличения потребности в деньгах в коллективной валюте БРИКС, поскольку может увеличиться объем внешней торговли, объем инвестиций, выпуск международных ценных бумаг, величина депозитов и т.д.¹² Дефицит или жесткое предложение денег в коллективной валюте для международного рынка приведут к росту процентной ставки и кризису ликвидности. Пределы, в которых могут увеличиваться эти потребности, зависят от темпов роста МВП, мирового экспорта товаров, услуг, капитала, международных резервов и т.д. Для этого эмиссионные центры специально рассчитывают отклонения, в рамках которых могут колебаться перечисленные величины, и относительные показатели перемножаются ими на соответствующие абсолютные значения. Далее полученные данные суммируются, и в итоге получается величина, на которую потенциально следует увеличивать предложение денег в коллективной валюте для международного обращения. Тогда как функционирование и обращение крипто- и квазивалют носят совершенно стихийный характер, определяемый принципами рыночного фундаментализма, и не поддаются никакому учету. В дальнейшем распространение крипто- и квазивалют может столкнуться с проблемой формирования финансового пузыря, раздутого биржевыми спекуляциями, которые способны нанести ущерб мировой экономике.

Аналогичным путем можно найти объем потенциального спроса на коллективную валюту. Спрос на валюту БРИКС будет соответствовать всем потребностям в этой валюте со стороны нерезидентов.

Важный аспект, который позволяет выделить общую точку соприкосновения коллективной валюты и крипто- или квазивалюты, виден при построении их динамики. Этот метод предполагает использование четырех котировок по пяти национальным денежным единицам стран БРИКС. Поскольку в каждой стране БРИКС имеется своя национальная валюта, в действующей мировой валютной системе котировки валют устанавливаются каждый рабочий день на бирже по отношению к доллару США и имеют цену открытия, закрытия и максимума и минимума за торговую сессию.

Разработка коллективной валюты стран БРИКС

Можно гипотетически предположить, что если бы в результате проведения согласованной экономической политики страны БРИКС ввели общую расчетную единицу в 2017 г., то обменный курс новой международной валюты по отношению к ведущим валютам мира, например, доллару и евро, описывался бы функцией, которая представляет зависимость факторов, оказавших влияние на национальные валюты стран-участниц (девальвация рубля в России, изменения в уровне ставки рефинансирования в России и Бразилии, инфляция в Индии, сокращение экспорта в Китае и т.д.) Поскольку влияние каждого отдельного фактора на обменный курс валюты невозможно определить в пропорции к общему влиянию, то эти движущие силы вплетаются в интегральное представление функции обменного курса. Поэтому в случае установления курса новой валюты БРИКС к доллару

США на уровне 1:1 с 1 января 2017 г. на интегральную функцию валюты оказывали бы влияние те же перечисленные факторы, за некоторыми исключениями. Например, если бы страны БРИКС передали функции проведения кредитно-денежной политики единому национальному органу – кредитору последней инстанции, то фактор установления различных ставок рефинансирования должен быть исключен из анализа; также элиминируется фактор девальвации отдельной валюты, поскольку она недопустима в случае действия общего валютного соглашения стран БРИКС. На новую валюту будут оказывать влияние другие факторы, включая дополнительный внешний долг России, который бы образовался вследствие невозможности девальвации рубля. И часть факторов в интегральной функции останутся на своих местах, например, инфляция, экспортно-импортные операции и т.д. В связи с невозможностью учесть все факторы влияния, целесообразно представить функцию обменного курса новой валюты БРИКС как зависимость факторов, которые естественным образом вплетены в составляющие всей совокупности национальных особенностей кредитно-денежных систем рассматриваемых стран. Это означает, что кривая обменного курса новой валюты за 2017 г. должна иметь вид, который своими контурами усредненно повторяет контуры кривых обменных курсов национальных валют с учетом фактических отклонений в обе стороны. Кроме того, полученная кривая обменного курса новой валюты симметрично опустится до положения исходного соотношения ее стоимости на международной валютной бирже к стоимости доллара 1:1.

Результатом разработки научной гипотезы коллективной валюты стран БРИКС в данной статье стало выявление двух важнейших макроэкономических показателей, характеризующих потенциальный формирующийся общий рынок денег стран БРИКС — общей учетной ставки, или ставки рефинансирования, и количества денег в валюте стран БРИКС для международного обращения. В практике центральных банков выделяется ставка рефинансирования краткосрочная, среднесрочная и долгосрочная. Согласно неоклассической экономической теории на графике спроса и предложения валюты можно построить кривые только для краткосрочного периода.

От уровня учетной ставки потенциального (гипотетического) кредитора последней инстанции будет зависеть и процесс установления обменного курса коллективной валюты БРИКС. Эта проблема важна, поскольку для международного обращения необходимо знать пропорции, в которых новая валюта будет разминиваться на валюты других стран. В этом случае чем выше ставка рефинансирования и чем больше спрос на новую валюту как объект инвестиционных вложений, тем дороже она будет по отношению к валютам других стран; ставка является важнейшим фактором, формирующим и модифицирующим инвестиционный спрос на валюту БРИКС. Ставка рефинансирования устанавливается в результате соотношения спроса и предложения коллективной валюты стран БРИКС на основе либеральной модели ценообразования. Ставку, устанавливаемую на основе рыночного принципа, предлагается называть общей или коллективной расчетной.

Либеральная модель ценообразования первоначально была разработана для мирового товарного рынка, на котором действуют мировые цены на зерно, нефть, газ и прочие стандартные биржевые товары. Нами предлагается использовать эту модель для расчета коллективной процентной ставки как цены денег для проведения согласованной или коллективной кредитно-денежной политики стран БРИКС. Удобство этой модели установления ставки рефинансирования заключается в том, что в ней отсутствуют какие-либо ограничения на трансграничную торговлю товарами. А поскольку мировой валютный рынок — это виртуальное пространство, которое функционирует в отсутствие барьеров, то либеральная модель является оптимальным механизмом установления общей, или коллективной, ставки рефинансирования.

Таблица 1

Эффективность экспорта и импорта стран БРИКС в новой валюте

Показатель	Курс нац. валюты к доллару	Курс нац. валюты к новой валюте	Экспорт, нац. валюта, млрд	Импорт, нац. валюта, млрд	Экспорт, новая валюта БРИКС, млрд	Импорт, новая валюта БРИКС, млрд	Экспорт, млрд долл.	Импорт, млрд долл.			
									Бразилия		Россия
2017 (начало)	3,2555	3,2555	782,1	756,1	240,2	232,3	240,2	232,3			
2017 (конец)	3,3123	3,5370	824,4	757,8	233,1	214,3	248,9	228,8			
2017 (начало)	61,6005	61,6005	22124,3	17685,8	359,2	287,1	359,2	287,1			
2017 (конец)	57,6783	61,5909	23966,1	19041,1	389,1	309,2	415,5	330,1			
2017 (начало)	67,9550	67,9550	27286,4	30449,2	401,5	448,1	401,5	448,1			
2017 (конец)	63,8705	68,2032	29117,0	31330,8	426,9	459,4	455,9	490,5			
2017 (начало)	6,9448	6,9448	14869,4	12468,6	2141,1	1795,4	2141,1	1795,4			
2017 (конец)	6,9441	6,9441	14584,7	12943,5	2100,3	1863,9	2242,8	1990,4			
2017 (начало)	13,7366	13,7366	1315,1	1308,7	95,7	95,3	95,7	95,3			
2017 (конец)	12,3775	13,2171	1385,0	1321,4	104,8	100,0	111,9	106,8			
2017 (начало)	1,0000	1,0000	66377,2	62668,5	3237,7	2858,1	3237,7	2858,1			
2017 (конец)	0,9365	1,0000	69877,2	65394,7	3254,2	2946,7	3474,9	3146,6			

Источник: составлено по данным: IMF. Principle Global Indicators.

URL: <http://www.principleglobalindicators.org/regular.aspx?key=60942002> (дата обращения: 30.09.2018).

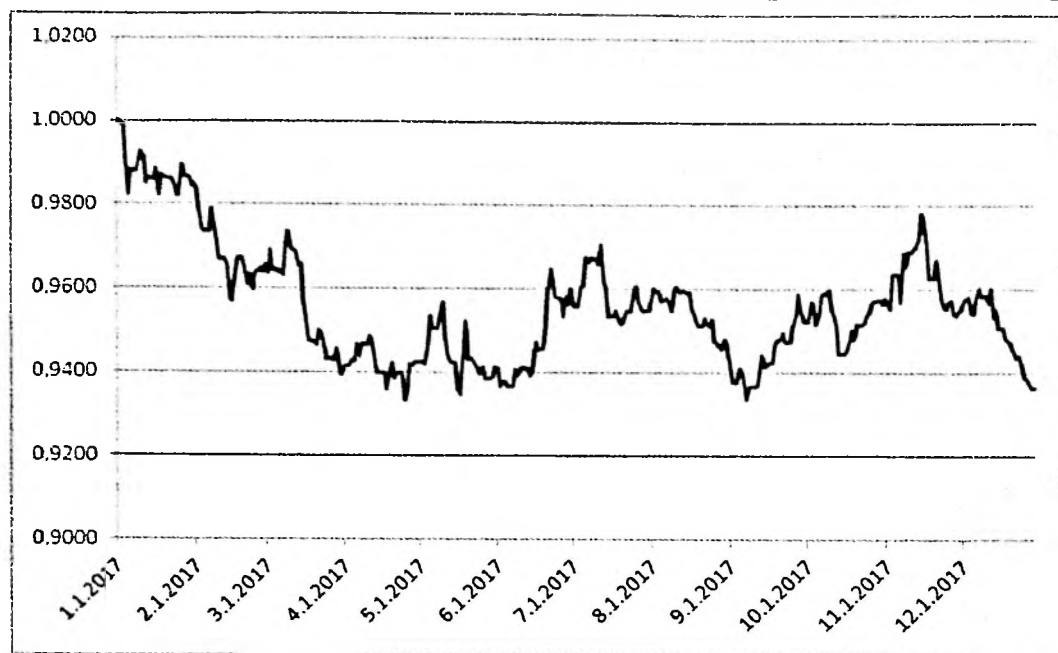

Рис. 1. Динамика ежедневных биржевых котировок новой валюты стран БРИКС к доллару США

Источник: составлено по данным: *Finanz.ru*. URL: <https://www.finanz.ru/valyuty> (дата обращения: 30.09.2018).

На рис. 1 представлена биржевая динамика поведения новой валюты стран БРИКС по отношению к американскому доллару: в течение 2017 г. новая валюта (при условии ее введения с 1 января 2017 г. в странах БРИКС) гипотетически повышалась и падала бы по курсу к доллару, но при этом все время оставалась дороже. Это связано с тем, что все валюты стран БРИКС в течение 2017 г. стабильно укреплялись к доллару США. Наиболее длительный период укрепления новой валюты к доллару имел место в период с 1 января по 13 июня 2017 г. Затем, в середине лета 2017 г., наступил достаточно короткий период ослабления, после окончания которого тенденция к укреплению валют стран БРИКС возобновилась. Такая динамика котировок новой валюты объясняется тем, что в первом полугодии 2017 г. все валюты стран БРИКС росли по относительной стоимости к доллару. Наиболее близкими по динамике являются бразильский реал, российский рубль и южноафриканский ранд. Эти три валюты летом 2017 г. начали слабеть по отношению к доллару, прежде всего, в связи с ухудшением конъюнктуры на мировых товарных рынках нефти, газа, зерновых, бобовых, золота и прочих минералов, которыми богаты Бразилия, Россия и ЮАР. Исключение составил бразильский реал, единственный среди валют стран БРИКС после небольшого конъюнктурного укрепления с середины июля по середину октября 2017 г. продолжил падать к доллару до конца года. В Бразилии проблемы с национальной валютой, главным образом, связаны с серьезной ситуацией, сложившейся в кредитно-денежной системе, что проявляется в крайне остром противоречии политики центрального банка и поведения коммерческих банков страны. Противоречие заключается в том, что несмотря на тенденцию к более гибкой кредитно-денежной политике посредством сокращения ставки рефинансирования, центральный банк создает стимулы к оживлению экономического роста, тогда как коммерческие банки в ожидании ухудшения ситуации с государственным долгом и при высоком риске дефолта по внешним обязательствам правительства скупают и резервируют твердую валюту, держат высокую ставку по кредитам и в целом тормозят политику дешевых денег. Перечисленные

факторы в совокупности продолжают действовать на курс реала в сторону падения. Российский рубль также к середине осени 2017 г. упал по отношению к доллару, однако вырос зимой и до конца года продолжал укрепляться. Специфика российского укрепления объясняется активными действиями Центрального банка и Министерства финансов на валютном рынке. Эта совместная политика была направлена на краткосрочную стабилизацию социально-экономической ситуации в стране в период предвыборной президентской кампании и подготовки к важнейшим переменам в законодательстве страны, касающимся пенсионной реформы. После окончания этого периода стабилизации российский рубль к лету 2018 г. был вновь девальвирован. Наиболее стабильную тенденцию к укреплению курса к доллару в 2017 г. показали рупия и юань. Однако и здесь у каждой из валют есть своя специфика. Китайский юань, курс которого, как правило, изменяется очень медленно в соответствии с общей градуалистской политикой государства в экономике, со второй половины 2017 г. начал резко расти к доллару, причем темп этого укрепления в несколько раз превышал интенсивность роста в первой половине 2017 г. До определенной степени ситуацию с юанем можно объяснить неблагоприятными конъюнктурными условиями на главном целевом рынке Китая – США, которые особенно активно начали вводить торговые ограничения и повышать пошлины на ввоз китайских товаров. В связи с этим Китай добровольно ускорил процесс удорожания юаня к доллару во избежание более жестких торговых мер со стороны США. Напротив, тренд укрепления рупии к доллару в течение 2017 г. был практически однонаправленным с незначительным отклонением с конца сентября до середины ноября и имел хорошо прогнозируемый угол наклона на нисходящей тенденции. Среди стран БРИКС пример с динамикой рупии говорит о крайне благоприятных условиях для экономического роста в стране, а также о том, что Индия менее всех пострадала от усиления торговых ограничений. Это можно объяснить тем, что основной экспорт Индии — высококвалифицированные профессиональные услуги, от которых отказаться развитым странам, в том числе США, гораздо труднее, чем от материальных благ других стран БРИКС, которым можно подобрать ряд конкурентоспособных субститутов. Отказ от индийских услуг с высокой долей добавленной стоимости вызвал бы серьезные негативные последствия для развитых стран.

В целом описанные факторы конъюнктуры валют стран БРИКС гармонично сглаживаются кривой динамики котировок гипотетической новой коллективной расчетной единицы и обуславливают соответствующие изменения направления движения по кривой. Практическая значимость построенной кривой заключается в том, что с ее помощью облегчается анализ потенциального общего валютного рынка стран БРИКС для целей согласования макроэкономической политики группы, а также для выработки стратегии поведения участников валютного рынка, которые могут применять этот инструмент для решения проблемы купли-продажи валюты по различным деривативным контрактам и в различных сегментах валютного рынка. Поскольку развивающиеся страны, к которым продолжают относиться участники БРИКС, как правило, больше резервируют активы в твердых, свободно конвертируемых валютах, то постросная динамика выступает здесь — даже в отсутствие формирующегося общего валютного рынка стран БРИКС, единой валюты, кредитно-денежной политики, единого центрального банка — наглядным инструментом, который позволяет формировать оптимальный портфель активов на национальном рынке. Например, наиболее благоприятными периодами для покупки доллара США и, следовательно, его резервирования для участников валютных торгов в странах БРИКС в течение 2017 г. являлись промежутки, когда соотношение курсов новой валюты и доллара было близко значению 1:1, а именно: январь–февраль, конец июня – начало июля и середина ноября (рис. 1). На уровне макроэкономической политики государств страны БРИКС могли бы воспользоваться аналогичным анализом и осуществить дополнительные вложения резервов в иностранную валюту на случай форс-мажорных ситуаций, особенно в Бразилии, России и ЮАР. Кроме того, для центральных банков этих стран указанные отрезки времени выступают в качестве сигналов к проведению

соответствующей кредитно-денежной политики в краткосрочном периоде, т.е. центральный банк той или иной страны мог бы адекватно отреагировать на повышение или понижение курса национальной валюты в ожидании разворота динамики котировок общей расчетной единицы БРИКС. При этом общая, согласованная политика центральных банков стран БРИКС для потенциального валютного сотрудничества должна быть направлена на стабилизацию и сглаживание резких колебаний новой валюты.

О целесообразности использования новой коллективной расчетной валюты стран БРИКС говорят данные, полученные при анализе экспортно-импортных операций и динамики национальных и новой валюты по отношению к доллару. Цель этих расчетов заключается в необходимости выявления экономического эффекта, который мог бы быть достигнут в результате перехода на новую валюту во внешнеэкономических расчетах стран БРИКС. В результате получена система показателей и представлен расчет опосредованных экспортно-импортных операций за период гипотетического обращения новой коллективной валюты стран БРИКС (табл. 1). Суммы экспорта и импорта на начало рассматриваемого периода совпадают, поскольку курсовое соотношение новой валюты БРИКС и доллара принимается в модели как 1:1. Согласно расчетам по окончании отчетного периода сокращение валютных поступлений при экспорте в новой валюте имеет место в Бразилии и Китае. Потери Бразилии оцениваются в сумму до 7 млрд, а Китая — около 40 млрд. При этом в примере этих двух стран валютные поступления увеличиваются более чем на 8 млрд долл. для первой и 100 млрд долл. — для второй, если расчеты продолжают осуществляться в долларах. В свою очередь России, Индии и ЮАР расчеты по экспорту в новой валюте обеспечивают рост поступлений на общую сумму около 65 млрд. При продолжении осуществления сделок в долларах Россия и Индия получили почти по 55 млрд долл., а ЮАР — около 20 млрд. Благоприятный итог расчетов, с одной стороны, связан с тем, что в качестве валютных курсов были взяты крайние даты начала и конца периода, т.е. внутри этого промежутка могли иметь место и неблагоприятные соотношения курсов. С другой стороны, несмотря на общую тенденцию валют стран БРИКС к укреплению курса к доллару в течение всего 2017 г., валютные поступления росли и в совокупности для всех стран БРИКС составили около 16 млрд в новой валюте и около 240 млрд в долларовом эквиваленте. Переходя к анализу расчетов в новой валюте по импорту, следует отметить, что только в Бразилии они обеспечивают выгоду для национальных потребителей товаров и услуг, а также производителей, которые зависят от поставок ресурсов из-за рубежа. Так, положительный эффект для бразильских потребителей и производителей составил бы около 15 млрд в новой валюте и 4 млрд в долларовом эквиваленте. В остальных случаях имело место удорожание импорта как в новой валюте, так и в долларах. Российским потребителям пришлось перерасходовать за импорт более 22 млрд в новой валюте и 43 млрд в долларах, индийским — соответственно более 10 и 40 млрд, китайским — почти 70 и 200, южноафриканским — 5 и 10 млрд. Как видно из расчетов, в долларах потребители были вынуждены платить больше, чем в новой валюте (табл.1). Это означает, что с учетом издержек упущенных возможностей эффект от перехода на новую валюту был бы достаточно очевиден.

* * *

Основные выводы сводятся к оценке эффекта разницы при расчетах по импорту и экспорту в новой валюте и при сохранении прежней системы учета в долларах, которая состоит в применении теории паритета покупательной способности в следующей интерпретации. В связи с тем, что обменный курс общей валюты стран БРИКС по отношению к доллару отличается от обменного курса каждой их национальной валюты, необходимо установить, насколько выгоден или целесообразен переход на общую валюту для того или иного члена группы при изменении масштаба цен в экономике. Так, по теории паритета покупательной способности изменение соотношения обменных курсов по номиналу валюты в большую сторону, что фактически означает ее девальвацию, ведет к повыше-

нию конкурентоспособности продукции экспортирующей страны-эмитента. Это означает, что при переходе, например, России на общую валюту БРИКС паритет первоначальных потребительских корзин в долларах изменится на некоторый коэффициент. Потребительская корзина в долларах станет относительно дороже, и российские товары могут утратить конкурентное преимущество по цене. Поскольку Россия является одним из лидеров по мировому экспорту ресурсов, такое изменение масштаба цен может вызвать негативную реакцию со стороны стран, импортирующих российскую продукцию. В свою очередь, на мировом валютном рынке может увеличиться валютный риск и волатильность курсов национальных валют. Потребуется решение проблемы, связанной с переоценкой активов, выраженных в национальных валютах, хотя, поскольку подавляющее большинство активов в мире выражены в долларах США, на мировой рынок ценных бумаг введение новой валюты БРИКС особо серьезного влияния не окажет.

В статье показаны специфические факторы, повлиявшие на колебания курсов валют стран БРИКС в рассматриваемый период, которые образуют соответствующую основу для построения функции кривой новой коллективной валюты. Теоретическая значимость статьи состоит в разработке основ модели определения курса формирующейся общей валюты для группы стран. Практическая значимость исследования заключается в обосновании рекомендаций для участников биржевой торговли валютой и органов кредитно-денежного регулирования в развивающихся странах по оптимизации портфеля активов.

В статье показано, что падение курса национальной валюты не всегда обеспечивает стимулирование экспорта. В случае стран БРИКС новая коллективная валюта могла бы обеспечить минимизацию потерь, которые несут эти страны вследствие изменения курсов их национальных валют к доллару США.

1. *Авдокушин Е.Ф., Иванова В.Н.* Инклюзивное развитие: основные направления, базовые предпосылки и возможные ограничения // Вопросы новой экономики. 2014. № 3 (31). С. 4–13.
2. *Del Duca L.F.* Developing Global Transnational Harmonization Procedures for the Twenty-First Century: The Accelerating Pace of Common and Civil Law Convergence // Texas International Law Journal. 2007. Vol. 3. № 42. P. 625–660.
3. *Хейфец Е.А.* Перспективы институционализации БРИКС // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 25–42.
4. *Давыдов В.М.* БРИКС. Достижения и задачи нового этапа // Вестник Финансового университета. 2015. № 5. С. 13–18.
5. *Cohen B.J.* The Benefits and Costs of an International Currency: Getting the Calculus Right // Open Economies Review. 2012. Vol. 1. № 23. P. 16–17.
6. *Robleh D.A., Haldane A.G., Nahai-Williamson P.* Towards a Common Financial Language // Bank of England Speeches. 2012. № 552. P. 5.
7. *Goldberg L.S., Cédric T.* Vehicle Currency Use in International Trade // Journal of International Economics. 2008. Vol. 76. № 2. P. 177–192.
8. *Красавина Л.Н.* Концепция регионального экономического и валютного союза: отличие от теории оптимальных валютных зон // Деньги и кредит. 2015. № 7. С. 33–40.
9. *Арапова Е.Я.* Азиатская валютная единица: в поисках оптимальной структуры валютной единицы // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 1. С. 40–51.
10. *Johnson J.* The Russian Federation: International Monetary Reform and Currency Internationalization. The BRICS and Asia, Currency Internationalization and International Monetary Reform. 2013. № 3. P. 6–15.
11. *Луцев С.И.* Страны БРИКС в процессах глобализации // Сравнительная политика. 2014. № 3. С. 81–108.
12. *Galvão M.* Brand BRIC brings change // The World Today. 2010. Vol. 66. № 8–9. P. 13–15.

Российский Дальний Восток

Новые перспективы экономического сотрудничества Республики Корея и Российской Федерации на Дальнем Востоке

© 2019

Сонг Бьонг Джик

Политика правительства Республики Корея (РК) направлена на устойчивое обеспечение своей экономики ресурсами с Дальнего Востока (ДВ), и более того, она стремится открыть путь из Южной Кореи в Европу. Реализация совместных проектов в формате «Российская Федерация – Республика Корея – Корейская Народно-Демократическая Республика» связана с потенциалом сотрудничества наших стран на ДВ. В результате экономическое сотрудничество между Республикой Корея и Россией на Дальнем Востоке позволит как способствовать их совместному развитию, так и обеспечить их безопасность.

Ключевые слова: положение на Корейском полуострове, трехсторонние проекты, евроазиатский железнодорожный проект, потенциал Дальнего Востока, обеспечение ресурсами, внешняя торговля Дальнего Востока.

DOI: 10.31857/S013128120006101-2

Главным фактором, затрудняющим реализацию проектов сотрудничества между Южной Кореей и РФ, является напряженность на Корейском полуострове. Однако события последних месяцев позволяют говорить о наметившейся тенденции примирения Севера и Юга Кореи.

27 апреля 2018 г. главы двух корейских государств Ким Чен Ын и Мун Чжэ Ин встретились на границе в южной части демилитаризованной зоны, а затем глава КНДР перешел границу Южной Кореи. Такого не было за всю историю существования двух Корей.

Впоследствии состоялось еще две встречи лидеров двух стран. По итогам последней встречи, прошедшей в Пхеньяне в сентябре 2018 г., было подписано совместное заявление о намерениях продолжать усилия по избавлению Корейского полуострова от ядерного оружия и угрозы войны. Кроме этого, министры обороны двух стран подписали соглашение по конкретным мерам предотвращения столкновений и обеспечения безопасности.

Примером смягчения напряженности может служить отмена совместных американско-южнокорейских военных маневров, которые, что вполне понятно, вызывали боль-

шую обеспокоенность в Пхеньяне. Значимыми событиями стали и совместные выступления спортсменов двух стран на Олимпийских играх в Пхёнчхане, а также обмены в культурной сфере.

К сожалению, о каком-либо прогрессе в сфере экономического взаимодействия говорить не приходится из-за введенных против КНДР санкций. И все-таки можно с осторожным оптимизмом отметить тенденцию нормализации ситуации на полуострове и сближения сторон. В перспективе это может положительно отразиться на взаимовыгодном сотрудничестве РФ и РК на Дальнем Востоке и сделать трехсторонние проекты более жизнеспособными.

Ведущим проектом, который сможет реально сблизить Россию, КНДР и Южную Корею, а также внести вклад в укрепление мира и безопасности в регионе, является инициатива по объединению в единую транспортную сеть железных дорог трех стран. В результате усилий Южной Кореи и России КНДР согласилась на реализацию «евроазиатского железнодорожного проекта» с участием Юга, Севера Кореи и России. Этот железнодорожный проект является ключевой составляющей «Евроазиатской инициативы»¹. Таким образом, данное взаимодействие, где предусматривается участие РФ, КНДР и Южной Кореи, позволит одновременно решить проблемы безопасности, активизации экономического сотрудничества и объединения Корейского полуострова.

В сентябре 2017 г. на Восточном экономическом форуме (ВЭФ) Мун Чжэ Ин предложил принцип «девяти мостов» как развития двусторонних отношений в следующих сферах: природный газ, электроэнергетика, железные дороги, порты, судостроение, сельское и рыбное хозяйство, северный морской путь, создание рабочих мест². Этот принцип содержит проекты, которые Южная Корея заинтересована реализовать на Дальнем Востоке. Три из них – природный газ, электроэнергетика и железные дороги, связаны с трехсторонними проектами с участием Южной Кореи, Северной Кореи и России. При этом от осуществления проектов строительства железных дорог выиграли бы все страны Евразийского континента. Прежде всего нужно соединить Транскорейскую магистраль (ТКМ) с Транссибирской магистралью (ТСМ). Тогда товары из Республики Корея можно было бы перевозить по Транссибу до Европы.

Корея придает серьезное значение принципу «девяти мостов». Часть из этих проектов уже довольно активна³. Например, энергетический: Корея получила из России в 2017 г. 13 млн тонн нефти, 26 млн тонн угля⁴. Кроме того, постепенно начинают действовать «мосты» в области медицины, туризма и аквакультуры⁵.

Главный потенциал Дальнего Востока состоит в богатых природных ресурсах региона. Но чтобы эффективно использовать этот потенциал, необходимо создать транспортную инфраструктуру, связывающую РФ и РК.

Рассмотрим потенциал сотрудничества между нашими странами в сфере железнодорожного сообщения. Железнодорожный транспорт обладает следующими преимуществами: более низкая стоимость проезда на дальние (свыше 25–35 км) расстояния, возможность попасть на промежуточные станции, где нет автомобильного сообщения, безопасность транспорта, сохранение льготного проезда, наибольшая вместимость, отсутствие зависимости от погодных условий⁶. В этой сфере типичным является проект соединения ТКМ и ТСМ. Этот проект имеет большое значение для соединения Корейского полуострова со странами Европы. Подробные материалы об этом представлены в табл. 1.

Как можно видеть в табл. 1, возможны разнообразные маршруты железной дороги, соединяющей Корейский полуостров через территорию России с Европой. В настоящее время особого внимания заслуживают так называемые восточный и западный маршруты. В реализации первого варианта (российского варианта, или восточного маршрута) проекта заинтересованы Россия и КНДР, второй вариант (китайский вариант, или западный маршрут) продвигается Китаем и поддерживается Республикой Корея.

Таблица 1

Варианты соединения Транскорейской и Транссибирской магистралей

Вариант магистралей	Порядок маршрута	Железнодорожный маршрут
Российский вариант (1-й вариант)	Первый маршрут (Восточный маршрут)	Пусан (РК) — Сеул (РК) — Раджин (КНДР) — Хасан (Россия) — страны Европы
		Транскорейская и Транссибирская магистраль
Китайский вариант (2-й вариант)	Второй маршрут (Западный маршрут)	Пусан (РК) — Сеул (РК) — Раджин (КНДР) — Хасан (Россия) — Уссурийск (Россия) — Харбин (КНР) — страны Европы
		Транскорейская, Трансмандчжурская и Транссибирская магистраль
	Третий маршрут (Западный маршрут)	Пусан (РК) — Сеул (РК) — Пхеньян (КНДР) — Синьджу (КНДР) — Шэньян (Китай) — Пекин (Китай) — Улан-Батор (Монголия) — страны Европы
		Транскорейская, Транскитайская, Трансмонгольская и Транссибирская магистраль

Источник: Транскорейская магистраль: проблемы и перспективы // Службу Отечеству: Март 2014.

Каждый из предложенных вариантов прохождения железной дороги имеет свои достоинства и недостатки. Китайский вариант позволит больше расширить китайско-южнокорейскую торговлю. Однако в этом случае дорога должна пересекать несколько границ. Одним из преимуществ восточного маршрута, т.е. российского варианта, является прохождение грузов на протяжении более 12 тыс. км с Дальнего Востока до Европы без пересечения границ по единому транспортному праву. Однако Россия должна модернизировать свою портовую инфраструктуру и Транссиб, для чего потребуются колоссальные инвестиции.

Проблемы при реализации проектов

Каждая из стран стремится, прежде всего, к обеспечению своих интересов. Китай заинтересован в получении выхода к морю своих северо-восточных провинций. КНДР – в том, чтобы не только иметь возможность транспортировать транзитные грузы, но и развивать за счет транспортной инфраструктуры всю экономику. Республика Корея заинтересована в том, чтобы получить наземный путь к Евроазиатскому континенту и смягчить напряжение на Корейском полуострове, а Россия – в увеличении грузового потока по Транссибу и развитию своего дальневосточного региона.

Тем не менее, несмотря на определенное совпадение интересов четырех стран, проект столкнулся с рядом проблем, в первую очередь – с «политической нестабильностью Северной Кореи». По этой причине правительство РК не может начинать строительство Транскорейской магистралей. Тем не менее, магистраль нужна, она будет способствовать безопасности как России и Китая, так и РК, и восстановлению экономических связей между КНДР и РК. В этом смысле реализация проекта в российском варианте имеет огромное политическое и экономическое значение для всех участников. Таким образом, с учетом взаимной заинтересованности России, КНДР, Китая и РК в реализации проекта и стабильности в регионе, стороны должны работать над тем, чтобы наличие двух вариантов ТКМ не стало поводом для соперничества и конкуренции, а открыло новые перспективы сотрудничества и взаимодействия.

Перспективы российско-южнокорейского сотрудничества на Дальнем Востоке

Потенциал российско-южнокорейского сотрудничества на Дальнем Востоке важно рассмотреть с трех точек зрения:

1. Обеспечение ресурсами (например, нефть и газ, уголь, морская рыба и т.д.) для развития южнокорейской экономики.

2. Необходимость международного сотрудничества с другими странами мира при развитии Дальнего Востока.

3. Создание фондов для сотрудничества наших стран.

Рассмотрим потенциал сотрудничества между обеими странами с первой точки зрения. Сферой, в которой РК и РФ смогут успешно сотрудничать, являются природные ресурсы. Здесь Россия и Южная Корея могут сотрудничать по многим направлениям: привлечение инвестиций из Южной Кореи в освоение региональных углеводородных ресурсов – как в геологоразведку и добычу, так и в дальнейшую переработку; участие РК в инфраструктурных проектах по экспорту нефти, газа и угля с Дальнего Востока в Южную Корею⁷. Корейский бизнес активно участвует в шельфовых проектах «Сахалин-1» и «Сахалин-2» в качестве подрядчиков и субподрядчиков⁸. Samsung инвестирует в развитие инфраструктуры Углегорского порта на западном побережье Сахалина с целью увеличения экспортных поставок твердого топлива⁹.

Со второй точки зрения, международное сотрудничество стран мира необходимо для развития Дальнего Востока, потому что для совершенствования инфраструктуры необходимы иностранные инвестиции. Кроме того, без спроса в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) невозможны добыча и экспорт природных ресурсов, соответствующие стратегии экономического развития на ДВ России. На долю участников Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) – ключевой организации в Азиатско-Тихоокеанском регионе приходится почти 60% глобального ВВП и 40% населения мира¹⁰. Таким образом, потенциал сотрудничества РК и РФ на ДВ может реализоваться при тесном международном сотрудничестве стран мира.

С третьей точки зрения, потенциал сотрудничества на ДВ повышается путем создания фондов для сотрудничества наших стран. Россия и Южная Корея планируют создать «совместную инвестиционную платформу», т.е. систему межбанковского сотрудничества. 13 ноября 2013 г. в Сеуле «Эксимбанк» договорился с Внешэкономбанком (ВЭБ) о финансовом сотрудничестве на сумму 2,5 млрд долл. для выхода корейских компаний на территорию Дальнего Востока¹¹. Кроме того, «Эксимбанк» и банк ВТБ, а также Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ)¹² и Корейская инвестиционная корпорация (КИС)¹³ заключили меморандум о создании совместной инвестиционной платформы, согласно которому стороны планируют осуществлять вложения денежных средств в компании и проекты, способствующие развитию внешнеторгового и инвестиционного сотрудничества между странами.

В частности благодаря совместной инвестиционной платформе, можно ожидать успешного совместного строительства крупных заводов по производству сжиженного природного газа на Ямале и российском Дальнем Востоке, развития инфраструктуры Северного морского пути в интересах поставок углеводородов и уникальной возможности развивать российское судостроение на Дальнем Востоке.

Торговля между Дальним Востоком России и Южной Кореей

Чтобы оценить потенциал сотрудничества наших стран на Дальнем Востоке, рассмотрим состояние торговли между этим регионом России и Республикой Корея. Прежде всего, исследуем динамику торговли между ДВ России и РК в 2006–2018 гг. и доли торговли между ДВ и РК в общем объеме торговли между РФ и РК (табл. 2).

Таблица 2

Динамика торговли товарами между Дальним Востоком (ДВ) России и Республикой Корея, 2006–2018 гг., млрд долл., %

Год	Экспорт в РК			Импорт из РК			Товарооборот			Темпы прироста товарооборота (%)	
	ДВ	Россия	ДВ / Россия (%)	ДВ	Россия	ДВ / Россия (%)	ДВ	Россия	ДВ / Россия (%)	ДВ	Россия
2006	0,8	4,6	17,4	1,6	5,2	30,8	2,4	9,8	24,5	—	—
2007	4,1	7,0	58,6	1,3	8,1	16,0	5,4	15,1	35,8	125,0	54,1
2008	5,1	8,3	61,4	0,7	9,7	7,2	5,8	18	32,2	7,4	19,2
2009	3,7	5,8	63,8	0,4	4,2	9,5	4,1	10	41,0	-29,3	-44,4
2010	4,7	9,9	47,5	0,8	7,8	10,3	5,5	17,7	31,1	34,1	77,0
2011	8,5	10,9	77,9	1,3	10,3	12,6	9,8	21,2	46,2	78,2	19,8
2012	8,4	11,4	73,7	1,9	11,1	17,1	10,3	22,5	45,8	5,1	6,1
2013	8,4	11,5	73,0	1,5	11,1	13,5	9,9	22,6	43,8	-3,9	0,4
2014	9,1	15,7	57,9	1,1	10,1	10,9	10,2	25,8	39,5	3,0	14,2
2015	5,8	11,3	51,3	0,4	4,7	8,5	6,2	16,0	38,8	-39,2	-37,9
2016	0,7	8,6	8,1	0,2	4,8	4,2	0,9	13,4	6,7	-85,5	-16,3
2017	6,1	12,0	50,8	0,9	6,9	13,0	7,0	18,9	37,0	677,8	41,0
2018	9,2	17,5	52,6	0,6	7,3	8,2	9,8	24,8	39,5	40,0	31,2

Источник: Статистика внешней торговли, Дальневосточное таможенное управление Федеральной таможенной службы РФ. URL: <http://dvfu.customs.ru/> / Корейская международная торговая ассоциация.

URL: <http://stat.kita.net/stat/istat/OtherMain.screen?ctrGb=RU> / Таможенная служба Республики Корея. URL: <https://unipass.customs.go.kr:38030/ets/>

Дальний Восток России занимает в среднем около 35% общего товарооборота между РК и РФ¹⁴. Это говорит о том, что дальневосточный регион играет значительную роль в торгово-экономическом сотрудничестве России и Южной Кореи. Если будет построена Транссибирская железнодорожная магистраль, в том числе Транскорейская магистраль, будет возможен рост товарооборота между РК и остальными регионами России, кроме Дальнего Востока. Объем экспорта с ДВ РФ в РК занимает в среднем около 53% от общего объема экспорта из России в РК, а объем импорта — около 13%¹⁵. Судя по этим показателям, экспорт с ДВ РФ в РК в 4 раза больше импорта из РК на ДВ РФ. Львиная доля экспорта из дальневосточного региона в РК приходится на природные ресурсы. Например, товарооборот Приморского края с Республикой Корея в 2013 г. увеличился по сравнению с 2012 г. на 17% и составил 2,3 млрд долл.¹⁶ Экспорт из Приморского края в РК вырос на 70%, основные объемы экспорта в 2013 г. пришлось на нефть и нефтепродукты — 42%¹⁷. Это свидетельствует о том, что разработку природных ресурсов на Дальнем Востоке можно считать потенциалом торгово-экономического сотрудничества между нашими странами.

Насколько велика экономическая значимость Южной Кореи для Дальнего Востока? На этот вопрос можно ответить, исследуя сегодняшний объем торговли между ними по сравнению с другими странами. В табл. 3 отражен удельный вес стран-контрагентов во внешней торговле Дальнего Востока в 2018 г. Этот материал позволяет рассмотреть вопрос о том, каков вклад Южной Кореи в торговлю Дальнего Востока со странами мира.

Таблица 3

Удельный вес стран-контрагентов во внешней торговле Дальнего Востока в 2018 г.

Экспорт		Импорт		Товарооборот	
Республика Корея	32,5%	Китай	53,5%	Китай	28,4%
Китай	22,8%	Республика Корея	8,9%	Республика Корея	28,2%
Япония	21,7%	Япония	7,8%	Япония	19,2%
Бельгия	8,2%	США	6,5%	Бельгия	6,8%
Индия	2,7%	Германия	1,8%	Индия	2,3%
Израиль	1,7%	Прочие	21,5%	США	1,4%
Прочие	10,4%			Израиль	1,4%
				Прочие	12,3%
Всего	100%	Всего	100%	Всего	100%

Источник: Статистика внешней торговли / Дальневосточное таможенное управление Федеральной таможенной службы РФ. URL: <http://dvtu.customs.ru>

Как можно видеть, по внешнеторговому обороту между странами-контрагентами и регионами ДВ в 2018 г. 1-е место занимает Китай (9 801 млн долл., 28,4%), 2-е — Республика Корея (9 721 млн, 28,2%) и 3-е — Япония (6 615 млн долл., 19,2%). Но разницы между этими тремя странами почти нет, а их общая доля составляет 76%. Это свидетельствует о том, что Япония, Республика Корея и Китай оказывают абсолютное влияние на внешнюю торговлю ДВ РФ.

Основные торговые партнеры в экспорте Дальнего Востока — Республика Корея (9 158 млн долл., 32,5%), Китай (6 440 млн, 22,8%) и Япония (6 121 млн, 21,7%), а в импорте — Китай (3 360 млн, 53,5%), Республика Корея (563 млн, 9%) и Япония (493 млн долл., 7,8%). Таким образом, Южная Корея имеет высокий потенциал в качестве торгового партнера для ДВ РФ.

Итак, очевидно, что именно в регионе Дальнего Востока в настоящее время сосредоточены интересы обеих стран. Россия может экспортировать природные ресурсы, а Южная Корея их использовать. Поэтому для успехов двусторонних проектов экономического сотрудничества важным фактором является создание структуры взаимной выгоды. И наиболее подходящей сценой для этого является как раз Дальний Восток. В этом регионе, кроме природных ресурсов, перспективным является сотрудничество в таких сферах, как альтернативные и возобновляемые источники энергии, туризм, сельское хозяйство и биоэнергетика, космонавтика, робототехника, IT-технологии и др. В частности, в сфере альтернативных и возобновляемых источников энергии Южная Корея обладает большим полезным опытом. Таким образом, Россия и Республика Корея должны задуматься над тем, какой подход является для двух стран наиболее эффективным для достижения в будущем еще больших результатов сотрудничества на Дальнем Востоке. При этом для развития региона необходимы постоянная заинтересованность и поддержка правительств обеих стран.

1. Впервые Пак Кын Хе обнародовала свою «евроазиатскую инициативу» в октябре 2013 г., назвав ее целью создание единого транспортного коридора Silk Road Express (идущего от южнокорейского Пусана до Лондона через территорию Северной Кореи и России) и реализацию масштабных энергетических проектов в РФ, среднеазиатских республиках и КНР.

2. URL: <https://rg.ru/2018/06/21/mun-chzhe-in-rasskazal-o-perspektivah-sotrudnichestva-rossii-rk-i-kndr.html>.
3. Эксперт Урал. 2018. № 27. С. 30.
4. Там же.
5. Там же.
6. *Кобылицкий А.Н.* Формирование рынка транспортных услуг Дальневосточного федерального округа в сфере пригородных железнодорожных перевозок. Хабаровск, 2012 г. С. 79.
7. *Суслина С.С.* Саммит АТЭС и экономическое сотрудничество России и Республики Корея на Дальнем Востоке / Мировое и национальное хозяйство / МГИМО (У) МИД России. 2012. № 3 (22).
8. URL: http://www.eastrussia.ru/material/investiruyte_v_dalniy_vostok/
9. Там же.
10. *Суслина С.С.* Указ. соч.
11. URL: http://www.newsis.com/pict_detail/view.html/?pict_id=NISI20131113_0008966808.
12. Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) — 100%-ная дочерняя организация Внешэкономбанка, инвестиционный фонд, созданный для привлечения иностранных инвестиций в лидирующие компании наиболее быстрорастущих секторов российской экономики.
13. Корейская инвестиционная корпорация (Korea Investment Corporation, KIC) является фондом национального благосостояния республики и специализируется на зарубежных инвестициях. KIC создана правительством, но функционирует на коммерческой основе.
14. Статистика внешней торговли / Дальневосточное таможенное управление Федеральной таможенной службы РФ. URL: <http://dvtu.customs.ru>.
15. Там же.
16. URL: http://primorsky.ru/news/common/62433/?sphrase_id=1423080.
17. Там же.

Российское китаеведение

Из воспоминаний

© 2019

А.И. Картунова

Автор делится воспоминаниями о встречах с некоторыми руководящими деятелями КПК в 1950-е годы. Параллельно даются как их личностные характеристики, так и краткие оценки состояния советско-китайских отношений того периода.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, сектор Дальнего Востока Отдела внешней политики ЦК КПСС, Лю Шаоци, Сун Цинлин, Ян Сяньчжэнь.

DOI: 10.31857/S013128120006102-3

По окончании в 1947 г. Московского института востоковедения (китайский сектор) первым местом моей работы как китаиста был НИИ № 205, в который я была зачислена в качестве переводчика, затем младшего референта.

С середины 1945 г. решением ЦК ВКП (б) на этот институт были возложены задачи организовать информацию по коммунистическому, рабочему, женскому, национально-освободительному, кооперативному и крестьянскому движению, а также обслуживание соответствующих организаций необходимыми справочными материалами. Институт находился при структуре Отдела внешней политики ЦК ВКП (б) в качестве информационного его центра.

В НИИ № 205 я проработала всего шесть месяцев, до марта 1948 г., когда он был закрыт, и меня перевели на ту же должность в Отдел внешней политики ЦК ВКП (б), в сектор стран Дальнего Востока — Китай, Корея, Монголия и Япония, заведующим которого был Е.Ф. Ковалев.

В круг моих обязанностей время от времени входила и работа с делегациями китайских коммунистов, приехавших в Москву, а также выполнение небольших заданий руководства Отдела ЦК, связанных с личными контактами с некоторыми из руководящих деятелей КПК.

Ниже предлагаю читателю воспоминания о контактах с Лю Шаоци и работе с Сун Цинлин и Ян Сяньчжэнем, впечатления о них как о личностях, особенностях в их поведении и других запомнившихся чертах при беседах с ними, не касаясь биографии, поскольку персонажи широко известны читателю, а также свои ощущения при разных ситуациях во время работы с ними.

Эти контакты проходили в разное время и в разной обстановке в нашей стране и в Китае, поэтому не могу удержаться от кратких упоминаний своей оценки событий тех дней в обеих странах.

О встречах с Лю Шаоци в Москве и Пекине

Прежде чем писать о встречах с Лю Шаоци в Москве, хотелось бы поведать об обстоятельствах знакомства с его книгой в январе–феврале 1948 г.

Где-то в январе 1948 г. директор НИИ № 205 Н.Н. Пухлов пригласил меня и протянул небольшую книжку на китайском языке, сопроводив заявлением, что Институт получил задание отдела ЦК подготовить аннотацию на эту книгу. Выразив надежду, что я справлюсь с этой работой, спросил, сколько времени мне понадобится для выполнения этого задания, и добавил: аннотация должна быть подробной. Мне дали месяц для ее подготовки.

Это была книга Лю Шаоци «Лунь гунчаньданюань дэ сюань» («О работе коммуниста над собой») в мягком бумажном переплете, объемом страниц 120. Текст книги политический и теоретический, и с лексикой больших проблем не было. Работу я выполнила в срок. Дней через десять Н.Н. Пухлов сообщил мне, что аннотацию в Отделе ЦК «оценили положительно». После этого он сказал несколько лестных слов по поводу выполненного мною задания, а я, в свою очередь, выразила удовлетворение, что не подвела его.

Как-то примерно в начале июля 1949 г., когда я уже более года работала в Отделе внешней политики ЦК КПСС, завсектором Отдела Е.Ф. Ковалёв сказал, чтобы я немедленно зашла к завотделом В.Г. Григорьяну. Когда я пришла в его кабинет, он предложил присесть и у нас произошел следующий диалог, если его так можно назвать:

— В Москве секретно находится делегация ЦК КПК во главе с товарищем Лю Шаоци. Вы, конечно, знаете какой пост он занимает в КПК.

— Да.

— Вы сейчас поедете в их резиденцию и скажите тов. Лю Шаоци... (то-то и то-то).

— Да.

— Затем спросите у Лю Шаоци... (то-то и то-то).

— Да.

— Вы все запомнили?

— Да.

— По возвращении доложите мне о результатах поездки. И наказал: это Вам секретное задание, и о вашей поездке и с кем встречались никому не говорите.

Здесь стоит заметить, что на спецквартирах и в спецособняках ЦК ВКП (б) имелись телефоны ВЧ-связи (их почему-то в разговорах наши сотрудники называли «кремлевские вертушки»), все же предпочтительным считался личный контакт с делегациями, которые курировал Отдел ЦК, часто прибывавшими в Москву нелегально. Это касалось и делегации во главе с Лю Шаоци, поскольку до окончания гражданской войны в Китае и провозглашения КНР 1 октября 1949 г. оставалось еще три месяца.

Выйдя из кабинета завотделом, я пыталась вспомнить все, что знала в то время о Лю Шаоци. Фамилии других членов делегации В.Г. Григорьян не назвал.

Минут через 5–7 я уже садилась в ожидавшую меня машину.

Приезжаю по указанному адресу (шоферы, обслуживающие Отдел ЦК, хорошо знали местоположение спецобъектов). Это был белый особняк с колоннами в переулках старого Арбата. Охрана была предупреждена и машину, в которой я приехала, пропустили без задержки. Захожу в дом. В гостиной — Лю Шаоци, которого я сразу узнала, так как видела не раз его фотографии, и Гао Ган¹. Я представилась: моя фамилия Картунова. Приехала к вам по заданию заведующего Отделом ЦК тов. Григорьяна. Они подошли

и пожали мне руку. Потом по приглашающему жесту Лю Шаоци, обращенному ко мне, я присела и вступила в обычный для начала разговор.

Выполнив поручение В.Г. Григорьяна, я спросила, опять-таки по его поручению, нет ли у уважаемых высоких гостей каких-либо пожеланий по пребыванию в Москве. Лю Шаоци поблагодарил и сказал, что в Москве созданы все благоприятные условия для работы и отдыха, никаких пожеланий высказано не было. Мой визит в этот особняк был окончен.

А теперь о первых впечатлениях о Лю Шаоци, о том, как он выглядел внешне. Лю Шаоци был довольно высокий, элегантный, интеллигентный китаец с лицом, пожалуй, ученого. Выражение лица редко менялось. Серьезен и подтянут, что называется у нас на Руси, «застегнут на все пуговицы», в прямом и переносном смысле. В 1921 г. был одним из первой группы молодых китайцев социалистической ориентации, приехавших на учебу в Москву в КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока), о чем я в то время еще не знала, поскольку все документы ВКП (б) и Коминтерна такого порядка были засекречены. Несмотря на то, что учился он в Москве сравнительно недолго, всего семь месяцев, безусловно, изучал русский язык. Но к тому времени, о котором идет речь, видимо, основательно его подзабыл. И всегда говорил только на родном языке.

Гао Ган был примерно того же роста, но полней, чем Лю Шаоци, с лицом, покрытым мелкими рябинками, вероятно, оставленными от заболевания оспой, по внешнему поведению выглядел мужчиной склонным к шуткам. В целом внешне и по манерам был, пожалуй, полной противоположностью главы делегации.

Вернувшись в Отдел, доложила В.Г. Григорьяну об этом визите, подробно передала ответы Лю Шаоци на интересовавшие заводделом вопросы. Казалось, Григорьян был удовлетворен. В раздумье сказал: «Хорошо. В ближайшее время, если будете отлучаться, чтобы мы знали, где Вы находитесь».

Подобные задания заведующего Отделом ЦК, связанные с контактами с Лю Шаоци, в последующем я выполняла несколько раз.

После второго приезда в знакомый особняк, когда уже выполнила задание заводделом ЦК и собиралась уходить, сказала: «Товарищ Лю Шаоци, а я читала Вашу книгу «О работе коммуниста над собой»». Он помолчал несколько секунд, потом спросил: «А разве она переведена на русский?» Ответила, что читала эту книгу на китайском языке. Об аннотации на книгу я, конечно, не упомянула. Помолчав, Лю Шаоци снова задал вопрос: «Тебе, как молодому китаюцу, что-нибудь было интересно в этой книге?» Отвечая на этот вопрос довольно подробно, изложила, что именно для меня было интересно. «Но главной Вашей заслугой, как автора книги, я думаю, является то, что Вы смогли сложные политические и теоретические понятия и термины изложить в форме понятной для китайского коммуниста любой степени грамотности». Оказалась, что этой короткой беседы было достаточно, чтобы для начала установился хотя бы какой-то обычный контакт за пределами официального разговора.

Перед прощанием Лю Шаоци спросил, где я изучала китайский язык и, услышав ответ, сказал: «Это хорошо (что он под этим «это» имел в виду, было неясно). Вам нужно съездить в Китай. Как только окончательно победит народная революция, Вы обязательно побывайте в нашей стране». Я поблагодарила Лю Шаоци и сказала, что мечтаю познакомиться с Китаем и, как только представится возможность, с удовольствием ею воспользуюсь.

Однажды где-то пополудни В.Г. Григорьян срочно вызвал меня для очередного небольшого поручения. Речь шла о двух вопросах, о которых я должна была уведомить Лю Шаоци.

Примерно через полчаса я уже была в знакомом особняке. На этот раз мое пребывание там несколько затянулось из-за приглашения Лю Шаоци пообедать с ними. Минут через пять после моего приезда прибыл и Ван Цзясян (будущий первый посол КНР

в СССР). Так что присутствовала вся делегация. За столом говорили в основном о Москве (Ван Цзясян в 1920-х годах также учился в нашей столице), о расширившемся новыми станциями московском метро, иногда задавали мне вопросы. Но речь не о том. Лю Шаоци за обедом мало говорил, был, видимо, чем-то озабочен или на чем-то основательно сосредоточен (возможно, на вопросах предстоящей встречи), как всегда, не шутил и не смеялся. В Москве я его не видела даже улыбающимся.

По возвращении в Отдел обо всем доложила В.Г. Григорьяну, никаких вопросов он не задал, как-то отрешенно, неизвестно, в связи с чем, сказал: «Это хорошо, спасибо» (обычно он никогда не говорил мне «спасибо»). Видимо, он куда-то торопился и, возможно, готовился к какой-либо встрече.

Вскоре я случайно познакомилась в санатории «Барвиха» с дочкой Лю Шаоци — Лю Айцин, которая в компании с Чжу Мин, дочкой Чжу Дэ, приехала в Москву из интернационального детского дома в Иваново. Мы провели примерно час в парке этого санатория в ожидании писем и посылки, которые привез кто-то из Китая. Обе девушки были в хорошем настроении, шутили и весело смеялись.

Совсем другим я увидела Лю Шаоци при двух встречах в Китае — в 1954 г. В том году делегация советской молодежи была приглашена в КНР на празднование 35-й годовщины антиимпериалистического «Движения 4 мая» 1919 г. В ее состав входили секретари ряда республиканских, областных и городских организаций ВЛКСМ, молодые артисты Большого театра, солист оперы Володя Отделенов, балетный дуэт, знаменитый в будущем дирижер, композитор и пианист Е.Ф. Светланов. Отдел ЦК подключил в эту делегацию и меня. Это была моя первая поездка в Китай, поэтому запомнилась навсегда.

Советская делегация посетила Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, ряд промышленных предприятий, некоторые деревни как под Пекином, так и на юге Китая, состоялось множество встреч с большими массами китайской молодежи — студенчеством, молодыми рабочими и крестьянами. Наша делегация провела в Китае целый месяц.

Но вернемся к воспоминаниям о Лю Шаоци. К сожалению, я не помню точно, было это на привокзальной площади в Мукдене (делегация ехала в Китай на поезде, и по пути к Пекину, в Маньчжурии, нас встречала молодежь ряда городов, и прямо на привокзальных площадях возникали митинги, на которых местная молодежь приветствовала делегацию), или это происходило на привокзальной площади в Пекине. Наша делегация вышла из поезда и сразу попала в окружение тысяч приветствовавших нас молодых китайцев. Когда мы, остановившись, сгруппировались, вдруг подошел Лю Шаоци и, протянув мне руку, в начале улыбаясь, а потом громко и весело рассмеявшись, сказал на русском языке: «Товарищ Картунова! С приездом тебя в Китай! Как чувствуешь себя в этой долгой дороге?!» Я была приятно удивлена. Это был Лю Шаоци, каким в Москве я его ни разу не видела. После короткого обмена несколькими фразами Лю Шаоци сказал: «Мы еще встретимся в Пекине. До свидания, товарищ Картунова».

И действительно, в Пекине мы встретились. Руководство КПК уделяло нашей делегации много внимания. Так, перед нашим отъездом в Москву несколько руководящих деятелей КПК устроили прием в честь делегации советской молодежи. Вот там мы и встретились с Лю Шаоци. Нас принимали члены Политбюро Чжу Дэ, Дун Биу, Лю Шаоци и еще два члена руководства КПК. После беседы состоялся ужин. Когда застолье уже близилось к концу, подошел Лю Шаоци и пригласил меня к маленькому столику, стоявшему в углу зала у окна. Там мы присели и примерно минут 15 беседовали. Лю Шаоци спросил о впечатлении от поездки, о семье, о муже, о дочке Иринке-Ладик, о моей работе, расспросил о здоровье и работе всех, с кем встречался из Отдела ЦК, называя поименно. Просил всем им передать привет. Спросил о Москве, тепло ли уже там у нас. Я просто была поражена, какими разными сторонами своей человеческой природы он обладал. Прощаясь, он пожелал мне, по китайскому обычаю, долголетия, улыбнувшись при этом, успехов в работе и счастливой жизни. Спасибо, товарищ Лю Шаоци.

К тому времени имя Лю Шаоци как крупного политического деятеля КПК и китайского государства уже было широко известно советской общественности. В 1954–1959 г. кроме члена Политбюро и секретаря ЦК КПК, он являлся председателем ПК ВСНП. Лю Шаоци был искренним другом Советского Союза и не случайно стал первым председателем Общества китайско-советской дружбы, которое было создано в Пекине 5 октября 1949 г.

Храню память о Лю Шаоци с большим уважением, считаю большой удачей, что была знакома с такой крупной политической личностью Китая и человеком.

Полмесяца с Сун Цинлин в Москве

В ноябре 1957 г. в Советском Союзе широко отмечалась 40-я годовщина Октябрьской революции в России. К этой знаменательной дате был приурочен запуск первого в истории искусственного спутника Земли — плод гения советских ученых, инженеров, изобретателей, золотых рук рабочих, усилий целых коллективов научно-исследовательских институтов. Уже с первых чисел ноября в Москве царил поистине восторженное настроение, особый градус которого поднимал факт: вокруг Земного шара летал на огромной высоте и подавал сигналы первый советский искусственный спутник. Для нас, советских граждан, это невиданное событие было предметом национальной гордости, ведь это наша страна продемонстрировала новый успех планетарного масштаба. Вся международная печать в эти дни была заполнена новым, еще не всем понятным словом «спутник». За движением спутника с большим интересом наблюдали на всех континентах.

Тем временем Москва заполнялась гостями. На торжества по случаю 40-й годовщины Октября прибыли более ста зарубежных делегаций. С особым почетом встречали в Советском Союзе делегацию Китайской Народной Республики во главе с председателем ЦК КПК Мао Цзэдуном.

4 ноября Н.С. Хрушев принял главу китайской делегации Мао Цзэдуна и членов делегации. В тот же день (4 ноября) делегацию во главе с Мао Цзэдуном принял К.Е. Воршилов, затем Н.А. Булганин. Все это широко освещалось в советской печати.

А 1 ноября мне позвонил домой завсектором Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями стран социализма И.С. Щербаков.

В то время я уже не работала в этом Отделе, а была аспиранткой Академии общественных наук при ЦК КПСС. И.С. Щербаков попросил подъехать в Отдел по «важному делу». Часа через полтора я была в его кабинете. Он сообщил, что «вероятно, завтра, т.е. 2 ноября, в Москву прибывает партийно-правительственная делегация во главе с Мао Цзэдуном на празднование 40-й годовщины Октября. В состав делегации входит и Сун Цинлин. Руководство Отдела решило подключить Вас для работы с ней. Придется Вам на это время прервать занятия в академии и полностью переключиться на выполнение задания Отдела ЦК». «Ничего, потом наверстаете упущенное», — добавил он. Затем сказал, чтобы я зашла для более подробной инструкции к завотделом Б.Н. Пономареву.

Борис Николаевич предложил присесть, спросил, как у меня идут дела в академии, потом приступил к делу. Он характеризовал предстоящую мою работу как «весьма ответственное задание Отдела ЦК». «Ведь Вы знаете, кто такая Сун Цинлин? (еще бы я не знала! — А.К.) У Вас есть необходимый опыт, и я уверен, что Вы справитесь с этим заданием». Дал соответствующие наставления, определил примерный круг моих обязанностей. В заключение сообщил, что поставил в известность ректора АОН при ЦК КПСС Ю.П. Францова, что в течение 2-х недель я буду выполнять задание Отдела ЦК.

Вышла я из третьего подъезда здания ЦК не без волнения. А оснований для этого было более чем достаточно. Прежде всего, мне никогда до этого времени не случалось видеть Сун Цинлин. Далее, Сун Цинлин — южанка. Известно, насколько диалект южных провинций Китая отличается от пекинского. Я знала также, что она получила образова-

ние в США, следовательно, в совершенстве владеет английским. Неизвестно, на каком языке она будет общаться в Москве. И, наконец, самое главное, что вызывало почти тревогу, — это сознание того, что предстоит иметь дело с поистине легендарной личностью, крупным государственным и общественным деятелем, чье имя было широко известно во всем мире. Знала я и о выдающейся патриотической деятельности Сун Цинлин в годы антияпонской войны (1937–1945 гг.), ее вкладе в создание Единого национального антияпонского фронта. Когда Особый район (основная база китайских коммунистов) оказался в результате блокады чанкайшистскими войсками в тяжелейшем положении (1946 г.), Сун Цинлин организовала закупку медицинских препаратов, перевязочных средств, фрахта самолета и переправку всего этого из США в Особый район. Причем она вложила в это предприятие и свои личные средства. Известно мне было и о том, как высок был авторитет Сун Цинлин в мире уже после провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. Она представляла КНР во Всемирном совете мира и была удостоена Международной премии мира, в 1951 г. была удостоена международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», а в 1952 г. стала президентом Комитета афро-азиатской солидарности. Не стану перечислять всех заслуг и постов Сун Цинлин, интересующиеся могут узнать о них из литературы. Но и упомянутого было достаточно, чтобы волноваться: смогу ли я отвечать в общении с Сун Цинлин ее высоким требованиям? Признаюсь, за все годы моей практической работы в Отделе ЦК в общении с китайскими коммунистами я всегда чувствовала себя спокойно, выполняя свою обычную, как мне казалось, работу. Этот же случай был особым, и я находилась в напряженном ожидании встречи с Сун Цинлин.

2 ноября по приземлении самолета с китайской делегацией во «Внуково», как мне рассказал И.С. Щербаков, Сун Цинлин сразу увезли в ее резиденцию в Кремль. Кстати, государственный флаг КНР развевался в Кремле над ее резиденцией как заместителя председателя Постоянного Комитета ВСНП Китая, то есть представителя государства. Над резиденцией Мао Цзэдуна, находившейся также в Кремле, государственного флага не было, поскольку он возглавлял делегацию как председатель ЦК КПК.

На следующий день в 7.45 утра я уже была в резиденции Сун Цинлин. Кроме высокой гостьи и секретаря-телохранителя, молодого китайца лет 35, плотного телосложения (фамилию его теперь не вспомню) в этом помещении никого не было. 8.00 — бой часов, открывается дверь из покоев Сун Цинлин, и она, обращая ко мне на английском языке, приглашает в столовую к завтраку. У меня, как говорится в подобных случаях, отлегло на душе — значит общаться будем не на южно-китайском диалекте, который я просто-напросто совсем не понимаю, а на английском языке.

Так началось наше общение, которое продолжалось более двух недель изо дня в день. В первые два дня нашего общения, как мне казалось, Сун Цинлин как бы присматривалась ко мне. Но вскоре я освободилась от этого ощущения, и наше общение приобрело нормальный деловой характер.

Попытаться коротко дать портретную характеристику Сун Цинлин — дело безнадежное. Большое впечатление производила сама личность. Личность неординарная, сложная и, я бы сказала без преувеличения — крупная. Это ощущение не покидало меня при каждой встрече. Выражалось это в ее манере держаться, в характере и содержании предлагаемых ею в кратких беседах тем, в том, чем она была озабочена, чем она была занята за письменным столом в ранние утренние часы, когда сй ничто не мешало.

И все же, как выглядела Сун Цинлин? По нашим русским меркам она была ниже среднего роста. В 1957 г. ей было 67 лет. При этом она сохранила внешнее обаяние. На лице ни единой морщинки. Гладко затянутые черные блестящие волосы. Несмотря на возраст, она была красива какой-то спокойной и в то же время гордой красотой, причем она сама как бы никакого значения этому не придавала. Лицо Сун Цинлин озарилось редкой пленительной улыбкой. Носила она, как правило, закрытое национальное платье

ципао из плотного красивого, но не броского шелка, иногда надевала темно-синюю брючную пару, какую в то время в Китае носили все партийные и государственные деятели. Не припомню, чтобы Сун Цинлин когда-либо шутила. В то же время у нее часто звучали нотки мягкого, доброжелательного отношения к собеседнику.

Как мне рассказывала Сун Цинлин, режим ее дня был строго спланирован, и она придерживалась установленного распорядка многие десятилетия. Вставала в 4 утра, затем всевозможные гигиенические и оздоровительные процедуры. В 6 часов утра она всегда за рабочим столом. В 8 часов — завтрак. И далее — работа, заседания, встречи, выезды и пр. Такого же распорядка придерживалась Сун Цинлин и находясь в Кремле. В 7 часов вечера после ужина она закрывалась в своих покоях. Кончался ее рабочий день, и никто не должен был ее беспокоить. На ночь по просьбе Сун Цинлин ей оставляли один лимон, немного сахарного песка и одно сырое яйцо.

От прибытия делегации в Москву до открытия Совещания представителей коммунистических и рабочих партий² 14 ноября было время, заполненное торжественными заседаниями, посвященными 40-й годовщине Октября, различными встречами с коллективами трудящихся различных учреждений и предприятий Москвы, с деятелями культуры, посещениями некоторых промышленных предприятий и подмосковных совхозов и колхозов, культурными мероприятиями и др. В некоторых из них участвовала и Сун Цинлин, которую я постоянно сопровождала.

На всех встречах и приемах Сун Цинлин была в центре внимания, как самая выдающаяся женщина — государственный деятель Китая. И не только поэтому. Обращали на себя внимание ее краткие содержательные и нестандартные речи.

Наблюдая поступки, действия, высказывания Сун Цинлин, я видела перед собой человека высокого чувства долга и ответственности. Это относилось и к ее выступлениям. Всякий раз, когда предстояли какие-то выезды и встречи, она справлялась, нужно ли ей будет выступать. И, если от нее ожидали хотя бы какое-то краткое слово, она тщательно готовилась к выступлению.

Однажды, приехав в резиденцию Сун Цинлин, как всегда минут за десять до условленного времени, я застала ее в гостиной за просмотром журнала, в котором она делала какие-то пометки. После взаимных приветствий Сун Цинлин предложила мне присесть и немного подождать. А закончив работу и указывая на журнал (возможно, это была верстка) поведала, что откликнулась на просьбу редакции этого журнала дать согласие на то, чтобы ее имя стояло на обложке как учредителя. Журнал издавался для хуацяо (этнические китайцы, проживающие за рубежом). Авторитет Сун Цинлин был столь велик, что достаточно было ее имени как одной из учредителей журнала, чтобы привлечь к нему повышенное внимание. Думаю, что она это хорошо понимала и очень ответственно и бережно относилась к своему авторитету. Одним из свидетельств этого явился, в частности, описанный эпизод. Она с большим вниманием вычитывала и вносила правку в текст, не перепоручая кому-либо делать эту работу. Несмотря на большую занятость государственными делами, Сун Цинлин придавала большое значение этому журналу. КНР была еще молода и нуждалась в помощи в ее экономическом строительстве. А хуацяо представляли заметный резерв этой помощи, особенно проживавшие в странах бассейна Тихого океана, в том числе — в США.

С 1954 г. Сун Цинлин являлась председателем Общества китайско-советской дружбы. Она была большим искренним другом нашей страны и много сделала для укрепления дружбы народов двух стран. И естественно, что председатель ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей) Нина Васильевна Попова, пользуясь пребыванием Сун Цинлини в Москве, очень хотела пригласить ее в Дом дружбы, где располагалось Общество. Однажды Н.В. Попова позвонила мне и попросила «заскочить» ненадолго к ней в ВОКС в связи с предполагаемой встречей с Сун Цинлин в Обществе. Я приехала в тот же вечер и встретила с Ниной Васильевной. Зная, что у Сун Цинлин почти

все время вплоть до отъезда спланировано, Н.В. Попова спросила, на какой день удобно пригласить Сун Цинлин приехать в Общество. На это я ответила, что смогу ей сказать только на следующий день, предварительно переговорив с Сун Цинлин и просмотрев весь план пребывания ее в Москве. Второй вопрос был о подарке. Н.В. Попова отлично понимала, что удивить Сун Цинлин невозможно каким-либо подарком, да и не в этом дело. Она предложила варианты памятного подарка для Сун Цинлин. Ознакомившись со всем, что было на столе, я предложила остановиться на настольном чернильном приборе из уральских самоцветов, добавив, что в Китае нет таких камней. На этом подарке и остановились.

Сун Цинлин выразила согласие на приглашение Н.В. Поповой. Мы с Сун Цинлин нашли время в ее графике, когда она могла бы поехать в Дом дружбы, о чем я сообщила Н.В. Поповой. Сун Цинлин спросила, какая примерно будет аудитория, с которой ей предстоит встретиться и выступить с краткой речью.

В день приема хозяйка Дома дружбы заметно волновалась, несмотря на то, что встречалась с Сун Цинлин не раз на различных международных форумах. Вначале мы посидели втроем в кабинете Н.В. Поповой, где они с Сун Цинлин побеседовали минут 15. Затем Нина Васильевна пригласила высокую гостью в зал, где представила ее участникам встречи, на которую она пригласила известных ученых, литераторов, представителей артистического мира и других деятелей культуры. Были приглашены также знатные работники промышленности и сельского хозяйства, Герои социалистического труда.

Было несколько приветственных выступлений в адрес строящегося Китая и лично Сун Цинлин. Но все ждали, когда выступит гостя. Ее слова были о дружбе народов двух стран, но все говорилось настолько нестандартно, глубоко, убедительно и в то же время изящно, что по окончании ее выступления все участники встречи встали и устроили ей овацию.

Однажды, сидя за журнальным столиком в гостинной резиденции Сун Цинлин, мы с ней обсуждали план мероприятий, в которых предполагалось ее участие на ближайшие 2–3 дня. Вдруг она попросила выкроить в этих планах примерно час-полтора для встречи с Фаиной Бородиной, вдовой М.М. Бородин³, с которой она хорошо была знакома, и организовать встречу с ней. Встреча состоялась в Кремле, но в другом помещении. Зная, что в Кантоне они часто встречались, я сказала — спросила, что, мол, мне лучше оставить их наедине? Но Сун Цинлин попросила остаться. Присутствовали еще две женщины. Одна из них — молодая китаянка (возможно, из посольства КНР), другую я также не помню, кто она. Встреча Сун Цинлин и Ф. Бородиной была весьма теплой как давних хороших знакомых, которым было что вспомнить. Возможно, Ф. Бородин была примерно такого же возраста, что и Сун Цинлин. Но, в отличие от нее, — седовласая и очень рыхлополная. Сун Цинлин прежде всего справилась о здоровье Фаины и о двух сыновьях Бородиных, вспоминали о годах, проведенных в Кантоне с их сложностями и успешной работой там советских политических и военных советников, об Америке (Ф. Бородин как будто была американского происхождения) и пр. Встреча продолжалась около часа.

Наконец, 14 июля наступил день открытия Совещания представительниц коммунистических и рабочих партий. В то утро Сун Цинлин была бодрой и как-то особенно внутренне подтянутой. Она была единственной участницей международного форума коммунистов, не будучи в то время официально членом КПК.

Мы шли к залу заседаний, которые проходили в Георгиевском зале Кремля (в зал я, естественно, не заходила). Надо было видеть, с каким уважением окружали ее участники совещания. Сун Цинлин узнавали, многие руководители компартий подходили к ней поприветствовать и выразить свое почтение. Сун Цинлин ежедневно принимала участие в заседаниях Совещания, и я изо дня в день (6 дней) сопровождала ее к залу заседаний и встречала, чтобы довести до ее резиденции. Сун Цинлин страдала от болей в коленных суставах, особенно при спусках по ступенькам. В Кремле при спуске из зала

заседаний по беломраморному, довольно длинному спуску по ступенькам мы с ее телохранителем слегка поддерживали Сун Цинлин под руки. Она как-то стеснялась этого и молча переносила свой недуг.

Поскольку до опубликования сообщения о состоявшихся международных Совещаниях представителей коммунистических и рабочих партий о них нигде в средствах массовой информации не упоминалось, Сун Цинлин, следуя дисциплине, не рассказывала мне о содержании выступлений его участников и принятых на них документах.

Перед отъездом, когда у Сун Цинлин оставалось минут 30 свободного времени, она с удовлетворением коротко поделилась со мной о ее впечатлениях от пребывания в Москве. Сун Цинлин тепло простилась со мной, оставив неизгладимую память о многих днях работы с ней.

Незабываемые встречи с Ян Сяньчжэнем в Москве, Шанхае и Пекине

Наши первые контакты с профессором Ян Сяньчжэнем — известным китайским философом марксистского направления, теоретиком, педагогом, партийным деятелем впервые состоялись в 1954 г. при моей работе с делегацией работников партийных школ КПК, которую (делегацию) он возглавлял. Эта делегация из 6 человек прибыла в Москву для ознакомления с опытом работы партийных школ КПСС. В то время Ян Сяньчжэнь являлся заместителем директора Института марксизма-ленинизма ЦК КПК, а с августа 1955 г. по февраль 1961 г. — директором Высшей партийной школы ЦК КПК и секретарем парткома этой школы.

Накануне прибытия этой группы в Москву завсектором Отдела ЦК КПСС Е.Ф. Ковалёв сказал мне, что руководство Отдела возлагает на меня работу с этой делегацией на время пребывания ее в Москве, освобождая от всех других обязанностей. Я должна была сопровождать группу на беседы в разные организации, при необходимости выступать в качестве переводчика, а также заботиться об их бытовых нуждах и отдыхе (культурные мероприятия), докладывать, как прошли беседы, или лекции, которые организовывались для этой группы, какие главные вопросы задавали гости и вполне ли были удовлетворены ответами.

Размещалась эта группа в спецквартире на улице Горького (ныне Тверская) в доме № 9.

При первой же встрече с Ян Сяньчжэнем обращали на себя внимание высокий интеллект, глубокое знание обсуждаемых вопросов, спокойная неторопливая манера поведения. Позже я постоянно внутренне ощущала обаяние его личности, особенно в частных беседах с ним в конце рабочего дня, когда мы обсуждали с ним итоги прошедшего мероприятия и детали работы на следующий день. У Ян Сяньчжэня, видимо, был врожденный талант во время беседы создавать атмосферу комфорта — с его мягким взглядом, спокойной манерой разговора, дружеским расположением к собеседнику.

В то время Яну было 58 лет. Это был мудрый, добрый человек, работать с которым было одно удовольствие.

Характерно, что при всех встречах, беседах, лекциях члены делегации постоянно записывали все, что успевали, что для них было особенно важно и интересно из накопленного опыта работы КПСС. После каждой лекции и во время бесед члены делегации задавали немало вопросов, и хозяева, принимавшие их, не считаясь со временем, подробнейшим образом разъясняли все, что их интересовало.

Побывала делегация также в Большом театре, просмотрела ряд советских кинофильмов.

Я контактировала с этой делегацией почти два месяца. И у меня остались от работы и общения с Ян Сяньчжэнем незабываемые впечатления.

Вторая встреча с Яном произошла летом 1958 г., когда я была аспиранткой 2-го курса АОН при ЦК КПСС. Однажды мне позвонила домой секретарь ректора этой академии и сказала, что он просит меня завтра быть у него к 11 часам утра (в АОН было не принято говорить «вызывает»). Разумеется, я приехала к указанному времени. Юрий Павлович Францов предложил мне присесть и сказал: «Через несколько минут сюда придет хорошо Вам знакомый китайский ученый Ян Сяньчжэнь. Он гость нашей академии и уже был у меня с двумя другими его коллегами. Но мы договорились с ним встретиться еще раз и продолжить обсуждение некоторых вопросов. Кстати, он спрашивал о Вас, как идут Ваши аспирантские дела. И я хотел бы просить Вас помочь нам с ним побеседовать». Я сказала, что в меру сил и с удовольствием постараюсь помочь. Добавила, что новая встреча с Ян Сяньчжэнем доставит мне большое удовольствие, что я знаю его как замечательного человека и друга Советского Союза.

Через несколько минут секретарь сообщила, что Ян уже в приемной. Ю.П. Францов встал из-за стола и пошел в приемную лично пригласить его в кабинет. Я также встала с кресла. Мы встретились с Ян Сяньчжэнем как добрые знакомые. Прошло четыре года после нашего первого знакомства в Москве. Внешне он почти не изменился, хотя стало побольше седины. Но он сохранил свою естественную человеческую привлекательность. Вначале мы немного поговорили с гостем, коротко спрашивая друг друга о здоровье, о его новой работе (Ян теперь был членом ЦК КПК, директором ВПШ ЦК КПК и секретарем парткома этой школы), о наших семьях, достаточно ли у меня источников и литературы для подготовки кандидатской диссертации, в чем я нуждаюсь в этом смысле. Я сказала, что в наших библиотеках нет органа ЦК КПК 1920-х годов, журнала «Сяндао». Он любезно обещал мне подарить полную подборку этого журнала. Юрий Павлович не прерывал нашей беседы, что-то черкал ручкой, видимо, вносил правку в какую-то рукопись.

Затем началась их беседа, а я переводила. Считаю, что мне крупно повезло: ни о проблемах философии, ни социологии, крупными специалистами которых они оба являлись, речь не шла, у меня были бы немалые трудности с переводом, поскольку специальной лексикой этих наук никогда не занималась. Говорили в основном об общенаучных организационных проблемах.

Беседа прошла в приятной атмосфере, а по ее окончании Ю.П. Францов пригласил нас пообедать с ним в весьма приличной столовой академии находившейся в том же здании внизу. Ян сказал, что у него большая программа на этот день, но все же от приглашения не отказался.

Через какое-то время в нашей академии я случайно встретила ректора, он с кем-то разговаривал, но увидев меня, дал знак рукой подождать его. Подойдя ко мне, сказал, что Ян Сяньчжэнь завтра улетает в Пекин. Мы поднялись в кабинет Францова, где он дал мне номер телефона Яна в гостинице, в которой тот остановился в Москве. Вечером я позвонила ему, пожелав мягкой посадки в Пекине, здоровья и больших успехов в его нелегкой и весьма ответственной работе. В ответ он также высказал мне наилучшие пожелания и пригласил обязательно посетить ВПШ ЦК КПК, когда буду в Китае.

Вновь мне случилось встретиться с Ян Сяньчжэнем в апреле 1959 г. в Шанхае. Это было время, когда напряжение во взаимоотношениях между КПСС и КПК, а также по государственной линии, развивалось по нарастающей, и прямых контактов между двумя партиями почти не было.

В том году я была аспиранткой 3-го курса. По планам АОН, аспиранты кафедры истории международного коммунистического и рабочего движения и национально-освободительных движений, наследницы кафедры истории международных отношений, на третьем курсе направлялись командировки в страны научных интересов каждого из аспирантов. Все шло по плану: в феврале-марте 1959 г. все мои однокашники по кафедре уже разъехались в научные командировки. А с моей поездкой в КНР возникли, казалось,

непреодолимые трудности из-за известных отношений в то время, а вернее, их отсутствия между двумя партиями.

И тогда ректор АОН Ю.П. Францов, в то время авторитетная фигура как в научном мире философов и социологов, так и в КПСС, обратился в Отдел ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями стран социализма с просьбой помочь организовать научную командировку в Китай аспирантке академии А.И. Картуновой. Через некоторое время из Отдела ЦК поступило сообщение о том, что в связи с известными большими трудностями во взаимоотношениях между двумя партиями Отдел ЦК КПСС не может обратиться в ЦК КПК с указанной просьбой.

После этого Ю.П. Францов предложил свой план решения проблемы, который согласовал с упомянутым Отделом ЦК. Ю.П. Францов изложил мне положение, каким оно было с научной командировкой, и сказал: «Я дам Вам личное письмо моему китайскому другу Ян Сяньчжэню, с которым Вы хорошо знакомы, и Вы полетите с этим письмом в Пекин. Там Вас встретят сотрудники нашего посольства и помогут сориентироваться по поводу организации Вашей командировки». Когда я вернулась к вечеру домой и рассказала обо всем этом мужу, он сказал, что такая командировка похожа на какой-то детектив и спросил, не боюсь ли я возможных больших неприятностей, которые могут возникнуть в Китае в той обстановке. Но я почему-то не боялась.

Слово — дело. Соответствующие сотрудники АОН купили мне авиабилет до Пекина. В аэропорту «Шоуду» меня встретили дипломаты из Советского посольства в Китае, мои однокашники по Московскому институту востоковедения Андрей Денисович Дубровский и Георгий Александрович Ганшин. Естественно, мы называли друг друга по имени. А.Д. Дубровский, к тому времени уже опытный дипломат в довольно высоком ранге, работавший в Пекине с 1947 г., взял по-дружески на себя все заботы по реализации и организации на начальном этапе моей командировки. Устроив меня в гостинице, он предложил пообедать в столовой посольства. Вот там и состоялся «серьезный разговор». «Ты зачем сюда приехала в такое время? — начал он в сердцах. — Вы что там, в Москве не знаете, что здесь происходит?» и т.п. На этот пассаж ему ответила: «Мне нужны необходимые китайские материалы для завершения работы над диссертацией и добавила, что прежде всего нужно встретиться с директором ВПШ ЦК КПК Ян Сяньчжэнем».

На следующий день Андрей связался по телефону с Высшей партийной школой и спросил, не мог ли бы директор школы Ян Сяньчжэнь принять Картунову, у которой имеется к нему письмо ректора АОН при ЦК КПСС.

Я понимала, как нехотят Дубровскому мои заботы, но он терпеливо оказывал мне помощь, за что я была ему весьма признательна.

Через день-два последовало приглашение в ВПШ ЦК КПК, куда мы с Дубровским и прибыли. Принял нас приветливо заместитель директора (к сожалению, его фамилию сейчас не помню). Он сказал, что директора Ян Сяньчжэня нет в Пекине, он находится в командировке в Шанхае (какая удача, подумала я, ведь именно в Шанхай мне и нужно, в городскую библиотеку, где, как я знала, имеется единственный полный комплект газеты «Жэсюэ жибао» («Горячая кровь»). Когда принимавший нас хозяин спросил, чем бы ВПШ могла быть полезна мне, я ответила, что директор ВПШ Ян Сяньчжэнь обещал подарить мне подборку журнала «Сяндао». После этого он пригласил нас в библиотеку ВПШ. Когда мы дошли до полок, где стояли несколько комплектов «Сяндао», сброшюрованных в виде книг, он вручил мне все пять томов этого журнала.

Позже я поняла, что прежде чем пригласить нас, замдиректора, видимо, звонил Ян Сяньчжэню в Шанхай, и они все обговорили, что касается моего визита в ВПШ.

Я поблагодарила за теплый прием и экскурсию по библиотеке, особенно за ценный для меня подарок, а также просила передать Ян Сяньчжэню самый мой добрый привет.

Вернувшись в гостиницу, я сказал Андрею, что мне нужно, не теряя времени, лететь в Шанхай. Через день посольские работники купили мне билет в Шанхай, где по звонку из посольства в советское Генконсульство меня встретили в аэропорту двое его сотрудников. Спасибо, Андрей! К сожалению, уже много лет, как его нет в живых.

Прежде всего, я попросила этих сотрудников Генконсульства помочь мне связаться с Шанхайским отделением Общества китайско-советской дружбы (в то время его переименовали в Китае в Общество дружбы китайского и советского народов), что они любезно и сделали, не откладывая, видимо получив разрешение генконсула.

Через день или два после предварительного телефонного обращения в Шанхайское отделение дружбы, в Генконсульство приехали два китайца из этого отделения. При встрече я обратилась к ним с просьбами: помочь мне получить доступ в Шанхайскую городскую библиотеку и — не могут ли они организовать мне встречу с Ян Сяньчжэнем, который находится в городе. К моему немалому удивлению, обе просьбы были удовлетворены.

Советский генконсул Алексей Иванович Елизаветин был в курсе всех этих дел. Когда из Общества дружбы позвонили в Генконсульство и попросили меня к телефону (а я первые две недели жила в здании Генконсульства), сообщили, что в тот день примерно в 17 часов по местному времени они подъедут за мной и повезут на встречу с «товарищем Ян Сяньчжэнем», я зашла к генконсулу и сообщила о предстоящей встрече. Алексей Иванович попросил зайти к нему после такой, наверное, интересной встречи, несмотря даже на поздний час.

В назначенное время подошла машина с затемненными стеклами, и мы двинулись, неизвестно куда. Подъехали к зданию с железными решетчатыми воротами, въехали во двор, вошли в здание, сели в лифт и поднимались довольно долго (какой этаж, неизвестно). Это была гостиница, но какая, я не знала. Меня провели в номер, который в гостинице занимал Ян Сяньчжэнь.

Встреча с Ян Сяньчжэнем была теплой, товарищеской. Я искренне была рада этой новой встрече с ним. После обмена приветствиями Ян Сяньчжэнь пригласил меня к столу, который был уже накрыт заранее. Я привезла ему привет из Москвы от Ю.П. Францова и тех работников из Отдела ЦК КПСС, с которыми он был знаком во время его командировок в Советский Союз, бутылку армянского пятизвездного коньяка, который в советские времена славился высоким качеством, и коробку московских шоколадных конфет. После этого передала ему письмо от Францова, которое он пока что отложил.

Мы сидели за ужином и в манере Ян Сяньчжэня, не торопясь, беседовали. Он расспрашивал о его знакомых в Москве, о моей семье, о моей научной работе. Никаких политических вопросов мы не касались — не то время для такого рода разговоров. За ужином и беседой просидели около двух часов. Перед концом моего затянувшегося визита Ян спросил, чем он может мне помочь во время этой командировки. Я сказала, что хотела бы поехать в Нанкин, где находился в то время архив Гоминьдана (и, кажется, назывался архивом Второго института истории КНР) и кое-что посмотреть там интересного для меня. Он спросил, когда я рассчитываю вылететь в Нанкин. Потом, не ожидая ответа, добавил: «Я позвоню в Нанкин, чтобы там Вас встретили и показали все, что Вам интересно для ваших исследований. А когда будете вылетать туда, предупредите Общество дружбы, чтобы они сообщили в Нанкин номер рейса самолета, и Вас там встретят».

Прощаясь, мы пожелали друг другу доброго здоровья, успехов в работе. Я ушла с чувством тепла и какой-то особой доброты, которые исходили от этого удивительного человека.

В Шанхае я пробыла больше месяца. В городе было промозгло холодно и голодно (последнее на иностранцев не распространялось). Особенно холодно было работать с газетами в городской библиотеке: город не отапливался, полы цементные.

В Нанкине, благодаря заботам Ян Сяньчжэня, встретили меня приветливо. В течение 10 дней удалось поработать в архиве с интересующими документами и материалами. Работавшие со мной китайские историки показали достопримечательности города, в том числе мавзолей Сунь Ятсена с 333 ступенями от основания до его гробницы. Эта цифра символизировала «три народных принципа» Сунь Ятсена.

Покидая Нанкин, я с благодарностью вспоминала Ян Сяньчжэня, оказавшего мне такую ценную помощь, была весьма признательна принимавшим меня китайским ученым и работникам архива.

Осенью того года я получила из Пекина письмо на адрес Академии общественных наук. Ян Сяньчжэнь поздравлял меня с 42-й годовщиной Октябрьской революции, желая здоровья и успехов в работе. Письмо было набрано на машинке на китайском и русском языках, датировано 29 октября 1959 г. Оно у меня сохранилось. Половина письма посвящена успехам Советского Союза, достигнутым во всех областях строительства и развития страны за 42 года. Содержание другой половины меня как-то несколько смутило. Этот большой абзац был написан в точности, как в китайских официальных газетах тех дней (просто их трафаретное отображение), что было не похоже на Ян Сяньчжэня, посвящен большим успехам китайского народа под руководством КПК и «вождя всех народов Китая товарища Мао Цзэдуна, высоко поднимаая красное знамя генеральной линии строительства социализма, большого скачка и народных коммун, напрягая все силы, борясь с правым уклоном... (отточие мое. — А.К.) находится на подъеме борьбы за досрочное выполнение основных показателей 2-й пятилетки».

Прочитав письмо до конца, с чувством какой-то тревоги я снова прочитала вторую его половину. Уж не возникли ли у него неприятности в связи с его участием в дискуссиях по некоторым вопросам философии и не попал ли он под огонь критики?

Последняя моя встреча с Ян Сяньчжэнем состоялась 15 июля 1988 г. в Пекине. Мы с Линь Ли, с которой хорошо были знакомы, в то время профессором ВПШ ЦК КПК, навестили его в больнице, и, как я поняла, у них как коллег, были дружеские отношения. Линь Ли не первый раз навещала Яна. Они ведь оба философы марксистского направления, долгие годы работавшие в ВПШ. Ян Сяньчжэнь достиг уже почтенного возраста — ему было 92 года. Время работает неумолимо, конечно он постарел, но продолжал работать, проявлял большой интерес к событиям в стране и за рубежом, сохранились его мудрость, доброта и обаяние. Я была рада, что мы его навестили. О самочувствии Ян говорил мало. Ему гораздо интереснее были новости с «большой земли». Он спросил меня, чем я занимаюсь в Пекине (в том году я полгода находилась на стажировке на историческом факультете в Жэньминь дасюэ (Народный университет)).

Но главное, что интересовало Ян Сяньчжэня в разговоре со мной, как идет в Советском Союзе «перестройка», что такое горбачевское «новое мышление», в чем его главная цель. Будучи в Москве, я внимательно следила по печати и телевидению за дискуссией по этим вопросам и за длинными малосодержательными и невнятными выступлениями и докладами М.С. Горбачёва. Вспомнился вопрос, облетевший всю страну, талантливому советскому русскому писателю, участнику Великой Отечественной войны, патриота нашей Родины Ю.В. Бондарева на большом совещании в Кремле (возможно, это было на пленуме ЦК КПСС, точно не помню). А этот вопрос звучал так: «Мы высоко поднялись на самолете, но неизвестно, где он сядет?» Увы! Я приходила к грустным выводам. Было бы нечестно перед таким человеком, каким был Ян Сяньчжэнь, восторгаться процессами, которые в то время проходили на моей Родине под руководством Горбачёва. Было похоже, что и Ян Сяньчжэнь затруднялся понять, куда ведет Горбачёв нашу страну.

Через некоторое время в палату вошел сын Ян Сяньчжэня — стройный, тщательно одетый. Чем-то неуловимым внешне он был похож на отца.

Перед окончанием нашего с Линь Ли визита Ян Сяньчжэнь подарил мне первый том его сочинений с дарственной надписью. Мы тепло простились с ним, пожелав ему

скорейшего выздоровления. В свою очередь он посоветовал нам больше обращать внимание на свое здоровье, пожелал успехов в работе.

Ян Сяньчжэнь находился на завершающем этапе своего жизненного пути, успев, видимо, сделать для своей страны все, что мог, о чем мечтал в своей многотрудной жизни. Он послужил своей родине еще четыре года. В 1992 г. Ян Сяньчжэнь ушел в мир иной. И я поныне храню светлую память о нем и чувства уважения и благодарности, а также теплые и светлые воспоминания о его человеческих качествах.

P.S. Из современной историографии КНР стало многое известно о Ян Сяньчжэне как ученом, его участии в дискуссии по вопросам философии в 1964–1965 гг., на которой его подвергли жесткой критике, организованной Кан Шэном, поскольку позиция Яна по одному дискутируемому вопросу противоречила утверждению Мао Цзэдуна. В 1965 г. Ян Сяньчжэня лишили всех постов. В 1967 г. он был выслан из Пекина в Сиань. По мнению известного российского философа В.Г. Бурова, Ян Сяньчжэнь на рубеже 50-х — 60-х годов являлся фактически лидером ученых-марксистов в Китае.

Ян Сяньчжэнь был реабилитирован после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва. В 1979 г. его назначили советником ВПШ ЦК, затем избрали советником в ЦК КПК.

1. В августе 1954 г. Гао Ган покончил с собой. Позже решением ЦК КПК от 31 марта 1955 г. по делу Гао Гана — Жао Шуши они исключались из партии и снимались со всех постов за сектантскую раскольническую деятельность в партии.
2. 14–16 ноября состоялось Совещание представителей 12 коммунистических и рабочих партий социалистических стран. 16–19 ноября — Совещание представителей 64 коммунистических и рабочих партий.
3. М.М. Бородин (Грузенберг) (1884–1951), с октября 1923 г. — советник Сунь Ятсена, инструктор по реорганизации Гоминьдана, в 1924 г. — июне 1927 г. — главный политический советник ЦИК Гоминьдана. Одновременно весь период его работы в Китае — представитель ИККИ в этой стране.

История

Чжан Тайлэй и распространение большевизма в Китае

© 2019

А.В. Панцов

В этом году в Китае торжественно отмечалось два юбилея: сто лет со дня образования в марте 1919 г. III (Коммунистического) интернационала — всемирной организации большевиков, сыгравшей громадную роль в подготовке китайской революции, и столетие «Движения 4 мая», положившего начало широкому распространению в Китае большевистских идей. Эти даты — достойный повод вспомнить о человеке, внесшем огромный вклад как в китайской политике Коминтерна, так и в становление Компартии и Комсомола Китая, — китайском революционере Чжан Тайлэе (1898–1927), являвшимся в начале 1920-х годов главным связующим звеном между мировым движением коммунистов и сформировавшейся КПК.

Ключевые слова: история КПК, Коминтерн, Коммунистический интернационал молодежи (КИМ), Коммунистический союз молодежи Китая, Движение 4 мая, Гаминьдан, Чжан Тайлэй.

DOI: 10.31857/S013128120006103-4

В 7 часов вечера 22 июня 1921 г. Большой театр в Москве был переполнен. 605 представителей от 103 организаций из 52 стран мира и большое количество гостей и журналистов собрались на очередной III конгресс Коммунистического Интернационала. Они горячо приветствовали членов президиума — Ленина, Зиновьева, Троцкого и других. Среди тех, кто изю всех сил аплодировал, был и двадцатитрехлетний китайский коммунист Чжан Тайлэй, первый в истории китайского коммунистического движения делегат на всемирный большевистский форум. Это был высокий молодой человек в круглых очках, «с длинными, зачесанными назад волосами» и «умным твердым взглядом», улыбавшийся «широкой белозубой улыбкой»¹.

Через три недели, 12 июля, в Андреевском зале Кремля, на двадцать третьем заседании конгресса, посвященного восточному вопросу, Чжан выступил с пятиминутной речью о китайском коммунистическом движении. Он говорил на хорошем английском языке. Регламент конгресса не позволял ему говорить дольше², но он представил свой двадцатидвухстраничный доклад о политической и социально-экономической ситуации в Китае в письменном виде (Чжан подготовил его к 10 июня)³. Это был первый доклад,

Панцов Александр Вадимович, доктор исторических наук, профессор Капитолийского университета (США). E-mail: apantsov@capital.edu.

написанный и представленный в Коминтерн активным участником коммунистического движения в Китае.

Молодой китайский революционер, страстно преданный большевистскому делу, привлек внимание вождей Исполкома Коминтерна (ИККИ), которые, по-видимому, уже слышали о нем от товарищей из своего Дальневосточного секретариата — аванпоста Коминтерна в Иркутске, учрежденного 12 февраля 1921 г.⁴. В конце февраля 1921 г. Чжан прибыл в этот город из Пекина, где за несколько месяцев до того, в октябре 1920-го, стал членом большевистского кружка. Он привез много документов о зарождавшемся большевистском движении в Китае и весной 1921 г. сделал доклад на эту тему в Дальневосточном секретариате⁵. 23 марта 1921 г. его назначили временным секретарем китайской секции этого секретариата, и до своего отъезда в Москву, в конце мая или начале июня 1921 г., он «организует китайскую секцию... готовит информационные сводки по Китаю и рассылает их по редакциям наших советских газет и вместе с тем готовит доклад Киткомпартии Коминтерну». В начале мая он также участвовал в учредительном съезде корейской компартии в Иркутске⁶.

Через два дня после III конгресса, 14 июля 1921 г., вожди Коминтерна избрали Чжан Тайлэя — первого китайца — членом Исполкома этой организации с совещательным голосом⁷. А вскоре его письменный доклад был опубликован в журнале Дальневосточного секретариата⁸.

Чжан продолжал проявлять активность как в китайском, так и в международном коммунистическом движении, и впоследствии, занимая ряд руководящих постов и в КПК, и в комсомоле Китая. Его революционная карьера была на подъеме, когда 12 декабря 1927 г. в возрасте 29 лет он пал в бою с милитаристами в городе Гуанчжоу. В Китайской Народной Республике он считается одним из главных героев революции.

О Чжане написано немало книг и статей как в Китае, так и за его пределами. Но все же многие факты его биографии до сих пор не изучены. Даже самые последние работы о нем полны ошибок. Так, в книге американского историка Кристины Мюльре-ди-Стоун, изданной в 2015 г., говорится, что Чжан в октябре 1923 г. участвовал в III конгрессе Коммунистического интернационала молодежи (КИМ), «выступил перед конгрессом и был избран в Исполнительный комитет КИМ»⁹. Почти все в этих словах не соответствует действительности. На самом деле III конгрессе Коминтерна молодежи проходил в декабре 1922 г., и Чжан на нем не только не выступал, но даже и не присутствовал. Верно только то, что на этом форуме его избрали в члены ИККИМ, но это произошло в его отсутствие.

Кроме того, в литературе дается крайне односторонняя оценка вклада Чжан Тайлэя в историю китайского коммунистического движения. Большинство историков обращает внимание лишь на ту роль, которую он играл как революционер-практик, — связанной между Коминтерном и КПК, один из ведущих организаторов китайской компартии и комсомола и вождь знаменитой Гуанчжоуской коммуны 1927 года. Его же вклад в теорию китайского коммунистического движения, как правило, игнорируется и в российской, и в западной историографии. Лишь некоторые китайские ученые уделяют этому вопросу внимание¹⁰, хотя кое-кто из них доводит свои рассуждения до степени абсурдности, заявляя, например, о некоем «великом вкладе» Чжан Тайлэя в идеи Мао Цзэдуна о молодежном движении или даже в теорию Мао о «новой демократии».

Цель данной статьи — дать всестороннюю и непредвзятую оценку революционной деятельности Чжан Тайлэя как коммуниста-практика, так и большевика-теоретика, на основе архивных и опубликованных документов.

Прилежный ученик

Чжан Тайлэй родился в уездном городке Уцзинь (ныне один из районов города Чанчжоу), расположенном на берегах Великого канала, на юге провинции Цзянсу, в час Петуха¹¹ в двадцать девятый день четвертого месяца года Желтой Земляной Собаки по лунному календарю. По официальному династийному летоисчислению, принятому в то время в Китае, это был двадцать четвертый год эры Гуансюй (светлое начало) маньчжурской династии Цин, а по григорианскому календарю — 17 июня 1898 года.

Дед Чжана выбрал детским именем новорожденного словосочетание Цзэнжан, клановым — Сяоцзэн, а величальным — Тайлай. Иероглиф «цзэн» и в первом, и во втором имени означает «правнук», а иероглиф «жан», входящий в словосочетание «цзяньжан», — «скромный», «уступчивый». «Сяо» же значит «сыновья почтительность», и именно этот иероглиф приходился на 26-е мужское поколение по счету в роду Чжанов из Уцзиня: так определяла генеалогическая хроника рода, в которой за каждым поколением мужчин закреплялся свой иероглиф. Имена мужчин могли состояться из двух иероглифов, но одному из них надлежало быть родовым. Что же касается последнего имени, то оно было выбрано из выражения *лицзи тайлай* («за непереносимым горем следует радость»), основанного на сочетании двух гексаграмм — «пи» (двенадцатая гексаграмма) и «тай» (одиннадцатая) из древнекитайского трактата «И цзин» («Книга перемен»), сборника гадательных гексаграмм и триграмм — разнообразных сочетаний прямых и прерывистых линий, символизирующих различное соединение сил света и тьмы (то есть *ян* и *инь*) и использовавшихся в эпоху Чжоу (1121 или 1066–221 до н.э.)¹². Иероглиф «пи» означает «упадок», «горе», а иероглиф «тай» — «расцвет», «радость»¹³. Имя получилось красное: «Пришедший с радостью после непереносимого горя».

Через восемь лет, когда мальчик пойдет в школу, его первый учитель даст ему новое имя — Фу («Тот, кто возродит [Китай]»). А спустя еще тринадцать-четырнадцать лет, встав на революционный путь, Чжан выберет себе бунтарское прозвище Тайлэй («Великий гром»)¹⁴. Именно под ним он и войдет в историю.

Но это будет в дальнейшем, а пока, в 1901 г. отец Чжана, в течение многих лет остававшийся безработным, несмотря на то что обладал ученой степенью *сюцяя*¹⁵, через одного из дальних родственников нашел работу. Но не в Уцзине и не в Чанчжоу, а почти за тысячу километров, в местечке Аньюань уезда Пинсян провинции Цзянси, в канцелярии угольных копий. Взяв жену и детей (Чжану шел тогда третий год, а его сестре, которую все в семье ласково называли Дунмэй, «Зимняя сливка», — восьмой), Лянцай уехал. Но через пять лет, 22 февраля 1906 г., скорострительно скончался, и его жене, урожденной Сюэ, с детьми и телом мужа пришлось возвращаться в Чанчжоу. Несчастливого Лянцай похоронили на родине (так требовала традиция), а его жена с детьми на какое-то время нашли приют при клановом храме Чжанов у южных ворот Чанчжоу. Но затем дед Чжана по материнской линии выделил им комнату у себя в доме. В ней, правда, стояли только стол, половину которого занимал алтарь, посвященной памяти усопшего отца, кровать и один стул, но дед взял на себя заботы по пропитанию дочери и внуков¹⁶.

А когда Чжану исполнилось восемь лет, в сентябре 1906 г., именно дед отвел его в начальную школу. Это было новое учебное заведение, только что открытое (в начале 1906 г.) родственником деда, неким Сюэ Нянцзю. Чжан к тому времени уже более или менее знал грамоту: читать и писать его и дочь научил отец. В школе он продолжил изучать китайский язык, а также начал осваивать новые для себя предметы: арифметику, рисование, историю, географию, военное дело, основы естественных наук. В этом учебном заведении насчитывалось 43 преподавателя и 416 учеников. Первый курс был самый многочисленный: помню Чжана на нем обучалось еще 129 человек. Они были сведены в четыре группы¹⁷.

В то время Чжан очень пристрастился к чтению, жадно проглатывая книги, которые мог достать. Особенно его впечатлили знаменитые исторические романы «Саньго яньи» («Троецарствие») китайского писателя XIV века Ло Гуанчжуна и «Дунчжоу лепо чжи» («Хроники царств периода Восточного Чжоу») китайского писателя XVII века Фэн Мэнлуна. В этих книгах описывались подвиги легендарных рыцарей, военачальников и авантюристов, воспевались идеалы боевого братства и утверждался культ физической силы. Чжан обсуждал эти книги с товарищами, и они, разделившись на две «армии», даже разыгрывали сценки из них¹⁸. Под влиянием рыцарских романов он выбрал себе боевое прозвище — Чанцзя, что значит «Длинный меч». Правда, от напряженного чтения у него стало ухудшаться зрение, и он вынужден был надеть очки. На фотографии, сделанной в то время, он выглядит как образцовый ученик: очень сосредоточенный, в больших круглых очках и аккуратно подстриженный¹⁹.

Летом 1911 г., блестяще закончив начальную школу, Чжан успешно сдал все вступительные экзамены (по китайскому языку, арифметике, истории и географии) в лучшую среднюю школу Чанчжоу. Эта школа, открытая за четыре года до того, не была обычной. Главным предметом в ней, в отличие от остальных тридцати четырех государственных и частных школ Чанчжоу²⁰, считался английский язык, и даже такие предметы, как зарубежная история, зарубежная география, математика, физика и химия, читались на английском по англоязычным учебникам. В общем, как писал впоследствии один из учеников этой школы, в ней давалось «европеизированное среднее образование»²¹. Так что к концу пребывания в школе (к 1915 г.) Чжан даже мог свободно общаться с «заморскими дьяволами», которых в Чанчжоу было, правда, не очень много²².

В школе он познакомился с идеями национального освобождения и социального обновления Китая. Их исподволь внушал учащимся сам директор Ту Куань (1879–1918), член подпольной организации «Чжунго гэмин тунмэнхуэй» («Китайский революционный объединенный союз»), созданной в 1905 г. известным революционером, доктором Сунь Ятсеном²³, проповедовавшим три народных принципа: «национализм», «народовластие» и «народное благосостояние» («национальное освобождение всего Китая» и «равноправие всех национальностей на территории Китая»; предоставление народу не только избирательных прав, но и права законодательной инициативы, референдума и смещения должностных лиц; «ограничение капитала», то есть передачу в собственность государства или под государственный контроль всех крупных и жизненно важных средств производства, «уравнение прав на землю» путем введения земельного налога в соответствии с ценой земли)²⁴. Директор Ту до назначения в Чанжоускую среднюю школу заведовал учебной частью Тяньцзиньского педагогического университета²⁵. Это был высокообразованный человек, сын знаменитого историка Ту Цзиньшаня (он же Ту Цзи, 1856–1921).

В 1910 г., за год до зачисления Чжана учащимся Чанжоуской средней школы, директор Ту вместе с пятнадцатью единомышленниками, молодыми преподавателями этого учебного заведения, организовал революционный союз, который сыграл важную роль в событиях, захлестнувших Чанчжоу в следующем, 1911 г.²⁶

В том году, 10 октября, во многом под влиянием идей Сунь Ятсена в стране развернулась антимонархическая революция. Узнав об этом, двенадцатилетний Чжан Тайлэй, только месяц назад зачисленный в среднюю школу, тут же отрезал свою косу (длинные косы в знак покорности маньчжурам носили все китайские подданные Цинской империи мужского пола). Точно так же сделали многие другие учащиеся, исполненные патриотических чувств²⁷. Их горячо поддержал директор.

А в конце октября 1911 г. занятия неожиданно прекратились. Волна революции докатилась до Чанчжоу, и город, естественно, погрузился в атмосферу хаоса. А вскоре, 1 января 1912 г., Сунь Ятсен, занявший пост временного президента, объявил об образовании Китайской Республики. Но лишь для того, чтобы 13 февраля 1912 г. подать

прошение об отставке, поскольку страна оказалась на грани гражданской войны. 15 февраля члены Временного Сената Китайской Республики единогласно избрали временным президентом генерала Юань Шикая, командующего крупнейшей в Китае Бэйянской армией, который за три дня до того (12 февраля) сумел убедить императорский двор капитулировать²⁸.

Обстановка в стране и в Чанчжоу стабилизировалась, и 1 апреля 1912 г. занятия в школе, где учился Чжан, возобновились. Чжан вернулся за парту, но политика все больше занимала его, так что в свободное время он все активнее обсуждал происходившие в стране события с другими учащимися. Многие из них разделяли его патриотические настроения. Среди них особенно горячо его поддерживал юноша по фамилии Цюй, а по имени Шуан («Двойная [макушка]»). Его странное имя объяснялось просто: он родился с двумя макушками, и его отец, умилившись, не стал искать для него лучшего имени. Цюй это имя не нравилось, а потому он сам себя называл либо «Погожий», либо «Мороз». Все три имени («Двойная [макушка]», «Погожий» и «Мороз») произносятся одинаково — *шуан*, но записываются разными иероглифами²⁹. Через два года этот болезненного вида студент, бывший на полгода младше Чжана, выберет себе новое имя и именно под ним станет широко известен в истории китайского коммунистического движения — Цюй Цюбо, что значит Цюй «Белый цветок осени»³⁰. Он и Чжан станут друзьями, а весной 1915 г. даже окажутся на одном курсе, после того как Цюй Шуан, учившийся на курс старше Чжана, по болезни пропустит экзамены, оставшись на второй год³¹.

Между тем зимой 1912–1913 гг. в стране прошли выборы в законодательный орган — парламент, на которых полную победу над более чем тремястами партиями одержала новая партия Сунь Ятсена, которую он, готовясь к выборам, организовал 25 августа 1912 г. на базе «Объединенного союза» путем объединения последнего с четырьмя другими организациями.

Чжан и другие учащиеся школы, конечно, болели за Гоминьдан. Ведь от этой партии в парламент баллотировался их директор, выполнявший в то время и обязанности заместителя руководителя Уцзиньской уездной организации Гоминьдана. Не только баллотировался, но и был избран! Но, к сожалению, в связи с избранием он должен был сложить с себя полномочия директора. В апреле 1913 г. он уехал в Пекин.

Вместо него пост директора занял некто Тун Фэй (1865–1932), консервативный человек, начавший решительно пресекать всякую политическую активность студентов. Он требовал от них одного — не отвлекаться от учебы. Но добиться этого было трудно, так как в 1913 г. ситуация в стране начала настолько обостряться, что большинство учащихся просто не могло оставаться равнодушным.

В 1913 г. в стране началась вторая революция: на этот раз — против Юань Шикая, оказавшегося диктатором. Юань объявил Гоминьдан вне закона, разогнал парламент и вскоре подавил все восстания. «Буржуазная революция, начертанная на своем знамени слова “свобода и равенство”, завершилась сплошным обманом, — писал впоследствии Цюй Цюбо, — установлением деспотии холопов, рабов, разбойников и бандитов»³².

А через год, 28 июля 1914 г., началась Первая мировая война. Юань Шикай объявил нейтралитет, Япония же присоединилась к Антанте и в самом конце октября 1914 г. вместе с англичанами высадил десант в районе города Циндао на Шаньдунском полуострове. Этот город вместе с прилегавшей бухтой Цзяочжоу с 1898 г. являлся германской колонией. Поглощенные войной в Европе немцы не сильно сопротивлялись. 7 ноября Циндао пал, превратившись теперь формально в колонию Японии и Англии, а фактически — Японии. Китайцы не вмешивались. 28 января 1915 г. Япония предъявила Юань Шикаю ультиматум, так называемые 21 требование, принятие которых привело бы к возвращению Китая в японскую колонию. Опасаясь вторжения войск микадо, Юань Шикай 7 мая принял большую часть требований.

О какой же учебе теперь могла идти речь? Молодежь по всей стране, разумеется, и в Чанчжоу, была взбудоражена. 9 мая учащиеся Чанчжоуской средней школы, в том числе Чжан, приняли участие в движении за бойкот японских товаров.

Чжан был в первых рядах. Разгневанный директор Тун обрушился на учащихся с угрозами, а Чжану и еще нескольким школьникам сделал официальное предупреждение, пригрозив отчислением. Одного же учащегося, часто подшучивавшего над нерадивыми педагогами, на самом деле выгнал из школы. В ответ Чжан и его товарищи, разгневанные, демонстративно бросили школу, несмотря на то что до ее окончания им оставался всего семестр.

Никаких планов на будущее у Чжана не было, но в июле 1915 г. он случайно узнал, что в следующем месяце Пекинский университет организует в Шанхае выездные вступительные экзамены для уроженцев провинции Цзянсу, желавших поступить на подготовительные отделения различных факультетов Бэйда³³. Аттестата об окончании средней школы не требовалось. И в августе Чжан отправился в Шанхай, где успешно сдал экзамены. В том же месяце его зачислили на подготовительное отделение юридического факультета Пекинского университета, и в сентябре, простившись с матерью, сестрой, дедом и другими родственниками, Чжан отправился в Пекин, где вскоре приступил к занятиям.

Но в декабре, бросив все, вновь приехал в Шанхай, чтобы еще раз сдать экзамены — теперь на подготовительное отделение юридического факультета Бэйянского университета города Тяньцзиня: он узнал, что срок обучения в Бэйянском университете короче, чем в Пекинском, и обучение стоит дешевле.

Вряд ли стоит говорить, что и эти экзамены он сдал блестяще. Похоже, он действительно был талантливым человеком.

От национализма к большевизму

Учился Чжан и в университете очень хорошо, а потому в сентябре 1918 г. американский профессор и декан юридического факультета Бэйянского университета Чарльз Дж. Фокс пригласил его как одного из лучших студентов, свободно владевших английским языком, на работу корреспондентом в англоязычную газету *The North China Star* («Звезда Северного Китая»), которую он (Фокс) начал издавать за две недели до того. А через месяц в редакции этой газеты Чжан познакомился с русским эмигрантом Сергеем Александровичем Полевым. И тот попросил Чжана взять на себя обязанности его англоязычного переводчика. (Чжан не знал русского языка, но Полевой свободно говорил по-английски.) Чжан согласился, и с тех пор Полевой стал оказывать на него огромное влияние³⁴.

Полевой был гораздо старше Чжана: ему шел 33-й год. Он родился 3 сентября 1886 г. на Украине, в городке Пирятин Полтавской губернии, но судьба и революция занесли его сначала во Владивосток, а потом, в 1918 — в Тяньцзинь. Жил он вдвоем с женой, Верой Степановной, уроженкой Румынии, которая была на восемь лет младше³⁵. Он явно сочувствовал большевикам, а возможно, был членом их партии, и потому стал вести с Чжаном душевные беседы о марксизме, мировой революции и Гражданской войне в Советской России. Давал он Чжану и коммунистическую литературу на английском языке. В итоге осенью 1918 г. Чжан с головой погрузился в новый для него мир большевизма.

Он стал усердно штудировать материалы, полученные от Полевого, в частности, книгу Ленина «Государство и революция». Не исключено, что он ознакомился тогда и с работой Льва Давидовича Троцкого «Война и Интернационал», написанной в период Первой мировой войны. В англоязычном издании, имевшем тогда хождение в Китае, она называлась «Большевики и мир во всем мире»³⁶.

Эти работы произвели на него сильное впечатление. Желая познакомиться с ними товарищей, не знавших иностранные языки, он даже перевел их на китайский³⁷. К осени 1918 г. он уже смело мог причислить себя к большевикам. И когда в сентябре того года один из его бывших одноклассников по Чанчжоуской средней школе проездом в Пекин остановился в Бэйянском университете, он (этот одноклассник) с удивлением узнал от многих товарищей, что «Тайлэй уже воодушевлен новыми идеями о преобразовании человека, он отбросил старые представления о жизни, и его взгляды непоколебимы»³⁸. Все говорили о том, что кто-то из иностранцев, проживавших на территории одной из иностранных концессий Тяньцзиня, снабжает Чжана социалистической литературой, и он в свободное от учебы время переводит ее на китайский язык.

Его путь от национализма к большевизму, таким образом, оказался очень коротким. Работы Ленина и других вождей большевиков, а также рассказы Полевого сделали свое дело, возбудив в молодом патриоте, глубоко переживавшем униженное состояние отечества, жгучее желание применить в Китае большевистский опыт.

В феврале 1919 г., по некоторым данным, Чжан Тайлэй организовал в Тяньцзине (вероятно, в Бэйянском университете) Общество социальной реконструкции. Его члены (по всей видимости, студенты) обсуждали пути освобождения Китая от колониальной зависимости³⁹.

В 1919 г. Чжан принял участие в «Движении 4 мая», антиимпериалистических массовых демонстрациях, направленных как против японской оккупации китайских территорий, так и против реакционного режима пекинских милитаристов, наследников Юань Шикая, скончавшегося в 1916 г.⁴⁰ Поводом к демонстрациям послужила весть о том, что Англия, Франция и Италия на проходившей в Париже конференции держав-победительниц, выработавшей положения мирного договора с Германией, потерпевшей сокрушительное поражение в Первой мировой войне, признали права Японии на германские владения в Китае. Парижская конференция демократических государств в глазах китайских патриотов превратилась в «сборище империалистических хищников», которые лишним раз показали, что относятся к Китайской Республике как к полукolonии. «Суть студенческого движения. — писал современник, — заключалась в том, что духовное беспокойство невозможно было больше сдерживать. требование “перемен” вырвалось наружу и послужило импульсом общественного движения... Идейный переворот, словно вздымающаяся до неба бурная волна, потряс весь Китай... Неимоверные страдания от империалистического гнета в прах развеяли несбыточные мечты о демократии»⁴¹.

В то время Чжан познакомился еще с одним эмигрантом из России — студентом Владивостокского Восточного института Наумом Григорьевичем Буртманом, уроженцем Одессы. В Тяньцзинь Буртман приехал в мае 1919 г., прямо в разгар студенческих волнений, спасаясь от белогвардейцев. До того он уже бывал в Китае — с осени 1917 по осень 1918 г. учился в харбинской гимназии и даже возглавлял Союз учащихся Харбина. (В этом маньчжурском городе, узлом центре Китайско-Восточной железной дороги, находившейся во владении России, в то время проживало большое количество русских.) В Тяньцзине же во время «Движения 4 мая» квартира Буртмана стала своего рода штабом местного китайского студенчества, каждую ночь устраивавшего в ней собрания⁴².

Буртман был моложе Чжана на два года, но поражал окружающих глубокими знаниями марксистской теории. Современник вспоминает: «Н. Буртман, худой, ниже среднего роста юноша, исключительно одаренный, необыкновенно начитанный, страстный революционер-большевик... обладал волнующе звучным голосом. При разговоре его большие умные голубые глаза просто гипнотизировали, убеждали, вели за собой»⁴³. В ноябре 1919 г. Буртман вместе с Полевым, а также директором библиотеки Пекинского университета Ли Дачжао, за год до того первым в Китае восславившим в ряде статей большевистскую революцию в России⁴⁴, и некоторыми другими китайскими интеллигентами принял участие в организации российского телеграфного агент-

ства в Китае. Поскольку Чжан являлся переводчиком Полевого, он, несомненно, также участвовал в этом деле⁴⁵.

В апреле 1920 г. по просьбе Полевого Чжан выполнял обязанности переводчика Григория Наумовича Войтинского (настоящая фамилия — Зархин, китайцы называли его У Тинкан), посланного в Китай Иностранным отделом Владивостокского отделения Дальневосточного бюро большевистской партии. Чжан сопровождал Войтинского во время его встреч с Ли Дачжао в Пекине и с издателем леворадикального журнала «Синь циннянь» («Новая молодежь») Чэнь Дусю в Шанхае, будущими основателями Компартии Китая.

Между тем в июне 1920 г. Чжан окончил юрфак Бэйянского университета, но работу искать не стал, полностью посвятив себя революционной деятельности и изучению марксизма. В октябре он вступил в пекинский большевистский кружок, созданный Ли Дачжао.

Тогда же, в октябре, он после долгой разлуки встретился со своим одноклассником по Чанчжоуской средней школе «Двойной макушкой» — Цюй Цюбо, который к тому времени успел закончить Пекинский институт русского языка и поступить на работу в пекинскую газету «Чэньбао» («Утро»). И вот теперь отправлялся специальным корреспондентом этой газеты через Тяньцзинь в Москву. Они долго беседовали в дешевом китайском ресторане о китайской общественной жизни. О чем именно, мы не знаем, но можем догадываться: и тот и другой были влюблены в Советскую Россию, и, хотя Цюй еще не связал судьбу с большевизмом, он, судя по его воспоминаниям, явно ему сочувствовал. Так что скорее всего речь шла о коммунизме и путях его осуществления в Китае, а также о поездке Цюя в «страну свободы», увидеть которую Чжан тоже мечтал. Было шумно. «Насаждавшаяся европейцами цивилизация в Тяньцзине — неумолчный грохот трамваев, гул автомобилей, шум и галдеж в ресторанчике при гостинице во время потасовок среди новых бюрократов, играющих в мацзян⁴⁶, — все это каждый раз врывалось в нашу беседу», — писал позднее Цюй Цюбо⁴⁷.

12 ноября 1920 г., вскоре после вступления пекинский кружок, Чжан по совету Ли Дачжао основал в Тяньцзине небольшую группу — Союз социалистической молодежи Китая. (В то время в нее вступило семь членов.) Чжан стал секретарем группы, проводил ее еженедельные собрания и издавал ежедневный журнал «Лаобао» («Труд»), правда, просуществовавший всего две недели: тяньцзиньские власти закрыли его как «экстремистский». Позже Чжан наладил на территории французской концессии выпуск нового журнала, назвав его по цензурным соображениям «Лайбао» (транслитерация английского слова Labor, тоже означающего «труд»). Но и он всего через месяц был закрыт по просьбе китайской администрации города⁴⁸.

В следующем месяце вместе с другими членами Пекинского коммунистического кружка Дэн Чжунся, Чжан Готао и еще двумя коммунистами Чжан организовал школу для рабочих на железнодорожной станции Чансиндянь недалеко от Пекина⁴⁹.

Но в начале февраля он через Полевого, к тому времени начавшего преподавать в Тяньцзиньском педагогическом университете⁵⁰, получил предложение Войтинского и Ли Дачжао отправиться на работу в Советскую Россию, в город Иркутск, в Дальневосточный секретариат Исполкома Коминтерна, который, правда, еще предстояло организовать. Скорее всего рекомендовал его для этой работы Буртман, к тому времени вернувшийся в Россию и ставший председателем секции восточных народов Сибирского бюро большевистской партии⁵¹.

Выезжать надо было срочно. Чжан даже не успел съездить в Чанчжоу проститься с родными. Он смог только встретиться с одним из товарищей по Союзу молодежи, велел ему срочно свернуть всю работу. Тогда же из Тяньцзиня уехал и Полевой вместе с женой и полуторагодовалым сыном Леонидом (он родился 3 октября 1919 г.).

Но не в Россию, а в Пекин, куда по рекомендации Ли Дачжао его пригласил преподавать русский язык Цай Юаньпэй, ректор Бэйда и известный либерал⁵².

Забегая вперед, скажем, что Полевой, в отличие от своего ученика Чжан Тайлэя, вскоре отойдет от большевистского движения; в 1939 г., через два года после японской оккупации Пекина, переименованного к тому времени в Бэйпин, он вместе с женой и уже двумя детьми — Леонидом и дочерью Тамарой, родившейся в 1921 г., переедет в США, где найдет работу в Яньцзинском институте Гарвардского университета. Скончается он в сентябре 1971 г. в возрасте 85 лет⁵³.

А Чжан между тем в феврале 1921 г. прибыл в Иркутск. К сожалению для него, Буртмана уже не было в живых: 17 декабря 1920 г. в возрасте 20 лет он погиб. Но Чжан смог быстро завоевать доверие видного большевика Бориса Захаровича Шумяцкого, главы Дальневосточного секретариата Исполкома Коминтерна и председателя Совета министров Дальневосточной Республики, буферного государства, созданного большевиками в 1920 г. Именно Шумяцкий попросил Чжана составить доклад для III конгресса Коминтерна и именно он делегировал его в Москву. Мандат Чжана был датирован 16 мая 1921 г. и подписан заместителем Шумяцкого по Дальневосточному секретариату Яковом Григорьевичем Минским (настоящая фамилия — Минскер)⁵⁴. Шумяцкий, кроме того, помог Чжану подготовить доклад⁵⁵.

Помощь Чжану с докладом оказал и еще один человек — Ян Минчжай (он же Ян Хаодэ и Иван Васильевич Шмидт), тридцатидевятилетний китайский эмигрант, бывший владивостокский грузчик и один из организаторов первого большевистского кружка в Китае, с которым Чжан познакомился в апреле 1920 г., когда тот прибыл в Китай в составе группы Войтинского⁵⁶. Как и Чжан, Ян Минчжай должен был принять участие в III конгрессе Коминтерна и тоже в качестве делегата с совещательным голосом, но, по всей видимости, не смог поехать в Москву⁵⁷.

Доклад Чжана убедительно показывает, что, в отличие от многих других первых китайских коммунистов, Чжан к тому времени полностью воспринял коминтерновскую политику единого антиимпериалистического фронта, выдвинутую Лениным на II конгрессе Коминтерна в июле–августе 1920 г. В докладе говорится: «[К]итайский пролетариат... *поможет* буржуазии свергнуть автократов и после этого сам постарается подвергнуть ее той же участи»⁵⁸. Это было первым такого рода заявлением участника китайского коммунистического движения.

Во время конгресса в дополнение к докладу Чжан подготовил «Тезисы к III конгрессу по колониальному вопросу», в которых, по его собственным словам, главным образом имел в виду задачу «усилить новыми аргументами заключительное слово Владимира Ильича, произнесенное по колониальному вопросу на II конгрессе Коминтерна»⁵⁹. Развивая точку зрения, высказанную впервые в его докладе III конгрессу, Чжан заявлял, что все народы восточных стран вне зависимости от уровня их экономического развития имеют общие революционные задачи — в первую очередь задачу «борьбы с империалистическим гнетом», поскольку «в начальной своей стадии национально-революционному движению тактически и стратегически в борьбе с империалистами выгодно опереться на силу “единого национального фронта”». Тезисы были направлены против ультралевого индийского коммуниста Манабендра Нат Роя, который считал, что крестьяне и рабочие стран Востока должны одновременно бороться на двух фронтах — и против империалистов, и против местной национальной буржуазии. В то же время Чжан открыто подчеркивал, что участие буржуазии в национальной революционной борьбе «в форме так называемого “единого национального фронта” может быть только временным»⁶⁰. В целом его точка зрения полностью соответствовала ленинской.

В том же докладе III конгрессу Чжан первым среди коммунистов Китая проявил глубокое понимание той роли, которую могли сыграть пауперы, люмпены и другие пролетарские элементы в будущей китайской революции. Вот что он писал: «Китайская ком-

мунистическая партия должна без всякого промедления принять на себя обязанность организовать это[т] пока еще сырой боевой революционный материал [многие сотни тысяч «лишенных крова и пищи людей (люмп[пен]-пролетариев и пауперов)], которые «идут сейчас от голода и неволи в отряды бандитов (хунхузов)», отобрав все его наиболее здоровые и устойчивые элементы и при их помощи развить по стране широкое партизанское движение и против интервентных (так в тексте. — А.П.) японских войск и против банд своих автократов, продавшихся японскому капиталу»⁶¹.

Чжан посвятил три из шести заключительных тезисов своего доклада, сформулированных в его девятом разделе, озаглавленном «Наши перспективы», вопросу о необходимости дружеского отношения КПК к бандитам, пауперам и люмпен-пролетарским элементам. Он даже нашел время подчеркнуть этот вопрос в своем устном пятиминутном выступлении на конгрессе 12 июля⁶².

Мао Цзэдун придет к аналогичным выводам только в 1927 году.

После конгресса Коминтерна (9–23 июля 1921 г.) Чжан вместе с Юй Сюсуном, двадцатидвухлетним секретарем Временного Центрального комитета Социалистического союза молодежи Китая (ССМК) и секретарем его шанхайской организации, и Чэнь Вэйжэнем, ровесником Юя и членом шанхайского большевистского кружка, принял также участие во II конгрессе Коммунистического интернационала молодежи. Юй участвовал с решающим голосом, а Чжан и Чэнь — с совещательными. Вместе с Юем и Чэнем Чжан подготовил для этого конгресса письменный доклад о китайском молодежном движении, но ни Чжан, ни Юй, ни Чэнь на этом форуме не выступали⁶³.

«Наш лучший китайский коммунист»

Вслед за тем в августе 1921 г. Чжан Тайлэй вернулся в Китай, где стал работать переводчиком Маринга (Гендрикуса Снефлита), представителя Коминтерна в Китае. В октябре 1921 г. по просьбе Маринга он съездил в Японию, для того чтобы договориться об участии японской делегации в приближавшемся Съезде народов Дальнего Востока, созываемом Коминтерном. В Токио он познакомился с китайским коммунистом Ши Цуньтуном, который представил его японским левым интеллектуалам⁶⁴.

В то же время он прилагал большие усилия для возрождения Социалистического союза молодежи Китая, который прекратил свою деятельность после отъезда Юй Сюсуна в Москву в марте 1921 г. (После II конгресса КИМ Юй оставался в Москве вплоть до начала 1922 г.⁶⁵.) В ноябре Чжан подготовил Временный устав ССМК⁶⁶.

10 декабря 1921 г. он вместе с Марингом отправился из Шанхая в поездку в Ухань, Чаншу, Гуйлинь и Гуанчжоу. В середине декабря участвовал во встрече Маринга с губернатором Хунани Чжао Хэнти, а в конце декабря 1921 г. в Гуйлине вместе с Ли Дачжао и членом Гоминьдана Чжан Цзи способствовал организации переговоров Маринга с Сунь Ятсеном. В начале же января 1922 г. был уже в Гуанчжоу, где принял участие в беседах Маринга с Чэнь Цзюньмином, командующим Гуандунской армией, поддерживавшим тогда Сунь Ятсена. Чжан присутствовал также на собрании молодежи города Гуанчжоу и района Хайлуфэн⁶⁷.

В отличие от многих китайских коммунистов, не любивших Маринга за его высокомерие, Чжан установил с этим посланцем Коминтерна хорошие отношения. Он считал, что «главными недостатками Маринга были его недостаточное знание Китая и довольно неприятная манера общения», но все же настаивал, что «Маринг — важная фигура в Коминтерне [Маринг являлся членом ИККИ с решающим голосом] и марксист, который заслуживает уважения». Чжан «горячо убежал» китайских коммунистов улучшить отношения с Марингом⁶⁸. Не вызывает сомнения, что Чжан, еще в 1921 г. воспринявший ленинскую антиимпериалистическую тактику, наверняка первым поддержал и идею Маринга об индивидуальном вступлении китайских коммунистов в Гоминьдан.

Тем более что Маринг высказал эту идею во время поездки на юг Китая не с кем иным, как с Чжаном. В то время, однако, подавляющее большинство китайских коммунистов отнеслись негативно к предложению Маринга⁶⁹.

В самом конце января 1922 г. Чжан вновь приехал в Москву, где присоединился к китайской делегации, прибывшей за несколько дней до того на Съезд народов Дальнего Востока. Съезд открылся 21 января в бывшем дворце графа Андрея Ивановича Остермана (в то время — 3-й дом Советов). Произошло это в отсутствие Чжана, несмотря на то, что он был фактически одним из главных его организаторов. Но к открытию этого важного коминтерновского форума он не успел приехать, так как еще в начале января 1922 г. находился в Гуанчжоу вместе с Марингом. По дороге же из Гуанчжоу в Советскую Россию (этот путь вообще по тем временам длился никак не меньше трех недель), он еще остановился в Шанхае, где успел обсудить с членами Центрального бюро КПК вопрос о созыве I съезда ССМК. То есть Чжан мог присутствовать только на заключительных заседаниях Съезда народов Дальнего Востока в Москве и на закрытии съезда, которое состоялось в Петрограде в величественном Таврическом дворце.

После съезда, в конце февраля — начале марта 1922 г., Чжан Тайлэй принял участие в 1-м расширенном пленуме Исполнительного комитета Коминтерна в качестве представителя КПК⁷⁰. Он был переизбран в члены ИККИ, но в мае 1922-го, за несколько месяцев до IV конгресса Коминтерна, его членство было приостановлено, скорее всего потому, что он перешел на работу в Коммунистический интернационал молодежи.

Участие Чжана в Съезде народов Дальнего Востока и в 1-м расширенном пленуме ИККИ не могло не укрепить его уверенность в правильности коминтерновской политики единого фронта. Он вернулся в Китай в конце марта 1922 г. и всю весну вместе с Цюй Цюбо работал с представителем КИМ в Китае Сергеем Алексеевичем Далиным, в частности, сопровождал Далина в его поездке из Пекина в Гуанчжоу. Старый большевик Владимир Дмитриевич Виленский-Сибиряков, член российской дипломатической миссии в Китае, в письме Карлу Бернгардовичу Радеку, секретарю ИККИ, назвал в то время Чжана и Цюя «нашими лучшими китайскими коммунистами»⁷¹. А представитель Дальневосточного секретариата Владимир Герсамин (он же Лидин) характеризовал Чжана как не только преданного революционера, но и крупного работника⁷².

Во время поездки в городе Шанью (провинция Гуандун) Чжан, Цюй и Далин составили программу, устав и другие документы для предстоявшего I съезда Социалистического союза молодежи Китая. 5 мая 1922 г. в Гуанчжоу Чжан Тайлэй открыл этот съезд. Он же председательствовал на его первом заседании. 10-го же мая, в день закрытия съезда он был избран одним из пяти членов Центрального комитета ССМК. В то время в ССМК насчитывалось около пяти тысяч членов — почти в 26 раз больше, чем в компартии. Они работали в семнадцати местных организациях⁷³.

Этот съезд был первым форумом китайских сторонников коммунизма, который призвал китайский пролетариат и беднейшее крестьянство поддержать революционную борьбу против империализма. Другими словами, поддержал коминтерновскую политику единого фронта, которой прежде китайские коммунисты отказывались следовать⁷⁴.

Вернувшись в Шанхай, Чжан 16–23 июля 1922 г. принял участие во II съезде КПК. Этот съезд тоже обсудил вопрос о совместной с национальной буржуазией борьбе против империализма и даже принял специальную секретную резолюцию о едином «демократическом» фронте и «Манифест», в котором содержался конкретный призыв к формированию блока с Гоминьданом и другими национал-революционными организациями. Чжан играл ведущую роль в дискуссиях. И на съезде, и после него он не только энергично поддерживал политику единого фронта, но и настаивал на принятии предложения Маринга о вступлении КПК в Гоминьдан. Очевидец вспоминает, что его (Чжана) «манера говорить “да” на все капризы Маринга» у некоторых товарищей даже «вызвала опреде-

ленное раздражение», и они «не могли не оппонировать ему с большой силой, сознательно идя с Чжаном на конфликт»⁷⁵.

29–30 августа 1922 г. как переводчик Маринга Чжан присутствовал на специальном расширенном совещании партийного руководства на озере Сиху (Западное озеро) в городе Ханчжоу (провинция Чжэцзян), обсудившем вопрос об организационных формах единого фронта с Гоминьданом. Это совещание «было даже более важным, чем [II] съезд»⁷⁶. Чжан был единственным, кто с самого начала поддерживал вступление коммунистов в партию Сунь Ятсена⁷⁷, но он не являлся членом Центрального исполкома КПК. Стремясь добиться перелома в дискуссии, Маринг в итоге пригрозил отлучением диссидентов от Коммунистического интернационала⁷⁸. Только это и возымело действие, и вожди партии в конце концов единогласно проголосовали за вступление в Гоминьдан. Сунь Ятсен, узнав об этом, выразил удовлетворение⁷⁹.

4 сентября 1922 г. по рекомендации Чжан Цзи Сунь принял Чжана вместе с Чэнь Дусю, Ли Дачжао и еще одним видным коммунистом Цай Хэсэнем в члены Гоминьдана, тем самым положив начало формированию единого фронта между Гоминьданом и КПК⁸⁰.

А в декабре 1922 г., как уже говорилось, Чжан на III конгрессе КИМ был заочно избран членом Исполкома этой международной организации молодежи с решающим голосом. Он был первым китайцем, удостоившимся такой чести⁸¹.

12–20 июня 1923 г. Чжан принял участие в III съезде КПК в Гуанчжоу. И вновь полностью поддержал Маринга, считавшего, что надо «критиковать Гоминьдан за его феодальную тактику», но при этом следует «толкнуть и направить эту партию на путь революционной пропаганды, образовать в ней левое крыло из рабочих и крестьян». Маринг также полагал необходимым «развивать Гоминьдан по всей стране»⁸². Маринг и Чэнь Дусю выдвинули лозунг «Все на работу в Гоминьдан»⁸³. Вместе с Цюй Цюбо Чжан «то и дело беседовал с делегатами, внушая им мысль о том, что толкование Марингом директивы Коминтерна — единственно верное и что III съезд КПК не должен выступать против этой директивы»⁸⁴.

В период работы III съезда Чжан вместе с Ли Дачжао и Мао Цзэдуном в свободное от заседаний время вел также переговоры о возможном союзе с бывшим губернатором Хунани Тань Янькаем. Тань жил в двух минутах ходьбы от места проведения съезда. Он был членом Гоминьдана и пользовался расположением Сунь Ятсена. Поэтому союз с ним для китайских коммунистов был очень выгоден⁸⁵.

А через два месяца, 16 августа, по решению Сунь Ятсена Чжан присоединился к делегации Гоминьдана, отправившейся в Москву на переговоры с вождями большевиков о предоставлении Суню советской военной помощи. Возглавлял делегацию генерал Чан Кайши. Делегация через Маньчжурию и Сибирь прибыла в Москву на Ярославский вокзал 2 сентября. Чана, Чжана и других ее членов торжественно встречали представители Народного комиссариата иностранных дел, а на улицах Москвы — толпы москвичей. А потом последовали встречи с наркомом иностранных дел РСФСР Георгием Васильевичем Чичериным, секретарем ЦК российской компартии Яном Эрнстовичем Рудзутаком, председателем Реввоенсовета Троцким и его заместителем Эфраимом Марковичем Склянским, главкомом Сергеем Сергеевичем Каменевым, председателем Всесоюзного Центрального исполкома Михаилом Ивановичем Калининным, наркомом просвещения Анатолием Васильевичем Луначарским, председателем Исполкома Коминтерна Григорием Евсеевичем Зиновьевым, а также с Войтинским и Марингом, вернувшимся к тому времени из Китая в Москву. Вместе с другими Чжан посетил 144-й пехотный полк Красной армии, дислоцированный в Москве, различные военные учебные заведения и аэродром, Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), открытый большевиками в апреле 1921 г. для членов КПК и китайского комсомола, и даже съездил с ознакомительной экскурсией в Петроград и Кронштадт⁸⁶.

После того, как делегация, завершив переговоры, 29 ноября 1923 г. выехала из Москвы, Чжан остался, чтобы работать в исполкомах Коминтерна и КИМ как представитель Социалистического союза молодежи Китая. Находясь в Москве, в мае 1924 г. Чжан опубликовал важную статью по крестьянскому вопросу в Китае — вопросу, который до того не привлекал внимания КПК. Правда, III съезд партии в июне 1923 г. принял резолюцию о крестьянстве, но она была очень расплывчатой, поскольку вожди КПК по-прежнему уделяли главное внимание рабочему движению. В то время только отдельные коммунисты, в том числе Мао Цзэдун, а также сочувствовавший коммунистам Пэн Бай, считали, что «в любой революции крестьянский вопрос — самый важный»⁸⁷.

Во время съезда Чжан Тайлэй не участвовал в обсуждении крестьянской тематики, но он совершенно точно стал пересматривать свое отношение к этой проблеме, когда руководители КПК получили директиву ИККИ от 18 июля 1923 г., в которой говорилось: «[Ц]ентральным вопросом всей политики является именно *крестьянский вопрос*»⁸⁸. Эта директива была послана в адрес III съезда еще 24 мая, но пришла в Шанхай с опозданием. Формулировка эта принадлежала Николаю Ивановичу Бухарину, кандидату в члены Политбюро ЦК РКП (б), одному из авторитетнейших большевиков, принимавших активное участие в работе Коминтерна.

Не вызывает сомнений, что именно пребывание Чжана в Москве в конце 1923 — начале 1924 г. и его тесное общение с Бухариным и другими вождями Коминтерна способствовали тому, что он в конце концов пришел к следующему выводу: «[К]итайское крестьянство в скором времени делается важным фактором в общекитайском революционном движении, если революционная партия Китая примет соответствующие шаги в смысле организации и руководства крестьянством... Революционной партии Китая предстает ответственная задача — вовлечь китайское крестьянство в русло революционного движения. Без крестьянства, составляющего огромное большинство китайского населения и являющегося экономическим базисом страны, успех революции немыслим»⁸⁹.

Как резко отличается это заявление от более раннего тезиса Чжана, сделанного в июне 1921 г. в докладе на III конгрессе Коминтерна: «Крестьянство [в Китае]... лишено классового самосознания. Его подчиненность и покорность прямо-таки удивительны»⁹⁰.

С 17 июня по 8 июля 1924 г. Чжан присутствовал на V конгрессе Коминтерна в качестве секретаря и переводчика китайской делегации, которую возглавлял Ли Дачжао, а 15–25 июля участвовал в IV конгрессе Коммунистического интернационала молодежи, на котором принял активное участие в дискуссии по докладу ИККИМ⁹¹. Однако, по неизвестным причинам, не был переизбран членом исполкома этой организации.

После конгресса, в августе 1924 г. по просьбе Чэнь Дусю⁹² он вернулся в Китай и с осени 1924 по весну 1925 г. преподавал английский язык в Шанхайском университете, открытом в конце 1923 г. и находившемся почти под полным контролем коммунистов. Он также редактировал гоминьдановскую газету «Гоминь жибао» («Нация»). Он жил тогда в здании Центрального исполкома КПК с женой Лу Цзинхуа, на которой женился в 1918 г., и тремя детьми, с которыми наконец смог воссоединиться после долгих странствий⁹³. 11–22 января 1925 г. в Шанхае он принял участие в IV съезде компартии, на котором был избран кандидатом в члены ЦИК. Сразу после этого, 26–30 января, также в Шанхае участвовал в III съезде китайского комсомола (КСМК)⁹⁴, где выступил с политическим докладом и был избран генеральным секретарем ЦИК этой организации и заведующим женским отделом Центрального исполкома. В то время КСМК насчитывал уже около девяти тысяч членов — в девять раз больше, чем в КПК⁹⁵.

Весной 1925 г., когда его мать серьезно заболела, он отправил свою семью обратно в Чанчжоу, чтобы его жена Лу Цзинхуа ухаживала за ней. Но оставшись один в Шанхае, вскоре закрутил роман с красавицей Ван Ичжи, женой Ши Цуньтуна, того самого товарища, с которым познакомился в Японии. Ши тоже был крупным деятелем партии и комсомола и в 1922–1923 гг. являлся генеральным секретарем ЦИК ССМК, а в 1925 г.

работал заведующим кафедрой социологии Шанхайского университета. Роман Чжана и Ван быстро стал достоянием общественности, и многие студенты университета и члены КСМК заняли сторону Шн Цуньтуна, потребовав от вождей партии наказать Чжана. Чтобы урегулировать ситуацию, Чэнь Дусю и другие члены ЦИК КПК сначала хотели «сослать» Чжана представителем КПК в Монгольскую Народную Республику, но благодаря заступничеству Цюй Цюбо в конце концов решили отправить его вместе с Ван Ичжи в Гуанчжоу — секретарем и переводчиком Михаила Марковича Бородина, главного политического советника ЦИК Гоминьдана и представителя Коминтерна в Китае⁹⁶. 6 мая 1925 г. на совместном заседании Центральных исполкомов КПК и КСМК Чжан был снят с поста генерального секретаря ЦИК китайского комсомола⁹⁷.

В Гуанчжоу, куда Чжан и Ван прибыли в первой декаде мая 1925 г.⁹⁸, Чжан взял на себя, помимо прочего, также обязанности технического секретаря Политического совета ЦИК Гоминьдана. Вместе с Ван Ичжи он поселился в доме Бородина на первом этаже. Ему удалось установить теплые дружеские отношения с этим посланцем Коминтерна, который стал относиться к нему как «к близкому, родному человеку». Очевидец вспоминает: «Только ему доверял Бородин перевод своих выступлений... Они очень любили друг друга, несмотря на разницу в возрасте» (Бородин был старше Чжана на четырнадцать лет). Будучи помощником Бородина, Чжан был все время занят: «Когда ни зайди, он всегда погружен в работу»⁹⁹.

В сентябре 1925 г., оставаясь секретарем Бородина, Чжан Тайлэй получил новое назначение — заведующего отделом пропаганды Гуандунского провинциального комитета КПК, а в феврале 1926 г. возглавил редакцию коммунистического еженедельника «Жэньминь чжоубао» («Народ»). После переворота Чан Кайши 20 марта 1926 г. Чжан вошел в специальную комиссию ЦИК КПК из восьми человек, которая обсуждала с Бородиным и другими представителями Коминтерна политику в отношении Чана¹⁰⁰.

В ноябре–декабре 1926 г. он сопровождал Бородина и других советских советников, а также вождей левого Гоминьдана в их переезде из Гуанчжоу в Ухань и в начале декабря присутствовал на встрече Бородина с Чан Кайши в Лушани (провинция Цзянси)¹⁰¹.

В апреле–мае 1927 г. принял участие в V съезде КПК в Ухани, на котором был избран членом ЦК КПК и кандидатом в члены Политбюро. А после съезда по рекомендации Цюй Цюбо занял пост секретаря Хубэйского провинциального комитета компартии. Этот комитет возглавлял коммунистическую работу во всех районах Хубэя, за исключением города Ухани.¹⁰²

В апреле–июле 1927 г. Чжан поддержал Бородина в его конфликте с ультралевым новым представителем Коминтерна в Китае М.Н. Роем, старым оппонентом Чжана по ИККИ. Прибыв в Ухань в начале апреля, Рой тут же выдвинул серию идей, направленных на радикализацию революции путем активизации рабочего и крестьянского движения. Бородин и вожди КПК пришли в ужас, понимая, что любые экстремистские действия со стороны компартии могли подтолкнуть даже левых гоминьдановских генералов к антикоммунистическому выступлению. «[К]огда мы спрашивали, что он [Рой] хочет предложить, то он хотел в воскресенье демонстрацию, а в среду забастовку. Мы этого проводить не можем. Это — невыполнимые предложения», — вспоминал Чжан¹⁰³.

12 июля 1927 г., в критический для революции 1925–1927 гг. момент, когда Чэнь Дусю ушел в отставку с поста генерального секретаря ЦК КПК, Чжан Тайлэй вместе с Чжан Готао, Ли Вэйханем, Ли Лисанем и Чжоу Эньлаем образовал Временный постоянный комитет Политбюро. В то же время он вошел в состав Политбюро на правах его полного члена. После же разрыва единого фронта, на Чрезвычайном совещании ЦК КПК 7 августа 1927 г., Чжан был избран кандидатом в члены Временного политбюро и секретарем Гуандунского провинциального комитета КПК.

После совещания по просьбе Чжоу Эньлая он через Гонконг отправился в район городов Шаньтоу и Чаочжоу (Восточный Гуандун), где встретился с Чжоу и другими

коммунистами — организаторами антигоминьдановского Наньчанского восстания, которое произошло 1–3 августа 1927 г. Организаторы восстания, потерпев поражение, вывели свои войска в этот район. Чжан сообщил им о решениях совещания 7 августа, и восставшие единодушно попросили его стать их вождем, поскольку Чжоу Эньлай накануне заболел малярией. Однако Чжан отклонил их предложение, так как должен был ехать в Гуанчжоу, столицу провинции Гуандун, для того чтобы вступить в должность секретаря провинциального комитета КПК¹⁰⁴.

В конце октября 1927 г. он вновь был в Шанхае и в начале ноября принял участие в расширенном пленуме Временного политбюро ЦК КПК. После пленума вместе с другими членами руководства — Чжоу Эньлаем, Су Чжаочжэном и Лю Инуном, а также новым представителем Коминтерна Виссарионом Виссарионовичем Ломинадзе (он же Николай и Вернер) Чжан подготовил «Резолюцию о плане работы в Гуандуне», которая призывала рабочих, солдат и крестьян этой провинции подняться на вооруженное восстание в Гуанчжоу и других местах под лозунгом Советов. Резолюция была принята Постоянным комитетом Временного политбюро под руководством Цюй Цюбо 17 ноября 1927 г., и в тот же день на ее основе ЦК направил соответствующую директиву в Гуандунский провинциальный комитет. Таким образом было принято историческое решение о Гуанчжоуском восстании¹⁰⁵.

Чжан выехал из Шанхая 20 ноября, оставив Ван Ичжи и их сына, которому исполнился всего один месяц. Он вернулся в Гуанчжоу через Гонконг через шесть дней. За день до его приезда Гуандунский провинциальный комитет издал циркуляр № 25, призвав народные массы Гуандуна и Гуанси к восстанию¹⁰⁶. Сразу после возвращения, вечером 26 ноября, Чжан созвал заседание Постоянного комитета Гуандунского провкома, который «разрешил вопрос о взятии власти в Гуанчжоу. Это заседание... приняло решение начать восстание немедленно». Присутствовало семь человек, включая представителя Коминтерна Гейнца Неймана (он же Мориц, Грубер и Маоцзы [Волосатик])¹⁰⁷.

По некоторым источникам, Чжан, однако, вскоре начал выражать сомнения в успехе восстания, но Цюй Цюбо настоял на выступлении¹⁰⁸. 28 ноября Гуандунский провком опубликовал обращение к рабочим, крестьянам и солдатам, вновь призвав их к восстанию¹⁰⁹. На следующий же день Нейман проинформировал об этом Политбюро большевистской партии, заявив, что «[м]ы решили взять в Кантоне [Гуанчжоу] твердый курс на подготовку восстания и создания советов». Против выступил советский генконсул в Гуанчжоу Борис Александрович Похвалинский (он же Веселов), считавший, что «[п]опытка... восстания может привести, кроме бесцельной резни, только [к] ликвидации теперешних персворотчиков», так как «на захват и организацию власти в Кантоне сил у партии нет»¹¹⁰. Но к его словам никто, в том числе и Чжан, не прислушались. 5 декабря 1927 г. Центральный комитет КПК дал окончательное добро на восстание в Гуанчжоу¹¹¹.

7 декабря 1927 г. Чжан, «крайне утомленный за последнюю неделю тяжелой работой»¹¹², выступил перед дислоцированным в Гуанчжоу учебным полком 4-го корпуса Национально-революционной армии Гоминьдана, в котором многие офицеры и солдаты сочувствовали компартии. Он призвал их восстать, заявив, что Гуанчжоуский милитарист Чжан Факуй собрался расформировать этот полк. В 3 часа 30 минут утра 11 декабря восстание началось, и через два с половиной часа Чжан провозгласил образование Гуанчжоуского советского правительства¹¹³. Сам он занял пост исполняющего обязанности председателя правительства и комиссара по военным и морским делам¹¹⁴.

Это был героический, но безнадежный поступок: несколько тысяч восставших не имели никаких шансов победить вражеские войска, значительно превосходившие их по численности и вооружению. Чжан изо всех сил пытался организовать оборону, но через полтора дня после начала восстания, 12 декабря, в два часа пополудни пал, сраженный тремя вражескими пулями недалеко от своей штаб-квартиры. Он возвращался в штаб после массового митинга, не зная, что тот уже занят врагом¹¹⁵. Только по счастли-

вой случайности Нейман, находившийся с Чжаном в одной машине, не пострадал. На следующий день, 13 декабря, восстание было полностью подавлено. Свыше пяти тысяч семисот человек погибли. Среди них — не только восставшие, но и мирные жители¹¹⁶.

* * *

Жизнь Чжан Тайлэя была короткой (он прожил всего 29 с половиной лет), но крайне насыщенной, а его вклад в развитие китайского коммунизма трудно переоценить. Он являлся не только одним из руководящих деятелей Коминтерна, КИМ, компартии и комсомола Китая, но и вдумчивым большевистским теоретиком молодого китайского коммунистического движения. Наряду с Цюй Цюбо он пользовался наибольшим доверием Коминтерна.

Не случайно VI конгресс Коммунистического интернационала, проходивший в июле—сентябре 1928 г. в Москве, почтил его память вставанием¹¹⁷. Не удивительно и то, что в 2009 г. имя Чжан Тайлэя было отобрано в результате общенародного голосования в КНР в два почетных списка — ста «образцовых героев, внесших выдающийся вклад в образование нового Китая» и ста китайцев, «служащих примером для граждан нового Китая». Около ста миллионов жителей Китайской Народной Республики приняли участие в голосовании, организованном Центральным комитетом КПК и проходившем в течение двадцати дней¹¹⁸.

1. *Вишнякова-Акимова В. В.* Два года в восставшем Китае, 1925—1927. Воспоминания. М., 1965. С. 255. Фотографию Чжан Тайлэя, сделанную во время III конгресса Коминтерна см. в фотоальбоме: Чжан Тайлэй. Пекин, 1994. Фото 28.
2. Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. Петроград, 1922. С. 472—473.
3. См.: *Чжан Тайлэй*. Доклад делегата Китайской Коммунистической Партии тов. Чжана-Тай-Лэй [III конгрессу Коминтерна] // Российский государственный архив социально-политической истории (здесь и далее — РГАСПИ), 532/4/232/1—12 об.; *Чжан Тайлэй вэньцзи* (Собрание сочинений Чжан Тайлэя). Пекин, 2013. С. 6—31.
4. О Дальневосточном секретариате см.: *Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К.* Организационная структура Коминтерна: 1919—1943. М., 1997. С. 27.
5. См.: *Шумяцкий Б.* Из истории комсомола и компартии Китая (Памяти одного из организаторов Комсомола и Компартии Китая тов. Чжан-Та-Лая) // *Революционный Восток*. 1928. № 4—5. С. 213—215.
6. Там же. С. 216. См. также: Там же. С. 217—218; РГАСПИ. 490/1/208/92; *Дин Яньмо, Хуан Миньян, Чжан Хаоюань*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь: [Новая хронологическая биография Чжан Тайлэя]. Шанхай, 2011. С. 72, 80—88; ВКП(б), Коминтерн и Корея. М., 2007. С. 119—126.
7. *Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К.* Организационная структура Коминтерна: 1919—1943. С. 38—39. В документах Коминтерна в то время он значился Чжан Кай.
8. См.: *Народы Дальнего Востока*. 1921. № 3 (август). С. 321—326.
9. См.: *Mulready-Stone Kristin*. Mobilizing Shanghai Youth: CCP Internationalism, GMD Nationalism and Japanese Collaboration. New York, 2015, 38—39.
10. Речь идет о Дин Цзэцине, Чжан Мэйи, Лю Чжигане, Ли Гуаньхуне, Ли Юйшане, Ли Цзюне и Ли Цифэне. См., например, их статьи, опубликованные в кн.: Юнхэн дэ цзинянь — Тяньцзинь да сюзэ Чжан Тайлэй сюаньчуань хэ яньцзю саньши нянь: [Вечная память — Тридцать лет пропаганды и изучения Чжан Тайлэя в Тяньцзиньском университете]. Тяньцзинь, 2014. С. 241—253; Хунци (Красное знамя). 1987. № 24; Чанчжоу цзяюй сюэюань сюэбао: [Вестник педагогического института Чанчжоу]. 1997. № 1. Тайань шичжуань сюэбао: [Вестник Тайаньского педагогического специального института]. 2002. № 5; а также доклады некоторых из них, представленные на научной конференции «Чжан Тайлэй и китайская революция» (Нанкин, 4 июня 2017 г.).

11. В традиционном Китае сутки делились на двенадцать двухчасовых периодов, которые, как и годы в двенадцатилетнем цикле, именовались по названиям животных. Отрезок времени с 17 часов дня до 19 часов вечера назывался часом Петуха.
12. См.: *Ван Ичжи*. Хуэйи Тайлэй: [Воспоминания о Тайлэе] // Хуэйи Чжан Тайлэй: [Воспоминания о Чжан Тайлэе]. Пекин, 1984. С. 66.
13. Чжоу И. [Сун] Чжу Си чжу ([Книга] перемен эпохи Чжоу. С комментариями [сунского] Чжу Си). Шанхай, 1995. С. 57; 1 *Ching: Book of Changes*. Trans. J. Legge. Secaucus, NJ, 1964. P. 91. См. также: Ицзин: Книга перемен. Санкт-Петербург, 2014. С. 228–229.
14. Интересно, что имя Тайлэй на чанчжоуской диалекте китайского языка звучит так же, как и величальное имя Чжана — Тайлай. Возможно, это также повлияло на выбор Чжаном своего революционного имени.
15. В старом Китае без получения ученых степеней нельзя было и мечтать занять чиновную должность. Для получения первой степени (*сюцай*, «расцветший талант»), требовалось сдать экзамен на уездном уровне, для получения второй (*цзюйжэнь*, «выдвиженец») — на провинциальном и для получения третьей, высшей, степени (*цзиньши*, «продвинутый ученый») — при дворах императоров.
16. См.: *Дин Яньмо*, *Хуан Минъянь*, *Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 6, 7; *Лу Цзинхуа*. Хуэйи Чжан Тайлэй тунчжи: [Воспоминания о тов. Чжан Тайлэе] // Хуэйи Чжан Тайлэй. С. 99.
17. См.: *Дин Яньмо*, *Хуан Минъянь*, *Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 15.
18. См.: *Ван Ичжи*. Хуэйи Тайлэй. С. 5.
19. См.: Чжан Тайлэй. Фотография 4.
20. См.: Чанчжоу. Пекин, 2011. С. 49.
21. *Цюй Цюбо*. Очерки и статьи. М., 1959. С. 37.
22. См.: Записи автора во время посещения музея средней школы высшей ступени города Чанчжоу провинции Цзянсу. 29 мая 2017 г.
23. См.: *У Чжигуан*, *Чу Лэйчэн*. Чжан Тайлэй цзяши као: [Исследование поколений семьи Чжан Тайлэй] // Чжан Тайлэй яньцзю вэньцзи: [Исследовательские статьи о Чжан Тайлэе]. Чанчжоу, 1998. С. 268–269; *Цянь Тантао*. Чжан Тайлэй цзи ши синьтань: [Новые исследования о семье Чжан Тайлэй]. Б.м., 2013. С. 11; *Дин Яньмо*, *Хуан Минъянь*, *Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 1–37; *Ли Цзыгуань*. Чжуйи сюэшэн шици дэ Чжан Тайлэй: [Воспоминания о Чжан Тайлэе во время его учебы] // Хуэйи Чжан Тайлэй. С. 53.
24. См.: *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. Изд. 2-е, исправ. и доп. М., 1985. С. 107–120; *Чан Кайши*. Жнцзи: [Дневник]. Записи 1917 г.; *Hsieh Shou-kang*. President Chiang Kai-shek: His Childhood and Youth. Taipei, [1954]. P. 58–63; *Сунь Чжуншань няньпу чанбянь*: [Большой сборник материалов к хронологической биографии Сунь Ятсена]. В 2 т. Пекин, 1991; *Сунь Чжуншань цыдянь*: [Словарь Сунь Ятсена]. Гуанчжоу, 1994.
25. См.: Байнянь Чжанчжоу: 1900–2008: [Чанчжоу за сто лет: (1900–2008)]. Нанкин, 2009. С. 33.
26. См.: Там же. С. 41.
27. См.: *Чжоу Юнсян*. Цюй Цюбо няньпу: [Хронологическая биография Цюй Цюбо]. Гуанчжоу, 1983. С. 6.
28. Цит. по: *Spence Jonathan D.* The Search for Modern China. 3rd ed. New York, 2013. P. 254. См. также: Новая история Китая. М., 1972. С. 502; *Сунь Чжуншань няньпу чанбянь*. Т. 1. С. 654–661.
29. Китайский язык беден фонетически, и разные по смыслу слова, записывающиеся разными иероглифами, могут звучать одинаково.
30. Цюй был по натуре поэтом, а потому и выбрал себе такое красивое имя. Ведь слова «пологий» и «мороз» имеют отношение к осени. См.: *Ли Цзыгуань*. Чжуйи сюэшэн шици чжи Цюй Цюбай, Чжан Тайлэй лэши: [Воспоминания о павших героях Цюй Цюбо и Чжан Тайлэе во время их учебы] // Шанхай вэньши цыляо цуньгао хуэйбянь: Чжэнчжи цюньши: [Сборник документов и рукописей по истории Шанхая: Политика и военное дело]. Т. 1. Шанхай, 2001. С. 508; *Чжан Цюши*. Цэми даньянь чжун дэ Цюй Цюбо: [Цюй Цюбо в рассекреченных архивах]. Пекин, 2011. С. 3.
31. См.: *Дин Яньмо*, *Хуан Минъянь*, *Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 15, 22.
32. *Цюй Цюбо*. Очерки и статьи. С. 36.
33. Так в Китае сокращенно называют Пекинский университет — от слов Бэйцзин (Пекин, северная столица) и *дасюэ* — университет.

34. См.: *Чэнь Сяоцэн*. Чжан Тайлэй юй Тяньцзинь ди и гэ туань сяоцзу: [Чжан Тайлэй и первый кружок союза (молодежи)] // Хуэйи Чжан Тайлэй. С. 56–57.
35. О Полевых см.: URL: https://www.ancestry.com/1940-census/usa/Massachusetts/Vera-Polevoy_39q5zj.
36. См. *Trotzky L.* The Bolsheviks and World Peace. New York., 1918.
37. См.: *Ли Цзыгуань*. Чжуйи сюэшэн шинци дэ Чжан Тайлэй. С. 54; Юнхэ дэ цзинянь. С. 122.
38. Цит. по: *Ли Цзыгуань*. Чжуйи сюэшэн шинци чжи Цюй Цюбай, Чжан Тайлэй лешн. С. 514.
39. См.: *Шумяцкий Б. З.* Из истории комсомола и компартии Китая. С. 195.
40. *Дин Яньмо*. Чжан Тайлэй чжуань: [Биография Чжан Тайлэй]. Шанхай, 2011. С. 43–47.
41. *Цюй Цюбо*. Очерки и статьи. С. 39–40.
42. См.: *Мюллер А. А.* В пламени революции (1917–1920 гг.): Воспоминания командира интернационального отряда Красной гвардии. Иркутск, 1957. С. 143–144; *Колмыков Ю. П.* Жизнь, отданная революции (70 лет со дня рождения Наума Григорьевича Бутмана) // Календарь знаменательных и памятных дат на 1970 год (по Иркутской области), Иркутск, 1969. С. 143–45.
43. *Мюллер А. А.* В пламени революции... С. 143.
44. См.: *Ли Дачжао*. Избранные произведения. М., 1989. С. 144–161.
45. См.: *Дин Яньмо*, *Хуан Минъянь*, *Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 59.
46. Мацзян — азартная игра в кости.
47. *Цюй Цюбо*. Публицистика разных лет. М., 1979. С. 38. «Страной свободы» Чжан и его товарищи называли большевистскую Россию. (Там же. С. 39.)
48. См.: *Чэнь Сяоцэн*. Чжан Тайлэй юй Тяньцзинь ди и гэ туань сяоцзу. С. 57–61; *Шевелев К. В.* Из истории образования Коммунистической партии Китая. М., 1976. С. 110.
49. См.: *Ван Ичжэ*. Хуэйи Тайлэй. С. 6; *Дин Яньмо*, *Хуан Минъянь*, *Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 66–78.
50. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. М., 1994. С. 48. В документе, опубликованном в этом сборнике и датированном 21 декабря 1920 г., говорится, что Полевой был профессором Тяньцзиньского университета, но такового в то время не существовало. Скорее всего речь идет о Тяньцзиньском педагогическом университете (Тяньцзинь шифань сюэтан), основанном в 1905 г.
51. См.: *Коровяковский П. П.*, *Русанов Н. П.* Чжан Тайлэй: Из когорты первых (К 90-летию со дня рождения) // Проблемы Дальнего Востока. 1988, № 4. С. 129.
52. См.: *Чэнь Сяоцэн*. Чжан Тайлэй юй Тяньцзинь ди и гэ туань сяоцзу. С. 63.
53. См.: Harvard: America's Great University Now Leads World // Life. May 5, 1941. P. 96; URL: <http://www.legacy.com/obituaries/deseretnews/obituary.aspx?n=leonid-sergei-polevoy&pid=188757903>; URL: <https://www.locatefamily.com/P/POL/POLEVOY-D-1.html>.
54. См.: РГАСПИ. 490/1/208/92. О Минском см.: *Лурье В. М.* *Кочик В. Я.* ГРУ: Дела и люди. СПб, 2002. С. 436.
55. См.: *Дин Яньмо*, *Хуан Минъянь*, *Чжан Хаодин*. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь. С. 87.
56. См.: Чжан Тайлэй вэньци сюй: [Дополнение к Собранию сочинений Чжан Тайлэй]. Нанкин, 1992. С. 5.
57. См.: *Шумяцкий Б.* Из истории комсомола и компартии Китая. С. 218; *Ishikawa Yoshihiro.* The Formation of the Chinese Communist Party. New York, 2013. P. 219–220.
58. *Чжан Тайлэй*. Доклад делегата Китайской Коммунистической Партии тов. Чжана-Тай-Лэй [III конгрессу Коминтерна]. Л. 2–2 об. См. также: Там же. Л. 12. (Выделено мной. — А.П.)
59. Чжан имеет в виду «Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам», с которым Ленин выступил на II конгрессе Коминтерна 26 июля 1920 г. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. М., 1963. С. 244–245.
60. Цит. по: *Шумяцкий Б.* Из истории комсомола и компартии Китая. С. 220–222.
61. *Чжан Тайлэй*. Доклад делегата Китайской Коммунистической Партии тов. Чжана-Тай-Лэй [III конгрессу Коминтерна]. Л. 12–12 об. (Выделено мной. — А.П.). См. также: *Персиц М. А.* Из истории становления Коммунистической партии Китая (Доклад, подготовленный Чжан Тайлэем для III Конгресса Коминтерна, как исторический источник) // Народы Азии и Африки. 1971. № 4. С. 56.
62. См.: Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. С. 473.
63. См.: *Zhang Tailai, [Yu] Xiusong, Chen Weiren.* Report of the Chinese Delegations at the Second Congress of the Young Communists' International: July 22, 1921 // РГАСПИ. 533/1/39/114–130.

- На важную роль хунхузов в китайской революции также обращал внимание за год до Чжан Тайлэя на II конгрессе Коминтерна (июль-август 1920 г.) председатель Центрального организационного бюро китайских коммунистов при ЦК РКП(б) Ань Лунхэ, но он не был активным деятелем коммунистического движения в Китае. См.: *Персиц М. А.* Из истории становления Коммунистической партии Китая. С. 56.
64. См.: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China: The Role of Sneevliet (Alias Maring). Vol. 1. Leiden, 1991. P. 311, 315; *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party: Volumes One of Autobiography of Chang Kuo-t'ao. Lawrence, KS, 1972. P. 159–163; *Yeh Wen-Hsin,* Provincial Passages: Culture, Space, and the Origins of Chinese Communism. Berkeley, CA, 1996. P. 223–24. Е ошибочно считает, что Чжан ездил в Токио для того, чтобы «обеспечить участие японцев в предстоявшем конгрессе Дальневосточного бюро Коминтерна в Шанхае» (там же. С. 224).
65. Юй Сюсун Вэньцзи. С. 126.
66. См.: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. P. 310; *Mulready-Stone Kristin.* Mobilizing Shanghai Youth. P. 28–29.
67. См.: *Wilbur Martin and How Julie Lien-ying.* Missionaries of Revolution: Soviet Advisers and Nationalist China 1920–1927. Cambridge, MA, 1989. P. 34; Отчет тов. Г. Маринга Коминтерну. Июль 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 20. Л. 85–91; *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. P. 317–323; *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и китайская революция: 1919–1927. М., 2001. С. 76–77, 318.
68. *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 138.
69. См.: *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. С. 77, 313.
70. См.: РГАСПИ. 495/159/74/5, 7–8.
71. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 1. С. 76.
72. Там же. С. 89–90.
73. См.: *Pringsheim Klaus H.* The Functions of the Chinese Communist Youth League (1920–1949) // The China Quarterly. 1962. No. 12. P. 76.
74. См.: *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. С. 88.
75. *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 251.
76. Ibid. P. 253.
77. См.: *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. 2-е изд., исправ. М., 2012. С. 169.
78. См.: *Ван Цзяньминь.* Чжунго гунчаньдан шигао (Очерки по истории КПК). Т. 1. Тайбэй, 1965. С. 94.
79. См.: *Калачев С. (Наузов С. Н.).* Краткий очерк истории Китайской коммунистической партии // Кантон. 1927. № 1 (10) С. 51.
80. См.: *Saich Tony.* The Origins of the First United Front in China. P. 580.
81. См.: РГАСПИ. 495/65-а/9141/1.
82. Цит. по: Новейшая история Китая. 1917–1927. М., 1983. С. 140.
83. См.: *Цай Хэ-сэнь.* История оппортунизма в Коммунистической партии Китая // Проблемы Китая. 1929. № 1. С. 4.
84. *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 306.
85. *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 179.
86. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 1. С. 255–314.
87. Цит. по: *Chang Kuo-t'ao.* The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 309.
88. Коммунистический Интернационал и китайская революция: Документы и материалы. М., 1986. С. 39.
89. *Чжан Тайлэй.* Крестьянство и революционное движение в Китае // Крестьянский Интернационал. 1924. № 2. С. 73–74.
90. *Чжан Тайлэй.* Доклад делегата Китайской Коммунистической Партии тов. Чжана-Тай-Лэй [III конгрессу Коминтерна]. Л. 8.
91. См.: РГАСПИ. 533/1/81/1, 39–42; 533/1/87/1, 3–6.
92. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 1. С. 358.
93. См.: Чжан Тайлэй няньпу: [Хронологическая биография Чжан Тайлэй]. Тяньцзинь, 1992. С. 101–102; *Чжан Силэй, Юй Пин.* Чжугуан цзай цянь: Чжан Силэй цзышу: [Свет свечи впереди: Автобиография Чжан Силэй]. Пекин, 2000. С. 13–14; *Ян Лунышэн.* И во янши ихоу Чжан Тайлэй тунчжи: [Вспоминая моего хорошего учителя, друга и ментора, тов. Чжан Тайлэй] //

- Хуэйи Чжан Тайлэй. С. 45; Чжэн Чаолинь хуэйилу: [Воспоминания Чжэн Чаолиня]. [Сянган, б.г.]. С. 82, 88–89.
94. В то время Социалистический союз молодежи Китая был переименован в Коммунистический.
95. См.: *Pringsheim Klaus H. The Functions of the Chinese Communist Youth League (1920–1949)*. P. 78.
96. См.: *Zheng Chaolin. An Oppositionist for Life: Memoirs of the Chinese Revolutionary Zheng Chaolin*. Ed. and trans. Gregor Benton. Atlantic Highlands, NJ, 1997. P. 140.
97. См.: Жэнь Биши няньпу. 1904–1950: [Хронологическая биография Жэнь Биши. 1904–1950]. Пекин, 2004. С. 24.
98. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 1. С. 557. *Дин Яньмо, Хуан Минъянь, Чжан Хаодин. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь*. С. 169.
99. *Вишнякова-Акимова В. В. Два года в восставшем Китае, 1925–1927*. С. 255–256.
100. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 2. С. 340–349/
101. См.: *Чан Кайши. Дневник. Запись 7 декабря 1926 г.; Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party*. Vol. 1. P. 557–8; ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 2. М., 1996. С. 920; *Благодатов А. В. Записки о китайской революции 1925–1927 гг. М., 1970*. С. 156.
102. См.: Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 142.
103. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 2. С. 815.
104. См.: *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party: Volumes Two of Autobiography of Chang Kuo-t'ao*. Lawrence, 1972. P. 28–31; *Chan Lau Kit-ching. From Nothing to Nothing: The Chinese Communist Movement and Hong Kong, 1921–1936*. New York, 1999. P. 83.
105. См.: *Дин Яньмо, Хуан Минъянь, Чжан Хаодин. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь*. 266; Документы по истории Коммунистической партии Китая 1920–1949 гг. (В четырех томах). Т. 1. М., 1981. С. 121–123; *Hsiao Tso-liang. Chinese Communism in 1927: City vs Countryside*. Hong Kong, 1970. P. 135–6; *Chan Lau Kit-ching. From Nothing to Nothing*. P. 88.
106. См.: Гуандун дан, туань яньцзю шилiao (1927–1934): [Исторические материалы для изучения партии и комсомола Гуандуна (1927–1934)], Гуанчжоу, 1986. С. 58.
107. Чжан Тайлэй вэньцзи. С. 521.
108. См.: *Хуан Пин. Ванши хуэйи: [Воспоминания о прошлом]*. Пекин, 1981. С. 47–48; *Qu Qiubai. Superfluous Words*. Trans. and commentary Jamie Greenbaum. Canberra, 2005. P. 35. Хуан Пин допускает хронологические ошибки. См.: *Modern China*. 1997. Vol. 23. No. 4. P. 379.
109. См.: Гуандун дан, туань яньцзю шилiao (1927–1934). С. 63–69.
110. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 3. М., 1999. С. 165.
111. См.: Чжунгун чжунъян вэньцзянь сюаньцзи: [Избранные документы ЦК КПК]. Т. 3. Пекин, 1989. С. 541–544.
112. *Chan Lau Kit-ching. From Nothing to Nothing*. P. 91.
113. См.: Чжан Тайлэй вэньцзи. С. 523–526.
114. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 2. С. 188, 308–309, 314; *Дин Яньмо, Хуан Минъянь, Чжан Хаодин. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь*. С. 278; Чжунго гуичаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигоу яньгэ хэ чэньюань минлу: [Сборник материалов по истории развития организаций КПК — эволюция руководящих органов и их персональный состав]. Пекин, 1983. С. 84–86.
115. См.: *Цюй Цю-бо. Памяти Чжан Тай-лэя // Кантонская коммуна (К сорокалетию восстания в Гуанчжоу)*. М., 1967. С. 132.
116. См.: *Дин Яньмо, Хуан Минъянь, Чжан Хаодин. Чжан Тайлэй няньпу синьбянь*. С. 278–283; Гуанчжоу ци и яньцзю: [Изучение Гуанчжоуского восстания]. Гуанчжоу, 1987; *Thomas S. Bernard. "Proletarian Hegemony" in the Chinese Revolution and the Canton Commune of 1927*. Ann Arbor, MI, 1975. P. 9–74.
117. *Вишнякова-Акимова В. В. Два года в восставшем Китае... С. 255.*
118. См.: Жэньминь жибао: [Народная газета]. 11.09.2009.

Образование

Стратегические рубежи развития системы образования КНР в XXI веке

© 2019

Т.Л. Гурулева

В статье рассмотрены основные рубежи развития системы образования КНР в XXI веке, в том числе решения XIX съезда КПК в области образования. Сделан вывод, что ближайшей стратегической целью развития системы образования КНР является превращение страны в мировую образовательную державу, которая будет в полной мере удовлетворять образовательным потребностям китайского народа и общим целям развития КНР.

Ключевые слова: КНР, система образования, модернизация образования, мировая образовательная держава, страна с высоким уровнем образования.

DOI: 10.31857/S013128120006104-5

Стратегия модернизации образования КНР изложена в документе «Программа среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования в стране на 2010–2020 гг.»¹. Программа была принята на заседании Политбюро ЦК КПК 21 июня 2010 г., которое проходило под председательством Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао. Этот документ стал первой программой в области образования, принятой в Китае в XXI веке.

Стратегическая цель реформы и развития образования, изложенная в Программе, — к 2020 году осуществить основную модернизацию образования, построить базу общества знаний (*сюэсисин шэжуэй*) и вступить в ряды держав с высоким уровнем развития человеческого капитала (*жэньли цзыюань цянго*).

Основные задачи на указанный период следующие:

– поднять всеобщее образование на более высокий уровень: распространить дошкольное образование, укрепить и повысить уровень обязательного 9-летнего образования, довести валовый коэффициент охвата полным средним образованием до 90%, постепенно повысить уровень массовости высшего образования, поднять валовый коэффициент охвата высшим образованием до 40%, ликвидировать неграмотность среди молодежи;

Гурулева Татьяна Леонидовна, доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН; профессор кафедры дальневосточных языков Военного университета Министерства обороны РФ.

E-mail: gुरुлева@mail.ru

– создать систему справедливого образования для всех (*хуэйцзи цюаньминь цзяоюй*): твердо придерживаться принципа общественной пользы и всеобщего охвата образованием, гарантировать населению возможность получения качественного образования в соответствии с законом. Создать систему основных общественных образовательных услуг, охватывающую все города и деревни страны, постепенно осуществить выравнивание в предоставлении основных общественных образовательных услуг, сократить региональные различия. Прилагать усилия к организации работы каждой школы, к обучению каждого ученика, не допускать, чтобы учащиеся лишались возможности обучения из-за сложной экономической ситуации в семье. По существу решать вопросы, касающиеся обеспечения равноправного доступа к получению обязательного 9-летнего образования для детей рабочих переселенцев в городах. Гарантировать инвалидам право на получение образования;

– предоставлять более качественное содержательное образование. Всесторонне повышать качество образования и уровень его модернизации. Непрерывно увеличивать суммарное количество образовательных ресурсов, еще полнее удовлетворять потребности населения в получении высококачественного образования. Повысить идейно-нравственные, научные, культурные качества учащихся, их физическую подготовку. Укрепить способность кадров служить государству и народу, а также поднять их конкурентоспособность на международной арене;

– завершить построение системы образования в течение всей жизни (*чжуншэнь цзяоюй, Life Long Learning (LLL)*). Осуществлять скоординированное развитие образования как с выдачей диплома и присвоением квалификации, так и без присвоения квалификации (подготовительные курсы, курсы усовершенствования, курсы повышения квалификации, тренинги и др.), реализовать взаимосвязь профессионального и общего образования, эффективно сочетать предпрофессиональное и постпрофессиональное образование. Повысить годовой коэффициент сотрудников, участвующих в непрерывном образовании до 50%. Усовершенствовать систему современного народного образования, в основном сформировать систему образования в течение всей жизни, способствовать тому, чтобы все граждане передавали свои знания и умения друг другу, достигали успехов в обучении, применяли полученные знания на практике (*сюэ ю со цзяо, сюэ ю со чэн, сюэ ю со юн*).

– сделать систему образования более жизнеспособной. Продолжать раскрепощать мышление, обновлять идеи, углублять реформу, повышать открытость образования, всесторонне формировать жизнеспособные, эффективные, еще более открытые, способствующие научному развитию механизмы системы образования, соответствующие целям системы социалистической рыночной экономики и всестороннего строительства среднезажиточного общества *сяокан*, строить современное образование мирового уровня с китайской спецификой.

Стратегическими тезисами реформы и развития образования являются следующие:

– твердо придерживаться принципа «человек выше всего» (*и жэнь вэй бэнь*). Всесторонне осуществлять образование, направленное на воспитание комплекса всесторонних качеств личности (*сучжи цзяоюй*). Реализовывать партийный курс в области образования, сутью которого является решение двух важнейших вопросов: каких людей воспитывать и как осуществлять воспитание, а ключевым положением — полная ориентация на обучающегося, стимулирование его всестороннего развития. Прилагать усилия для повышения чувства социальной ответственности учащихся на службе стране и народу, а также для развития практических умений новаторски и мастерски решать вопросы, осуществляя смелый поиск путей их разрешения;

– твердо придерживаться приоритета нравственного воспитания. Воспитывать высокоморальных людей, включить в процесс народного образования систему основных ценностей социализма;

– твердо придерживаться важности формирования компетенций. Оптимизировать структуру знаний, обогатить общественную практику, усилить формирование компетенций;

– твердо придерживаться всестороннего развития учащихся. Всесторонне укреплять и улучшать нравственное, интеллектуальное, физическое и эстетическое воспитание обучающихся.

Таблица 1

Главные цели развития образования КНР на 2010–2020 гг.

Показатель	2009	2015	2020
Дошкольное образование			
Количество детей, посещающих детский сад (млн человек)	26,58	34,00	40,00
Валовый коэффициент охвата (%):			
однолетним образованием	74,00	85,00	95,00
двухлетним образованием	65,00	70,00	80,00
трехлетним образованием	50,90	60,00	70,00
Обязательное девятилетнее образование			
количество обучающихся (млн человек)	157,72	161,00	165,00
коэффициент прочности (%)*	90,80	93,00	95,00
Старшая ступень средней школы**			
Количество обучающихся (млн человек)	36,24	45,00	47,00
Валовый коэффициент охвата образованием (%)	79,20	87,00	90,00
Профессиональное образование			
Количество получающих среднее профессиональное образование (млн человек)	21,79	22,50	23,50
Высшее профессиональное образование	12,80	13,90	14,80
Высшее образование***			
Общее число находящихся в процессе обучения (млн человек)	29,79	33,50	35,50
Количество обучающихся (млн человек),	28,26	30,80	33,00
в том числе магистрантов и докторантов (млн человек)	1,40	1,70	2,00
Валовый коэффициент охвата образованием (%)	24,20	36,00	40,00
Непрерывное образование			
Непрерывное образование сотрудников (млн человек/раз)	166,00	290,00	350,00

* Соотношение числа учащихся, поступивших в школу, и числа окончивших 9-й класс.

** Включая учащихся старшей ступени средней профессиональной школы

*** Включая количество обучающихся высших профессиональных учебных заведений

Источник: составлено автором.

Согласно положениям Программы необходимо осуществить реформу системы образования, которая включает реформу системы подготовки кадров, реформу системы экзаменов и набора обучающихся, создание системы современных образовательных учреждений, реформу системы менеджмента учебных заведений, реформу управления системой образования, расширение открытости образования.

К мерам, гарантирующим реализацию программы, отнесены: укрепление педагогического состава, гарантия денежных инвестиций, ускорение процесса информатизации образования, управление образованием на основе закона, усиление организационного руководства.

Таблица 2

Основные цели развития человеческого капитала в КНР на период 2010–2020 гг.

Показатель	2009	2015	2020
Количество населения с высшим образованием (млн человек)	98,30	145,00	195,00
Средний период получения образования основной рабочей силой трудоспособного возраста (в годах), среди них пропорция получивших высшее образование (%)	9,50 9,90	10,50 15,00	11,20 20,00
Средний период получения образования прирастающей рабочей силой (в годах), среди них пропорция получивших высшее и постдипломное образование (%)	12,40 67,00	13,30 87,00	13,50 90,00

Источник: составлено автором.

Таким образом, основная цель модернизации образования в Китае до 2020 г. заключается в завершении основного этапа модернизации образования, основного этапа строительства общества знаний, вступлении в ряды держав с высоким уровнем развития человеческого капитала.

В докладе 5-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва (29 октября 2015 г.) были сформулированы общие цели развития образования на 13-ю пятилетку (2016–2020 гг.): повысить качество образования; осуществить равномерное развитие обязательного образования; популяризировать обучение в средней школе старшей ступени; постепенно систематизировать и развивать льготы на обучение в среднем профессиональном образовании; осуществлять льготное обучение в общей средней школе старшей ступени для учащихся, чьи семьи находятся в трудной экономической ситуации; оказывать материальную помощь, полностью покрывающую расходы на обучение учащихся, чьи семьи находятся в тяжелых экономических условиях².

Пленумом были приняты Предложения ЦК КПК по разработке 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития, которые стали основой для Программы 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития. В этих двух документах изложены основные задачи развития образования КНР на 2016–2020 гг.

1. *Провести стандартизацию школ, осуществляющих обязательное образование.* Реализовать план действий по ускорению развития образования в Центральном и Западном районах КНР. Постепенно провести отбор педагогических кадров на основе стандартов, а также стандартизацию зданий учебных заведений в городских и сельских государственных школах, осуществляющих обязательное образование и не соответствующих существующим государственным стандартам.

2. *Реализовать план популяризации образования в средней школе высшей ступени.* Необходимо усилить образовательные ресурсы средней школы старшей ступени в Центральном и Западном районах Китая, сконцентрировав их в особо бедных районах. Выпускники средних школ средней ступени из бедных районов Центрального и Западного Китая, не поступившие в общую среднюю школу старшей ступени, должны в основной своей массе поступать в профессиональную школу старшей ступени для получения образования.

3. *Развивать инклюзивные детские сады.* Развивать строительство инклюзивных детских садов, уделять серьезное внимание удовлетворению потребности в посещении детских садов детей соответствующего возраста, проживающих в сельской местности Центрального и Западного районов Китая, а также детей соответствующего возраста, рожденных в городах и в сельской местности в результате реализации «политики двух детей».

4. Развивать сотрудничество между предприятиями и учебными заведениями. Необходимо поддерживать сотрудничество предприятий с высшими и средними профессиональными учебными заведениями, совместно осуществлять учебную производственную практику; оказывать поддержку улучшению учебно-лабораторной базы практики и других условий организации образования в высших учебных заведениях, готовящих бакалавров; создать группу высококлассных вузов прикладного бакалавриата. Поддерживать формы сотрудничества предприятий и учебных заведений, направленные на создание кластеров новых отраслей науки и специальностей, обслуживающих современную промышленность.

5. Создать высшие учебные заведения мирового уровня и первоклассную науку: Оказать поддержку нескольким высшим учебным заведениям для их выхода на ведущие мировые позиции, а также отдельным отраслям науки для их выхода на первые места среди ведущих мировых отраслей науки. Продолжать осуществление плана повышения инновационного потенциала высших учебных заведений.

6. Развивать непрерывное образование. Оказывать поддержку высшим учебным заведениям и профессиональным учебным заведениям в предоставлении непрерывного образования рабочим-мигрантам из сельской местности, обосновавшимся в городе, крестьянам, осваивающим современные профессии, работникам современной промышленности и военным в отставке. В системе образования для взрослых создать платформу, подтверждающую индивидуальные учебные аккаунты (*гэ жэнь сюэси чжанхао, Individual Learning Accounts*) и академические кредиты (*сюэфэнь*).

7. Усилить педагогический состав. Оказывать поддержку развитию педагогического образования, готовить высококвалифицированных специалистов, пополнять национальные районы преподавателями-билингвами, а бедные районы — педагогами среднего профессионального образования. Ежегодно реализовывать план направления выпускников на специально создаваемые должности в сельские школы, осуществляющие обязательное образование, постепенно доведя их количество до 100 тыс. человек. В сельской местности создать вахтовые общежития для учителей. Реализовать в Центральном и Западном районах Китая план введения должностей главного преподавателя в средней и начальной школе, а также план привлечения высококвалифицированных преподавателей в высшие учебные заведения. Усилить подготовку преподавателей коррекционного обучения.

8. Осуществить информатизацию образования. Надлежит ускорить осуществление программы «3 коммуникации, 2 платформы» (*сань тун тьян пинтай*)³, продолжать оказывать поддержку информатизации начальной и средней школ сельской местности. Посредством закупок необходимо создать платформу высококачественных образовательных ресурсов на государственном уровне. Делая упор на профессиональное образование и прикладное высшее образование, развивать современное дистанционное образование и онлайн образование.

9. Развивать международное образовательное сотрудничество. Содействовать координации развития образования и проекта Экономического пояса Шелкового пути. Реализовывать план действий по обучению студентов за границей. Продолжать работу Институтов Конфуция⁴.

В свете вышесказанного можно заключить, что в период 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) Китай продолжает реализацию Программы среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования на 2010–2020 гг. и сосредоточен как на решении внутренних образовательных проблем, так и на усилении своих позиций в международном образовательном пространстве. Основная идея развития образования внутри страны заключается в достижении его равномерного развития на всей территории, включая Центральный и Западный районы Китая, повышении качества образования и общего уровня образованности населения за счет популяризации обучения в средней школе

старшей ступени и развития непрерывного образования. Внешняя стратегия Китая в этой области ориентирована на выход образования и науки страны на мировой уровень, сопряжение развития образования с реализацией проекта «Один пояс, один путь»⁵. Важно отметить, что доля государственных расходов на образование в 2015 г. достигла 4,26% и составила 2 трлн 922 млрд юаней⁶.

На XIX съезде КПК, прошедшем в Пекине 18–24 октября 2017 г., первоочередной задачей повышения уровня обеспечения населения и улучшения его благосостояния, а также усиления и обновления социального управления Китая названо *приоритетное развитие образования*.

В докладе на съезде Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что основой великого возрождения китайской нации является превращение Китая в «мировую образовательную державу» (*цзяоюй цянго*). В связи с этим необходимо осуществлять приоритетное развитие образования, ускорить модернизацию образования, создать «образование, удовлетворяющее потребностям народа» (*жэньминь мань'и дэ цзяоюй*). Также необходимо следовать партийному курсу в области образования, направленному на воспитание высокоморальных людей, развивать образование, направленное на воспитание комплекса всесторонних качеств личности (*сучжи цзяоюй*), содействовать претворению принципа справедливости в образовании, воспитывать всесторонне развитых в моральном, интеллектуальном, физическом и эстетическом плане строителей социализма и их последователей⁷.

На съезде была акцентирована необходимость развития следующих видов образования:

– интегрированное развитие обязательного девятилетнего образования города и деревни, повышение внимания к реализации обязательного девятилетнего образования в деревнях;

– совершенствование дошкольного, специального (коррекционного) и дистанционного образования;

– популяризация средней школы старшей ступени.

В целом было отмечено, что в области дошкольного, начального и среднего образования необходимо добиться того, чтобы каждый ребенок имел равный доступ к качественному образованию.

В области профессионального образования была поставлена задача улучшения системы профессионального образования и обучения, углубления учебно-производственной интеграции и сотрудничества учебных заведений и предприятий.

В области высшего образования отмечена необходимость ускорения создания высших учебных заведений мирового уровня и развития первоклассной науки, а также необходимость осуществления *интенсивного развития высшего образования* (*гаодэн цзяоюй нэйханьши фачжэнь*).

Было сказано о необходимости улучшить систему материальной помощи учащимся, с тем чтобы абсолютное большинство прирастающей рабочей силы городов и деревень имели возможность закончить среднюю школу старшей ступени, и большее количество выпускников могли получить высшее образование.

На съезде также была отмечена необходимость поддержки и введения в нормативное поле «образования, организуемого общественными силами» (*шэхуэй лилян синбань цзяоюй*).

Кроме того на съезде была поставлена задача усиления воспитания педагогической нравственности и этики педагогического состава, воспитания высококвалифицированных педагогических кадров, способствования уважению педагога, проявлению внимания к образованию во всем обществе. Была подчеркнута необходимость совершенствовать непрерывное образование, ускорить строительство общества знаний, «всеми силами повышать качество нации».

Таким образом, очевидно, что Китай встал на путь достижения новой цели в области образования — последовательного превращения из страны с высоким уровнем образования в мировую образовательную державу.

В июле 2010 г. на Первой всекитайской рабочей конференции по образованию, созванной ЦК КПК и Госсоветом КНР, была представлена Программа реформы и развития образования Китая на 2010–2020 гг., содержащая в себе идею превращения Китая в страну с высоким уровнем образования (*цзяюй даго*)⁸.

Термин «*цзяюй цянго*» («мировая образовательная держава») оформился в общественно-политическом и педагогическом дискурсе совсем недавно. В 2008 г. была опубликована книга китайского государственного деятеля в области образования, ученого и педагога Ван Чжана «На пути превращения из страны с высоким уровнем образования в мировую образовательную державу»⁹, в которой он изучил проблему превращения Китая в мировую образовательную державу и дал системные характеристики Китая как мировой образовательной державы. После публикации книги этот термин стал периодически появляться в политическом и научном публичном пространстве страны.

Однако впервые тезис о превращении Китая в мировую образовательную державу как цели КПК и всего китайского народа был озвучен Си Цзиньпином в докладе на XIX съезде ЦК КПК. С этого момента, по мнению аналитиков, превращение Китая в мировую образовательную державу является новой характеристикой и новым направлением в деле построения социализма с китайской спецификой, важным символом вступления Китая в новую эру, основным направлением развития образования страны на ближайшие несколько десятков лет¹⁰.

Основные идеи превращения Китая из страны с высоким уровнем образования в мировую образовательную державу выражены в следующих формулах: «*цзи “ю сюэ шан” дао “шан хао сюэ”, цун “да цитай” дао “цян цитай”*», что может быть переведено как «от “наличия школ для учебы” к “обучению в хороших школах”, «от “расширения” к “силе”». Очевидно, что в этих формулах заложено основное содержание предстоящего перехода к новому качеству образования: от обеспечения населению доступа к образованию в образовательном учреждении — к реализации качественного образования по всей стране, от распространения образования на все слои населения и экономически отсталые регионы — к повышению качества образования.

Новая концепция превращения Китая в мировую образовательную державу достижима через ускорение процесса модернизации образования и создание образования, удовлетворяющего потребностям народа.

Задача «старательно создавать для народа образование, удовлетворяющее его потребностям» (*мули баньхао жан жэньминь маньи дэ цзяюй*), впервые прозвучала еще в решениях XVIII съезда КПК. На XIX съезде КПК она была представлена в новой, более краткой формулировке «создать образование, удовлетворяющее потребностям народа» (*баньхао жэньминь маньи дэ цзяюй*). В ней заложена идея решения проблемы неравномерного и недостаточного развития образования в стране. Решение данной проблемы позволит всему населению Китая получить равный, справедливый доступ к более качественному образованию для каждого члена общества, что определяется китайскими специалистами как новая миссия образования в Китае¹¹.

Таким образом, основной целью построения социализма с китайской спецификой новой эпохи в области образования является превращение Китая в мировую образовательную державу. Решение поставленной задачи возможно путем приоритетного развития образования, ускорения модернизации образования, создания образования, удовлетворяющего потребностям народа.

К настоящему времени в Китае завершена разработка концепции «Модернизация образования 2035». Новая концепция будет обсуждена и утверждена к 2020 г., т.е. к окончанию действия Программы среднесрочной и долгосрочной реформы и развития

образования в стране на 2010–2020 гг. По оценкам министра образования КНР Чэнь Баошэна, в разрабатываемой концепции будут приняты во внимание и решены основные ожидания китайского народа в отношении системы образования. Таких ожиданий в настоящее время сформулировано десять¹²:

- молодые родители ожидают, что рядом с домом будут хорошие и дешевые детские сады;

- родители ожидают, что для учащихся начальной и средней школы не придется искать хорошую школу, т.е. все школы будут хорошими. Решится проблема переполненных классов, а также проблема неравного доступа к качественным образовательным ресурсам;

- учащиеся средней школы старшей ступени ожидают, что они смогут получить качественное образование, что академическое бремя старшей ступени средней школы будет облегчено, что учащиеся приобретут необходимые компетенции для интеграции в общество или для поступления в вуз. В настоящее время множество показателей, существующих для школ, таких как коэффициент поступления в вуз (*шэнсюэлюй*)¹³, коэффициент поступления в ключевой вуз (*чжунбэньлюй*)¹⁴, а также дополнительное обучение и тренинги овладения различными профессиями ложатся тяжким бременем на плечи учащихся старшей степени средней школы;

- студенты ожидают, что возможностей для трудоустройства станет больше. С каждым днем явление под названием «прессинг трудоустройства» усиливается. Если раньше выпускники вузов были озабочены тем, что не найдут хорошую работу, потом тем, что не найдут стабильную работу, то сейчас они озабочены тем, что не найдут работу вообще;

- студенты ожидают, что смогут поступить в магистратуру и посвятить себя науке;

- дети переселенцев из разных регионов страны ожидают, что смогут наравне с проживающими в данном районе детьми получить справедливый доступ к качественному образованию;

- дети, оставшиеся без попечения родителей, ожидают, что смогут получить заботу и любовь;

- учащиеся национальных районов, удаленных бедных районов ранее надеялись на то, что у них будут школы для обучения, сейчас они ожидают, что эти школы будут хорошими;

- учителя и родители ожидают, что кампусы учебных заведений будут меньше притеснять, а окружение кампусов станет более безопасным;

- общество в целом ожидает, что учителя будут хорошими, что они будут хорошо обучать детей, что дети будут учиться в хороших учебных заведениях.

Очевидно, что целью модернизации системы образования Китая до 2035 г. в соответствии с решениями XIX съезда КПК станет превращение страны в мировую образовательную державу, что будет в полной мере удовлетворять образовательным потребностям китайского народа и общим целям развития КНР.

1. Гоцзя чжун чан ши цзяоюй гайгэ хэ фацжань гуйхуа ган'яо 2010–2020 нянь: [Государственная программа реформы и развития образования на среднесрочный и долгосрочный периоды 2010–2020 гг.]. URL: http://www.china.com.cn/policy/txt/2010-03/01/content_19492625.htm (дата обращения: 15.07.2018).
2. Ши ба цзе у чжунчуаньхуэй баогао цюаньвэнь: [Доклад 5-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва (полный текст)]. URL: <http://www.yjbys.com/news/389856.html> (дата обращения: 15.07.2018).
3. Программа «3 коммуникации, 2 платформы» была предложена в 2012 г. для реализации в период 12-й пятилетки. «3 коммуникации» означает — провести широкополосный интернет в каждое учебное заведение, обеспечить высококачественными интернет-ресурсами каждый класс

- (группу), предоставить цифровую образовательную среду каждому обучающемуся; «2 платформы» — создать общественную платформу образовательных ресурсов (создана как платформа <http://www.eduyun.cn/>), создать общественную платформу управления образованием (создана как платформа <http://www.moe.edu.cn/>).
4. *Гурулева Т.Л.* Образовательная политика КНР: задачи на 13-ю пятилетку // Тезисы докладов XXII международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва 12–13 октября 2016 г. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 107–109.
 5. *Гурулева Т.Л.* Государственная политика КНР в области реализации двуязычного образования в национальных школах // Тезисы докладов XXII международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва 12–13 октября 2016 г. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 105–107.
 6. Гоцзя цайчжэнсин цзяоюй цзинфэй нянь цзэн 10% и цзинь 3 вань и: [Расходы государственного бюджета на образование в этом году увеличились на 10% и составили приблизительно 3 триллиона юаней]. URL: <http://china.caixin.com/2016-11-11/101006723.html> (дата обращения: 15.07.2018).
 7. *Си Цзиньпин.* Цзюэшэн цюаньмянь дяньчэн сяокан шэхуэй. Дошо синь шидай Чжунго тэсэ шэхуэйчжун вйда шэнли. Цзай Чжунго гунчаньдан ди ши дзю цы шоаньго дайбяо дахуэй шан дэ баогао: [Решающее сражение всестороннего построения среднезажиточного общества. Достижение победы социализма с китайской спецификой новой эпохи. Доклад на XIX съезде КПК]. URL: <http://src.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660.html> (дата обращения: 15.07.2018).
 8. Государственная программа реформы и развития образования...
 9. *Ван Чжань.* Цун цзяоюй даго майсян цзяоюй цянго: [На пути превращения из страны с высоким уровнем образования в мировую образовательную державу]. Пекин: Жэньмин цзяоюй чубаньшэ, 2008.
 10. *Чэн Цзыли, Гао Шуго.* Майсян цзяоюй цянго: [Превращение в мировую образовательную державу]. URL: http://www.qsttheory.cn/science/2017-11/23/c_1121998453.htm (дата обращения: 15.07.2018).
 11. *Цзэн Тяньшань.* Баньхао жэньмин мани цзяоюй: [Создать образование, удовлетворяющее потребностям людей]. URL: http://www.jyb.cn/zgjyb/201801/20180123_941795.html (дата обращения: 15.07.2018).
 12. Цзяоюйбу чжэн яньцзю чжидин «Чжунго цзяоюй сяньдайхуа 2035», лай канькань ю на ши гэ ципань: [Министерство образования разрабатывает документ «Модернизация образования Китая 2035». Каковы ожидания народа?]. URL: <https://www.jianshu.com/p/c984b936fe70> (дата обращения: 15.07.2018).
 13. Коэффициент поступления на следующую ступень образования показывает соотношение выпускников школы данного года, поступивших на следующую ступень обучения ко всем выпускникам школы, принимавшим участие в поступлении.
 14. Коэффициент поступления в ключевой вуз показывает коэффициент поступления выпускников школы данного года в ключевые вузы (чжундянь бэнькэ).

Научная жизнь

Освещение деятельности Чжоу Эньлая в российской и китайской историографии

© 2019

С.Н. Погодин, Ли Цзинчэн

Статья посвящена деятельности видного китайского революционера, государственного, политического и общественного деятеля Чжоу Эньлая в освещении китайской и российской научной литературы. В работах китайских исследователей подробно рассматривается его многогранная деятельность на посту премьер-министра Госсовета КНР. В исследованиях российских ученых, посвященных Чжоу Эньлаю, главное внимание уделяется двухсторонним отношениям между КНР и СССР.

Ключевые слова: Чжоу Эньлай, историография, история Китайской Народной Республики, международные отношения, двухсторонние отношения между КНР и СССР, история КПК.

DOI: 10.31857/S013128120006105-6

Видный государственный, политический и общественный деятель Китайской Народной Республики Чжоу Эньлай (1898–1976) с конца 20-х годов до середины 70-х годов XX века неизменно занимал ведущие позиции одного из лидеров Коммунистической партии Китая. Чжоу Эньлай был видным дипломатом, активно способствовал мирному сосуществованию КНР с Западом и пытался не разрывать отношений с СССР. Его принципиальность в работе, дипломатичность и высокая требовательность к себе снискали уважение и любовь китайского народа.

Жизни и деятельности профессионального революционера, видного государственного деятеля и дипломата Чжоу Эньлая посвящено большое количество научных работ. Изучение его политического наследия является важной областью научной историографии. Однако при жизни Чжоу Эньлая о нем не было опубликовано статей или книг. Только после 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва (18–22 декабря 1978 г.) в Китае появились первые работы, посвященные Чжоу Эньлаю.

Особая роль в исследовании жизни и деятельности Чжоу Эньлая принадлежит Нанькайскому университету (г. Тяньцзинь), где учился этот выдающийся политический

Погодин Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. E-mail: rogodin56@mail.ru;

Ли Цзинчэн, ассистент кафедры международных отношений, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. E-mail: lj_ts@spbstu.ru.

деятель Китая. В 1979 г. на базе университета был создан первый в КНР научный центр по изучению Чжоу Эньлая — Научно-исследовательский отдел, который с 1997 г. был преобразован в Научно-исследовательский центр Чжоу Эньлая. В 2004 г. после реорганизации университета был основан Институт государственного управления им. Чжоу Эньлая.

По случаю 90-летия со дня рождения Чжоу Эньлая в 1988 г. Нанькайский университет организовал первую международную научную конференцию, посвященную его деятельности. Основными темами для обсуждения стали: «Чжоу Эньлай и китайская революция», «Чжоу Эньлай и китайское социалистическое строительство», «Духовно-нравственные ценности Чжоу Эньлая». По ее итогам был издан первый в Китае сборник научных статей¹.

Спустя десять лет в КНР торжественно отмечалось 100-летие со дня рождения Чжоу Эньлая. Нанькайский университет провел вторую международную научную конференцию, в которой принял участие академик С.Л. Тихвинский. Работа конференции проходила в следующих секциях: «Молодость Чжоу Эньлая», «Чжоу Эньлай и китайская новая демократическая революция», «Чжоу Эньлай и китайское социалистическое строительство», «Чжоу Эньлай и развитие культуры, науки и техники, образования», «Духовная мораль Чжоу Эньлая». Итогом конференции стала новая публикация материалов².

В 2008 г. состоялась третья конференция, посвященная 110-годовщине со дня рождения этого выдающегося китайского политического деятеля. В ходе ее работы освещались такие темы, как: «Ранние годы и период демократической революции в жизни Чжоу Эньлая», «Чжоу Эньлай и различные сферы строительства нового Китая», «Чжоу Эньлай и культурное строительство», «Идеи и теории Чжоу Эньлая», «Чжоу Эньлай и китайская внешняя политика». Материалы конференции «Новый взгляд по изучению Чжоу Эньлая в XXI веке»³ вышли под общей редакцией профессора Сюй Сина.

Четвертая международная конференция по изучению наследия Чжоу Эньлая состоялась в октябре 2013 г. В ее работе принял активное участие заместитель директора ИДВ РАН, д.э.н., проф. В.Я. Портяков. На основе выступлений участников конференции был издан сборник «Чжоу Эньлай, Китай и мир в XX веке»⁴.

В октябре 2018 г. в Нанькайском университете прошла пятая международная научная конференция, посвященная Чжоу Эньлаю, на которой выступила руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН д.и.н. Н.Л. Мамаева. Основными темами конференции стали: «Комплексная оценка Чжоу Эньлая и его идей», «Период демократической революции и Чжоу Эньлай», «Деятельность Чжоу Эньлая после образования КНР», «Китайская дипломатия и международные отношения».

За последние двадцать лет в Китае было издано большое количество работ, посвященных Чжоу Эньлаю. Остановимся на наиболее важных и актуальных.

Одной из первых фундаментальных монографий, посвященных Чжоу Эньлаю, можно считать работу главного научного сотрудника Научно-исследовательского кабинета документов ЦК КПК (ныне Института партийной истории и литературы ЦК КПК) Ли Пина⁵. По мнению автора, вся жизнь Чжоу Эньлая была посвящена созданию Китайской Народной Республики и Коммунистической партии Китая. Он был одним из самых активных участников революционного движения, целью которого были коренные изменения в Китае. После образования КНР все свои силы и энергию Чжоу Эньлай направлял на социально-экономическое развитие страны. В годы «культурной революции» он решительно отстаивал партийные и государственные интересы. По мнению Ли Пина, Чжоу Эньлай изменил старый облик Китая, вывел его на современный путь развития. В работе автором представлена в полном объеме хронология жизни Чжоу Эньлая: детство, учеба, начало революционной деятельности, участие в политической жизни страны. Особо следует отметить те места в монографии, в которых Ли Пин раскрывает характерные для своего героя черты личности: деятельную активность, устремленность, волю, высокие моральные качества.

Следующая работа Ли Пина «Чжоу Эньлай в молодости»⁶ основана на ранее неизвестных материалах. В ней даны развернутая характеристика его деятельности в молодые годы, активное участие в революционных событиях. Главное внимание в работе уделено таким качествам Чжоу Эньлая, как трудолюбие и искренняя преданность служению китайскому народу. По мнению автора, именно в молодые годы его герой стал убежденным марксистом-ленинцем, и у него сформировалась великая мечта о возрождении своей Родины. Чжоу Эньлай сознательно посвятил себя революционной деятельности в имя реализации высоких помыслов о Китае и его народе. Монография имеет важное значение для молодых читателей, повествуя на конкретном примере ее героя о том, как надо относиться к учебе, к работе, к жизни.

Главный научный сотрудник Института партийной истории и литературы ЦК КПК Ван Юнцин принимал активное участие в редактировании трудов Чжоу Эньлая. В его редакции вышли «Избранные труды Чжоу Эньлая», «Избранные статьи Чжоу о дипломатии», «Избранные произведения Чжоу Эньлая об образовании». Ван Юнцин — один из признанных китайских специалистов в области изучения трудов Чжоу Эньлая. Результатом кропотливой работы над политическим наследием Чжоу Эньлая стала его книга «Трудные события в жизни Чжоу Эньлая»⁷, в которой анализируются сложные моменты в его политической деятельности на посту премьер-министра Госсвета КНР. Приведенные в книге примеры рассказывают, как Чжоу Эньлай умел с достоинством находить их решения.

Чжоу Эньлай был создателем и первым руководителем дипломатической службы КНР. В исследовании Ян Минвэя и Чэнь Яньюна «Чжоу Эньлай и дипломатическая обстановка»⁸ подробно рассмотрены основополагающие идеи Чжоу о дипломатии, анализируется его собственный дипломатический опыт. В работе соблюден принцип хронологии. Авторы скрупулезно исследуют личные контакты Чжоу Эньлая с главами иностранных государств. По мнению авторов, он сыграл важную роль в создании китайской дипломатии, формировании ее дипломатической службы, оказал огромное влияние на ее развитие. Подробная хронология дипломатических событий, в которых Чжоу Эньлай принимал активное участие, придает этому изданию комплексный характер справочника.

Последним годам жизни премьера посвящена работа Гу Баоцзы «Последние 600 дней Чжоу Эньлая»⁹. В книге на основе большого фактического материала детально описывается его болезнь. Врачи диагностировали у Чжоу Эньлая рак, он перенес многочисленные серьезные операции. При этом он продолжал интенсивно работать, за время пребывания в больнице провел множество важных встреч с представителями различных отраслей. Несмотря на мучительную болезнь, Чжоу Эньлай вел упорную борьбу против контрреволюционной группировки во главе с Цзян Цин. Используя многочисленные свидетельства пребывания Чжоу Эньлая в больнице, Гу Баоцзы описывает высокие моральные качества премьера, который в тяжелое для него время всегда оставался преданным своему народу и Родине. Монография очень хорошо иллюстрирована, в ней впервые опубликованы ценные фотографии последних лет жизни Чжоу Эньлая.

Из последних посвященных ему работ следует отметить монографию Лю Цзиншэна «откровение Чжоу Эньлая»¹⁰. Ее целью автор поставил исследование этапов революционного пути Чжоу Эньлая. Принятое им в молодые годы решение об участии в революционной деятельности стало важным событием, кардинально изменившим всю его жизнь. Особое внимание в монографии уделено анализу теоретических взглядов Чжоу Эньлая. Бесспорным достоинством работы является исследование характера и стиля работы премьера.

Важным и ценным источником по истории жизни Чжоу Эньлая является опубликованный в 2007 г. сборник статей «Необычайные рассказы о Чжоу Эньлае»¹¹. Книга построена по принципу хронологии событий в жизни Чжоу. В нее вошли воспоминания, написанные соратниками, родственниками и близкими Чжоу людьми. Составители сборника включили в него научные статьи, написанные на основе новых раскрытых источников.

Следует отметить очень важную работу, сделанную Вторым научно-редакторским отделом Научно-исследовательского кабинета ЦК КПК, опубликовавшим автобиографию Чжоу Эньлая¹². Издание подготовлено на основе его личных рукописей, официальных выступлений на протяжении пятидесяти лет, начиная с 20-х годов XX века и заканчивая последними днями премьеры. Книга построена на многочисленных исторических материалах, комплексно воссоздающих облик Чжоу Эньлая не только как государственного деятеля, но и как простого человека.

Само название работы Лян Цзиньяня «Слуга народа — Чжоу Эньлай» говорит о преданности этого деятеля китайскому народу¹³. Книга в полном объеме раскрывает деятельность Чжоу Эньлая — верного идеям партии и своему народу, внесшего значительный вклад в независимость и развитие КНР. Автор раскрывает понятие «слуга народа»: по его мнению, оно строится на полной самоотдаче Чжоу Эньлая в служении народу, пролетарской партийности. Важным в работе является рассмотрение его высокой нравственности, построенной на общих интересах китайского народа. Эти интересы он ставил выше всего, что способствовало сплочению кадровых партии работников как и народа вопреки серьезным политическим волнениям внутри страны.

Одним из первых, кто стал детально заниматься изучением жизни и деятельности Чжоу Эньлая в КНР, является Сюй Син, доктор исторических наук, профессор факультета политологии Института государственного управления им. Чжоу Эньлая Нанькайского университета, директор Центра этого университета по изучению всего связанного с личностью Чжоу. Сюй Син является ведущим ученым КНР в области изучения политического, государственного, дипломатического наследия партийных руководителей. Именно он — один из главных организаторов международных конференций по изучению жизни и творчества Чжоу Эньлая в Нанькайском университете.

В 2008 г. Сюй Син опубликовал монографию «Чжоу Эньлай и фундамент китайской модернизации»¹⁴. Главная заслуга автора заключается в том, что он комплексно анализирует политико-экономическую систему КНР с момента провозглашения независимости. Исследуя идеи модернизации страны, разработанные Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем и Дэн Сяопином, автор монографии раскрывает различия и сходства в подходах в руководителях страны к экономическим вопросам. Главная роль, которая по праву принадлежит Чжоу Эньлаю, определяет его самоотверженную деятельность в качестве премьеры Госсовета КНР в осуществлении китайской экономической модернизации. Книга является важным научным результатом исследования руководящей деятельности Чжоу Эньлая в области экономической модернизации Китая, а также в истории политико-экономического развития КНР.

Анализируя дипломатическую деятельность Чжоу Эньлая, профессор Сюй Син в изданной в 2010 г. монографии «Чжоу Эньлай и исторический поворот в истории китайско-японских отношений»¹⁵, системно анализирует плодотворные усилия премьеры по нормализации отношений КНР с Японией. На примере его кропотливой работы показана прагматическая политика Чжоу, направленная на улучшение двухсторонних отношений. Данная монография является одним из важнейших исследований в области современных китайско-японских отношений.

Выдающиеся управленческие и организаторские способности Чжоу Эньлая нашли отражение в работе Сюй Сина: «Начало создания административной системы нового Китая: Чжоу Эньлай и формирование Центрального правительства»¹⁶. Исследование состоит из двух томов, которые условно можно охарактеризовать как практический и теоретический. Первый том дает хронологический анализ и рассматривает деятельность Центрального правительства с образования КНР до 1970-х годов. В нем подчеркивается исторический вклад Чжоу Эньлая как премьеры в организацию работы китайского правительства. Второй том содержит теоретические идеи Чжоу Эньлая по вопросам государственного

управления, освещая научный и практический стиль его работы. Автор представляет новаторские точки зрения с учетом особенностей современного руководства КНР.

Анализируя работы Сюй Сина, следует особо подчеркнуть его аналитическую статью в соавторстве с Гэ Цзяцзя «Анализ тенденции исследований о Чжоу Эньлае в период политики реформ и открытости. На основе научных работ, опубликованных за последние 30 лет в Китае»¹⁷. Важность этой статьи обусловлена тем, что в ней авторы справедливо подчеркивают: с началом политики реформ и открытости наблюдается повышенный и возрастающий интерес к исследованиям китайских ученых о Чжоу Эньлае. На наш взгляд, такой же интерес отмечается в зарубежных академических кругах.

Одна из последних публикаций профессора Сюй Сина посвящена анализу лидерского мастерства Чжоу Эньлая¹⁸. По мнению автора, лидерское мастерство Чжоу Эньлая проявляется в пяти аспектах: приоритет заботы об общих интересах, стремление к единению при сохранении различий, умение анализировать обстановку, сплочение с большинством и особое внимание коллективу. Эти аспекты были выявлены автором на основе изучения особенностей работы Чжоу Эньлая в разные годы с учетом временной специфики. Все это позволило автору показать необычные организационные способности Чжоу Эньлая на административном поприще в интересах партии и страны.

Среди китайских авторов, которые внесли существенный вклад в изучение жизни и деятельности Чжоу Эньлая, следует отметить профессора Педагогического университета провинции Шэньси Чэнь Дацая. В 2001 г. он опубликовал сборник статей, посвященный Чжоу Эньлаю¹⁹, в который вошли 30 его собственных статей об изучении жизни и идейного наследия Чжоу. Главной целью сборника является раскрытие исторического вклада премьера в независимость КНР и его идейного наследия следующим поколениям. Автор считает, что идеи Чжоу Эньлая выстроены глубоко и содержательно и обеспечивают дальнейшее развитие и обогащение марксистской теории, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина.

Из большого научного наследия Чэнь Дацая следует отметить работу: «О современной ценности духа Чжоу Эньлая»²⁰. По мнению автора, «дух» Чжоу Эньлая проистекает из исторических условий его руководства КПК и КНР. Главной целью премьера было служение народу и революции. «Дух» Чжоу Эньлая, по мнению Чэнь Дацая, представляет три ценности: нравственную, политическую и культурную. В контексте современной политики этот «дух» имеет важное значение для формирования цивилизованного общества и честного правительства.

В работах «О культурной идее Чжоу Эньлая»²¹ и «О вкладе Чжоу Эньлая в теорию и практику китайской модернизации»²² Чэнь Дацай, подробно освещает взгляды премьера на вопросы взаимосвязи между культурой и экономикой. По его мнению, огромную роль в осуществлении модернизации Китая сыграли идеи Чжоу Эньлая.

Важным событием в изучении жизни и деятельности Чжоу Эньлая в России стало проведение 24 марта 2008 г. в Институте Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН) Общественном российско-китайской дружбы торжественного собрания, посвященного 110-й годовщине со дня рождения Чжоу Эньлая — выдающего сына китайского народа. В собрании приняло участие более 100 ученых и специалистов. Его открыл почетный председатель Общества российско-китайской дружбы, академик РАН С.Л. Тихвинский, который в своем выступлении отметил человеческие качества и высокое чувство достоинства премьера Госсовета КНР, его необыкновенную работоспособность, деловой и практичный стиль работы. Особое внимание академик С.Л. Тихвинский, который уделил вкладу Чжоу Эньлая в развитие отношений между СССР и КНР. С докладом на собрании выступила Н.Л. Мамаева — член Центрального правления Общества российско-китайской дружбы, главный научный сотрудник ИДВ РАН, доктор исторических наук. В своем выступлении она подробно осветила основные жизненные вехи Чжоу Эньлая. Особое внимание было уделено его деятельности на посту премьера КНР.

Отмеченное мероприятие было крупнейшим по масштабам и значению за последние годы из посвященных Чжоу Эньлаю в России и вызвало большой резонанс в научных кругах.

В Российской Федерации специальных исследований и публикаций о Чжоу Эньлае, к сожалению, недостаточно. Имя премьера упоминается в коллективных работах, посвященных истории Китая и КПК²³.

В период конца 1940-х — 1950-х годов существовало негласное правило: все заслуги приписывали только одному лицу — вождю, возглавлявшему партию и государство. Поэтому писать о деятельности политических руководителей «второго эшелона», к которым относился Чжоу Эньлай, было не очень принято.

В сложный период охлаждения и резкого обострения советско-китайских отношений писать о Чжоу стало еще сложнее. Примером тому может служить работа Ф.М. Бурлацкого «Мао Цзэдун и его наследники». По мнению автора, Чжоу Эньлай был одним из самых образованных руководителей КПК, который никогда не претендовал ни на ведущую роль в партии, ни на роль ее идеолога, избрав для себя место «незаменимого помощника при первом человеке в партии и стране»²⁴. Однако в середине 70-х годов XX века стали «известны определенные расхождения во взглядах Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая», поскольку последний «делал упор на необходимость развития производства, а не на шумные политические кампании». Ф.М. Бурлацкий позитивно оценивает попытки Чжоу Эньлая сплотить соратников, чтобы «бороться за Дэн Сяопина и других старых товарищей». Это стало своеобразным политическим завещанием Чжоу Эньлая, который публично поддерживал такую точку зрения среди малочисленных партийных руководителей²⁵.

Начало горбачевской перестройки создало условия для нормализации советско-китайских отношений. Руководители двух стран встречались друг с другом, что, в свою очередь, отразилось на научных публикациях, которые создавали позитивный фон.

Одной из первых научных статей, посвященных роли Чжоу Эньлая в становлении и совершенствовании дипломатии КНР, стала публикация А.А. Волоховой в 1988 г.²⁶. В ней автор дала анализ принципиальных подходов Чжоу Эньлая к взаимоотношениям с различными группами стран, отметив особенности дипломатического стиля премьера.

Академик РАН Сергей Леонидович Тихвинский (1918–2018) был одним из самых известных и признанных в России современных китаеведов, который долгое время жил и работал в Китае. После перехода с дипломатической службы на научную, он посвятил себя исследованию Китая. Его перу принадлежит целый ряд работ о Чжоу Эньлае, включая «Чжоу Эньлай во Франции (1920–1924)», «Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949: по материалам биографии Чжоу Эньлая» и другие²⁷.

В 1991 г. вышла коллективная монография «Китай: история в лицах и событиях», написанная советскими и китайскими авторами, одним из которых был С.Л. Тихвинский. В ней была опубликована политическая биография Чжоу Эньлая²⁸.

Особо следует отметить его монографию «Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949: по материалам биографии Чжоу Эньлая». Сергей Леонидович был одним из ведущих дипломатов Посольства СССР в Пекине, и ему довелось неоднократно встречаться с Чжоу Эньлаем. Монография содержит много интересного фактического материала. В работе широко представлены архивные материалы. Она является комплексным исследованием жизненного пути китайского революционера и государственного деятеля. Автор рисует образ «славного сына китайского народа», «большого и искреннего друга нашей страны»²⁹. Эта работа по сей день остается одной из главных книг о Чжоу Эньлае в России.

Характеристику Чжоу Эньлая, данную в работе С.Л. Тихвинского, не разделяют некоторые российские ученые. Главный научный сотрудник ИДВ РАН Ю.М. Галенович считает, что Чжоу Эньлай был на самом деле фактическим исполнителем указаний Мао Цзэдуна³⁰.

Подобная точка зрения отражается и в работе российского дипломата, кандидата исторических наук Г.В. Зиновьева «Китай и сверхдержавы. История внешней политики Китая (1949–1991)»³¹, где даны авторские выводы о взаимоотношениях Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая.

В постсоветский период развития отечественной исторической науки, российские исследователи получили больше возможностей для работы в архивах. Появилось немало публикаций по советско-китайским отношениям, о деятельности руководителей двух партий и стран.

Говоря о российской историографии, посвященной Чжоу Эньлаю, следует отметить интересные воспоминания о нем. К ним относятся мемуары российского дипломата О.А. Трояновского. Он писал об участии Чжоу Эньлая в конференции 1954 г. в Женеве по корейскому и индокитайскому вопросам: «Он умел подать себя. Это был красивый, я бы сказал, элегантный мужчина с хорошими манерами и лицом интеллектуала. Чжоу не прятался от людей, как бы говорил: посмотрите, каков новый Китай». По словам О.А. Трояновского, Чжоу Эньлай много ездил по Швейцарии и посмотрел много достопримечательностей этой страны. Он был в гостях даже у актера Чарли Чаплина. О.А. Трояновский сравнивает Чжоу Эньлая с В.М. Молотовым. «Это было большим контрастом с Молотовым, который сидел, как взаперти, на нашей вилле, никуда не выезжая и ни с кем не встречаясь». В заключении воспоминаний о Чжоу Эньлае автор писал: «Меня поразило, что, не имея опыта участия в международных совещаниях, Чжоу держал себя и действовал так уверенно и умело, как будто он всю жизнь только этим и занимался»³².

Воспоминания о Чжоу Эньлае как о дипломате оставил и В.М. Бережков, работавший переводчиком высших руководителей СССР³³. Давая интересную характеристику Чжоу Эньлаю как участнику переговорного процесса, автор оценивает его как хорошего дипломата.

Одно из последних российских исследований о Чжоу Эньлае написано профессором Ю.Ю. Клычниковым — «Чжоу Эньлай в государственной иерархии КНР и его роль во внешней и внутренней политике страны»³⁴. Краткие сведения о Чжоу Эньлае можно также найти в справочных, научно-популярных изданиях, к которым относятся работы «100 великих дипломатов» И.А. Мусского³⁵, «Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники СССР» К.А. Залесского³⁶ и т.д.

В октябре 2013 г. на четвертой международной научной конференции в Нанькайском университете по изучению деятельности Чжоу Эньлая с докладом выступил д.э.н., профессор В.Я. Портяков, заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока». Он говорил о современном изучении наследия Чжоу Эньлая в России³⁷. В 2017 г. на основе изложенного материала профессор Портяков подготовил статью о состоянии изучения деятельности Чжоу Эньлая в России для научной конференции «Общество и государство в Китае»³⁸. Эта работа стала первым аналитическим исследованием жизни и деятельности Чжоу Эньлая в освещении российских авторов.

Отрадно отметить, что жизнь и деятельность Чжоу Эньлая привлекают внимание начинающих исследователей. Так, в 2018 г. была опубликована работа молодого исследователя И.А. Курочкина «Роль Чжоу Эньлая в политике Китая по вопросам взаимоотношения с СССР»³⁹.

Можно надеяться, что дальнейшие исследования о многогранной деятельности Чжоу Эньлая еще ждут своих российских исследователей.

1. Zhongwai xuezhe lun zhounlai: [Китайские и зарубежные ученые о Чжоу Эньлае] / под ред. Liu Yan. Tianjin: Nankai daxue chubanshe, 1990. 264 с.
2. Zhongwai xuezhe zai lun zhounlai: [Китайские и зарубежные ученые снова о Чжоу Эньлае] / Nankai daxue zhounlai yanjiu zhongxin. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 1999. 904 с.
3. Ershiyi shiji zhounlai yanjiu de xin shiye: [Новый взгляд по изучению Чжоу Эньлая в XXI веке] / под ред. Xu Xing. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2009. 1292 с.
4. Zhounlai yu ershi shiji de zhongguo he shijie: [Чжоу Эньлай, Китай и мир в XX веке] / Nankai daxue zhounlai yanjiu zhongxin. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2015. 1639 с.
5. Li Ping. Zhounlai yisheng: [Вся жизнь Чжоу Эньлая]. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2001. 552 с.
6. Li Ping. Qingnian zhounlai: [Чжоу Эньлай в молодости]. Beijing: Zhongguo shehui chubanshe, 2006. 214 с.
7. Wang Yongqin. Monan zhong de zhounlai: [Трудные события Чжоу Эньлая]. Guangzhou: Guangdong renmin chubanshe, 2002. 413 с.
8. Yang Mingwei, Chen Yangyong. Zhounlai wajiao fengyun: [Чжоу Эньлай и дипломатическая обстановка]. Beijing: Jiefangjun wenyi chubanshe, 2009. 338 с.
9. Gu Baozi. Zhounlai zuihou 600 tian: [Последние 600 дней Чжоу Эньлая]. Beijing: Zhongguo qingnian chubanshe, 2015. 576 с.
10. Liu Jisheng. Jiedu zhounlai: [Откровение Чжоу Эньлая]. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2017. 373 с.
11. Zhounlai zhenwen: [Необычайные рассказы о Чжоу Эньлае] / под ред. Li Xinzhi, Liu Qing. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2007. 892 с.
12. Zhounlai zishu: [Автобиография Чжоу Эньлая] / Zhonggong zhongyang wenxian yanjiushi dier bi- anyanbu. Beijing: Guoji wenhua chuban gongsi, 2009. 296 с.
13. Liang Jin'an. Gongpu zhounlai: [Слуга народа — Чжоу Эньлай]. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2013. 317 с.
14. Xu Xing. Zhounlai yu zhongguo xiandaihua de dianji: [Чжоу Эньлай и фундамент китайской модернизации]. Tianjin: Tianjin renmin chubanshe, 2008. 597 с.
15. Xu Xing. Zhounlai yu zhongri guanxi de lishixing zhuanzhe: [Чжоу Эньлай и исторический поворот в истории китайско-японских отношений]. Tianjin: Tianjin shehui kexue chubanshe, 2010.
16. Xu Xing. Xinzhongguo xingzheng tizhi de chuchuang -zhounlai yu zhongyang zhengfu choujian guanli shulun: [Начало создания административной системы нового Китая: Чжоу Эньлай и формирование Центрального правительства]. Beijing: Dangdai zhongguo chubanshe, 2013. 349 с.
17. Xu Xing. Ge Jiajia. Gaige kaifang yilai zhounlai yanjiu fazhan qushi fenxi — yi sanshi yunian lai guonei gongkai fabiao de xueshuxing lunwen wei jiben yiju de yanjiu: [Анализ тенденции исследований о Чжоу Эньлае в период политики реформ и открытости. На основе научных работ, опубликованных за последние 30 лет в Китае] // Xuzhou gongcheng xueyuan xuebao (shehui kexue ban). 2014. № 3. С. 7–12, 16.
18. Xu Xing. Zhounlai de lingdao yishu: [Мастерство лидерства у Чжоу Эньлая] // Zhongguo lingdao kexue. 2018. № 2. С. 17–21.
19. Chen Dacai. Zhounlai yanjiu lungao: [Сборник трудов по изучению Чжоу Эньлая]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2001. 402 с.
20. Chen Dacai. Lun zhounlai jingshen de dangdai jiazhhi: [О современной ценности духа Чжоу Эньлая] // Shaanxi shifan daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban). 2008. № 3. С. 85–89.
21. Chen Dacai. Shilun zhounlai de wenhua sixiang: [О культурной идее Чжоу Эньлая] // Shaanxi shifan daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban). 2013. № 4. С. 112–120.
22. Chen Dacai. Lun zhounlai dui zhongguo xiandaihua lilun yu shijian de gongxian: [О вкладе Чжоу Эньлая в теорию и практику китайской модернизации] // Shaanxi shifan daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban). 2011. № 4. С. 154–162.
23. См.: Китай: история в лицах и событиях / под общей ред. С.Л. Тихвинского. М., 1991. 151 с.; Бузов В.И. Новейшая история стран Азии и Африки (1945–2004 гг.). Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. 574 с.; История Китая / под ред. А.В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ; Изд-во «ОНИКС», 2007. 752 с.; Непомнин О.Е. История Китая. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. 736 с.; Волохова А.А. Из истории дипломатии КНР: некоторые аспекты наследия Чжоу Эньлая // Всемирная история и Восток. М., 1989. С. 179–186; Меликсетов А.В. «Новая демократия» и

- выбор Китая путей социально-экономического развития (1949–1953 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 82–95.
24. *Бурлацкий Ф.М.* Мао Цзэ-дун и его наследники. М.: Международные отношения, 1979. С. 59.
25. Там же. С. 244–249.
26. *Валахова А.А.* Из истории дипломатии КНР: некоторые аспекты наследия Чжоу Эньлая // Всемирная история и Восток. М., 1989. С. 179–186.
27. См.: *Тихвинский С.Л.* Замечательный сын китайского народа. Рец. на книгу: Чжоу Эньлай яньцзювэньсюань (Сборник статей по изучению Чжоу Эньлая) // Проблемы мира и социализма. 1988. № 11. С. 87–88; *Он же.* Чжоу Эньлай // Вопросы истории. 1988. № 6. С. 168–187; *Он же.* Чжоу Эньлай во Франции (1920–1924) // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 6. С. 101–110; *Он же.* Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949: по материалам биографии Чжоу Эньлая. М.: Издательская фирма «Восточная литература»; РАН, 1996. 575 с.
28. Китай: история в лицах и событиях / под общ. ред. С. Л. Тихвинского. М.: Политиздат, 1991. 252 с.
29. *Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости. С. 481.
30. *Галенович Ю.М.* Смерть Мао Цзэдуна. М.: ИзографЪ, 2005. 672 с.
31. *Зиновьев Г.В.* Китай и сверхдержавы. История внешней политики Китая (1949–1991). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2010. 328 с.
32. *Трояновский О.А.* Через годы и расстояния. История одной семьи. М.: Вагриус, 1997. С. 180–182.
33. *Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. М.: Рос.-фр. совмест. изд-во «ДЭМ», 1993. 397 с.
34. *Клычников Ю.Ю.* Чжоу Эньлай в государственной иерархии КНР и его роль во внешней и внутренней политике страны // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 33. С. 53–58. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56701.htm> (дата обращения: 01.10.2018).
35. *Мусский И.А.* 100 великих дипломатов. М.: Вече, 2002. 606 с.
36. *Залесский К.А.* Кто был кто во второй мировой войне. Союзники СССР. М.: АСТ, 2004. Т. 1. 702 с.
37. *Хи Хинг, Хуанг Юан.* Haiwai zhouenlai yanjiu zuixin jinzhan: [Новейшая тенденция изучения Чжоу Эньлая за рубежом] // Zhonggong dangshi yanjiu. 2013. № 12. С. 123–126.
38. *Портяков В.Я.* Российские исследователи о Чжоу Эньлае // Общество и государство в Китае. М., 2017. С. 390–396.
39. *Курочкин И.А.* Роль Чжоу Эньлая в политике Китая по вопросам взаимоотношения с СССР // Евразийский научный журнал. № 3. 2018. (март 2018). URL: <http://journalpro.ru/articles/rol-chzhou-enlaya-v-politike-kitaya-po-voprosam-vzaimootnosheniya-s-sssr> (дата обращения: 01.10.2018).

Ежегодная научная конференция ЦПИП ИДВ РАН «70 лет современному китайскому государству»

20 и 22 марта 2019 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась ежегодная научная конференция Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (ЦПИП) «70 лет современному китайскому государству». В работе конференции приняли участие более 40 ученых ИДВ и других академических институтов, специалисты российских аналитических центров, преподаватели и аспиранты российских вузов. К обсуждению было представлено 25 докладов, посвященных вопросам внутренней и внешней политики и правовому строительству КНР в контексте истории и современности.

Работа конференции традиционно прошла по тематическим секциям: «**Внутренняя политика**» (руководители — в.н.с. ЦПИП, к.ю.н. П.В. Трошинский, руководитель ЦПИП, д. полит. н. А.В. Виноградов, зам. директора ИДВ РАН, руководитель ЦСЭИК, д.э.н., проф. А.В. Островский, гл. редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока», г.н.с. ЦПИП, д.э.н., проф. В.Я. Портяков), «**Внешняя политика**» и «**Право Китая**» (руководители — руководитель ЦПИП, д.полит. н. А.В. Виноградов, в.н.с. ЦПИП, к.ю.н. П.В. Трошинский). В секционном заседании «Внешняя политика» принял участие директор ИДВ РАН, д.и.н., проф. С.Г. Лузянин.

Первый день конференции был посвящен обсуждению проблем внутренней политики в свете 70-летия КНР. В кратких приветственных выступлениях проф. А.В. Островского и проф. В.Я. Портякова подчеркивалась значимость и актуальность темы конференции, позволяющей проследить в динамике процесс строительства нового китайского государства, провести параллели с современным политическим процессом, обсудить «чувствительные» темы внутренней и внешней политики Китая, подвести итоги и оценить перспективы претворения в жизнь намеченных целей развития китайского государства и общества.

Секционное заседание открыл доклад-презентация к.ю.н. П.В. Трошинского (ИДВ РАН) на тему «Высшие органы государственной власти и управления в начальный период существования КНР (1949–1954 гг.)». Докладчиком было отмечено, что основу системы государственной власти в «доконституционный» период заложили «Закон об организации НПКСК», «Закон об организации Центрального народного правительства» и «Общая программа НПКСК», которые «составили “неписаную” китайскую Конституцию, отвергнув своими положениями возможность существования в КНР системы разделения властей». В докладе подчеркивалась первоначальная интенция «создания коллективной системы управления, при которой на высших постах в партии и государстве находились бы разные лица», однако с течением времени Мао Цзэдун единолично возглавил партийную (председатель КПК), государственную (председатель ЦНП), военную (председатель НРВС) и консультативную (председатель ВК НПКСК) ветви власти. По оценкам П.В. Трошинского, «в настоящее время КНР переживает схожий с исследуемым историческим периодом процесс укрепления уже “нового авторитаризма”».

Особенности функционирования системы государственного управления с момента начала «культурной революции» до первой административной реформы в 1982 г.

получили освещение в докладе к.ю.н. **В.Ф. Бородин** (ИДВ РАН). Характеризуя структуру и круг полномочий органов государственного администрирования в период «культурной революции», докладчик отметил, что они вели «борьбу за выживание» в «новом, видоизмененном формате и с усеченными функциями». На вершине управленческой пирамиды продолжал функционировать Госсовет как высший исполнительный орган при Группе по делам культурной революции (ГКР) — квазиинституте, который фактически заменил собой высший законодательный орган ВСНП. На провинциальном и низовом уровне партийные, представительные и административные функции исполняли ревкомы, просуществовавшие до 1980 г.

Комментируя затронутую в выступлении тему «внутриполитической борьбы управленцев-патриотов против политических радикалов в конце 1970-х годов», д.э.н., проф. **В.Я. Портяков** обратил внимание на встречающуюся в англоязычной литературе версию, согласно которой «главной силой практического управления Китаем с 1976 г. была «группировка нефтяников», и очень многие реальные события в жизни страны определялись силой этого «нефтяного лобби».

В продолжении дискуссии об острой борьбе в высших эшелонах партийно-государственной власти д.и.н., проф. **Ю.М. Галенович** (ИДВ РАН) проанализировал политические события, происходившие в стране в последующие четыре с лишним десятилетия с момента ухода из жизни Мао Цзэдуна. Следуя хронологии смены власти между руководителями КПК—КНР, докладчик дал емкую характеристику политического курса первых лиц партии и государства (от Хуа Гофэна до Си Цзиньпина). Проф. Ю.М. Галенович выделил четыре ключевых момента рассматриваемого отрезка времени: «военно-партийно-государственный переворот, который произвел маршал Е Цзяньин, арестовав «четверку», тем самым был открыт путь к преобразованиям в Китае», «антимаоцзэдуновская крестьянская революция, когда крестьяне взяли землю в свои руки» (т.е. переход от народных коммун к семейному подряду); «военно-партийно-государственный переворот, который произвел Дэн Сяопин, отстранив от власти сначала Ху Яобана, а затем Чжао Цзыяна и Вань Ли; подавление студенческих демонстраций на Тяньаньмэнь. Характеризуя политический курс Си Цзиньпина, проф. Ю.М. Галенович указал на то, что нынешний лидер КПК—КНР «в максимально возможной степени ужесточает существующий политический режим внутри страны, заново создает в КПК—КНР систему самовластного правления “великого вождя” и начинает активное осуществление на мировой арене глобальной стратегии, имеющей своей целью постепенное навязывание остальному человечеству своих правил, своего “нового порядка”».

Д.э.н., проф. **А.В. Островский** (ИДВ РАН) в докладе «Механизм принятия экономических программ КНР в XXI веке» проанализировал эволюцию системы стратегического планирования. В выступлении отмечалось, что по мере развития рыночной экономики «руководство КНР перешло на новые методы управления экономикой, связанные не с директивным планированием многочисленных экономических показателей, а с формированием необходимых экономических условий для достижения намеченных целей и задач». В докладе рассматривались основные изменения при переходе от директивного планирования к индикативному (переход от экономического планирования к социально-экономическому; от среднесрочных планов к сочетанию среднесрочных (пятилетних) и долгосрочных программ, от директивного планирования к макроэкономическому, от централизованного к планированию по уровням управления, повышение степени прозрачности при составлении среднесрочных и долгосрочных планов), виды планирования (программное, планирование по основным объектам, региональное и отраслевое), этапы при составлении планов. Обращалось внимание, что в документах съездов и пленумов КПК и сессий ВСНП сегодня фигурирует единственная конкретная цифра — показатель роста ВВП в качестве индикатора среднегодовых темпов роста национальной экономики.

Несколько докладов, представленных на секции «Внутренняя политика», были посвящены тенденциям развития государственной идеологии и ее основным составляющим. К.филос. н. А.Ю. Ионов (ИДВ РАН) в докладе на тему «Маяк патриотической идеологии в КНР 1950-х — 1970-х годов» ознакомил с освоением в КНР идей Гу Яньу (1613–1682), который оставил след в политической культуре Китая как мыслитель, сознательно избегавший примирения с идеологическими противниками. Основное внимание докладчик уделил историографическому обзору работ, посвященных учению и жизненному пути Гу Яньу. В докладе делался вывод, что «освоение духовного наследия Гу Яньу обусловлено кризисом политических стратегий, отрицавших традиционную культуру и опиравшихся на социальные эксперименты 1960-х годов», для преодоления которого «оказался чрезвычайно ценным опыт патриотически ориентированной традиции государственного строительства».

В выступлении к.и.н. А.О. Виноградова (НИУ ВШЭ, ИДВ РАН) говорилось об отражении основных идейных течений в КНР в первом десятилетии XXI в. в сегодняшней идеологии руководства КПК. Сопоставив взгляды, прогнозы и идеи, представленные в работах китайских интеллектуалов в 2000-е годы (статье Фан Нина «Три направления общественной мысли, оказавшие влияние на современный Китай» и книге коллектива авторов «Китай недоволен») с теоретическими положениями доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК, докладчик констатировал, что «китайское руководство с успехом интегрировало в политический мейнстрим и взгляды “новых левых”, и идеи националистов». Сближение позиций «новых левых» и господствующей идеологии, по мнению А.О. Виноградова, отражено в формулировке основного противоречия китайского общества в новую эпоху, а идеи националистов по сути служат основой внешнеполитической концепции КНР.

В докладе-презентации на тему «Некоторые тенденции в идейно-политической сфере в КНР в эпоху Си Цзиньпина» к.и.н., доцент А.Н. Карнеев (зам. директора ИСАА МГУ, ИДВ РАН) также отметил наличие внешних признаков движения в «левую сторону». Примерами могут служить лозунг «вспомнить о первоначальных принципах», призывы сплотиться вокруг ЦК партии во главе с ядром ЦК КПК Си Цзиньпином, такие мероприятия, как помпезное празднование 200-летия со дня рождения Карла Маркса в 2018 г. Анализируя особенность официальной риторики эпохи Си Цзиньпина, докладчик обратил внимание на «диссонанс» между решимостью вернуться к ряду основополагающих принципов партийной идеологии и обещаниями последовательного и всестороннего «углубления реформ», придании рынку «решающей роли» в распределении ресурсов, построения «государства, управляемого законом», апологии свободной торговли и борьбы с протекционизмом (касательно процессов глобализации и мировой торговли). В докладе отмечалось, что влияние «левой риторики» сказывается на общественных настроениях, в частности, в элитных вузах активно создаются марксистские кружки, члены которых от научных баталлий начинают переходить к практическим действиям. Громкий общественный резонанс вокруг инцидента с арестом студентов, выступивших в поддержку требований рабочих о регистрации своего профсоюза, по мнению А.Н. Карнеева, ставит перед властями сложный вопрос, «до какой степени можно крутить колесо государственного управления (в сфере идеологии) в левую сторону».

В рамках секции «Внутренняя политика» были также представлены научные сообщения, посвященные теоретическим проблемам политологии и отдельным аспектам внутренней политики КНР.

К. полит. н., доцент Е.Н. Грачиков (РУДН) выступил с докладом на тему «Генезис китайского государства: Тянься, империя, квазигосударство, государство», в котором проанализировал основные особенности социально-политического устройства Китая в разные периоды развития. В докладе подчеркивалось, что «на протяжении длительной истории в Китае не было четкого осознания своего пространства в качест-

ве государства, поэтому китайцы формализовали его в такой нарратив, как «Тянься», часто вообще подразумевая не столько ареал распространения своей культуры, сколько весь мир». Охарактеризовав особенности и принципы организации «системы Тянься», «системы Чаогун» (империя) и «системы Банцзяо» (квазигосударство), докладчик более детально остановился на анализе периода современного государства (КНР), выделив три больших этапа развития: «идеологический (1949–1978); экономический (1978–2013) и политический (2014— по настоящее время)».

М.А. Сущенко (МБОУ «Гимназия № 1», г. Кемерово) проанализировал особенности функционирования политической элиты КНР. В качестве основных характеристик докладчик выделил «существование разнородных внутриэлитарных отношений и связей, функционирование традиции рекрутирования в виде специфической системы отбора руководящих кадров в партийно-государственной вертикали, наличие внутреннего компромисса между элитарными группами, отсутствие острой внутрипартийной борьбы». По мнению докладчика, сложившийся механизм формирования и функционирования политической элиты позволяет сохранять устойчивость и стабильность политической системы КНР.

Выступление **А.А. Семенова** (ИДВ РАН) было посвящено анализу роли НПКСК в политической системе КНР. В докладе рассматривалась структура, основные полномочия и задачи НПКСК на разных исторических этапах. Современную роль НПКСК докладчик охарактеризовал как «специфический механизм обратной связи между государством и обществом, который посредством политических консультаций позволяет корректировать текущую государственную политику в соответствии с общественными интересами и потребностями, тем самым оказывая положительное влияние на стабильность политического режима в КНР».

К.э.н. Е.С. Баженова (ИДВ РАН) в докладе на тему «Стратегия в области урбанизации КНР и развитие зоны Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй» обратила внимание на взаимосвязь урбанизационных и демографических процессов, проявляющихся в активизации миграционного движения, притоке экономически активного населения в города и росте численности городского населения. По прогнозам, число городских жителей, которое уже сегодня превысило численность сельского населения, к 2030 г. составит 70% общей численности населения КНР. В докладе подчеркивалось, что стратегия в области урбанизации является одной из составляющих национальной стратегии развития. Примером решения задачи выравнивания межрегионального дисбаланса посредством ускорения урбанизационных процессов в экономически отстающих районах служит программа скоординированного развития зоны Бохайского залива Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй, которая была подробно рассмотрена в выступлении.

К.и.н. Л.А. Афонина (ИДВ РАН) в выступлении на тему «Развитие китаизации религий» проанализировала основные тенденции партийно-государственного управления религиозной сферой, обратив внимание на «поступательную работу китайских властей по сведению религиозности общества к возможному минимуму». Снизить степень исходящей от религий идеологической угрозы призвано вступившее в силу в 2018 г. новое «Положение о религиозной деятельности», устанавливающее более строгие правила регистрации и функционирования религиозных объединений, религиозных учебных заведений и объектов религиозного назначения. Докладчик отметила, что под лозунгом «соответствия религий социализму и китайской культуре» усиливается борьба с неофициальным пластом религиозной сферы, закрываются воскресные школы, устанавливаются камеры наблюдения в храмах и мечетях, сносятся минареты в арабском стиле, ужесточается контроль над интернет-ресурсами религиозного содержания.

Особый интерес аудитории вызвали научные сообщения, посвященные актуальным тенденциям национальной политики в отношении малочисленных народов. **К.ю.н. М.С. Михалев** (ИЭА РАН) в докладе-презентации «Таджикки Синьцзяна: принуж-

дение к процветанию. Уроки форсированного развития периферийных районов» поделился результатами своей недавней экспедиции в Ташкуртан-Таджикский автономный уезд округа Кашгар СУАР, расположенный в непосредственной близости от границ Китая с Таджикистаном, Афганистаном и Пакистаном. Докладчик обратил внимание на отличительную черту таджиков: при всей лояльности к титульной нации хань и солидарности с ханьцами в «антипатии» к уйгурам, таджики мало поддаются как мягким способам интеграции, так и более жестким. Нестандартная ситуация «вынуждает власти КНР прибегать к нестандартным действиям, одним из которых являются экологические переселения, в ходе которых экономическая выгода навязывается населению приграничных районов силовым путем». Проанализировав ход и последствия экологических переселений, М.С. Михалев сделал вывод о том, что «несмотря на то, что подобным образом сравнительно легко достигается высокая степень подконтрольности приграничных районов, его применение в долгосрочной перспективе представляет опасность как для культуры малых народов, так и для безопасности самого государства».

Ю.А. Грачева (ИДВ РАН) в научном сообщении представила информацию и проанализировала факторы самоидентификации малочисленных народов провинций Гуйчжоу и Юньнань на основе полевых материалов и результатов опросов, проведенных летом 2018 г. В докладе была дана классификация по этническому составу опрошенных (мяо, буи, хуэй, наси, мосо), по возрастным категориям (до 20 лет, 20–40, 40–60, более 60 лет), по территориальному признаку (1) город; (2) этнические деревни, включенные в экономическую программу развития — преимущественно туризм «с национальной спецификой»; (3) отдаленные, труднодоступные деревни, не включенные в программы развития. На основе анализа наиболее важных атрибутов национальной самоидентификации (еда, одежда, язык, религия, архитектура домов и др.), Ю.А. Грачева сделала вывод о низком уровне самоидентификации у молодого поколения малочисленных народов Юго-Западного Китая, вызванного в первую очередь отсутствием потребности в общении на родном языке или его незнанием.

Во второй день конференции состоялись заседания секций «Внешняя политика» и «Право Китая». Тематический блок «Внешняя политика» включал доклады, посвященные теории и истории международных отношений и геополитики, проектам в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и вопросам двустороннего сотрудничества Китая и России.

Д.э.н., проф. В.Я. Портяков (ИДВ РАН) в своем выступлении дал критический разбор двух англоязычных авторских монографий — «Китайский поиск: история внешних сношений Китайской Народной Республики» (China's Quest: The History of the Foreign Relations of the People's Republic of China) профессора Технологического университета Джорджии (США) Джона Гарвера и «Внешняя политика Китая: вызовы и перспективы» (China's Foreign Policy: Challenges and Prospects) профессора политологии Городского университета Гонконга Джозефа Юй-шек Чэна (Чжэн Юйшо). Докладчик подчеркнул, что появление в 2016 г. сразу двух обобщающих трудов по внешней политике КНР «обусловлено острой общественной потребностью, поскольку такого рода работ не было фактически с 1960-х — 1970-х годов». Проф. В.Я. Портяков проанализировал структуру, сущностное содержание, проблематику работ, выявил нестандартные авторские подходы и оценки и новые или слабо освещенные в отечественном Китае ведении сюжеты. Центральной идеей книги Дж. Гарвера, в которой рассматриваются внешние связи КНР с 1949 по 2015 г., проф. В.Я. Портяков назвал «связь политики внешней с политикой внутренней». В работе Джозефа Чэна, посвященной изучению «послемаоцзэдуновской» внешней политики КНР, особый интерес, по мнению докладчика, представляет раздел «Действия Китая в некоторых кризисных ситуациях», в котором представлен, в частности, сюжет о вовлечении Китая в Дарфурский кризис в Судане. В выступлении также отмечалось, что «наряду с обязательным для обобщающей работы описанием отношений

КНР с США, Россией, Японией и Индией, в обоих трудах представлена характеристика внешней политики Пекина на Иранском направлении». В качестве общего для обеих работ недостатка была названа слабая проработка или отсутствие таких направлений, как Европа, Центральная Азия, постсоветское пространство в целом. Отвечая на вопрос о причинах «затянувшегося вакуума» в сфере изучения внешней политики КНР, проф. В.Я. Портяков указал на сложность материала, закрытость китайского общества и необходимость временной дистанции в связи с быстро меняющейся ситуацией.

К.и.н. Е.В. Журавлева (МО РУДН) представила доклад-презентацию на тему «Отражение понятия "демократия" в рамках дипломатии КНР», в котором ставилась задача путем сравнительного анализа выявить «китайскую специфику» трактовки термина «демократия» и рассмотреть основные проявления демократизации внешней политики КНР. Путем анализа работ китайских политологов и заявлений политиков было выявлено, что «в китайской трактовке власть не напрямую передается народу, но народ становится одним из главных субъектов внутренней и внешней политики». Докладчик выделила два уровня использования понятия «демократия» во внешней политике — национальный и международный. На национальном уровне «демократия» проявляет себя в идеологеме «дипломатия во имя народа» (вайцзяо вэй минь) и в понятии «народная дипломатия» (миньцзянь вайцзяо). На международном уровне субъектом международных отношений выступает государство, основными инструментами при демократизации внешней политики КНР являются участие в международных организациях, сотрудничество в рамках Юг — Юг, формирование национальных концепций («китайская мечта», сообщество единой судьбы), использование западных инструментов для решения внешнеполитических задач (ежегодно выпускает «Белую книгу по правам человека в США»).

К.ю.н., доцент В.И. Балакин (ИДВ РАН) выступил с докладом на тему «Современное китайское государство как фактор геополитической стабильности на континенте Евразия». Проанализировав выстраиваемую Китаем «динамическую модель евроазиатской интеграции», докладчик отметил, что «китайские власти делают основной акцент на особенностях государственно-цивилизационного восприятия ведущими игроками евроазиатского пространства нового многополярного мира, который должен стать значительно более устойчивым, чем прежний американоцентричный однополярный мир». По прогнозу ученого, «рост влияния китайского государства в обозримом будущем неизбежен, и соседние евроазиатские страны, видимо, должны искать пути не его бесперспективного сдерживания, но использования в интересах собственного позитивного развития».

На усиление геополитической роли Китая в Евразии посредством практической реализации инициативы «Один пояс, один путь» обращалось внимание в докладе-презентации к.э. н. С.Л. Сазонова (ИДВ РАН). Докладчиком были рассмотрены проекты создания новых транспортных коридоров, которые позволяют диверсифицировать транзитные маршруты транспортировки товаров из КНР и стран АТР в Европу. По оценкам С.Л. Сазонова, перспективы сопряжения транспортных путей России и Китая связаны с Восточным полигоном. Возможность реальной интеграции России в систему экономических связей стран АТР и ЮВА во многом зависит от ускорения развития международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2», которые дают северо-восточным провинциям Китая, а также Монголии прямой выход к Японскому морю.

Выступление д. пед. н., проф. Т.Л. Гурулевой (Военный институт МО РФ, ИДВ РАН) было посвящено созданию и развитию ассоциаций вузов как новой форме сотрудничества Китая и России в области образования. В докладе был показан плановый, централизованный характер процесса создания вузовских ассоциаций после 2014 г., рассмотрены виды ассоциаций, принципы их организации, цели и основные направления деятельности. В качестве положительного момента отмечалось, что «в создании ассоциаций вузов прослеживается посыл упорядочить спорадическое сотрудничество россий-

ских и китайских вузов, направить его на повышение качества профильного образования и усиление научно-исследовательского сотрудничества вузов двух стран». В то же время в докладе обращалось внимание на то, что инициатором процесса выступает китайская сторона, которая в первую очередь преследует свои национальные интересы. В рамках дискуссии были подняты такие важные проблемы, как отсутствие в российском правовом поле понятия «совместные образовательные программы», асимметричная ситуация в КНР и России в сфере практики двойных дипломов, отсутствие в РФ механизма контроля за созданием и деятельностью вузовских ассоциаций.

В выступлении к.и.н. К.К. Меркулова (ИДВ РАН) была предпринята попытка концептуализации теоретико-методологической основы новой идеологии общественного развития и международно-межцивилизационного сосуществования на примере России и Китая. Докладчик подчеркнул «особое значение различных разновидностей теории и практики “меритократии” в плане возможностей и перспектив генезиса новой истинно доброй био- и геоидеологии совместного социально-экологического выживания и оптимального интерпартиотического соразвития (передовых) субъектов земного социума, в т.ч. при “оптимальном” сценарии эволюции идейно-политической платформы КПК в широкой перспективе».

Заключительный тематический блок «Право Китая» был представлен докладами, посвященным правовым и административным методам государственного регулирования общественных отношений и экономики КНР.

А.Ю. Ефимов (РУСАЛ, Фонд «Озеро Байкал») в своем выступлении проанализировал систему природоохранного законодательства и особенности правоприменительной практики в КНР после XVIII съезда КПК. В докладе был представлен обзор корпуса партийных документов, законов и административных актов, на основе которого в КНР ведется «сокрушительная война по предотвращению загрязнения». Отмечалось, что одновременно с модернизацией действующего законодательства, в КНР регулярно издаются подзаконные акты и административные правила, ужесточают стандарты на выбросы дизельного транспорта и для предприятий угольной и металлургической промышленности. Говоря о правоприменительной практике, докладчик указал на право прокуратуры возбуждать гражданские иски по делам о загрязнении окружающей среды, отметил увеличение количества вынесенных административных предписаний и совокупного объема выписанных штрафов, а также рассмотренных судами всех уровней количества уголовных и административных дел по природоохранным нарушениям.

К.ю.н., доцент А.П. Алексеенко (ФГБОУ ВО Владивостокский государственный университет экономики и сервиса) в докладе-презентации проанализировал правовые аспекты ограничений в отношении ICO и криптовалюты в Китае. В выступлении обращалось внимание на то, что в отсутствие национального законодательства в отношении проведения ICO и оборота криптовалюты, основным документом, регулирующим данную сферу, служит распоряжение Народного банка Китая о запрете на проведение ICO на территории КНР. По оценкам докладчика, введенный запрет «видится разумным шагом, который позволяет предотвратить возникновение “финансовых пирамид”. Между тем такой запрет не должен быть вечным, он должен существовать до появления нормативных правовых актов, позволяющих осуществлять жесткий контроль за ICO». По мнению А.П. Алексеенко, «в данной сфере уместно использовать законодательство о рынке ценных бумаг».

А. В. Пиквер (ИДВ РАН) в докладе на тему «Политика государства в области электронной коммерции» охарактеризовал современное состояние процесса всесторонней информатизации экономики и общества, более подробно осветив реализацию Плана действий «Интернет плюс», который находится на личном контроле премьер-министра Госсовета КНР Ли Кэцзяна. Докладчик отметил, что в перечень «ведущих драйверов» развития цифровой экономики правительство включает электронную коммерцию, стремительный рост

которой стимулирует реализация утвержденных Госсоветом КНР программ «Широкополосный Китай» (2013 г.) и «Интернет плюс в сфере товародвижения» (2016 г.). А.В. Пиковер обратил внимание на то, что в условиях политической и финансовой государственной поддержки быстрыми темпами наращиваются объемы транснациональной электронной торговли, «формируются новые социо-экосистемы всеобъемлющего потребления высокого уровня и персонализацией и развитыми горизонтальными связями, происходит слияние онлайн коммерции с офлайн коммерцией».

Новые перспективы всесторонней информатизации жизни общества были наглядно показаны М.М. Баранчиковой (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ) в научном сообщении на тему «Правовое регулирование формирования нового человека в Китае». Основное внимание докладчик сосредоточила на исследовании системы социального рейтинга, которую в КНР тестируют с 2014 г., а к 2020 планируют ввести на всей территории страны. В докладе отмечалось, что введение социального рейтинга правительство рассматривает как важный инструмент для построения гармоничного социалистического общества, главная цель нововведения — «воспитание честных, законопослушных и благонадежных граждан». Докладчиком рассматривались механизм и параметры оценки поведенческой активности граждан, виды поощрений и санкций, включающих запрет на работу в госучреждениях, ограничения в соцобеспечении, отказ в покупке авиабилетов и др. По мнению М.М. Баранчиковой, одним из наиболее «уязвимых» с правовой точки зрения мест проекта является ущемление в случае низкого рейтинга гарантированных Конституцией личных прав и свобод граждан.

А.Н. Родионов (Государственный университет управления) представил доклад-презентацию «Механизм ГЧП как драйвер китайской экономики. Современное состояние фондового рынка». В выступлении были рассмотрены основные этапы развития модели ГЧП и три вида ГЧП—проектов: коммерческие (платные дороги), соответствующие коммерческим (спортивные залы, школы, метро) и некоммерческие (не окупаемые городские дороги и мосты, парки, зеленые зоны). Отметив, что главной сферой внедрения модели ГЧА является инфраструктурное строительство, докладчик обратил внимание на то, что «Государственная программа урбанизации нового типа» предусматривает к 2020 г. увеличить количество крупных городов со 193 до 658, что требует колоссальных инвестиций в развитие инфраструктуры. По оценкам докладчика, «динамика роста котировок акций строительных компаний на фондовом рынке позволяет говорить о том, что механизм ГЧП становится драйвером развития экономики».

Два дня работы конференции были наполнены содержательными научными сообщениями, активными дискуссиями и острыми полемиками. Выступления и их обсуждение выявило высокий интерес к проблемным аспектам китайско-российского сотрудничества, концепции патриотизма (революционный и прагматический) и вопросам государственного управления в условиях информатизации и компьютеризации общества.

*Н.Ю. Демидо, старший научный сотрудник
Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН.
E-mail: ndemido@yandex.ru*

**Конференция в Нанькайском университете
«Российское китаеведение: традиции и современность»
и первое заседание рабочей группы по переводу на китайский язык
и изучению десятитомной «Истории Китая с древнейших времен
до начала XXI века»**

В октябре 2017 г. вышел в свет т. 8 — «Китайская Народная Республика (1949–1976)» (отв. ред. д.н.н. Ю.М. Галенович), завершивший издание 10-томной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» (гл. ред. академик РАН С.Л.Тихвинский). Многотомная история Китая стала первым в России и вторым после «Кембриджской истории Китая» в западном мире многотомным монографическим исследованием истории китайской цивилизации. Одним из несомненных достоинств российской «Истории Китая» стало то, что она значительно расширила хронологические рамки изучения китайской истории, включив как последние археологические находки и открытия, так и самые последние исторические события начала XXI века.

Менее чем через год, в июле 2018 г. Китайский научный фонд объявил общенациональный конкурс на перевод издания на китайский язык. В последние десятилетия в КНР пристально следят за изучением Китая и развитием синологических исследований за рубежом. Ведущим научным центром Китая, специализирующимся на этом направлении, является факультет иностранных языков Нанькайского университета, который на протяжении 20 лет системно изучает мировое китаеведение. Не удивительно, что в сентябре 2018 г., когда были объявлены результаты, стало известно, что конкурс выиграл творческий коллектив во главе с руководителем проекта, известным в Китае и России исследователем российского китаеведения, деканом факультета иностранных языков Нанькайского университета Янь Годуном. Проект, получивший название «Сквозная история Китая: перевод и исследование», вошел в число основных научных тем Китайского научного фонда и рассчитан на 5 лет.

23 апреля 2019 г. в г. Тяньцзине состоялась приуроченная к первому рабочему совещанию руководителей переводческого коллектива, собравшего наиболее известных китайских переводчиков-русистов, научная конференция, посвященная изучению Китая в России.

Вел конференцию заместитель директора Института иностранных языков Нанькайского университета, профессор Ма Хунци. В приветственном слове заведующий отделением общественных наук Нанькайского университета Лян Ци подчеркнул, что 10-томная «История Китая» относится к числу наиболее выдающихся достижений российского китаеведения. В работе над изданием приняли участие большое число китаеведов, всего более 160 человек, и по своему значению ее можно сравнить с «Кембриджской историей Китая». Издание российской «Истории Китая» стало важным событием в развитии и укреплении двусторонних научных и культурных связей, не меньшую роль в развитии научного диалога и культурных обменов сыграет перевод и издание в Китае российской «Истории».

Проф. Янь Годун в своем докладе остановился на достижениях в изучении российского китаеведения в КНР и рассказал об изучении на факультете иностранных языков Нанькайского университета китаеведения в других странах. Главное внимание он уделит основным задачам, трудностям и принципам перевода «Истории Китая» на китайский язык. Он особенно подчеркнул необходимость точного понимания и перевода текстов российских авторов, уточнения фактов и исторических событий уже на этапе пе-

ревода и консультациях с китайскими историками соответствующего периода; соответствия российских понятий и терминов китайским и др.

Ведущим первого рабочего совещания был известный русист, заместитель главного редактора перевода на китайский язык энциклопедии «Духовная культура Китая», профессор Сычуаньского университета Лю Яднн. В своем выступлении он поделился опытом перевода Энциклопедии на китайский язык, остановился на сложностях перевода специальной, узкопрофессиональной лексики. По мнению проф. Лю Ядина, сам факт выхода этого издания является свидетельством не только высокого профессионализма, но и в высшей степени ответственного, подвижнического отношения российских китайедов к своему профессиональному долгу. Издание «Истории Китая» стало достойным завершением научной деятельности С.Л. Тихвинского, посвятившего изучению Китая всю свою жизнь.

Ответственный редактор т. 9 «Истории Китая» А.В.Виноградов рассказал о замысле и ходе работы над изданием. В своем выступлении он отметил, что за последние 15 лет в России вышло два крупных издания — 5-томная энциклопедия «Духовная культура Китая» и 10-титомная «История Китая». По его мнению, успешное завершение проекта, посвященного духовной культуре Китая, стало стимулом для начала проекта по истории Китая. Он рассказал о принципах и главной идее издания так, как их сформулировал главный редактор академик С.Л. Тихвинский, об организации работы и распределении обязанностей между членами главной редколлегии, принципах хронологического деления томов, кратко охарактеризовал каждый том. Более подробно А.В. Виноградов остановился на работе над т. 9 «Реформы и модернизация», авторском коллективе, работе с издательством. В заключении выразил благодарность за проявленный интерес к изданию и заверил в готовности российских ученых оказать китайским коллегам всю необходимую помощь в процессе перевода.

В рабочем совещании и конференции принял участие известный переводчик русской литературы, председатель Китайской ассоциации изучения русской литературы, руководитель Пекинского центра славистики, кавалер ордена Дружбы РФ Лю Вэньфэй. Он высоко оценил успехи и творческий потенциал коллектива переводчиков и историков Нанькайского университета, выразил уверенность в том, что проект будет с успехом завершен, а также призвал китайских коллег использовать работу по переводу, чтобы привлечь к сотрудничеству российских ученых, способствовать развитию контактов между учеными России и Китая.

С докладами выступили директор Института русского языка Хэйлуцзянского университета Сун Чао, заместитель декана Института иностранных языков Шаньдунского университета Ли Цзяньган, профессор Нанкинского университета Ван Цзясин, профессор Института литературы Нанькайского университета Ван Чжигэн, профессор Пекинского педагогического университета Чжан Бин и др. В целом, для перевода издания была собрана команда высокопрофессиональных и даже выдающихся русистов, подавляющее большинство которых принимало участие в переводе энциклопедии «Духовная культура Китая». В работе конференции и совещании принял участие декан исторического факультета Нанькайского университета Цзян Ши.

В ходе обсуждения высказывались опасения, что могут возникнуть трудности при переводе на китайский язык заимствований из других европейских языков, отличия в словоупотреблении в различные исторические периоды и т.д. Особую сложность, по мнению китайских коллег, могут вызвать обратный перевод цитат китайских исторических и политических деятелей и ученых, а также поиск источников и литературы, которыми пользовались российские ученые.

В процессе обсуждения была затронута и крайне важная для всего проекта тема. Некоторые китайские участники привлекли внимание к тому, что взгляды российских и китайских историков на отдельные события принципиальным образом отличаются.

Было высказано мнение, что в издании должны быть отражены подходы и позиция российских ученых, которые недопустимо менять или корректировать.

После завершения работы над переводом, рассчитанным на 2 года, начнется второй этап — исследовательский, который рассчитан на 3 года. На этом этапе в работе примут участие ведущие китайские историки.

Ответственные за перевод были распределены следующим образом:

Т. 1 и 2 — профессор Янь Годун (Нанькайский университет); (в ходе обсуждения высказывалось мнение, что для перевода т. 2 будет привлекаться профессор Сычуаньского университета Лю Ядин, имеющий богатый опыт перевода философских и исторических текстов соответствующего периода из энциклопедии «Духовная культура Китая»).

Т. 3 и 4 — профессор Сун Чао (Хэйлунцзянский университет).

Т. 5 и 10 — профессор Чжан Бин (Пекинский педагогический университет).

Т. 6 и 7 — профессор Ли Цзяньган (Шаньдунский университет).

Т. 8 и 9 — профессор Сяо Юйцю (Нанькайский университет).

Конференция и рабочее совещание прошли в деловой, доброжелательной атмосфере, китайские участники высоко оценили вклад российских Китаеведов всех поколений в изучение Китая. Участие в конференции натолкнуло на мысль, что перевод на китайский язык все значительные работы по истории и культуре Китая, китайские ученые пока не отваживаются на аналогичные по масштабу исследования мировой истории и истории отдельных стран, но это время, возможно, уже не за горами.

Рецензии

Российско-китайский диалог и «Большое евразийское партнерство»: новая идеология отношений?

**(Петровский В.Е. Россия, Китай и контуры «Большого евразийского
партнерства». М.: ИДВ РАН, 2018. 216 с. ISBN 978–5–8381–0342–0)**

В конце 2018 г. года Институтом Дальнего Востока РАН была издана монография известного российского политолога и журналиста, доктора политических наук, действительного члена Академии военных наук В.Е. Петровского «Россия, Китай и контуры «Большого евразийского партнерства»». В работе подробно характеризуется инициатива Большого евразийского партнерства (БЕП), а главное — анализируются возможности, направления и перспективы продвижения названной инициативы. Большим достоинством книги стало то, что в ней подвергнуты подробному анализу разработки широкого круга ученых и экспертов в области российско-китайских отношений и общей ситуации в Евразии и в мире, послужившие отправным пунктом для изысканий автора на новом витке исследовательской спирали. Как справедливо отмечает В.Е. Петровский, качественное научное обоснование идеи БЕП возможно только на фоне осмысления более общих геоэкономических и геополитических представлений, связанных с развитием и обустройством Большой Евразии (с. 8).

Актуальность работы вполне очевидна в силу необходимости углубленного изучения и прогнозирования новейших тенденций интенсивно расширяющегося российско-китайского диалога, который обретает все возрастающее региональное и общемировое звучание, а также тем ключевым обстоятельством, что Россия постепенно возвращается на позиции мирового «центра силы», продуцирующего не только стратегическое, но и идейное влияние.

Актуальность книги определяется и тем, что ныне структура отношений безопасности и сотрудничества в Евразии претерпевает

фундаментальные изменения, обусловленные не только окончанием холодной войны, но и последующим нарастанием международных экономико-интеграционных тенденций. Эти изменения и создали потребность в выработке новой модели сотрудничества на основе многостороннего взаимодействия, соблюдения принципов взаимного доверия и безоговорочного уважения национального суверенитета. Образцом этой модели, как отмечает автор, является предложенная российским президентом идея БЕП, призванная обеспечить не просто сочетаемость, но синергию различных региональных экономических инициатив и структур в интересах всех партнерствующих сторон.

Своей основной научно-исследовательской задачей автор видит дальнейшую научную концептуализацию идеи Большого евразийского партнерства в опоре на представление В.В. Путина о БЕП как широком интеграционном контуре в Евразии. Автор подчеркивает, что его идея интеграционного контура способствовала становлению видения Большого евразийского партнерства как «совокупности взаимосвязанных и взаимозависимых интеграционных контуров» в сфере региональной экономической интеграции и сотрудничества, сопряжения форматов евразийской экономической интеграции: Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), АСЕАН и пр. — и предложенной Китаем Инициативы «Пояса и Пути» (ИПП), приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества и формирования системы комплексной трансрегиональной безопасности в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) (с. 5). Развитие в монографии концепции БЕП как ряда взаимодействующих

ших интеграционных контуров является научной новеллой и несомненной удачей автора.

Глава I работы «Контур трансрегиональной экономической интеграции в АТР» посвящена рассмотрению истории формирования и основных положений идеи БЕП, содержанию и смыслу современного политологического дискурса по соответствующей проблематике.

Особым достоинством и отличительной чертой работы явилась предложенная автором методика изучения предмета, согласно которой проблематика БЕП рассматривается им через призму российско-китайских отношений — значимого фактора и в определенном смысле регулятора современной международной жизни. Такой методологический выбор объясняется тем, что для успеха любого формата Большой Евразии, будь то БЭП, ИПП, ШОС или даже ЕАЭС, членом которого КНР ныне не является, необходимо стратегическое партнерство между Китаем и Россией — мощными мировыми акторами, взаимодополняющими друг друга как в сфере международных торговых и энергетических связей, так и в деле «катализа» трансконтинентального и межконтинентального сотрудничества, поскольку их диалог способен выступить связующей силой между разными географическими частями Евразии.

Автор называет причины взлета мировой значимости российско-китайского стратегического партнерства. Основная среди них — это то, что обе страны стали главными противниками однополярного мира не только на уровне политических деклараций, но и на уровне ощутимых практических шагов, среди которых — внедрение в международные расчеты региональных валют и создание новых финансовых и экономических институций, таких, как БРИКС, ШОС и ЕАЭС. Кроме того, и Россия, и Китай стоят перед общими вызовами, успех противостояния коим более продуктивен во взаимодействии и взаимодополнении. В числе этих вызовов — нестабильность географических близкой Китаю и РФ Центральной Евразии, высокая вероятность социального и политического взрыва в регионе. Плюс обе страны одинаково заинтересованы в недопущении роста влияния внерегиональных игроков, что создает еще одну точку взаимопонимания (С. 10). Таким образом, необходимость и объективная возможность российско-китайского сотрудничества на Евразийском интеграционном поле в книге весьма основательно фундируется.

В работе подчеркивается факт политической поддержки инициативы Большого

евразийского партнерства со стороны Китая, который считает ее «позитивной и конструктивной идеей» (с. 14). В практическом отношении эта поддержка уже вылилась в такой вектор взаимодействия сторон, как процесс сопряжения интеграционной активности в рамках ЕАЭС и ЭПШП. Он является ключевым компонентом процесса формирования БЕП. Вторым вектором автор называет формирование «дорожной карты», включающей конкретные проекты и мероприятия по сопряжению экономических интересов стран Евразийского союза и КНР (с. 14).

В.Е. Петровский, отталкиваясь от анализа мнений широкого круга политологов, характеризует этапы процесса формирования БЕП, первый из которых уже преодолен. Это запуск в августе 2016 г. переговорного процесса между Китаем и Евразийским союзом по сопряжению строительства ЭПШП и ЕАЭС, в котором был сделан акцент на создании регулятивной среды. Второй этап — это превращение (примерно в 2030 г.) зоны свободной торговли в рамках ШОС (которую, однако, еще предстоит создать. — Е.С.) во всеобъемлющее экономическое партнерство на базе интеграции ЕАЭС, ШОС и БРИКС. Третий же этап (примерно к 2040 г.) должен пройти под знаком образования БЕП на основе интеграции всеобъемлющего экономического партнерства со странами АСЕАН или создаваемого всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП). К тому времени планируется сформировать режимы полной свободы торговли, обеспечить свободное движение капиталов и создание общего финансового и единого энергетического рынков; а также единых правил торговли товарами и услугами, общего рынка транспортных услуг и единой транспортной системы. Автор отмечает, что практическая работа в этом направлении уже начата, и, согласно мнению Минэкономразвития РФ, уже сейчас ЕАЭС и ШОС могут начать работу над подготовкой соглашения об экономическом континентальном партнерстве (с. 22).

В связи с этим наиболее актуальной задачей в книге называется выявление тех институциональных форм, которые были бы оптимальными для придания необратимого характера процессу формирования «сообщества интересов и ценностей в Центральной Евразии». Автор разделяет точку зрения, что «эти институциональные формы должны иметь всеобъемлющий и инклюзивный характер, сочетать политику и экономику, «мягкую» и «жесткую» силу», быть комфортными для

великих, средних и малых держав и использовать опыт и возможности уже существующих конструктивных институтов международного развития (с. 23).

Таким образом, автор приходит к важному выводу: Большое евразийское партнерство может заложить фундамент нового, более рационального и справедливого миропорядка, основанного на многополярности, суверенном равенстве, уважении ко всем культурам, религиям и цивилизациям, инклюзивном и недискриминационном международном сотрудничестве (с. 24).

Автор внимательно оценивает текущую и потенциальную роль России в интеграционных процессах в АТР, подчеркивая, что РФ не может стоять в стороне от них, тем более что регион неуклонно превращается в новый центр мировой экономики. Однако «критическая масса» РФ на интеграционном поле АТР пока невелика — примерно 3% глобального ВВП. В случае успеха евразийской интеграции в формате БЭП и/или его составляющих эта доля возрастет, но все же будет уступать другим региональным интеграционным образованиям. В связи с этим автор акцентирует вывод, что правильный выбор пути и готовность следовать ему — залог конечного успеха. Это важно и для развития евразийской интеграции в рамках ЕАЭС, который должен найти и закрепить за собой конкурентоспособную нишу среди мировых «экономических гигантов» — стран ЕС и Юго-Восточной Азии, США, Китая (с. 37).

Главное смысловое значение книги несет, на наш взгляд, Глава II, в которой исследуются вопросы сопряжения евразийской экономической интеграции и Инициативы «Пояса и Пути», проблематика ШОС как институциональной основы сопряжения ЕАЭС и ИПП, а также финансово-экономическое сотрудничество в рамках ШОС в представлениях России и центральноазиатских стран — членов Шанхайского форума.

Автор трактует ИПП как «наиболее очевидное воплощение активизации усилий Китая по усилению своего присутствия в Евразии и регионе Центральной Азии», а также как одно из наиболее знаковых и новаторских проявлений современной экономической регионализации и глобализации, способное в случае реализации коренным образом изменить геоэкономическую и геополитическую ситуацию в Евразии (с. 41). Он отмечает и масштабную роль сухопутной части ИПП — Экономического пояса Шелкового пути как комплексной инициативы и/или мегапроекта нового типа. По-

скольку рамки ЭИШП не ограничиваются только ЦАР, то, как подчеркивает автор, благодаря Шелковому пути связываются Тихоокеанское кольцо и европейское экономическое кольцо и охватывается вся Евразия. Путем повышения открытости Западу КНР надеется углубить торговые связи и экономическое сотрудничество между центральными и западными районами страны и практически всей Азией, дать толчок экономическому взаимодействию в Евразии, а главное — осуществить перераспределение региональных ресурсов в энергетике, продуктах минерального происхождения и т.д. (с. 47).

Весьма важным и интересным видится мнение В.Е. Петровского о том, что ЭИШП представляет собой *международный экономический режим*, под которым понимается набор принципов, норм, правил и процедур принятия решений, воплощающих согласованную точку зрения участников. Международные режимы создаются не столько для централизованной реализации согласованных начинаний, сколько для создания атмосферы предсказуемости в международных отношениях, в условиях которой государства принимают решения по защите своих национальных интересов с учетом интересов других государств (с. 43–44).

В последнем разделе главы автор, рассмотрев вопросы финансово-экономического сотрудничества в рамках ШОС, выдвигает целый ряд ценных рекомендаций, таких, как: повышение эффективности деятельности ШОС в финансово-экономической сфере путем оптимизации сферы международно-правового регулирования, в частности разработки базового универсального экономического соглашения между всеми странами-участницами; «последовательное применение системного подхода, включающего гармонизацию национальных законодательств; выравнивание уровней развития экономик; расширение роли частного сектора, который, как правило, более активен с точки зрения продвижения бизнеса, однако при этом — предоставление Межбанковскому объединению (МБО) ШОС (членами которого являются в основном государственные структуры. — Е.С.) возможности финансирования проектов на более гибких рыночных условиях; использование опыта создания Нового банка развития БРИКС (НБР) для разработки концепции Банка ШОС как многопрофильного банка развития и др. (с. 107–108).

Глава III монографии посвящена рассмотрению проблем и перспектив приграничного и межрегионального сотрудничества России со странами СВА, стратегическому плани-

рованию приграничных и межрегиональных отношений и вопросам регулирования иностранных инвестиций и строительству «зеленой экономики» на российском Дальнем Востоке. Этот раздел работы несет особую нагрузку, ибо он посвящен активности в Евразии нашей страны. Автор подчеркивает значение приграничного и межрегионального сотрудничества как механизма ускорения освоения и развития российского Дальнего Востока, Забайкалья и Восточной Сибири и через это — модернизации экономики РФ, придания ей инновационного характера и интегрирования ее в экономическое пространство АТР. Он констатирует, что решение этих задач требует значительного усиления взаимодействия России со странами АТР, прежде всего с Китаем и его северо-восточными провинциями. В связи с этим автор выдвигает рекомендации по решению проблем в сфере российско-китайских торгово-экономических, финансовых и приграничных отношений, включающих: оптимизацию структуры российско-китайской торговли за счет повышения доли продукции машиностроения и товаров с более высокой добавленной стоимостью; поощрение российских предприятий в перестройке старых промышленных баз на Северо-Востоке КНР и в западных районах, а китайских — в развитии инфраструктуры и реконструкции промышленных предприятий и развитии сельского хозяйства на территории российского Дальнего Востока и Сибири; создание и/или модернизация российско-китайских водных, сухопутных и воздушных транспортных коридоров. В работе подчеркивается, что для развития российско-китайского приграничного сотрудничества большое значение имеет максимальное подключение Китая к реализации программы развития российского Дальнего Востока, а России — к программам развития Северо-Востока Китая и его западных районов (с. 116).

В интересах систематизации и дальнейшего развития приграничных связей В.Е. Петровский видит необходимым продолжить работу по совершенствованию приграничной инфраструктуры и оптимизации работы пограничных пунктов пропуска, совершенствовать национальные законодательства в сфере международного сотрудничества, в том числе приграничного, осуществлять совместные действия по культивированию в приграничье экологически чистого производства и переработки сельскохозяйственной продукции; продолжить формирование благоприятного инвестиционного климата для привлечения зарубежных инвестиций в реальные сектора экономики; форми-

ровать условия для вовлечения в инвестиционные процессы субъектов малого и среднего предпринимательства (с. 118).

Особый интерес у рецензента вызвал раздел главы «О стратегическом планировании приграничных и межрегиональных отношений», который, по нашему мнению, выражает новаторский взгляд автора на механизмы и принципы ведения соответствующего комплекса связей. В нем также представлены авторские рекомендации, адресованные компетентным инстанциям, и подчеркивается целесообразность выработки алгоритмов и механизмов стратегического планирования российско-китайского сотрудничества, которые помогли бы сторонам окончательно определить взаимоприемлемые рамки и границы стратегического партнерства, не перерастающего в военно-политический союз. Необходимость этих механизмов обусловлена тем, что в российско-китайских отношениях преобладает «ситуативный» подход (реагирование на возникающие вызовы и возможности); существующие элементы планирования представляют собой «не более чем список мероприятий в разных секторах сотрудничества, а не взаимосогласованное представление о векторе движения» (с. 134), что требует своей корректировки.

В последнем разделе главы — «О регулировании иностранных инвестиций и строительстве «зеленой экономики» на российском Дальнем Востоке» — обосновываются сама целесообразность развития «зеленого» хозяйства и важность решения государством задачи по уравниванию условий игры для «зеленой» продукции по сравнению с традиционным производством путем отказа от предоставления устаревших субсидий, реформирования подходов и создания новых стимулов, укрепления рыночных механизмов, перенаправления государственных инвестиций в интересах перехода к «зеленым» государственным закупкам и др. (с. 139).

Последняя в повествовании, но далеко не последняя по важности — это Глава IV работы, посвященная концептуальным основам комплексной безопасности в Евразии и фактору БЕП в трансрегиональной безопасности в Евразии и АТР. В ней автор ведет исследование через призму сопоставления и соотношения «традиционной национальной безопасности» и «безопасности личности», что является его несомненным новаторским достижением. Автор отмечает, что эти две формы безопасности имеют много общего: оба подхода связаны с выявлением вызовов и угроз безопасности для ос-

новых групп населения на базе обобщения эмпирического материала и стратегического анализа. А главное отличие концепций национальной безопасности и безопасности личности заключается в составе их «адресатов»: первая фокусируется главным образом на безопасности людей и общественных групп, проживающих в рамках определенных государственно-территориальных образований. Отсюда — приоритетное внимание вопросам территориальной целостности государств, обеспечения баланса сил между ними. Безопасность же личности имеет во многом сходную, но более широкую «повестку дня» (с. 172–173). Политологической новеллой, на наш взгляд, здесь стало то, что впервые в российской научной литературе были подвергнуты внимательнейшему анализу вопросы создания и поддержания безопасности в контексте строительства БЕП и высказаны соображения по возможному развитию ситуации с учетом фактора этой инициативы.

В заключение следует согласиться с выводом автора о том, что процесс формирования БЕП не может быть простым и гарантировать успех. Однако первые свидетельства

практического воплощения концепции БЕП уже имеют место. Подписание в июне 2018 г. Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕЭК и Китаем стало первым осязаемым результатом процесса сопряжения (с. 210).

В целом рецензируемая монография выполнена на самом высоком профессиональном уровне и представляет несомненный интерес в научном и практическом плане. Она видится не только высокоактуальной, но и новаторской работой, способной как вывести на новый уровень дискуссии по исследуемой теме среди отечественных и зарубежных политологов и специалистов-практиков, так и заинтересовать широкий круг читателей, следящих за современной международной ситуацией.

Анализируя истоки и суть идеи БЕП и характеризуя направления реализации названной концепции, В.Е. Петровский убедительно привел читателя к генеральному выводу о том, что идея БЕП не только способна обрести, но уже зримо проявляет черты «инженерного» проекта, пригодного для практического внедрения. И это видится ключевой заслугой автора.

© 2019

*Елена Сафронова, кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН
E-mail: hayrumores@yandex.ru*

Юбилей ученого

К юбилею Виктора Николаевича Барышникова

Институт Дальнего Востока РАН и журнал «Проблемы Дальнего Востока» отмечают юбилей видного российского китаеведа, бывшего сотрудника ИДВ РАН и журнала Виктора Николаевича Барышникова.

В.Н. Барышников родился 18 июля 1929 г. в деревне Уголок Михайловского района Рязанской области. По окончании средней школы в 1949 г. поступил на китайское отделение Московского института востоковедения, который окончил с отличием в 1954 г. После окончания вуза в последующей деятельности В.Н. Барышникова чередовались и успешно сочетались периоды работы в практических учреждениях страны, занимавшихся вопросами Китая, и научной работы, проходившей в основных центрах исследований проблем Китая в рамках Академии наук.

Углубленному изучению В.Н. Барышниковым Китая и китайского языка во многом способствовала его работа в 1954–1956 гг. в КНР в качестве переводчика в Министерстве внешней торговли СССР. В 1956–1957 гг. В.Н. Барышников работал редактором в ТАСС.

В 1957 г. хорошо знавший страну и язык способный молодой специалист В.Н. Барышников был приглашен на работу в Институт китаеведения АН СССР в качестве научного сотрудника, а спустя год рекомендован в аспирантуру. В 1958–1962 гг. он успешно прошел курс аспирантуры, специализируясь на изучении проблемы Тайваня в китайско-американских отношениях. По этой теме им была защищена кандидатская диссертация.

С 1962 г. Виктор Николаевич начал исследовательскую работу в отделе Китая Института народов Азии и Африки АН СССР, а затем — в Институте Дальнего Востока АН СССР сначала в должности старшего научного сотрудника, а затем — заведующего сектором и заместителя заведующего отделом. В центре его исследовательских интересов были политика КНР в отношении Тайваня, место Тайваня в американо-китайских отношениях, проблемы Гонконга и Макао, политика КНР в отношении стран «третьего мира» и китайской эмиграции. По этим вопросам В.Н. Барышников опубликовал свыше

50 работ, в том числе две монографии «Тайвань в китайско-американских отношениях» (1969) и «Политика КНР в отношении китайских эмигрантов» (1972).

В 1973–1979 гг. В.Н. Барышников находился в командировке в КНР по линии МИД СССР — сначала в качестве 1-го секретаря, а затем советника Посольства СССР в Пекине. После командировки он продолжил работу в ИДВ. Возглавляемый им сектор занимался вопросами отношений КНР с развивающимися странами. В 1986–1991 гг. состоялась вторая командировка В.Н. Барышникова в Посольство СССР в КНР.

С 1995 г. В.Н. Барышников вновь продолжил работу в Институте Дальнего Востока в должности ведущего научного сотрудника. Одновременно с 1997 по 2009 г. он являлся заместителем главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», курируя публикации по внешнеполитической проблематике. Его деятельность в Академии наук отмечена Почетной грамотой Президиума РАН.

В настоящее время Виктор Николаевич находится на заслуженном отдыхе.

Редколлегия и редакция журнала, друзья и коллеги В.Н. Барышникова по работе в Институте горячо поздравляют его с юбилеем и желают здоровья, радостей и долгой счастливой жизни.

Юбилей Елены Степановны Баженовой

15 июля 2019 г. отметила юбилей ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН Елена Степановна Баженова — признанный российский эксперт по социально-демографическому развитию Китая, проблемам народонаселения и демографической политики, приглашенный профессор Пекинского Цзяотунского университета (Университет коммуникаций) и Университета Внутренней Монголии (КНР), член Европейской ассоциации китаеведения и член правления Ассоциации российских специалистов, обучавшихся в Китае (АРСОК), постоянный участник международных научных конференций в России и за рубежом.

Елена Степановна окончила экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и аспирантуру ИДВ РАН. В 1976 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата эконо-

номических наук по теме: «Проблемы народонаселения и демографической политики в КНР». В 1975–1976 гг. работала в Институте истории, археологии и этнографии ДВНЦ РАН (г. Владивосток). В 1976–1991 гг. являлась научным сотрудником международной программы «Курсы ООН по демографии для специалистов из развивающихся стран при МГУ». В 1988–1989 гг. проводила научные исследования в Институте экономики (Пекин, КНР). С 2000 г. работает в ИДВ РАН. Является автором свыше 250 научных работ, в том числе 3 индивидуальных и 3 коллективных монографий, основанных на богатом и уникальном фактическом материале, полученном, в том числе, в ходе полевых исследований в Китае. Некоторые из этих работ переведены на английский и китайский языки и являются доступными для зарубежных читателей.

Елена Степановна ведет активную преподавательскую деятельность в российских и китайских вузах, готовит научные кадры для ИДВ РАН и других научных и образовательных организаций. Ее ответственное и требовательное отношение к ученикам обеспечивает высокий уровень подготовки молодого поколения китаеведов-экономистов.

Профессионализм, трудолюбие, активная жизненная позиция и неиссякаемая творческая энергия Елены Степановны вызывают искреннее уважение ее коллег и учеников, которые желают ей крепкого здоровья и новых достижений в области российского китаеведения.

*Руководство и коллектив ИДВ РАН,
редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Юбилей Вячеслава Ивановича Балакина

19 июня 2019 г. исполнилось 70 лет Вячеславу Ивановичу Балакину, кандидату юридических наук, ведущему научному сотруднику Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН

В 1976 г. с отличием окончил международно-правовой факультет МГИМО МИД СССР и в 1977–1978 гг. находился на стажировке в университете «Дзёти Дайгаку» (Токио, Япония). После обучения в аспирантуре МГИМО в 1986–1988 гг. и в Дипломатической академии МИД СССР в 1988–1989 гг. Вячеслав Иванович служил на дипломатическом поприще: работал консулом в Посольстве СССР в Токио и в Генеральном консульстве СССР в Саппоро (Хоккайдо).

С 1998 г. В.И. Балакин работает в ИДВ РАН, являясь в настоящее время его ведущим научным сотрудником.

Основная тема его исследований — геополитическая стратегия взаимодействия на континенте Евразия.

Одновременно он ведет активную преподавательскую работу на кафедрах Московского гуманитарного университета. За время работы в нем Вячеславом Ивановичем подготовлено и прочитано большое количество курсов по истории, географии и международному праву стран Восточной Азии.

Пользуются успехом разработанные им курсы по геополитической тематике: Россия на Тихом океане: XVII–XX столетия; Россия в геополитическом пространстве Восточной Азии: 2001–2020 гг.; Глобальные проблемы Восточноазиатского региона.

Кроме того, значительный интерес представляют подготовленные В.И. Балакиным курсы по внутриполитической тематике восточноазиатских стран, в частности по внутренней политике Китая, Японии, положению на Корейском полуострове.

Владение несколькими восточными языками позволяет Вячеславу Ивановичу на основе собственных авторских разработок читать ряд курсов на кафедре иностранных языков и лингвистики указанного университета. Его преподавательскую деятельность отличает высокий научный уровень и умелая подача изучаемого материала.

В.И. Балакин регулярно участвует в научных российских и международных конференциях, вносит большой вклад в поддержание и развитие научных контактов с ведущими учеными Китая и зарубежными китаеведами. Им опубликовано более 130 научных работ, в том числе несколько монографий и учебных пособий.

Особое внимание в публикациях Вячеслава Ивановича уделяется анализу инвестиционных стратегий ведущих стран мира — США, Японии, государств Евросоюза, Китая и России. Среди подготовленных им монографий выделяются «Инвестиционная

стратегия США, Японии и Евросоюза в отношении КНР» (2002), «Политические аспекты инвестиционной стратегии США, Японии и Евросоюза в отношении КНР» (2005) и «Россия в формирующемся восточноазиатском общем рынке: возможности, проблемы, перспективы» (2010). Все они подготовлены на основе привлечения и анализа актуального фактологического и статистического материала.

Отдельно стоит упомянуть знаковую работу В.И. Балакина, опирающуюся на глубокое и всестороннее знание истории Японии «Прусское влияние на формирование японской государственности периода Реставрации Мэйдзи 1868–1888 гг.»

В настоящее время Вячеслав Иванович работает над актуальными проблемами изучения интеграционных моделей для стран Восточной Азии. Его можно охарактеризовать как очень разностороннего человека с энциклопедическими знаниями в области филологии, философии, истории, экономики и финансов стран Востока.

Он — профессионал, талантливый педагог и исследователь, за плечами которого огромный путь и бесценный опыт.

Коллеги и ученики Вячеслава Ивановича, дирекция ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют его с юбилеем и желают крепкого здоровья и творческого долголетия.

Сергею Леонидовичу Сазонову — 60 лет

Известный российский востоковед Сергей Леонидович Сазонов родился 7 июля 1959 г. в Москве. В 1981 г. он окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), получив диплом специалиста по международным экономическим отношениям. Владеет китайским и английским языками. По окончании вуза с 1981 по 1985 г. С.Л. Сазонов работал инструктором и заведующим отделом Калининского РК ВЛКСМ, а с 1985 по 1993 г. — младшим научным сотрудником и научным сотрудником Института Дальнего Востока АН СССР. С 1994 по 2008 г. Сергей Леонидович являлся старшим, а затем главным консультантом Конституционного суда РФ в чине советника юстиции I класса. С февраля по апрель 2008 г. он — главный специалист-эксперт Управления Федеральной миграционной службы по г. Москве.

В 1989–1990 гг. Сергей Леонидович находился на стажировке в Китайской Народной Республике, а в 2004 г. — на учебе по линии администрации Президента РФ во Франции.

В 1990 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук и в том же году на основе диссертации опубликовал свою первую научную монографию «Транспортная проблема КНР на современном этапе и перспективы ее решения».

С 2009 г. Сергей Леонидович продолжает работать в Институте Дальнего Востока РАН, в 2013 г. был зачислен по конкурсу на должность ведущего научного сотрудника и трудится в этом качестве в настоящее время.

С.Л. Сазонов принадлежит к числу высококвалифицированных специалистов в области экономики Китая, имеет глубокую теоретическую подготовку и большой опыт научно-исследовательской работы. Он является автором более 150 научных трудов по экономике современного Китая, в том числе 7 монографий, большого количества научных статей, а также аналитических материалов и справок для директивных органов РФ.

Монографии С.Л. Сазонова «Транспорт Китайской Народной Республики» (2012) и «Россия — Китай: сотрудничество в области транспорта» (2012) получили положительные отзывы президента РАН академика Осипова Ю.С., вице-президента РАН академика Лаверова Н.П., ректора Дипломатической академии МИД РФ Бажанова Е.П., Государственного секретаря союза России и Белоруссии Бородина П.П., директора Департамента транспорта РФ Тугаринова С.Л.

Сергей Леонидович принимает активное участие в научных конференциях, «круглых столах», обсуждениях научных работ по социально-экономическим проблемам

современного Китая, осуществляет научное редактирование и рецензирование. В качестве научного руководителя аспирантов и соискателей, официального оппонента при защите кандидатских диссертаций вносит большой вклад в подготовку нового поколения российских и китайских ученых-востоковедов. Является активным автором журнала «Проблемы Дальнего Востока» и ряда других российских научных изданий.

Работу Сергея Леонидовича Сазонова отличает творческий подход к изучаемым проблемам, широкое использование оригинальных китайских источников, глубина научного анализа, большое трудолюбие и добросовестность. Высокий научный авторитет в соединении с мягким и отзывчивым характером, готовностью поделиться своими глубокими знаниями по Китаю принесли ему заслуженный авторитет в коллективе сотрудников ИДВ РАН.

Результаты плодотворной научной деятельности Сергея Леонидовича неоднократно отмечались руководством Института.

Коллектив Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Сергея Леонидовича с юбилеем и желают ему доброго здоровья и новых творческих успехов.

Contents

POLITICS

- A. Davydov.* China, USA and Russia on the Way to Renovation of the World Order
A. Tsvyk, I. Sorokina. China's Policy in Central and Eastern Europe
M. Terskikh. Vietnam's Approach to «Indo-Pacific Strategies»

ECONOMY

- Ya. Dyomina.* East Asian Countries: Competitive Devaluation and Formation of Gold and Foreign Exchange Reserves
O. Karpova, I. Mayburov. Electronic Customs Services in Russia and China
S. She. On Some Elements of Organizing the Business Activities in South Korea
V. Andrianov. Singapore Development Bank as a Tool for the Formation of a New Industrial Economy

STATE AND SOCIETY

- S. Krivokhizh.* Correlation between the Categories of «Sovereignty» and «Human Rights»: Beijing's Position
N. Sluka, T. Tkachenko. «China is Sending Disorder into the Western World...»

VIEW POINT

- M. Zharikov.* On the Efficiency of the Hypothetical Collective Currency for the BRICS Countries

RUSSIAN FAR EAST

- Song Byung Jik.* The New Prospects for Economic Cooperation between the Republic of Korea and the Russian Federation in the Far East

RUSSIAN SINOLOGY

- A. Kartunova.* Extracts from the Memoirs

HISTORY

- A. Pantsov.* Zhang Tailei and Dissemination of Bolshevism in China

EDUCATION

- T. Guruleva.* Strategic Milestones in the Development of China's Educational System in the XXI Century

SCIENTIFIC EVENTS

- S. Pogodin, Li Jingcheng.* Zhou Enlai's Political Activity Studies in Russian and Chinese Historiography

N. Demido. The Annual Scientific Conference of the CPSF in the Institute for Far Eastern Studies (RAS) «70 Years of the Modern Chinese State»

A. Vinogradov. The Conference at Nankai University «Russian Sinology: Traditions and Modernity» and the First Meeting of the Working Group on the Translation into Chinese and Study of Ten-Volume «History of China from Ancient Times to the Beginning of the XXI Century»

BOOK REVIEW

E. Safronova. Russian-Chinese Dialogue and the «Greater Eurasian Partnership»: a New Ideology of Relations?

SCHOLAR JUBILEE

Jubilee of Victor Nikolaevich Baryshnikov

Jubilee of Elena Stepanovna Bazhenova

Jubilee of Vyacheslav Ivanovich Balakin

Sergey Leonidovich Sazonov — 60 years

Contents

Summary

Summary

A. Davydov. China, USA and Russia on the Way to Renovation of the World Order

The article contains the characteristics of the so-called Big Three Countries and their current relationship. Based on their views on the peculiarities of the existing and future world order the author makes an attempt to predict the place and role of the three countries in the renewing world order. Recommendations are given for their optimization and building harmonious relations that contribute to the establishment of a lasting and long-term peace.

Key words: the PRC, USA, Russia, "Big Three", world order, renovation, conflict paradigm, competition regulation.

A. Tsvyk, I. Sorokina. China's Policy in Central and Eastern Europe

China's relations with the CEE countries are one of the top priorities of Chinese policy in Europe. To strengthen them and promote its own interests China has created a "16+1" format. The article discusses in detail the structure of the format, its features, main areas of cooperation within its framework.

Key words: CEE countries, "16+1" format, European Union, China's "Belt and Road initiative" (BRI), multilateralism.

M. Terskikh. Vietnam's Approach to «Indo-Pacific Strategies»

This article examines the approaches of Vietnam to the Indo-Pacific strategies promoted by the United States, Japan, Australia and India, taking into account their declared and actual goals. Special attention is paid to the prospects of Hanoi's support for these projects, first of all, the American concept "Free and Open Indo-Pacific". The author comes to the conclusion that, despite its interest Vietnam is unlikely to support them officially, fearing the reaction of China. However, in practice, cooperation in key areas of the strategies will be continued.

Key words: Vietnam, USA, China, Indo-Pacific region, Indo-Pacific strategies, Japan, India, Australia.

Ya. Dyomina. East Asian Countries: Competitive Devaluation and Formation of Gold and Foreign Exchange Reserves

East Asia is characterized by a variety of exchange rate regimes with frequent changes. After the crises of 1997–1998 and 2008–2009 the States of the region sought to create a "safety cushion", taking advantage of the competitive devaluation against the US dollar. The results of the regression analysis show that despite the absence of an institutional framework for coordinated monetary policy in the region, in practice there remains to exist a binding of nominal rates of East Asian currencies to the US dollar.

Key words: exchange rate regimes, competitive devaluation policy, gold and currency reserves, East Asia, ASEAN, monetary and financial crises, "Asian tigers".

O. Karpova, I. Mayburov. Electronic Customs Services in Russia and China

The article deals with the projects of digitalization of the customs services in Russia and China. The first of them is relatively new, the second is fully implemented and aimed at active expansion into the external environment. With a common goal of creation a single information space in this important area of the economy approaches to the implementation of projects vary significantly. The authors consider the stages of development of each project in chronological order, offering possible directions for their cooperation and coordination.

Key words: customs service, export and import electronics, information society, Eurasian economic Union (EAEU), project "One belt, one road", single window, "Golden customs" of China.

S. She. On Some Elements of Organizing the Business Activities in South Korea

The article deals with some elements of South Korean experience of organizing business activities. The adaptation of them can have a fruitful impact on the development of entrepreneurship in Russia. The importance of cooperation, vertically integrated relations and correct policies towards foreign workers are emphasized.

Key words: small business, South Korea, electronics, multiculturalism, vertical integration.

V. Andrianov. Singapore Development Bank as a Tool for the Formation of a New Industrial Economy

The article discusses the role of the Singapore development Bank in the implementation of the economic strategy of the State at various stages of the formation of a new industrial economy. The history of the Bank, the main spheres of its credit-banking and investment activities, foreign aspects of financial operations are shown. Financial indicators and world ratings are presented. The role of the Bank in the development of industrial zones, national innovation system, stock market, the formation of international financial center of Singapore and acquisition by the country of the status of a new industrial economy is evaluated.

Key words: Singapore, financial institutions of development, economic strategy, new industrial economy.

S. Krivokhizh. Correlation between the Categories of «Sovereignty» and «Human Rights»: Beijing's Position

The article examines how the concepts of "sovereignty" and "human rights" are correlated, according to Chinese researchers and politicians, what factors influenced the fact that the principle of "sovereignty" is more important in China than "human rights" and what changes this principle is undergoing at present. The author comes to the conclusion that with increasing involvement in international political and economic processes, it is more difficult for China to strictly adhere to the principle of non-interference in the affairs of other States and the rule of sovereignty. China's approach becomes more pragmatic and flexible.

Key words: sovereignty, human rights, China's foreign policy, "duty to protect".

N. Sluka, T. Tkachenko. «China is Sending Disorder into the Western World ...»

From the standpoint of geographical approach the article analyzes the conditions, factors and prerequisites of China's rise in the international community. The current positioning of the country in the key geoeconomic structures, the growth of its influence on the development of world political processes through the widespread use of "soft power" tools are evaluated. It is assumed that the implementation of China's new strategy, which is being tested on the basis of the project "One belt, one road", will lead to a radical transformation of the world order structure.

Key words: world system, spatial structure, global integration cycles, China.

M. Zharikov. On the Efficiency of the Hypothetical Collective Currency for the BRICS Countries

The relevance of the article is manifested by the fact that in modern conditions of instability in the world currency market inclusive (collective) approaches are needed to minimize the impact of exchange rate fluctuations on export-import operations of the BRICS countries. The purpose of the article is to justify the possibility of transition of the BRICS countries to a common (collective) unit of account. The subject of the article is the methods and techniques to identify the economic effect associated with the adoption of a new collective currency. The article presents the effective data that can be used to assess this effect.

Key words: BRICS countries, inclusive (collective) development, collective currency, common economic policy of BRICS countries, efficiency of transition to a new collective currency in mutual settlements.

Song Byung Jik. The New Prospects for Economic Cooperation between the Republic of Korea and the Russian Federation in the Far East

The policy of the government of the Republic of Korea (ROK) is aimed at sustainable provision of its economy with resources from the Far East. Moreover, it seeks to open the way from South Korea to Europe. The implementation of joint projects in the format "Russian Federation – Republic of Korea – Democratic People's Republic of Korea" is connected with the potential of cooperation between our countries on the Far East. As a result, economic cooperation between the Republic of Korea and Russia will allow both to promote their joint development and to ensure their security.

Key words: the situation on the Korean Peninsula, trilateral projects, Eurasian railway project, the potential of the Far East, the provision of resources, foreign trade of the Far East.

A. Kartunova. Extracts from the Memoirs

The author shares memories of the meetings with some leaders of the CCP in the 1950's. At the same time, both their personal characteristics and brief assessments of the state of Soviet-Chinese relations in that period are given.

Key words: Soviet-Chinese relations, Far Eastern sector of the Foreign policy department of the CPSU Central Committee, Liu Shaoqi, Song Qingling, Yang Xiangzhen.

A. Pantsov. Zhang Tailei and Dissemination of Bolshevism in China

This year, China solemnly celebrated two anniversaries: 100 years since the formation in March 1919 of the III (Communist) International — the world organization of Bolsheviks, which played a huge role in the preparation of the Chinese revolution, and the centenary of the "May 4 Movement", which marked the beginning of the widespread Bolshevik ideas in China. These dates are a worthy occasion to recall the man who made a huge contribution to both the Chinese policy of the Comintern and the formation of the Communist party and the Komsomol of China — the Chinese revolutionary Zhang Tayle (1898–1927), who was in the early 1920s the main link between the world Communist movement and the emerging CCP.

Key words: history of the CCP, the Comintern, the Communist International of Youth (KIM), the Communist Youth League of China, May 4th Movement, the Kuomintang, Zhang Tailei.

T. Guruleva. Strategic Milestones in the Development of China's Educational System in the XXI Century

The article describes the main milestones in the development of the educational system of China in the XXI Century, including decision by the XIX Congress of the CPC on education. It is concluded that the immediate strategic goal of the development of China's educa-

tional system is to turn the country into a world educational power that will fully meet the educational needs of the Chinese people and the overall development goals of China.

Key words: China, educational system, modernization of education, world educational power, country with high level of education.

S. Pogodin, Li Jingcheng. Zhou Enlai's Political Activity Studies in Russian and Chinese Historiography

The article is devoted to the activities of the prominent Chinese revolutionary, state, political and public figure Zhou Enlai in the coverage of Chinese and Russian scientific literature. The works of Chinese researchers discussed in detail his many-sided activities in office of Prime Minister of the State Council of the PRC. The Russian scientists devoted the main attention to the role of Zhou Enlai in bilateral relations between China and the USSR.

Key words: Zhou Enlai, historiography, history of the People's Republic of China, international relations, bilateral relations between China and the USSR, history of the CPC.

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока); отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Требования к оформлению материалов

1. Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003).
2. Объем статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).
3. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
4. Статья должна иметь список ключевых слов (не более восьми) на русском и английском языках.
5. К статье должны быть приложены сведения об авторе с указанием ФИО, ученой степени, месте работы, должности и контактных данных, включая номер телефона и/или адрес электронной почты.
6. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
7. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
8. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
9. Сноски даются в конце статьи.

Оформление сносок

Книги:

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги : [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернета
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-Пресс» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социо-гуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

Ключевые направления:

- формирование учебно-методических комплексов
- внедрение новых стандартов научной периодики и коммуникации

Деятельность «ГАУГН-Пресс» включает:

- принцип сетевой организации взаимодействия ведущих научно-методических, исследовательских центров, интеграции науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и
африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое
востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте
востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение восточным и английским языком. Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

**ВЫДАЮЩИЕСЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛИ**

Учение из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ
ПОДХОД**

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

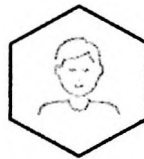
**МЕЖДУНАРОДНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО**

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучения в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечерние время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с издательскими требованиями все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110158 от 05.02.1993 г.)

Адрес редакции : 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;

тел. (499) 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2019 г. Дмитрий Славинский

Подписано к печати 12.08.2019 г. Формат 70×100 1/16 Уч.-изд. л. 14,6
Тираж 400 экз., включая 5 экз. бесплатно. Зак. 14/4а. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Институт Дальнего Востока РАН

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-199-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 47

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

16+